This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

850,277

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN · LIBRARIES · 1817

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN · LIBRARIES ·

Прилож. къ Учен. Зап. Каз. Унив. за 1900 годъ. Февр.

ФИЛОСОФІЯ ВЪ РОССІИ.

МАТЕРІАЛЫ,

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И ЗАМѢТКИ.

Проф. Евгеній Бобровъ.

Листы съ 20 по 42-й.

КАЗАНЬ
Типо-литографія Императорскаго Университета
1900.

990/40
10/1 18 шло

Печатано по опредѣленію историко-филологическаго факультета Императорскаго Казанскаго Университета.

Деканъ *А Смирновъ.*

В
В
Р9
366
1.2

I.

Труды Д. М. Велланскаго

по животному магнитизму.

Dr. *М. Гейне* [1]) въ некрологѣ Велланскаго счелъ нужнымъ выдвинуть на видъ то обстоятельство, что Велланскій первый въ Россіи посвятилъ научное вниманіе животному магнитизму. Дѣйствительно, медикъ-философъ никогда не былъ узкимъ поклонникомъ какой-либо одной школы въ терапіи, не былъ также приверженцемъ одной латинской кухни или фармацевтическаго лѣченія, но съ изумительною для того времени проницательностію слѣдилъ за нарожденіемъ новыхъ методовъ, съ которыми и знакомилъ русскую медицинскую публику—путемъ переводовъ, напр., сочиненій *Гуфеланда* (о минеральныхъ водахъ), *Кленке* (о лѣченіи водою по Присницу) [2]). Неудивительно, что онъ обратилъ свое вниманіе и на модный тогда вопросъ о приложеніи къ терапіи т. наз. животнаго магнитизма, причемъ лично, сообразно своему всегдашнему философскому характеру, всего болѣе заинтересовался его теоріею, объясненіемъ его съ точки зрѣнія общей біологіи. Такимъ образомъ онъ въ 1818 г. издалъ сочиненіе [3]) о животномъ магнитизмѣ,

---

[1]) Философія въ Россіи, т. II, стр. 87.

[2]) Тамъ же, стр. 76, 78, 79. Ср. ниже, стр. 13—мнѣніе доктора *Я. Говорова* о «неутомимой ревности Велланскаго по введенію въ сферу врачебныхъ наукъ важнѣйшихъ открытій въ пользу своихъ соотечественниковъ».

[3]) Тамъ же, стр. 79.

куда внесъ историческія и практическія свѣдѣнія о немъ, заимствуя ихъ изъ сочиненія одного изъ лучшихъ врачей того времени *Клуге* [1]); отъ себя же Велланскій прибавилъ общую философско-физіологическую теорію животнаго магнитизма.

Карлъ Александръ Фердинандъ *Клуге*, тайный медицинальный совѣтникъ и профессоръ хирургіи и акушерства при Берлинскомъ Университетѣ, директоръ больницы Charité, родился 9 сент. 1782 г. въ Straussberg (Mittelmark), былъ сынъ тамошняго городского хирурга. 1 мая 1800 г. былъ принятъ въ медицинско-хирургическую школу, а въ 1804 г. выпущенъ и назначенъ подхирургомъ при кадетскомъ корпусѣ въ Берлинѣ, 13 сентября 1806 г. Клуге получилъ при Эрфуртскомъ университетѣ степень доктора медицины и хирургіи за диссертацію De iridis motu. Дальнѣйшую службу проходилъ уже обер-хирургомъ при разныхъ учрежденіяхъ, а въ 1811—12 гг. сдалъ государственный экзаменъ при медико-хирургической академіи, гдѣ выступилъ конкуррентомъ на хирургическую каѳедру, которую и получилъ 27 апр. 1814 г. Потомъ онъ сталъ директоромъ хирургическаго и гинекологическаго отдѣленій въ Charité. Въ 1811 г. Клуге издалъ интересующую насъ книгу о магнитизмѣ [2]), которая имѣла еще два изданія (1815, 1819), и кромѣ русскаго, была переведена на голландскій, шведскій и датскій языки (1812—1818). Свой предметъ сочиненіе Клуге излагало весьма точно и на основаніи очень большой литературы. Въ 1820 г. онъ отказался отъ приглашенія въ Грейфсвальдъ профессоромъ хирургіи и акушерства. Въ 1821 г. онъ получилъ профессуру при Берлинскомъ Университетѣ, а въ 1828 г. ему поручена дирекція Charité (въ какомъ званіи онъ

---

[1]) Біографическія свѣдѣнія о Клуге взяты нами изъ очерка E. Gurtl (извѣстнаго историка медицины); этотъ очеркъ составленъ по указаніямъ сына профессора Клуге—О. Клуге (раньше въ Берлинѣ) и помѣщенъ въ A. d. B—ie, т. 16, стр. 250 и слѣд.

[1]) Versuch einer Darstellung des animalischen Magnetismus als Heilmittel.

состоялъ до смерти). Въ слѣдующемъ 1829 году онъ сталъ членомъ высшаго медицинскаго учрежденія въ государствѣ: научной депутаціи по медицинской части при Министерствѣ дѣлъ духовныхъ, медицинскихъ и народнаго просвѣщенія. Онъ умеръ 26 мая 1844 г.

Его литературныя произведенія по хирургіи и акушерству немногочисленны и не объемисты, помѣщены, по большой части, въ журналахъ, какъ напр., „Berichte über die Vorgänge in der Berliner Charité-Gebäranstalt (1824—1827). Отдѣльно—вышли: Apparatus deligationis, Edit. II, 1831, in folio и Regulativ für die Anfertigung der einfachen chirurgischen Verbände, 2 Aufl. 1831. Нѣсколько чужихъ сочиненій написаны на основаніи собраннаго имъ матеріала, его рукописей, лекцій и совѣтовъ.

Товарищи Клуге характеризовали его такъ: Клуге, пишетъ одинъ, обладалъ совершенно математической головою; таковымъ онъ является во всѣхъ своихъ изобрѣтеніяхъ, въ размѣренности своей дѣятельности по времени. Какъ въ геометрической жизни, въ пространствѣ, онъ былъ олицетворенной кристаллизаціею, такъ и въ ариѳметической жизни, во времени, онъ былъ олицетвореннымъ ритмомъ. Въ качествѣ писателя онъ былъ болѣе репродуктивенъ, чѣмъ продуктивенъ. То, что̀ другіе мыслили въ безпорядкѣ, онъ раскладывалъ по линіямъ горизонтальнымъ, вертикальнымъ, и рѣже,—по кружнымъ. Но Клуге умѣлъ и быть производительнымъ, правда, подъ скромнымъ инкогнито: ибо нестяжательность была главною чертою его прекрасной души; его внутренняя шкатулка открыта была для младшихъ представителей науки. Какъ только онъ имѣлъ собственную мысль, онъ охотно дѣлился ею съ другими, а тѣ закрѣпляли ее на бумагѣ и представляли издателю (brachten zu Papiere und zum Verleger). Скромный авторъ еще благодарилъ и даже радовался, потому что ему было безразлично, кто сказалъ это напередъ, лишь бы

было хорошо. Клуге былъ воплощеніе логики анализа, анатоміи мысли,—по мнѣнію нѣкоторыхъ, даже „педантъ“, а поэтому несравненный учитель. Если бы сердце его было менѣе прекрасно, то онъ былъ бы и несравненнымъ администраторомъ. Порокъ Клуге былъ тотъ, что онъ былъ черезчуръ хорошъ; другихъ пороковъ у него не было“... и т. д.

Не безъинтересно, что Клуге занималъ высокое положеніе среди массоновъ, и также былъ большимъ знатокомъ и любителемъ музыки [1]).

Подлинное сочиненіе Клуге въ двухъ томахъ (описано по экземпляру второго изданія, хранящемуся въ библіотекѣ Казанскаго Университета). Versuch einer Darstellung des animalischen Magnetismus, als Heilmittel, von Karl Alex. Ferd. Kluge, der Heilkunde Doctor und Professor an der königlich preuss. medicinisch - chirurgischen Pepinière. Prüfet Alles, und das Gute behaltet. Erster, oder theoretischer Theil. Wien, 1815. Im Verlage der Franz Haas'schen Buchhandlung. Этотъ же листокъ (съ гравированною виньеткою) повторенъ и при второмъ томѣ, который имѣетъ второй титулъ, повторяющій все, кромѣ виньетки: Zweyter oder practischer Theil. На оборотѣ перваго титула: Erklärung der Vignette. Die Nacht, als die Erzeugerin alles Schönen uud Furchtbaren, Dunkeln und Geheimnissvollen, und daher die Mutter der Brüder Schlaf und Tod, weilt mit diesen ihren Söhnen auf dem öden Gipfel eines wolkenumhangenen Berges, welchen Aesculap unter Leitung des am südlichen Himmel glänzenden Sternbildes, des Compasses aufgefunden hat, und nun bemüht ist, den dem Schoosse der Mutter schon entrückten Schlaf aus seiner dunkeln Hülle hervorzuziehen, und ihn mit sich fortzuführen [2]).

---

[1]) См. о немъ статью его преемника *Jos. Herm. Schmidt* въ Med. Zeit des Ver. f. Heilk. in Preussen, 1848, p. 201.

[2]) Въ этой виньеткѣ, очевидно, сказались массонскіе вкусы Клуге.—Со *второго* изданія именно и сдѣлана переработка Велланскаго.

Первый томъ посвященъ Dem Hochwohlgebornen Herrn Johann Goercke (длинный перечень титуловъ), Dem Freunde und Verehrer der Natur und Wahrheit im Hochgefühle etc. Онъ содержитъ XII стр. (титулъ, посвященіе, Vorbericht V—XII), и 13—312 стр. Второй томъ: два титула, текстъ съ 315—511 стр. (сочиненіе до 442 стр., далѣе Register: I. Nahmen-Register 445—354 опеч. вм. 454 и II. Sach-Register 455—511). Текстъ и заголовки украшены различными эпиграфами изъ стихотвореній Шиллера и другихъ поэтовъ.

Въ I томѣ Einleitung 15—21 (10 §§), I. Abschnitt. Entdeckungsgeschichte des an. M. 26—91 (§§ 13—63); II Abschnitt: Uebersicht der magnetischen Erscheinungen— 92—211 (§§ 64—166) и III Abschnitt. Beleuchtung der magn. Erscheinungen 212—312 (§ 167—229). Во II томѣ: Practische Ansicht 315—316 (§ 230, 231). I Abschnitt. Eigenschaften des Magnitiseurs 317—323 (§ 232—240), II Abschnitt. Magnetische Behandlung 324—424 (§ 241—337) и III Abschnitt. Bestimmung der Fälle, in welchen die Anwendung des animalischen Magnetismus angezeigt ist 425—442 (§§ 338—356). Сочиненіе изобилуетъ ссылками на разнообразные древніе и современные ученые труды и представляетъ результатъ обработки громадной литературы. Трудъ Клуге лучше всякихъ свидѣтельствъ показываетъ въ немъ великаго ученаго и въ высшей степени образованнаго и развитого человѣка.

Взглядъ Велланскаго на значеніе и смыслъ животнаго магнитизма всего лучше обрисовывается въ его предисловіи къ означенному сочиненію.

Между физическими открытіями, говоритъ Велланскій, въ послѣдней половинѣ прошедшаго столѣтія животный магнитизмъ есть самое важнѣйшее. Но по вліянію господствовашаго духа времени, долго оставался онъ въ общей неизвѣстности; немногіе занимались имъ въ тайнѣ. Чудеснѣйшія явленія животнаго магнитизма не исторгаются по волѣ легкомысленнаго намѣренія, а идутъ только на встрѣчу искреннему желанію произвесть оныя и твердой увѣренности въ истинномъ ихъ источникѣ. Поборовъ грубые предразсудки и кичливое самолюбіе,—безпристрастіе критическаго духа признало животный магнитизмъ *важнѣйшимъ* предметомъ чувственнаго и умственнаго познанія (стр. II).

Теперь въ Германіи практическіе врачи, не считая его ни обманомъ, ни сверхестественнымъ *мистицизмомъ*, открыто занимаются магнитнымъ лѣченіемъ болѣзней, а послѣдствія ихъ опытовъ возвѣщаются въ періодическихъ изданіяхъ и особенныхъ медицинскихъ сочиненіяхъ. Многіе изъ прежнихъ противниковъ учинились ревностными послѣдователями Месмера. И здѣсь въ Россіи магнитизмъ сталъ употребляться нѣмецкими врачами (стр. III).

Но Россійскіе врачи и физики, не знающіе нѣмецкаго

языка, не имѣютъ подробнаго свѣдѣнія о немъ, поелику донынѣ не было еще обстоятельнаго изложенія объ ономъ на россійскомъ языкѣ.

Месмеръ распространялъ свое лѣченіе сначала во Франціи, и вся относящаяся къ нему литература была на французскомъ языкѣ. Но теперь магнитизмъ систематически описанъ учеными Нѣмцами *Гмелиномъ*, *Гейнекеномъ*, *Винголтомъ* и другими. Берлинскій же профессоръ *Клуге* на основаній французскихъ и нѣмецкихъ источниковъ, провѣривъ ихъ собственными опытами, издалъ полное сочиненіе касательно исторической и практической части. Но ѳеоретическая часть, составленная имъ изъ *Рейловыхъ* и другихъ положеній, нимало не соотвѣтствуетъ нынѣшнимъ физіологическимъ понятіямъ въ Германіи и недостаточна. Имѣя ревность къ споспѣшествованію физическихъ понятій въ нашемъ отечествѣ и желая оказать услугу россійскимъ врачамъ, любезнымъ моимъ соотечественникамъ, рѣшился я издать на Россійскомъ языкѣ двѣ части изъ сочиненія г. *Клуге*, которое считается наилучшимъ (стр. V).

Явленія въ магнитномъ состояніи и способы магнитизированія, будучи весьма удивительны, тѣмъ болѣе возбуждаютъ всякаго размышляющаго къ узнанію причины оныхъ. А посему ѳеорія животнаго магнитизма столько же есть важная, сколько и нужная часть сего сочиненія. Во всѣхъ сочиненіяхъ ѳеоретическое понятіе представлено весьма темнымъ. Магнитная жидкость, сама по себѣ неизвѣстная, принимается вездѣ для физическаго изъясненія всѣхъ магнитныхъ явленій. А проницательныя способности въ магнитномъ состояніи приписываются особливому измѣненію души, хотя таковое несвойственно безсмертному ея существу.

Магнитный сонъ и необыкновенныя въ немъ чувствованія столь же трудны для изъясненія, сколько и натуральный сонъ, и чувственныя дѣйствія въ бдѣніи. Тѣ и другія составляютъ одну задачу органическаго изслѣдованія; но которую по обык-

новенному способу физическихъ и психическихъ разсматриваній рѣшить не можно. Для познанія магнитнаго сна, какъ болѣзненнаго состоянія въ человѣкѣ, нужно имѣть понятіе о сущности его организма въ здоровомъ, естественномъ положеніи; и я, руководствуясь умозрѣніемъ натуральной Философіи, сочинилъ ѳеорію животнаго магнитизма въ физіологическомъ и паѳологическомъ отношеніи, которая составляетъ третію часть сей книги (стр. VII).

Не всякъ можетъ быть магнитизеромъ; ибо для сего требуется особливое физическое качество, нравственное расположеніе, благопріятныя обстоятельства и выгодные случаи. Но имѣть настоящее понятіе о животномъ магнитизмѣ полезно и необходимо имѣть каждому Естествоиспытателю, ибо онъ есть сильнѣйшее и скрытнѣйшее дѣйствіе въ органической природѣ: если онъ занимаетъ всякаго любопытнаго, то кольми паче заслуживаетъ онъ особливое вниманіе врачей и физиковъ (стр. VIII).

Полное заглавіе сочиненія Клуге-Велланскаго таково:

Животный магнитизмъ. Представленный въ историческомъ, практическомъ и ѳеоретическомъ содержаніи. Первыя двѣ части переведены изъ нѣмецкаго сочиненія профессора *Клуге*, а третію сочинилъ Данило Велланскій... (званія его) СПБ., 1818, 8°. Стр. тит + посв. + VIII + 404 + 6 ненум. (оглавленіе содержаній—$5^1/_2$ и опечатки $^1/_2$ стр.). Оригинальный трудъ Велланскаго, III часть „Ѳеорія животнаго магнитизма“ [1]) въ 4 отдѣлахъ занимаетъ стр. 291—404.

Сочиненіе посвящено памяти Антона Месмера.

О содержаніи труда можетъ дать понятіе слѣдующій краткій очеркъ.

---

[1]) У *Колубовскаго* (Ист. нов. фил. Ибервега—Гейнце, стр. 534), *Венгерова* (Словарь, V, стр. 221) и у *Колюпанова* (Біографія А. И. Кошелева, I 2, стр. 298) ошибочно: магнетизма.

Часть первая (стр. 1—160).

Исторія животнаго магнитизма.

Отдѣленіе *первое* показываетъ слѣды животнаго магнитизма въ древнія еще времена, когда Жрецы хранили оный въ тайнѣ, и употребляли для предвозвѣщаній въ храмахъ оракуловъ. Въ Азіи и Европѣ лѣчили издревле болѣзни прикосновеніемъ къ страждущей части и потираніемъ всего тѣла больныхъ. Въ наши времена животный магнитизмъ открытъ докторомъ Месмеромъ. Гонимъ будучи въ Германіи, Месмеръ съ животнымъ своимъ магнитизмомъ переселяется во Францію, излагаетъ главныя основанія своей системы, показываетъ удивительные успѣхи магнитнаго лѣченія, оставляетъ Парижъ, учреждаетъ общество *гармоніи*, гдѣ открываетъ способъ онаго лѣченія. По Королевскому повелѣнію назначается коммиссія для изслѣдованія животнаго магнитизма. Недоразумѣніе и пристрастіе коммиссаровъ дѣлаютъ несправедливый доносъ о животномъ магнитизмѣ. Упадокъ онаго во время Французской революціи. Потомъ является онъ въ Германіи, гдѣ изслѣдываютъ и опредѣляютъ его лучшимъ образомъ.

Отдѣленіе *второе* трактуетъ о явленіяхъ животнаго магнитизма, относительно къ магнитизеру и магнитизируемому больному. Магнитное состояніе у больныхъ оказывается различными явленіями, которыя касательно измѣненія чувствъ и душевныхъ способностей раздѣлены на *шесть* степеней:

Въ *первой* степени внѣшнія чувства, будучи помрачены, остаются еще дѣйствительными; и таковое состояніе называется *магнитнымъ бдѣніемъ*.

Во *второй* степени чувственность отчасти затворяется, такъ что человѣкъ чувствуетъ только ближайшіе предметы, и

зрѣніе дѣлается непроизвольнымъ. Сію степень называютъ *магнитнымъ полусномъ.*

Въ *третьей* степени всѣ внѣшнія чувства закрыты, и человѣкъ не имѣетъ связи съ внѣшнимъ міромъ. Сія степень называется *магнитнымъ сномъ.*

Въ *четвертой* степени человѣкъ спитъ и не чувствуетъ внѣшнихъ предметовъ; но при томъ бодрствуетъ въ себѣ, зависитъ отъ своего магнитизера, посредствомъ котораго извѣстнымъ образомъ онъ чувствуетъ, мыслитъ и дѣйствуетъ. Сія степень имянуется *снобдѣніемъ* (somnambulismus).

Въ *пятой* степени больный видитъ явственно внутреннее состояніе своего тѣла, познаётъ качество и теченіе своей болѣзни, и опредѣляетъ дѣйствительнѣйшія средства противъ оной. Сія степень называется *магнитнымъ провоззрѣніемъ* (clairvoyance).

Въ *шестой* степени больный вступаетъ въ высшее соединеніе со всеобщею природою, гдѣ онъ видитъ ясно всѣ происшестія, какъ вблизи, такъ и вдали; и понятіе его не ограничивается ни въ пространствѣ, ни во времени. Таковое состояніе называется *магнитнымъ просвѣтлѣніемъ*, также изступленіемъ или выхожденіемъ изъ тѣлесной сферы (exstasis vel desorganisatio).

Часть вторая (стр. 161—290).

Практическое показаніе животнаго магнитизма.

Отдѣленіе I трактуетъ о качествахъ магнитизера, отдѣленіе II—о магнитныхъ дѣйствованіяхъ, которыя бываютъ простыя и сложныя. 1. Простое дѣйствованіе безъ ручныхъ

пріемовъ есть дуновеніе, пристальный взглядъ, и мысленное устремленіе на больнаго. Затѣмъ разсматриваются разные ручные пріемы, касательно положенія рукъ магнитизера, и прикосновенія оными къ больному, способы употребленія манипуляціи и другихъ дѣйствованій при магнитномъ лѣченіи, и предлагаются практическія правила и осторожности при магнитномъ лѣченіи манипуляціями. 2. Сложное дѣйствованіе состоитъ изъ средствъ, усиливающихъ только животный магнитизмъ, и каковыя суть: проводникъ, уединитель, електричество, зеркало и музыка. Вещи, замѣняющія магнитизированіе, суть: магнитизированное стекло, магнитная баттарея и магнитизированное дерево.

Отдѣленіе III сообщаетъ о случаяхъ и болѣзняхъ, въ которыхъ животный магнитизмъ употребляется съ пользою.

Часть третья, принадлежащая самому Велланскому, есть

Ѳеорія животнаго магнитизма (стр. 291—404).

Она трактуетъ во I) о существенномъ единствѣ природы во всѣхъ различныхъ видахъ ея образованія, затѣмъ во II) о внѣшнихъ чувствахъ, которыя суть извѣстныя качества общаго міра, представленныя въ органическомъ видѣ. Внѣшнихъ чувствъ находится столько, сколько главныхъ элементовъ въ общемъ мірѣ. Землѣ, какъ твердой матеріи, соотвѣтствуетъ осязаніе; къ водѣ относится собственно вкусъ; а къ воздуху обоняніе. Зрѣніе и слухъ суть высшаго значенія, и равнокачественны еѳиру, какъ общему элементу Вселенныя. Въ заключеніе говорится о дѣйствіи чувствъ.

III отдѣленіе заключаетъ въ себѣ изложеніе нервной системы, имѣющей высочайшее значеніе въ организмѣ, котораго всѣ части суть не что иное, какъ нервная система въ различномъ ея преобразованіи. IV-е трактуетъ о магнитныхъ

явленіяхъ, которыя всѣ происходятъ отъ измѣненія нервной системы въ различныхъ ея областяхъ. Бдѣніе и сонъ суть натуральныя состоянія животнаго организма, зависящія отъ очереднаго перевѣса головы и брюха. Магнитный сонъ зависитъ отъ такого измѣненія нервной системы, когда собственная дѣятельность одной ея области переходитъ въ другую, противную [1]). Затѣмъ дается изъясненіе животнаго магнитизма, по сравненію онаго съ магнитными явленіями въ желѣзѣ. Различныя степени и виды животнаго магнитизма основываются на меньшемъ или большемъ измѣненіи нервной системы въ собственномъ качествѣ каждой ея области.

Сравнивая „переводъ" Велланскаго съ подлинникомъ Клуге, мы находимъ, что Велланскій дѣлалъ весьма значительныя сокращенія, благодаря чему 511 стр. мелкаго нѣмецкаго шрифта умѣстились на 290 стр. разгонистой и крупной русской печати. Чрезвычайная добросовѣстность Велланскаго побудила его выставить на титулѣ книги, что 2 части „переведены", тогда какъ это скорѣе самостоятельное изложеніе *на основаніи* сочиненія Клуге. Такъ прежде всего опущена ненужная для русскаго читателя громадная литература, занимающая по $^1/_2$ стр. послѣ каждаго § подлинника. не оставлено самое раздѣленіе на §§, выброшены частыя и большія цитаты изъ Шиллера, Шекспира и другихъ поэтовъ и т. п.; самый „переводъ" начинается съ 13 § подлинника. 312 стр. I части занимаютъ по русски 160 стр., а II ч.. 315—511 соотвѣтствуютъ стр. 161—290, т. е. 196 стр.—129 стр. Выброшенъ обширный указатель именъ и предметовъ. Самые §§ излагаются частью сокращенно.

---

[1]) Животный магнитизмъ со всѣми его явленіями заключается въ *полярномъ* содержаніи нервной системы, которая какъ въ центральной, такъ и въ окружной ея области находится положительною, отрицательною и среднею. Посему теоретическое понятіе животнаго магнитизма зависитъ отъ познанія сущности нервной системы и полярнаго содержанія оной въ натуральномъ и болѣзненномъ ея состояніи (стр. 348).

Книга Велланскаго удостоилась сочувственныхъ отзывовъ и въ Россіи, и за границей. Такъ въ журналѣ „Благонамѣренный“, издаваемомъ *А. Измайловымъ,* за 1818 г. ч. IV, октябрь, X, стр. 116—118, Извѣстія о новыхъ русскихъ книгахъ, появилась рецензія, подписанная: Дръ Яквъ Гврвъ (Я. Говоровымъ), въ которой сказано:

Животный магнитизмъ по всей справедливости занимаетъ теперь первое мѣсто среди открытій на пользу страждущаго человѣчества. Можно признать *чудеснымъ*, даже *божественнымъ* то средство, помощію котораго облегчаются и врачуются упорныя и жестокія *хроническія*, особливо *нервныя* болѣзни. Весь ученый міръ преисполненъ славы о немъ! Страдальцы, испытавъ безъ всякой пользы неисчерпаемый запасъ дѣйствительнѣйшихъ врачебныхъ средствъ, спѣшатъ найти конецъ своимъ мукамъ въ семъ непостижимомъ явленіи природы! Дѣйствія магнитизма черезъ неоспоримые опыты, можно сказать, исподволь раскрываютъ тайныя пружины нашей духовной натуры.

Переводчикъ и купно Авторъ сей книги Г. Велланскій, имѣя неутомимую ревность по введенію въ сферу врачебныхъ наукъ важнѣйшихъ открытій для пользы своихъ соотечественниковъ, принялъ на себя трудъ перевести лучшее сочиненіе между многими о семъ предметѣ и пополнить оное собственнымъ своимъ глубокомысленнымъ теоретическимъ ис-

толкованіемъ. Это даетъ Автору неоспоримое право на полную благодарность какъ врачей, такъ и всякаго любопытнаго [1].

Въ спеціальномъ журналѣ „Archiv für den thierischen Magnetimus", Halle, за 1819 годъ, Band V, Drittes Stück, стр. 129—135, появилась рецензія J. F. Weisse, о которой была уже у насъ рѣчь (т. II, стр. 86). Вейссе сообщаетъ здѣсь на стр. 130—131 біографическія свѣдѣнія о Велланскомъ (добытыя отъ одного изъ учениковъ его, Dr. Spasski — Спасскаго); стр. 131—133 ознакомляютъ читателя съ содержаніемъ сочиненія, главнымъ образомъ, теоретической (оригинальной) части, а стр. 133—135 содержатъ даже переводъ начала той же теоретической части. Вейссе отмѣчаетъ тѣсную связь научныхъ убѣжденій Велланскаго съ ученіями различныхъ современныхъ нѣмецкихъ ученыхъ. Такъ, трактуя объ *единствѣ* природы (соотвѣтствіе тройственности растеній, животныхъ и человѣка: въ особенномъ организмѣ,—репродукціи, ирритабильности и сенсибильности; то, что̀ въ органической природѣ обособлено, въ микрокосмѣ находится вмѣстѣ, но въ своихъ особенныхъ областяхъ—въ полости брюха, груди и головы; та же тройственность въ физическихъ процессахъ—магнитизмѣ, электричествѣ и химизмѣ—и въ трехъ элементахъ планеты—землѣ, воздухѣ и водѣ), Велланскій слѣдуетъ идеямъ *Окена*; при изслѣдованіи гангліевой системы приняты мнѣнія *Рейля*; сравненіе явленій животнаго магнитизма съ явленіями въ желѣзѣ проведено по Eschenmayer'у; о душѣ Велланскій высказываетъ взгляды Stahl'я, а также придерживается и психологическихъ воззрѣній Эшенмайера. На стр. 121 Вейссе замѣчаетъ: „Достаточно удивительно (auffallend), что въ Россіи могутъ послѣдовать (nachdenken) нѣмецкой философіи новѣй-

---

[1]) Стр. 117.

шаго времени, тогда какъ англичане и французы, даже сами нѣмцы ея не понимаютъ".

Трудъ Велланскаго былъ оцѣненъ и русскою публикою, которая раскупила его.

Но занятія Велланскаго въ области животнаго магнитизма этимъ не окончились. Черезъ много лѣтъ, когда онъ уже былъ слѣпъ и въ отставкѣ, ему еще разъ пришлось поработать надъ тѣмъ же предметомъ и притомъ даже въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Вотъ какъ это было, по разсказу біографа Велланскаго, *Н. И. Розанова* [1]):

Однажды утромъ при мнѣ говорятъ Велланскому, что кто то незнакомый, называющій себя книгопродавцемъ, пришелъ и желаетъ его видѣть. То былъ торговецъ книгами, *Жебелевъ*, имѣвшій лавку на Большой Садовой улицѣ. Войдя, онъ спросилъ Даніила Михайловича, не продастъ ли онъ ему навсегда въ собственность свой переводъ сочиненія *Клуге*, изданія 1817 г.: Животный магнитизмъ. Онъ, Жебелевъ, готовъ заплатить ему 6000 руб. асс. Этою книгой многіе интересуются, спрашиваютъ, желая купить ее; а экземпляровъ болѣе нѣтъ въ продажѣ. Не давъ Жебелеву окончательнаго отвѣта, Велланскій сказалъ, что подумаетъ и дастъ потомъ ему знать. И вотъ думая долго, онъ остановился на слѣдующемъ соображеніи, что ученіе о животномъ магнитизмѣ со времени изданія книги Клуге сдѣлало успѣхи; съ тѣхъ поръ замѣчено много явленій совершенно новыхъ. Не лучше ли, думалъ слѣпецъ, на свободѣ отъ службы пересмотрѣть и дополнить переводъ; а можетъ быть, придется измѣнить и теорію. Дѣло, такъ обсужденное, началось. Жена прочла мужу въ слухъ весь переводъ книги Клуге. Сочиненіе оказалось слишкомъ уже отста-

---

[1]) Русскій Вѣстникъ за 1867 г. т. 72-й, стр. 114. О Розановѣ см. II т. нашего сочиненія, стр. 243—255.

лымъ отъ современной науки. Что дѣлать! Велланскій избралъ себѣ, для руководства въ занимавшемъ его предпріятіи, сочиненіе профессора Іенскаго университета *Кизера*, О теллуризмѣ, и посовѣтовавшись съ женой, въ силахъ ли она писать подъ его диктовку, приступилъ къ работѣ [1]).

Kieser Дитрихъ Георгъ родился въ Harburg (Ганноверъ) 24 авг. 1779 г. По окончаніи курса въ гимназіи въ Lüneburg онъ изучалъ медицину въ Гёттингенѣ и Вюрцбургѣ, гдѣ въ 1804 г. получилъ степень доктора по защитѣ диссертаціи De anamorphosi oculi [2]). Потомъ былъ врачемъ въ ганноверскомъ городкѣ Winsen a. d. Luhe, а въ 1806 перебрался въ Northeim, гдѣ и пробылъ до 1812 г., исполняя обязанности городского физика. Въ 1812 г. онъ получилъ экстраординатуру въ Іенѣ. За это время онъ опубликовалъ Aphorismen aus der Physiologie der Pflanzen, 1808, Üeber die Natur, Ursachen, Kennzeichen und Heilung des schwarzen Staars 1810 (награжденную обществомъ амстердамскихъ врачей), Ursrung des Darmcanals aus der vesicula umbilicalis, dargestellt im menschlichen Embryo 1810, Entwurf einer Geschichte und Beschreibung der Badeanstalt bei Northeim, 1810, и Über die Metamorphose des Auges etc, Elemente der Phytonomie, I, Jena, 1815. Еще были издаваемы имъ вмѣстѣ съ Океномъ Beiträge zur vergleichenden Zoologie, Anatomie и Physiologie, которыхъ появилось 2 тетради. Въ 1812 г. появились его Grundzüge der Pathologie und Therapie des Menschen и Mémoire sur l'organisation des plantes, увѣнчанный Teyler'овымъ обществомъ въ Гарлемѣ. Это же сочиненіе вышло по нѣмецки въ 1815 г. подъ заглавіемъ Grundzüge zur Anatomie der

---

[1]) Стр. 115.

[2]) На нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ Über die Metamorphose des Thierauges въ Офтальмологической библіотекѣ Himly и Шмидта за 1804 г. т. II, стр. 73.

Pflanzen. На основаніи этихъ трудовъ ему предлагали каѳедры въ Гійсенѣ и въ *Харьковѣ*; но отклонивъ эти предложенія, Кизеръ поступилъ въ Іену экстраординарнымъ проф. общей и частной патологіи, причемъ преподавалъ еще исторію медицины, и анатомію съ физіологіею растеній. Здѣсь онъ издалъ Über das Wesen und die Bedeutung der Exantheme 1813 и Vorbauungs—und Verhaltungsmassregeln bei ansteckenden Faulf-ieber-epidemien (по поводу распространявшагося тифа). Въ 1814 г. Кизеръ примкнулъ къ веймарскимъ войскамъ въ составѣ коннаго отряда студентовъ въ качествѣ вахмистра и врача, а послѣ битвы при Бель-Альянсѣ перешелъ на прусскую службу, принявъ на себя завѣдываніе военными госпиталями въ Люттихѣ и Версалѣ, за что̀ и получилъ чинъ надворнаго совѣтника. Возвратившись въ Іену, онъ съ новымъ жаромъ принялся за работу; онъ выпустилъ тогда System der Medicin 1817—1819 г. въ 2 т., *System des Tellurismus oder thierischen Magnetismus* 1821, 1822 въ 2 т., и вмѣстѣ съ Эшенмейеромъ и Нассе сталъ издавать Archiv für den thierischen Magnetismus, котораго съ 1817—1824 г. вышло 12 томовъ; потомъ въ 1825—1826 одинъ уже Кизеръ издалъ 2 тетради Sphinx. Neues Archiv für den thierischen Magnetismus. Въ 1824 г. онъ сдѣлался ординарнымъ профессоромъ, а въ 1828 г. тайнымъ надворнымъ совѣтникомъ и членомъ сената; съ 1831—1848 гг. былъ депутатомъ отъ Университета на ландтагѣ, а въ 1848 г., какъ вицепрезидентъ послѣдняго, участвовалъ въ знаменитомъ франкфуртскомъ парламентѣ. И теперь ему приходилось отклонять приглашенія въ Эрлангенъ, Лёвенъ, *Дерптъ*.

Наряду съ казенною службою Кизеръ велъ (съ 1831) частную медицинско-хирургическую и офтальміатрическую клинику. Въ 1847 г. онъ завелъ себѣ вмѣсто нея частную психіатрическую клинику и получилъ въ завѣдываніе большое великогерцогское заведеніе для умалишенныхъ; за это время онъ написалъ

7 програмъ; De febris puerperarum indole varia forma et medendi ratione, 1825—1829 и дѣлалъ клиническія сообщенія въ различныхъ медицинскихъ журналахъ, затѣмъ въ изданныхъ имъ Klinische Beiträge, 1834 г. и въ Diss. med.-pract. exhibens decennium clinicum in Acad. Jenensi inde ab anno 1831 ad annum 1841 auspiciis Dr. Kieseri habitum, 1842, подъ предсѣдательствомъ Кизера. Въ Леопольдинской академіи, въ Acta которой онъ принималъ участіе, онъ былъ сдѣланъ адъюнктомъ, потомъ Director Ephemeridum. Послѣднее его произведеніе Elemente der Psychiatrik 1855, и отчеты о дѣятельности руководимыхъ имъ домовъ для умалишенныхъ—двѣ статьи въ Zeitschrift für Psychiatrie за 1855 и 1856 г. Въ 1858 г. онъ сталъ самъ президентомъ академіи на мѣсто умершаго Nees von Esenbeck. котораго онъ защитилъ отъ грозившаго ему судебнаго слѣдствія въ сочиненіи: Zur Geschichte der K. K. Leop.—Kar. Acad. d Naturforscher. 8 іюня 1862 г. Кизеръ отпраздновалъ 50-ти лѣтній юбилей своей профессуры; онъ былъ тогда сеніоромъ университета; 11 октября того же года онъ умеръ.

По характеру онъ былъ строгій человѣкъ съ повадками военнаго; на восьмидесятомъ году отъ роду онъ былъ еще вполнѣ здоровъ и физически, и умственно. Вѣрный своему девизу Semper idem, tenax propositi, онъ неотступно преслѣдовалъ поставленныя себѣ цѣли и въ наукѣ, и въ жизни.

Изъ его сочиненій можно еще указать: Analecta ex medicina militari, Jena, 1828, Oratio de fructibus atque emolumentis in historia tum universali tum speciali ex physiologia capessendis, Jena, 1829.

О немъ писали Martius, Acad. Denkreden, Leipzig, 1866, стр. 500, Carus въ Verhandlungen der Leopoldinischen Akademie, томъ XXX, Leopoldina, Heft III и IV, Hirsch, Gesch. d. Augenheilk., стр. 486 и d., Allg. Med. Centr.—Zeit., 1862, № 86.

Послѣ Окена, говоритъ Августъ *Гиршъ* въ своей исторіи медицины [1]), самымъ замѣчательнымъ среди крайнихъ представителей натурфилософіи является Кизеръ. Отъ многихъ своихъ товарищей по увлеченію онъ отличался дѣйствительною ученостью и научнымъ духомъ. Это сказывается въ его трудахъ по исторіи развитія и анатоміи растеній, а также и по психіатріи. Его „Афоризмы изъ физіологіи растеній" (1808) были въ свое время въ большомъ почетѣ и послужили основаніемъ для позднѣйшихъ изслѣдованій по этой наукѣ, а въ глубокой старости сочиненныя имъ „Элементы психіатрики" (1855), не смотря на свою эксцентричность и несвоевременность формы (для эпохи самыхъ трезвыхъ изслѣдованій) были замѣчательнымъ явленіемъ. Менѣе благопріятное впечатлѣніе производятъ его работы по практической медицинѣ, напримѣръ, его System der Medicin въ 2 томахъ 1817, 1819. Въ ней, исходя изъ общихъ положеній натурфилософіи, онъ хотѣлъ вывести изъ послѣднихъ общіе законы жизни и показать эти законы въ болѣзняхъ и въ отдѣльныхъ проявленіяхъ ихъ; но ученіе о болѣзняхъ и ихъ цѣленіе стало подъ его руками мистификаціею общей патологіи. Его теорія обосновывается на той мысли, что болѣзнь есть жизненный ретроградный процессъ, развивающійся въ здоровомъ организмѣ; болѣзнь есть органисмъ низшій, низшій потому, что онъ стоитъ на низшей ступени животнаго развитія. Это пониманіе болѣзни, напоминающее собою философію Парацельса и его школы, было, впрочемъ, выраженіемъ общаго духа Шеллинговой школы. Юмористическое сужденіе объ этой Кизеровой системѣ произнесъ Döllinger: „Эта система никуда не годится и ничего не стоитъ; но она самая лучшая изъ существующихъ, потому что другой у насъ нѣтъ" [1]).

---

[1]) Стр. 415.
[1]) Стр. 416.

Выборъ сочиненія Кизера для перевода и обработки нельзя не признать весьма удачнымъ. Велланскій и здѣсь проявилъ свой обычный тактъ въ выборѣ подходящихъ книгъ, удовлетворяющихъ потребности и нуждамъ русской публики. Вообще эта сторона дѣятельности Велланскаго, — работа научно-переводческая, совершенно не изслѣдована; иностранные біографы и критики еще при жизни его указывали на одно это уже обстоятельство съ большою похвалой [1])—помимо его философскихъ оригинальныхъ трудовъ. Кизеръ стоялъ въ курсѣ и центрѣ дѣла изученія животнаго магнетизма: его трудъ обнималъ собою всѣ новости послѣ сочиненія Клуге, всѣ извѣстныя тогда явленія магнетизма и терапевтическое примѣненіе ихъ.

Теоретическую часть Велланскій отчасти уже продумалъ ранѣе, да она и менѣе затрудняла его. Касательно его труда и дальнѣйшей судьбы его рукописи предоставимъ слово опять Н. Розанову.

Прошло въ этомъ трудѣ около $1^1/_2$ г. Тетрадки, перечитанныя въ слухъ, были исправлены тоже по диктовкѣ слѣпца и переписаны. Рукопись вышла немаленькая. Авторъ назвалъ сочиненіе, какъ у Кизера, Теллуризмъ. Теоретическую часть (Кизера) Велланскій совершенно измѣнилъ, но слогъ новаго сочиненія показался ему тяжелъ, не такой, какимъ въ 1840 году писали по русски для печати, и Даніилъ Михайловичъ предложилъ мнѣ, *такъ какъ я слушалъ его лекціи общей физіологіи въ 1828—1829 году, понималъ систему натуръ-философовъ и зналъ терминологію этой школы, заняться съ нимъ: перечитать и исправить, гдѣ нужно, текстъ. Это я охотно на себя принялъ и исполнилъ, работая около 5-ти*

---

[1]) См. II томъ сего сочиненія, стр. 233. Мы подготовляемъ особый этюдъ объ этомъ предметѣ.

мѣсяц. вмѣстѣ съ авторомъ[1]). *Очищенная въ слогѣ* рукопись была представлена въ цензурный комитетъ. Долго ее разсматривали тамъ, но печатать не дозволили, потому, какъ заключилъ комитетъ, что сокровенный смыслъ сочиненія можетъ подать поводъ къ превратному толкованію основаній христіанской религіи. Отказъ въ пропускѣ сочиненія возмутилъ Велланскаго. Зналъ онъ, что я встрѣчаюсь иногда въ одномъ знакомомъ домѣ съ Николаемъ Ѳедоровичемъ *Арендтомъ*, лейбъ-медикомъ императора. Арендтъ, учась въ С.-Петерб. академіи, былъ всегда особенно внимателенъ къ нему. Слѣпецъ просилъ меня передать Арендту, почему цензура отказала въ одобреніи къ напечатанію сочиненія, и спросить, что посовѣтывалъ бы онъ предпринять, чтобы получить разрѣшеніе на печатаніе книги. Въ непродолжительномъ времени представился случай это исполнить. Въ первое же воскресенье у Ивана Васильевича *Маркова* я вижу Николая Ѳедоровича, и за обѣдомъ, сидя возлѣ него, передаю ему, о чемъ просилъ слѣпецъ. „Скажите отъ меня Даніилу Михайловичу", отвѣтилъ мнѣ Арендтъ, „чтобъ онъ представилъ рукопись при письмѣ графу *Бенкендорфу* (тогда шефу корп. жандармовъ), и просилъ распорядиться, чтобъ ее разсмотрѣли безпристрастно. Позволятъ, прикажутъ напечатать. Теперь, послѣ излѣченія животнымъ магнетизмомъ долго болѣвшихъ женъ *Ч—на*, князя *Д—ва* и *П—ва* на это явленіе измѣнился взглядъ: въ магнетизмѣ не видятъ болѣе шарлатанскихъ спекуляцій и обмана, а дѣйствительно врачебное, сильное средство во многихъ случаяхъ нервныхъ припадковъ; даже австрійское правительство,—вѣроятно, читали вы въ газетахъ,—разрѣшило лѣчить больныхъ животныхъ магнетизмомъ, лишь

---

[1]) См. ниже, стр. 44 свидѣтельство самого Велланскаго: «нѣкоторые изъ бывшихъ слушателей физіологическихъ моихъ лекцій въ Академіи разсматривали составленныя мною статьи и пособляли мнѣ исправлять и приводить оныя въ надлежащій порядокъ».

бы магнетизированіе было производимо съ вѣдома и въ присутствіи окружного врача“ [1]).

Велланскій поступилъ по совѣту Арендта и написалъ къ графу Бенкендорфу письмо, сказавъ въ немъ, между прочимъ, что сочиненіе „Теллюризмъ“ не только не ослабляетъ основаній христіанства, но скорѣе утверждаетъ священную истину религіи. Письмо и рукопись переданы мною начальнику штаба корп. жандармовъ *Дубельту*, и отъ него доложены графу Бенкендорфу, который всѣ эти бумаги препроводилъ къ министру народнаго просвѣщенія Сергѣю Семеновичу *Уварову*. Рукопись разсматривали въ особомъ комитетѣ, составленномъ изъ духовныхъ и гражданскихъ лицъ, ибо ни тѣ, ни другія, отдѣльно одни безъ другихъ, не принимали на себя рѣшать дѣло, да и Велланскій въ письмѣ къ графу Бенкендорфу просилъ подвергнуть сочиненіе разсмотрѣнію духовныхъ особъ, кого святѣйшій синодъ назначитъ. Въ комитетѣ участвовали 3 протоіерея Петербургскихъ церквей, и тамъ было постановлено предложить автору, не согласится ли онъ замѣченныя въ рукописи мѣста, профанирующія, по ихъ мнѣнію, святость чудеснаго врачеванія, одни измѣнить, другія исключить. Велланскій согласился исполнить требованіе, исправилъ замѣченныя мѣста, и рукопись представилъ въ цензурный комитетъ. Однако, сочиненіе и послѣ сего не было пропущено въ печать по неизвѣстнымъ причинамъ.

Въ 1837 г. Велланскій былъ уволенъ отъ профессуры; Вилье, по случаю новыхъ штатовъ для академіи, распорядился замѣнить на всѣхъ каѳедрахъ заслуженныхъ преподавателей молодыми, чтобъ дать ходъ послѣднимъ. Кафедру Велланскаго занялъ А. П. Загорскій; но библіотекаремъ Даніилъ Михайловичъ еще оставался, даже бывъ слѣпымъ: вы-

---

[1]) Стр. 116.

жидали, не возстановится ли зрѣніе послѣ операціи; 1847 года марта 15-го Велланскій умеръ. Смерть ближайше послѣдовала отъ apoplexia plexus solari[1]), какъ полагаетъ лично сказывавшій мнѣ это *П. Д. Шипулинскій*, наблюдавшій въ послѣдній періодъ жизни больного Велланскаго. Въ это время я былъ боленъ и узналъ о кончинѣ Даніила Михайловича отъ врача, который пользовалъ меня, Павла Парѳеновича *Заблоцкаго*, профессора въ академіи. Онъ сказалъ мнѣ о томъ осторожно, зная, сколь привязанъ я былъ чувствомъ искренняго душевнаго уваженія къ Даніилу Михайловичу. 1847, 1848 и 1849 й годы провелъ я за границей. Возвратившись оттуда, я жилъ въ Москвѣ, и до 1855 года бывалъ въ Петербургѣ наѣздами. Въ 1856 или 1857 году встрѣтился я въ Петербургѣ съ дочерью покойною, Екатериной Даниловною *Рклицкою*. Она сказала мнѣ, что меньшая сестра ея, Анна Даниловна *Соколова*, съ мужемъ своимъ въ Петербургѣ и пригласила меня, если я желаю видѣться съ Анной Даниловною. Въ назначенное время былъ я у Екатерины Даниловны. Пріѣхала и сестра ея. Отъ послѣдней узналъ я, что ни ея, ни мужа не было въ Петербургѣ, когда отецъ и мать Велланскіе умерли. Соколовы жили тогда въ Курскѣ, гдѣ Андрей Филипповичъ служилъ корпуснымъ штабъ-докторомъ. Спрашивалъ я Анну Даниловну о бумагахъ послѣ отца и о рукописи Теллуризмъ. Она сказала, что сколько ни домогалась узнать о рукописи отъ сестры и отъ мужа ея, не получила яснаго, опредѣленнаго свѣдѣнія, но увѣрена, что рукопись цѣла и гдѣ-нибудь хранится.

Прошло послѣ этого свиданія нѣсколько лѣтъ. Уже умерли оба зятя Велланскаго, Соколовъ и Рклицкій; умерла и младшая его дочь, жена Соколова. Въ живыхъ (въ 1867 г.) пока оста-

---

[1]) Стр. 117.

ются дочь старшая, вдова Екатерина Даниловна Рклицкая, и сынъ ея, служащій въ Петербургѣ въ Сенатѣ. Въ 1865 году мнѣ надобно было видѣться съ Екатериной Даниловной. Я отыскалъ ее и отъ нея слышалъ, что экземпляръ рукописи Теллуризмъ, перемаранный отцомъ, по замѣчаніямъ духовныхъ лицъ, разсматривавшихъ сочиненіе,—цѣлъ, и она хранитъ оный; а экземпляръ, переписанный съ переправленнаго на чисто и представленный въ цензуру, вѣроятно, остался въ комитетѣ. Что касается ученыхъ записокъ отца, то многія изъ нихъ покойная сестра ея, Соколова, передала лѣкарю *Никитину,* библіотекарю Московской медико-хирургической академіи".

Когда я нѣсколько лѣтъ тому назадъ начиналъ спеціально заниматься Велланскимъ, то, естественно, заинтересовался этою неизданною его рукописью. Прежде всего надлежало опредѣлить ея мѣстонахожденіе. Можно было, пожалуй, опасаться, не пропала ли она, какъ пропадаетъ у насъ на Руси многое достопримѣчательное—за отсутствіемъ присмотра, за недостаткомъ интереса и бережливой заботливости къ старинѣ. Одно изъ новѣйшихъ извѣстій, біографическій очеркъ Велланскаго, помѣщенный въ Энциклопедическомъ словарѣ *Брокгауза*, и подписанный Н. Егоровымъ [1]), полагаетъ мѣстомъ храненія этого труда библіотеку Военно-медицинской Академіи. Ту же басню повторяетъ и *В. К.* въ „Критико-біографичеекомъ словарѣ русскихъ писателей и ученыхъ, выходящемъ подъ редакціею *С. А. Венгерова*" [2]). Принимаясь за розыски рукописи, я между прочимъ обратился черезъ управленіе Юрьевской Университетской библіотеки въ библіотеку Военно-медицинской Академіи съ просьбою прислать въ

---

[1]) Стр. 852. X-го полутома.

[2]) Т. V, стр. 215—221, см. стр. 220.

цѣляхъ ознакомленія какъ эту, такъ и всѣ рукописи Велланскаго, какія тамъ окажутся, мнѣ для пользованія ими въ помѣщеніи библіотеки. Осенью 1896 г. послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ ожиданія былъ полученъ оффиціальный отвѣтъ, увѣдомляющій, что при Академіи никакихъ рукописей Велланскаго не имѣется. Занимаясь лѣтомъ слѣдующаго 1897 года (во время ученой командировки) въ рукописномъ отдѣленіи Императорской публичной библіотеки, я, между прочимъ, полюбопытствовалъ, нѣтъ-ли какихъ-либо рукописей Велланскаго тутъ. Таковыя оказались по списку—и къ моей радости то былъ именно розыскиваемый мною неизданный трудъ Велланскаго о животномъ магнитизмѣ. О своей находкѣ я повѣстилъ весною 1898 г. въ своемъ „Краткомъ отчетѣ о занятіяхъ во время ученой командировки 1897 г.", стр. 2—3 (вошло въ „Ученыя Записки Казанскаго Университета" за 1898, іюль—августъ, VII—VIII, Университетская лѣтопись, стр. 18—19) [1]).

Представлю теперь внѣшнее описаніе рукописи, а затѣмъ приведу нѣсколько отрывковъ изъ нея.

---

[1]) Ср. II томъ сего сочиненія, стр. 83.

Описаніе рукописи.

Рукопись неизданнаго произведенія Д. М. Велланскаго хранится въ рукописномъ отдѣленіи Императорской Публичной Библіотеки подъ F. VI № 14, томы I и II in folio и обозначена, какъ подарокъ *Н. И. Розанова*. Оба тома переплетены; переплеты нѣсколько поистлѣли. Заглавіе рукописи таково:

Животный магнитизмъ или Теллюризмъ, какъ общая магнитная сила земли (Tellus), дѣйствующая въ организмѣ человѣческомъ и во всѣхъ живыхъ существахъ и бездушныхъ веществахъ.

Физіологическое и врачебное сочиненіе, воздѣланное по вѣрнѣйшимъ практическимъ наблюденіямъ и основательнѣйшему теоретическому познанію физическаго и психическаго міра,

Даніиломъ Велланскимъ, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и кавалеромъ, Докторомъ медицины и хирургіи, Академикомъ и почетнымъ членомъ Императорской Медико-Хирургической Академіи въ Санктпетербургѣ. Двѣ части, въ 2 томахъ. Томъ I. (др. рукой) 1840.

Первый томъ содержитъ XVI стр. предисловія, 4 ненум. оглавленія и текста 456 стр. Второй томъ содержитъ 842 стр. Эпиграфъ оставленъ тотъ же, что̀ и на прежнемъ сочиненіи Клуге-Велланскаго: Il n'y a donc qu'un profane, indigne d'approcher jamais du sanctuaire des sciences, qui puisse avoir d'autre motif d'adoption ou de rejet, que la vérité ou la fausseté. *Demangeon*—dans la physiologie intellectuelle.

Посвящается Любителямъ физическаго и психическаго знанія, открывающаго таинственную сущность душевной и

тѣлесной жизни человѣка, дѣйствующей въ бдѣніи, равнокачественномъ дневному свѣту, и покоющейся во снѣ, сообразномъ ночной тьмѣ.

Переписано сочиненіе на толстой пожелтѣвшей бумагѣ крупнымъ писарскимъ почеркомъ; есть исключенія (по требованію цензуры?) и поправки другою рукой по перечеркнутому и по скобленному (разурѣ); стилистическія поправки всего чаще оказываются простымъ подновленіемъ реченій, както: та*кого* вм. тако*ваго*, *здоро*вье вмѣсто *здра*віе, эти вм. сіи и т. д.; но и это проведено не вездѣ.

Въ рукописи, предназначавшейся для набора и печати, оглавленіе не имѣетъ указанія на страницы самой рукописи. Приводимое оглавленіе рукописи составлено мною самимъ при просмотрѣ ея по страницамъ.

Оглавленіе содержанія.

Часть первая.

Отдѣленіе первое.

Исторія животнаго магнитизма, начертанная въ трехъ эпохахъ его произшествій.

Введеніе.

§ 1—стр. 1. § 2—5.

Первая эпоха.

Животный магнитизмъ древнихъ временъ.

§ 3—7. § 4—12.

Вторая эпоха.

Животный магнитизмъ среднихъ вѣковъ.

§ 5—17. § 6—22.

Третья эпоха.

Животный магнитизмъ новѣйшаго времени.

§ 7—25. § 8—26. § 9—53. § 10—66. §11—72.

Отдѣленіе второе.

Главныя положенія о содержаніи общаго міра, послѣдствіе изъ оныхъ и опредѣленіе животнаго магнитизма въ собственномъ его значеніи.

§ 12—76. § 13—79. § 14—82. § 15—84. § 16—85. § 17—86. § 18—87. § 19—89. § 20—91. § 21—93. § 22—94.

Отдѣленіе третье.

Общія дѣйствія животно-магнитной силы и производимый оною сомнамбулизмъ въ различныхъ его видахъ.

§ 23—97. § 24—99. § 25—103. § 26—115. § 27—117. § 28—120. § 29—127. § 30—144. § 31—148.

Отдѣленіе четвертое.

О различныхъ магнитныхъ вліяніяхъ на человѣческій организмъ.

§ 32—157. § 33—160. § 34—163. § 35—165. § 36—167. § 37—168.

Глава первая.

Общія теллюрическія силы.

§ 32—157. etc. § 37.

Глава вторая.

Особыя теллюрическія силы.

§ 38—170.

А. Магнитныя потенціи минеральной дѣятельности, или минеральный магнитизеръ.

§ 39—171, § 40—174. § 41—177. § 42—180. § 43—195. § 44—197. § 45—200.

Сидерическія орудія, сидерическій бакетъ, рабдомантія.

§ 46—211. § 47—219. § 48—224. § 49—225. § 50—230. § 51—233. § 52—236.

В. Магнитныя потенціи растительныхъ веществъ, или растительный магнитизеръ.

§ 53—240. § 54—246.

С. Магнитная сила животнаго организма или животный магнитизеръ.

§ 55—248. § 56—251. § 57—252. § 58—258.

Психическія потенціи.

§ 59—263. § 60—267. § 61—270. § 62—274. § 63—281.

Динамическія потенціи.

§ 64—283. § 65—288, § 66—293.

Механическія потенціи и количественная сила животнаго дѣйствія.

§ 67—298. § 68—300.

Отдѣленіе пятое.

Свойства теллюрической или магнитной силы.

§ 69—302. § 70—307. § 71—311. § 72—314. § 73—322. § 74—325. § 75—329. § 76.—332. § 77—335.

Отдѣленіе шестое.

Техницизмъ магнитнаго лѣченія.

Глава первая.

Магнитизированіе человѣкомъ.

Статья первая.

Общія правила магнитизированія.

§ 78—341. § 79—342. § 80—351. § 81—354. § 82—358. § 83—361.

Статья вторая.

Особливыя принадлежности магнитнаго лѣченія, производимаго человѣкомъ.

А. Психическое лѣченіе.

§ 84—363. § 85—366.

В. Органическое лѣченіе.

Способъ манипулированія или натиранія руками.

§ 86—369. § 87—375. § 88—376.

Статья третья.

А. Практическія правила при общемъ человѣческомъ магнитизированіи.

§ 89—380.

В. Практическія правила при частномъ человѣческомъ магнитизированіи.

§ 90—393.

Статья четвертая.

Пробужденіе сомнамбула.

§ 91—398.

Статья пятая.

Особенныя манипуляціи, производящія особливое состояніе въ больномъ.

§ 92—401. § 93—411.

Глава вторая.

Магнитное лѣченіе посредствомъ минераловъ.

Лѣченіе сидерическимъ бакетомъ.

§ 94—415.

Практическія правила при магнитномъ лѣченіи сидерическимъ бакетомъ.

§ 95—421. § 96—424.

Глава третья.

Вспомогательныя средства къ магнитному лѣченію.

§ 97—430. § 98—436. § 99—442. § 100—446. § 101—451. § 102—452.

Часть вторая.

Отдѣленіе седьмое.

Особыя явленія теллюрической жизни и сомнамбулизма вообще.

Введеніе.

Глава первая.

Натуральный сонъ и явленія онаго.

§ 103—Стр. 1 (второго тома). § 104—2. § 105—5. § 106—8. § 107—12.

Глава вторая.

Идіосомнамбулизмъ съ его явленіями.

§ 108—15. § 109—18. § 110—20. § 111—24. § 112—30. § 113—34. § 114—38. § 115—40. § 116—42. § 117—47. § 118—51. § 119—54. § 120--57. § 121—61. § 122—64. § 123—70. § 124—80. § 125—81. § 126—82. § 127—84.

Глава третья.

Сомнамбулизмъ, произведенный искусственно во всѣхъ его степеняхъ и различныхъ формахъ.

§ 128—85.

Статья первая.

Общее теченіе сомнамбулизма и стадіи онаго.

§ 129—86. § 130—90. § 131—93. § 132—97. § 133—99. § 134—103.

Статья вторая.

Явленіе сомнамбулизма въ различныхъ его стадіяхъ.

Стадія первая.

§ 135—104, 105.

Стадія вторая.

§ 136—114. § 137—120. § 138—123. § 139—128. § 140-аго вовсе нѣтъ. § 141—133. § 142—137. § 143—140. § 144—142.

Стадія третья.

§ 145—145. § 146—148. § 147—157. § 148—159. § 149—161. § 150—165. § 151—168. § 152—177. § 153—183. § 154—186. § 155—187. § 156—207. § 157—208. § 158—210. § 159—212. § 160—216. § 161—219. § 162—225. § 163—228. § 164—233. § 165—235. § 166—239. § 167—242. § 168—245. § 169—252. § 170—254. § 171—257. § 172—260. § 173—262. § 174—264. § 175—269.

Статья третья.

Совмѣстное обозрѣніе главныхъ явленій сомнамбулизма во всѣхъ стадіяхъ и разныхъ его формахъ.

§ 176—271. § 177—277. § 178—279. § 179—286.

Отдѣленіе восьмое.

Теорія общаго и сенсибильнаго сомнамбулизма.

§ 180—291.

Статья первая.

Физіологическое изъясненіе бдящей и спящей жизни въ человѣкѣ.

§ 181—295. § 182—297. § 183—302. § 184—305. § 185—308. § 186—314.

Статья вторая.

Изложеніе сомнамбулизма въ настоящемъ его значеніи.

§ 187—317. § 188—320. § 189—323. § 190—326. § 191—333. § 192—341. § 193—343. § 194—344, § 195—346. § 196—349. § 197—351. § 198—353.

Статья третья.

Необыкновенное тѣлесное движеніе, чувственная дѣятельность и мысленная способность въ сомнамбулическомъ состояніи человѣка.

§ 199—355. § 200—361. § 201—370. § 202—376. § 203—381. § 204—383. § 205—390. § 206—397. § 207—401. § 208—406. § 209—409. § 210—413.

Статья четвертая.

Магнитное усыпленіе и пробужденіе, судороги, галлюцинаціи, сомнамбулическое изступленіе, каталептическое омертвеніе и вампиризмъ.

§ 211—419. § 212—423. § 213—427. § 214—431. § 215—437. § 216—441. § 217—446. § 218—450. § 219—453. § 220—457. § 221—459. § 222—463. § 223—471. § 224—474.

Статья пятая.

Общее физіологическое понятіе о животномъ магнитизмѣ.

§ 225—477. § 226—481. § 227—489. § 228—508.

Отдѣленіе девятое.

Раціональное лѣченіе болѣзней животнымъ магнитизмомъ.

§ 229—527. § 230—530.

Лѣченіе, производимое съ сосвѣдѣніемъ врачующаго.

§ 231—533. § 232—536. § 233—538. § 234—545. § 235—548. § 236—549. § 237—556. § 238—559. § 239—560. § 240—564. § 241—570. § 242—574. § 243—582. § 244—587. § 245—589.

Отдѣленіе десятое.

Правила, относящіяся къ употребленію животнаго магнитизма при лѣченіи болѣзней.

§ 246—594. § 247—596. § 248—600. § 249—603. § 250—605. § 251—606. § 252—609. § 253—611. § 254—613. § 255—617. § 256—622. § 257—626. § 258—628. § 259—631.

Отдѣленіе одиннадцатое.

Опыты и вѣрныя наблюденія надъ врачебнымъ дѣйствіемъ животнаго магнитизма при лѣченіи болѣзней въ разныхъ мѣстахъ Россіи.

I

Дѣйствіе животнаго магнитизма надъ четырнадцатилѣтнимъ отрокомъ И. Я., страдавшимъ 10 лѣтъ золотушными язвами.

II

Исторія болѣзни, не уступавшей обыкновеннымъ фармацевтическимъ средствамъ, а излѣченной животнымъ магнитизмомъ.

III

Дѣйствіе животнаго магнитизма надъ больною Д. въ Архангельскѣ.

IV

Исторія идіосомнамбулизма, какъ болѣзни, основанной на врожденномъ къ ней расположеніи и уничтоженной теллюрическою силою.

Для того, чтобы ознакомить читателя съ этимъ неизданнымъ произведеніемъ славнаго медика-философа, приведемъ нѣкоторыя изъ него отрывки, и прежде всего—предисловіе.

Предисловіе.

Внѣшнія явленія неорганической природы и органическаго міра каждому простому человѣку ощутительны, но внутреннія происшествія оныхъ весьма не многимъ изъ образованныхъ и ученыхъ людей извѣстны. Причина сего невѣдѣнія находится въ самомъ образованіи и ученіи, основанномъ на общественныхъ предубѣжденіяхъ и закоренѣлыхъ обычаяхъ народа, живущаго въ низшей области тѣлесныхъ чувствъ, и не восходящаго въ высшую сферу умственныхъ понятій. Безпредѣльное и вѣчное Начало всего, дѣйствующаго во времени и пребывающаго въ пространствѣ, не подлежитъ чувственнымъ изысканіямъ, а является только умственному созерцанію, какъ идеальная возможность и реальная дѣйствительность, которыя будучи между собою противоположны, одна безъ другой состоять не могутъ; ибо возможное является только въ дѣйствительномъ, а дѣйствительное пребываетъ по силѣ возможнаго. Въ идеальной сферѣ образуется безпредѣльная возможность, а въ реальной области представляется ограниченная дѣйствительность, какъ духъ и тѣло, коихъ одинакая сущность составляетъ жизнь, оказывающуюся дѣйствіемъ и бытіемъ вещей.

Природа есть произведеніе всеобщей жизни, дѣйствующей въ качествѣ творящаго духа и пребывающей въ свойствѣ зиждимой матеріи. Всѣ живыя существа и бездушныя вещества произведены одною и тою-же абсолютною жизнью; только пер-

выя образовались по преимущественной силѣ идеальнаго дѣйствія, а послѣднія произошли въ перевѣсномъ значеніи реальнаго бытія. По идеальному и реальному значенію всеобщей жизни, всѣ ея произведенія существуютъ въ двоякомъ видѣ: какъ безпредѣльная идеальная сущность, являющаяся въ ограниченной реальной формѣ, и преходящая форма, образующаяся по идеѣ вѣчной сущности. На семъ основана полярность всѣхъ динамическихъ, органическихъ и психическихъ дѣйствій и качественное содержаніе вещественныхъ предметовъ.

Въ универсальномъ мірѣ солнечный свѣтъ представляетъ идеальную внутреннюю сущность, а планетная тяжесть показываетъ реальную внѣшнюю форму; и Солнце, занимающее центръ, противуположно планетѣ, находящейся въ периферіи Всемірной Сферы.

По центральному и периферическому содержанію, общій неорганическій міръ состоитъ изъ Солнца, планеты и элементовъ: воздуха, воды и земли. Органическій міръ, противуположный неорганическому, образовался въ параллельномъ съ нимъ содержаніи.—Растенія сходствуютъ съ элементами, животныя сообразны планетѣ, а человѣкъ равнозначителенъ Солнцу; и какъ планета съ элементами относится къ Солнцу, такъ животныя съ растеніями содержатся къ человѣку.

Вещественное качество и дѣятельное свойство общаго неорганическаго міра зависятъ отъ формальной противоположности и существеннаго единства, въ сферическомъ его содержаніи. Солнце, занимающее центръ Всемірной Сферы, освѣщаетъ и согрѣваетъ планету, пробѣгающую круговой периферическій ея путь и обращающуюся на своей оси, отъ чего происходятъ времена года и суточная перемѣна дня и ночи. Человѣческій организмъ, равный универсальному міру, дѣйствуетъ и пребываетъ по противуположнымъ свойствамъ душевной его сферы и тѣлесной области, на коихъ основывается бдѣніе и сонъ, продолжающіеся попеременно во всю жизнь организма.

Бдѣніе, принадлежащее душевной сферѣ, составляетъ день, а сонъ, относящійся къ тѣлесной области, есть ночь органическаго міра. Свѣтъ есть образованіе внутренней, *центральной* сущности во внѣшней, периферической формѣ, а тьма представляетъ *периферическую* форму въ центральной сущности; и бдѣніе организма равнозначительно дневному свѣту, а сонъ подобенъ ночной тьмѣ. При бдѣніи центръ органическаго существа образуется въ периферію, какъ *внутреннее субъективное* въ *наружное объективное*, а во снѣ периферія представляется центромъ, какъ *внѣшній объектъ* во *внутреннемъ субъектѣ*.

Бдѣніе принадлежитъ душевной, идеальной сферѣ, а сонъ относится къ тѣлесной, реальной области органической жизни человѣка, преходящей въ бдѣніи и во снѣ, какъ въ противуположныхъ періодахъ ея теченія, равнаго суточному обороту планеты, гдѣ день и ночь смѣняются взаимно, и на одной ея гемисферѣ господствуетъ день, а на другой, противуположной, обладаетъ ночь. Бдящее состояніе человѣка противуположно спящему. Въ бдѣніи чувства дѣйствуютъ съ сосвѣдѣніемъ, понятіе образуется сужденіемъ, а дѣянія располагаются волею; но во снѣ наружныя чувства бездѣйственны, а изъ внутреннихъ психическое ощущеніе занимается одними произведеніями своей фантазіи, безъ познавательнаго размышленія и дѣятельной воли. По сему бдящая жизнь содержится къ спящей такъ, какъ дневной свѣтъ къ ночной тьмѣ, или положительное къ отрицательному, гдѣ онѣ, будучи противуположными, не уничтожаютъ себя взаимно, но одна безъ другой также не дѣйствительны, какъ центръ безъ периферіи, а периферія безъ центра не составляютъ математическаго круга. Центръ животнаго организма составленъ изъ нервовъ, а периферія устроена изъ сосудовъ; и въ нервахъ происходитъ животная организація, сродная солнечному свѣту, а въ сосудахъ—растительная, свойственная земной тяжести.

Свѣтъ представляетъ идеальный принципъ центра, тяжесть показываетъ реальное начало периферіи, а живое тѣло изъявляетъ существенную одинакость идеальнаго съ реальнымъ. По сему жизнь организма состоитъ въ нераздѣльномъ единствѣ свѣта съ тяжестью, и живое существо различается отъ бездушнаго вещества тѣмъ, что въ первомъ бытіе съ дѣйствіемъ нераздѣльно, но въ послѣднемъ бытіе показывается матеріею, а дѣйствіе обнаруживается свѣтомъ, какъ раздѣльными видами существованія. Живое существо есть организмъ, какъ универсальный міръ въ индивидуальномъ образованіи, гдѣ центральное, периферическое и радіональное содержаніе находится совмѣстно. Человѣческій организмъ, какъ внутренній индивидуальный міръ, равенъ внѣшнему универсальному, состоящему изъ Солнца, планеты и элементовъ. Нервная его система однозначительна съ Солнцемъ, кровеносные сосуды равнокачественны Земной Планетѣ, а клѣтчатый составъ сообразенъ элементамъ, и три системы организма: сенсибильная, ирритабильная и репродуктивная образовались по значенію трехъ областей внѣшняго неорганическаго міра: солнечной, планетной и элементной.

Общая сфера Солнечной Системы устроена органическимъ образомъ, по которому периферическія планеты находятся въ опредѣленномъ содержаніи къ центральному Солнцу. Животный организмъ, устроенный изъ центра и периферіи его состава, равенъ цѣлой сферѣ общаго міра. Неорганическое вещество твердое, жидкое и газоупругое остается каждое при своемъ качествѣ, какъ въ большой массѣ, такъ и въ малѣйшихъ доляхъ; но органическое тѣло можетъ только пребывать въ его цѣлости, устроенной изъ твердаго, жидкаго и газоупругаго состава. Органическій міръ содержится къ неорганическому, какъ внѣшняя периферія къ внутреннему центру круга, и одинъ другому противуположенъ въ ихъ строеніи и дѣйствіи, хотя оба произведены одною и тою-же жизненною силою природы.

Неорганическое вещество производится магнитнымъ, электрическимъ и химическимъ процессомъ, а органическое тѣло зиждется сенсибильнымъ, ирритабильнымъ и репродуктивнымъ дѣйствіемъ. Гальванизмъ, составленный изъ магнитизма, электризма и химизма, есть тоже самое, что и организмъ, состоящій изъ сенсибильной, ирритабильной и репродуктивной системы; но гальваническое дѣйствіе, производящее бездушныя вещества, устремлено наружу, а органическій процессъ, творящій живое существо, направленъ внутрь. Мертвое произведеніе гальванизма противуположно живому составу организма, какъ наружное внутреннему. Всѣ качества бездушной матеріи суть наружныя, испытуемыя внѣшними чувствами; но внутреннее свойство живаго тѣла не подлежитъ никакому чувственному изслѣдованію.

Атомистическая Физика и эмпирическая Физіологія, изслѣдывающія органическій и неорганическій міръ въ однѣхъ наружныхъ формахъ, не подаютъ истиннаго понятія о внутренней ихъ сущности, которая въ обыкновенномъ физическомъ ученіи остается совершенно неизвѣстною. Безъ умозрительнаго понятія, открываемаго въ *трансцендентальной Философіи,* никакое происшествіе въ физической и психической жизни человѣка, въ идеальномъ его значеніи изъяснено быть не можетъ. Посему животный магнитизмъ, какъ болѣзненное состояніе натуральнаго сна, принадлежащаго ночной жизни человѣка, при столь частыхъ и чудныхъ его явленіяхъ, остается непостижимъ для эмпирическихъ физіологовъ и патологовъ, которые, довольствуясь поверхностнымъ ихъ знаніемъ, либо вовсе не признаютъ очевидныхъ явленій сомнамбулизма, либо понимаютъ оныя только въ суевѣрномъ смыслѣ простыхъ людей. Въ душѣ человѣческой, какъ идеальномъ универсѣ, исключается (?) вся система общаго міра. Свѣтлая Солнечная Сфера принадлежитъ духу, а темная Земная Область свойственна тѣлу человѣка, который во всю свою жизнь пребываетъ попеременно то въ ясной обители духа, то въ мрачной юдоли тѣла. Соляр-

ная жизнь человѣка проходитъ въ бдѣніи, а теллюрическая протекаетъ во снѣ, кои столько-же между собою различны, сколько день не сходствуетъ съ ночью. Причина бдѣнія и сна въ организмѣ также неизвѣстна, какъ дневное и ночное состояніе Земного Міра непонятно, ибо хотя попеременное теченіе дня и ночи зависитъ отъ суточнаго оборота земли на ея оси, однако, самый оборотъ никакими гипотезами изъясненъ быть не можетъ. Въ бдѣніи всѣ дѣянія человѣка совершаются по его волѣ и съ сознаніемъ, но во снѣ происходятъ непроизвольно и безъ всякаго о нихъ сосвѣдѣнія.

Сомнамбулизмъ, какъ опредѣленный видъ животнаго магнитизма, есть измѣненный натуральный сонъ, въ которомъ всѣ дѣйствія сомнамбула зависятъ отъ воли его магнитизера. Животный магнитизмъ извѣстенъ былъ уже съ древнѣйшихъ временъ, и магическая его сила употреблялась и нынѣ употребляется какъ въ добрую, такъ и въ худую сторону человѣческихъ дѣйствій. Лѣченіе болѣзней у древнихъ народовъ производимо было животнымъ магнитизмомъ, по которому также возвѣщали оракулы будущія произшествія. И теперь оказываетъ онъ чудное дѣйствіе въ излѣченіи болѣзней, не уступающихъ никакимъ фармацевтическимъ средствамъ. Но шарлатаны, фигляры и чародѣи употребляютъ оный во зло и къ произведенію обманчивыхъ и вредныхъ своихъ дѣйствій.

Со времени Месмера, отъ половины прошлаго столѣтія, во Франціи и Германіи лѣченіемъ посредствомъ животнаго магнитизма занимались многіе врачи и другія лица, имѣвшія особливую къ тому способность. Различные опыты и вѣрныя наблюденія надъ животнымъ магнитизмомъ описаны во многихъ нѣмецкихъ и французскихъ сочиненіяхъ, въ которыхъ, однако, не излагается теоретически чудное сіе произшествіе органической природы. Всѣ магнитныя дѣйствія производимы были по однимъ народнымъ преданіямъ и чувственнымъ побужденіямъ. Самые сильные магнитизёры были простые люди, особливо

чувствительные и благонравные; но сомнѣвавшіеся въ дѣйствительности животнаго магнитизма не могли дѣйствовать онымъ успѣшно.

Изъ многихъ новѣйшихъ писаній о животномъ магнитизмѣ, *Кизерова Система Теллюризма* (System des Tellurismus oder thierischen Magnetismus, Jena, 1822.) имѣетъ значительное преимущество. Профессоръ *Кизеръ*, издатель *Журнала о животномъ магнитизмѣ* (Archiv für den thierischen Magnetismus), собравъ вѣрныя показанія опытовъ и наблюденій надъ магнитнымъ лѣченіемъ, произведеннымъ знаменитѣйшими магнитизерами въ Европѣ, сличилъ оныя съ древними и новыми о томъ преданіями, и составилъ свою *Систему Теллюризма*, основанную на извѣстныхъ нынѣ физіологическихъ понятіяхъ. Этою системою руководствовался я найболѣе при составленіи моего сочиненія, для котораго взяты также матерьялы и изъ разныхъ достовѣрныхъ повѣствованій о животномъ магнитизмѣ. Кромѣ того, помѣщены здѣсь опыты и наблюденія надъ магнитнымъ лѣченіемъ болѣзней, произведеннымъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи.

Занятіе сіе было для меня весьма затруднительно! Въ немощномъ состояніи поврежденнаго моего зрѣнія, принужденъ я былъ пользоваться глазами другихъ лицъ. Жена моя читала мнѣ нѣмецкія и французскія повѣствованія о семъ предметѣ и писала диктованное мною изъ оныхъ, а нѣкоторые изъ бывшихъ слушателей физіологическихъ моихъ лекцій въ Академіи разсматривали составленныя мною статьи, и пособляли мнѣ исправлять и приводить оныя въ надлежащій порядокъ.

Важность и польза сего сочиненія должны быть извѣстны любознательнымъ естествоиспытателямъ и врачамъ, понимающимъ сущность человѣческаго организма, коего тѣлесная и душевная сфера измѣняется столь часто по вліянію животнаго магнитизма.

Человѣкъ существуетъ въ четырехъ видахъ его образо-

ванія: въ механическомъ, динамическомъ, органическомъ и психическомъ, которые подвержены особливымъ измѣненіямъ и поврежденіямъ нормальнаго ихъ состоянія, свойственнымъ каждому виду и требующимъ особыхъ способовъ къ ихъ исправленію. Механическое разстройство исправляется хирургическимъ способомъ, динамическое врачуется фармацевтическими средствами, органическое исцѣляется животнымъ магнитизмомъ, а психическое поврежденіе требуетъ соотвѣтственнаго ему духовнаго лѣченія. Посему всё содержаніе медицинскаго ученія раздѣляется на *хирургію*, *фармацевтическую терапію*, *магнитное врачеваніе* и *психоятрію*. Изъ всѣхъ частей врачебной науки, одна *хирургія* воздѣлана до потребнаго совершенства, а въ другихъ нѣтъ еще и начальнаго основанія къ раціональному познанію. Фармацевтическая терапія находится въ мрачномъ хаосѣ, гдѣ ничего опредѣлительнаго видѣть не можно, и внутреннія болѣзни врачуются только по припадкамъ больныхъ и названіямъ лѣкарствъ. Лѣченіе животнымъ магнитизмомъ, столь употребительное съ давнихъ временъ у простого народа, практическимъ врачамъ вовсе неизвѣстно потому, что въ систематической врачебной наукѣ, животный магнитизмъ не удостоивался быть помѣщеннымъ между ея предметами. Но теперь начали понимать значеніе онаго, и въ лучшихъ практическихъ сочиненіяхъ, животный магнитизмъ предлагается какъ послѣднее, надежнѣйшее средство къ излѣченію упорнѣйшихъ болѣзней.

Сила, дѣйствующая въ магнитѣ и желѣзѣ, есть та самая, которою производится сцѣпленіе въ твердыхъ неорганическихъ веществахъ и плотный составъ органическихъ тѣлъ. Магнитное дѣйствіе въ животномъ организмѣ названо животнымъ магнитизмомъ по его сходству съ дѣйствіемъ минеральнаго магнита. Оно происходитъ въ каждомъ бездушномъ веществѣ и живомъ существѣ, но по качественному различію тѣлъ, оказывается различнымъ, хотя во всякомъ особомъ тѣлѣ дѣйст-

вуетъ одна и та-же общая сила цѣлой Земной Планеты. Магнитный процессъ въ минеральномъ веществѣ и животный магнитизмъ въ человѣческомъ организмѣ для атомистическихъ физиковъ и эмпирическихъ физіологовъ непостижимы, и сокровенное значеніе оныхъ открывается только умозрительному понятію, которое столько-же споспѣшествовало изслѣдованію тѣлесной области, сколько послужило и къ объясненію душевной сферы существа человѣческаго.

За тридцать лѣтъ предъ симъ, животный магнитизмъ въ русской медицинской литературѣ вовсе почти не былъ извѣстенъ. Сочиненіе Берлинскаго профессора *Клуге* о животномъ магнитизмѣ, изданное мною въ 1818 году, было первое, и одно только на русскомъ языкѣ, но оно, по нынѣшнему свѣдѣнію о семъ предметѣ, весьма недостаточно и не содержитъ въ себѣ пятой доли того, представленнаго здѣсь сочиненія, которое по своей полнотѣ и точности можетъ удовлетворить самому строгому требованію. Немногіе сомнѣваются теперь въ животномъ магнитизмѣ, и только закоренѣлый педантизмъ эмпирическихъ врачей и атомистическихъ физиковъ, не понимающихъ значенія магнитизма, не признаетъ дѣйствительности онаго. Познаніемъ животнаго магнитизма изъясняются многія физическія и психическія свойства человѣка, зависящія отъ его темперамента и тѣлосложенія, въ которыхъ болѣе или менѣе участвуетъ и животный магнитизмъ, составляющій теллюрическую или ночную жизнь человѣческаго организма, измѣняемаго по оному какъ въ здоровомъ, такъ и болѣзненномъ его состояніи. Посему основательное физіологическое изложеніе животнаго магнитизма можетъ принесть существенную пользу врачамъ, психологамъ и педагогамъ, какъ блюстителямъ тѣлеснаго здравія и назидателямъ душевнаго образованія людей.

Къ этому присоединяемъ еще 3 § изъ I-го тома рукописи.

Отдѣленіе второе.

Главныя положенія о содержаніи общаго міра, послѣдствіе изъ оныхъ и опредѣленіе животнаго магнитизма въ собственномъ его значеніи.—

§ 12.

Физіологическіе законы, на которыхъ основанъ животный магнитизмъ, суть слѣдующіе:

1). Всѣ вещи въ цѣломъ содержаніи общаго міра суть живыя и органическія; онѣ движутся во времени, образуются въ пространствѣ и составляютъ главныя части высшаго цѣлаго, какъ его органы; но однѣ по себѣ суть живые организмы болѣе или менѣе самостоятельны и недѣлимы. Посему онѣ съ одной стороны относятся къ общему цѣлому, а съ другой къ самимъ себѣ, и первое отношеніе оказываетъ стремленіемъ ихъ къ общему содержанію міра, а второе усиліемъ къ сохраненію своей индивидуальности.

2). Двѣ особыя вещи, соприкасаясь между собою, дѣйствуютъ взаимно, по усилію каждой удержать свою самостоятельность. Здѣсь одна вещь, сохраняя себя, усиливается уничтожить другую, или превратить ее въ свое качество. Изъ двухъ оныхъ дѣйствій происходитъ третье, какъ жизненный

процессъ, въ которомъ одно дѣйствіе оказывается начальствующимъ или положительнымъ, а другое подчиненнымъ или отрицательнымъ. Таковое взаимное содержаніе двухъ вещей называется полярнымъ, а совмѣстная цѣлость двухъ оныхъ дѣйствій именуется органическимъ жизненнымъ процессомъ.

3). Поелику никакая вещь не состоитъ одна по себѣ, но каждая находится въ совмѣстіи съ другою, то особыя вещи содержатся вездѣ между собою полярными, какъ въ величайшей, такъ и въ малѣйшей сферѣ всеобщей жизни міра, и взаимное дѣйствіе оныхъ составляетъ особый жизненный процессъ.

4). Какъ всякая вещь пребываетъ только во взаимномъ дѣйствіи съ другою, то всѣ вещи образуются въ пространствѣ и происходятъ во времени жизненнымъ процессомъ, подобнымъ органическому полярному. Въ солнечной системѣ міра, солнце и земля содержатся между собою противоположными, и первое дѣйствуетъ положительно, а вторая—отрицательно. По таковому содержанію небесныхъ тѣлъ, земля оборачивается на своей оси и протекаетъ вокругъ солнца.

5). Всякое дѣйствіе совершается движеніемъ въ пространствѣ и образованіемъ во времени, но движеніе усиливается и ослабляется поперемѣнно, отъ чего и происходитъ періодическое различіе въ дѣйствіи вещей. При взаимномъ дѣйствіи солнца и земли, *солярная* и *теллюрическая ихъ сила* возвышается и упадаетъ поперемѣнно. Отъ сего при обращеніи земли вокругъ солнца, зависитъ ея приближеніе (perihelium) и отдаленіе (aphelium), а при оборотѣ на ея оси происходитъ день и ночь.

6). Содержаніе между особыми вещами равно содержанію между солнцемъ и землею, ибо всякое частное бытіе основано на законѣ общаго существованія. Каждый организмъ, какъ цѣлый жизненный процессъ, заключаетъ въ себѣ содержаніе всего общаго міра и всѣ произведенія полярной дѣятельности

между солнцемъ и землею, являющіяся подъ видомъ лѣта и зимы, дня и ночи, происходятъ въ каждомъ особомъ организмѣ.

Каждый жизненный процессъ во времени имѣетъ опредѣленное содержаніе положительной и отрицательной дѣятельности и происходитъ періодически съ преимущественною силою той, либо другой. Посему органическая жизнь человѣка и животныхъ протекаетъ въ двустороннемъ направленіи: съ одной стороны восходитъ она отъ начала до конца ея развитія, а съ другой нисходитъ отъ совершеннаго образованія до послѣдняго разрушенія организма.

Но особенность органической жизни въ пространствѣ оказывается полярнымъ содержаніемъ органовъ тѣла, развивающихся въ противуположномъ направленіи, и которыхъ взаимное дѣйствіе производитъ жизненную перемѣну во времени.

7). Всѣ существа и вещества земного міра представляютъ начальную полярность жизни, и однѣ произошли въ свойствѣ *солярной*, а другія образовались въ качествѣ *теллюрической стороны* общаго міра. Посему каждый особый организмъ устроенъ изъ противоположныхъ органовъ, дѣйствующихъ въ противномъ направленіи.

§ 13.

На сказанныхъ положеніяхъ основано понятіе о сущности животнаго магнитизма, который состоитъ въ дѣйствіи, произведенномъ взаимнымъ напряженіемъ двухъ организмовъ, силящихся къ преобладанію одного надъ другимъ. Здѣсь *теллюрическая сила* господствуетъ надъ *солярною* и, представляя все содержаніе земли, дѣйствуетъ положительно.

Въ магнитномъ дѣйствіи между двумя тѣлами, дѣйствующая сила имѣетъ *теллюрическое качество* съ положительнымъ

послѣднія дѣйствуютъ въ свойствѣ магнитизеровъ, а первый находится въ качествѣ сомнамбула. Такимъ-же образомъ содержится магнитное дѣйствіе между многими лицами и между различными органами въ одномъ и томъ-же человѣческомъ тѣлѣ. Въ бдительномъ состояніи *ганглiозная система* нервовъ содержится къ мозгу, какъ сомнамбулъ къ магнитизеру. Дитя есть сомнамбулъ матери, а движущійся мускулъ магнитизируется своимъ нервомъ.

На представленныхъ отрывкахъ мы кончаемъ пока ознакомленіе съ интереснымъ трудомъ почтеннаго мыслителя. Этотъ громадный трудъ, требующій большой суммы для напечатанія, вѣроятно, никогда уже вполнѣ не будетъ опубликованъ. Нельзя не пожалѣть, что онъ не появился (по опасеніямъ, едва ли основательнымъ) въ свое время, когда бы онъ, безспорно, составилъ собою замѣчательное явленіе. Но даже теперь сочиненіе Велланскаго имѣло бы значеніе, особенно въ виду той популярности, какую въ наши дни, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ сферахъ получило гипнотическое врачеваніе, и въ виду все возрастающаго интереса къ оккультистическимъ доктринамъ, съ какими излагаемое Велланскимъ ученіе очень родственно.

Сравнивая этотъ второй трудъ Велланскаго съ первой его обработкой—по Клуге, мы не можетъ не замѣтить, помимо весьма значительнаго расширенія (такъ что, см. стр. 46 выше, первое сочиненіе не содержитъ и $^1/_5$ второго), большого успѣха въ развитіи объяснительной теоріи. Поскольку въ первой книгѣ объясненіе животнаго магнитизма было, по преимуществу, *физіологическимъ*, постольку вторая обработка теоріи носитъ характеръ чисто *философскій*: животный магнитизмъ введенъ здѣсь въ общую цѣпь развитія духа.

Со многими взглядами, высказанными Велланскимъ въ этомъ предисловіи, нельзя не согласиться. Разумѣется, безъ умозрительнаго понятія философіи не можетъ быть изъяснено никакое происшествіе въ физической и психической жизни

человѣка, а подавно магнитизмъ (стр. 42). Умозрительное понятіе, какъ указываетъ Велланскій, столько же споспѣшествовало изслѣдованію тѣлесной области, сколько послужило къ объясненію душевной сферы существа человѣческаго. Наконецъ, нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что познаніемъ животнаго магнитизма (какъ оккультной природы человѣка вообще) изъясняются многія свойства человѣка (стр. 46), такъ что основательное изложеніе его весьма полезно не только для врачей, но и для психологовъ, и для педагоговъ.

II.

А. Н. Радищевъ, какъ философъ.

О если то не ложно,
Что мы по смерти будемъ жить!..

....Кончины узримъ всѣ чертогъ,
Объятъ кровавыми струями;
Предъ вѣкомъ смерть сулилъ намъ Богъ;
Ея вершится все устами
Въ мірѣ семъ...

....Я, если прегрѣшилъ,
Законъ я Твой искалъ, въ душѣ
Тебя любилъ:
Не колебаяся, на вѣчность я взираю.

(Изъ стихотвореній Радищева).

„Литературная извѣстность Радищева создана его „Путешествіемъ". „Всѣ хвалебные отзывы о Радищевѣ, какъ о писателѣ, опередившемъ свой вѣкъ, основываются, главнымъ образомъ, на „Путешествіи" (и на трудахъ въ законодательной коммиссіи)", справедливо замѣчаетъ его біографъ, *М. И. Сухомлиновъ* [1]).

---

[1]) Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію, т. I, СПБ, 1889, стр. 541 и 616.

Имя Радищева такъ тѣсно связано съ его „Путешествіемъ“, что почти всѣ пишущіе и писавшіе о немъ (исключая Пушкина) какбы позабываютъ о существованіи его другихъ, довольно многочисленныхъ и разнообразныхъ произведеній и основываютъ свою характеристику, преимущественно, лишь на одной этой знаменитой книгѣ. 6 томиковъ другихъ его сочиненій представляютъ собою еще совсѣмъ неразработанный историко-литературный матеріалъ.

Ни общественное, ни историко-литературное значеніе Радищева еще не установлено. Историки литературы либо забываютъ его, либо отдѣлываются парою строчекъ. А между тѣмъ и въ русской, да, пожалуй, и во всей европейской литературѣ трудно указать много такихъ типическихъ и крупныхъ представителей сентименталисма, какъ именно Радищевъ.

Оставляя въ сторонѣ „Путешествіе“, надъ которымъ тяготѣетъ до сихъ поръ такая неблагопріятная судьба, мы найдемъ много интереснаго и поучительнаго въ его прочихъ сочиненіяхъ, какъ справедливо указывалъ *Пушкинъ*, впервые пытавшійся сказать о Радищевѣ нѣсколько словъ, и негодовавшій на пропускъ Радищева въ обзорахъ литературы, Пушкинъ, видѣвшій (въ началѣ) свои права на безсмертіе въ томъ, что „вслѣдъ Радищеву возславилъ свободу“.

Мы не станемъ излагать біографію А. Н. Радищева,— и за подробностями его внѣшней жизни отсылаемъ къ монографіи *М. И. Сухомлинова* „А. Н. Радищевъ“ [1]), являющейся до сихъ поръ самою полною и самою лучшею.

Въ настоящемъ этюдѣ мы намѣрены заняться философскимъ произведеніемъ Радищева. Какъ извѣстно, многосторонній Радищевъ написалъ большой и почтенный философскій трудъ,—одно изъ первыхъ оригинальныхъ философскихъ про-

---

[1]) Тамъ же, стр. 541—671.

изведеній на русскомъ языкѣ въ XVIII вѣкѣ. Этой стороны дѣятельности Радищева, сколько я знаю, никто еще не касался.

Упомянутый трудъ есть разсужденіе *„О человѣкѣ, о его смертности и безсмертіи,* занимающее II и III томики въ „Собраніи оставшихся сочиненій покойнаго Александра Николаевича Радищева“: часть вторая и часть третья, М. въ типографіи Платона Бекетова, иждивеніемъ издателей. 1809. „Друзьямъ моимъ“. Эпиграфъ Le tems present est gros de l'avenir. Leibnitz. Книга первая. Начато 1792 года, генваря 15. Илимскъ. Ч. II—2 титула+текстъ 5—108+титулъ о человѣкѣ etc. книга вторая+стр. 111—194. Ч. III. 2 титула (книга третья)+5—94+титулъ (книга четвертая)+97—151. Печатано: „Съ одобренія Цензурнаго Комитета, учрежденнаго для Округа Императорскаго Московскаго Университета“. Форматъ: 12.

Въ виду того, что сочиненіе издано послѣ смерти наслѣдниками Радищева, и самъ авторъ, повидимому, не придалъ своему произведенію окончательной формы (попадаются даже конспекты мыслей вмѣсто изложенія, какъ увидимъ ниже, напр., стр. 99—100, 132 и др.), то нѣкоторыя мѣста редактированы дурно и неправильно.

Прежде чѣмъ перейти къ ознакомленію съ трудомъ Радищева, необходимо разсмотрѣть ходъ его философскаго образованія. Радищевъ, несомнѣнно, былъ однимъ изъ самыхъ образованныхъ людей въ Европѣ конца XVIII в. Онъ зналъ съ одинаковою шириною и глубиною взгляда соціальныя, юридическія, какъ и естественныя науки; къ этому надобно присоединить еще отличное знаніе литературъ европейскихъ и литературы отечественной. Своими знаніями Радищевъ былъ обязанъ какъ заграничнымъ занятіямъ въ Лейпцигѣ, такъ и неустанному собственному труду. Интересно, какъ, гдѣ и подъ чьимъ руководствомъ онъ изучалъ философію.

Первоначальное образованіе Радищевъ получилъ въ Россіи. Дома онъ учился по Часослову и Псалтири, потомъ у француза (бѣглаго солдата). Зато, когда онъ перешелъ въ домъ своего родственника Мих. Ѳед. *Аргамакова*, А. Н. воспитывался вмѣстѣ съ его дѣтьми подъ руководствомъ эмигранта, образованнаго француза, а также пользовался уроками профессоровъ и преподавателей Московскаго университета. Аргамаковъ же записалъ его при коронаціи Екатерины II въ пажи и отправилъ его для продолженія образованія въ Пажескій корпусъ [1]).

Къ тому времени, когда Радищевъ состоялъ пажемъ, от-

---

[1]) Воспоминанія его сына *Николая Александровича Радищева*, въ «Русской Старинѣ» за 1872 г., т. VI, стр. 574.

носится планъ для обученія пажей, составленный академикомъ Герардомъ Фридрихомъ *Миллеромъ*—1765 г. Пунктъ 2-й этого плана упоминаетъ, что для обученія пажей потребенъ „учитель *философіи*, морали, естественнаго и народнаго права. Для лучшаго же упражненія можно все сіе преподавать на латинскомъ языкѣ“ [1]). „И обиліе предметовъ, и нравственное наблюденіе существовали на бумагѣ, въ планахъ и проектахъ, а какъ было въ дѣйствительности, это—другой вопросъ, и судя по многимъ даннымъ, дѣйствительность представляла мало утѣшительнаго“, заключаетъ Сухомлиновъ.

Второй періодъ образованія Радищева начинается съ посылки его, въ числѣ 12 другихъ молодыхъ людей для образованія въ Лейпцигскій университетъ.

Молодымъ людямъ приходилось учиться при очень скверныхъ условіяхъ, о чемъ подробно разсказываетъ самъ Радищевъ въ „Житіи“ своего товарища *Ушакова*, и что подтверждено оффиціальными документами. Но русскіе студенты жили, повидимому, дружною семьею, и несмотря на различныя увлеченія, въ общемъ занимались дѣломъ. Среди нихъ особеннымъ авторитетомъ пользовался по лѣтамъ старшій Ѳ. В. Ушаковъ, служившій еще до посылки заграницу чиновникомъ. Онъ бросилъ выгодную карьеру ради науки и своимъ неослабнымъ научнымъ рвеніемъ служилъ для прочихъ (особенно, для Радищева) примѣромъ. Ушаковъ интересовался философіею и въ этомъ направленіи вліялъ въ числѣ прочихъ и на Радищева.

Въ первые годы, 1767 по 1769 г. русскіе студенты обучались: *логикѣ* и т. д. [2]).

Въ 1769 г. знаменитости Лейпцигскаго университета,

---

[1]) Сухомлиновъ, стр. 543—544. Государственный Архивъ XIV, № 216.

[2]) Тамъ же, стр. 546.

профессора *Гоммель*, *Бемъ* и др. составили планъ обученія русскихъ студентовъ, распредѣленный на 4 семестра, по истеченіи которыхъ студенты должны были возвратиться въ отечество [1]): 1) по первому и второму пункту инструкціи нужно истолковать всю *практическую философію.*

Черезъ $1^1/_2$ года по пріѣздѣ нашихъ студентовъ въ Лейпцигъ отзывались объ ихъ успѣхахъ такимъ образомъ: „Всѣ генерально съ удивленіемъ признаются, что въ толь короткое время они оказали знатные успѣхи и не уступаютъ въ знаніи самымъ тѣмъ, которые издавна тамъ обучаются. Особливо же хвалятъ и находятъ отмѣнно искусными: во первыхъ—старшаго *Ушакова*, а по немъ *Янова* и *Радищева*, которые превзошли чаяніе своихъ учителей“ [2]).

„Намъ предписано было учиться всѣмъ частямъ философіи и правамъ, присовокупя къ онымъ ученіе нужныхъ языковъ.... И такъ, когда по общему школьному обыкновенію начали насъ учить прежде всего логикѣ, то Ѳ. В. (Ушаковъ) читалъ *Арново* искусство мыслить и основаніе философіи *С' Гравезанда* и, соображая ихъ мнѣнія со мнѣніями своего учителя, старался отыскать истину въ средѣ различія оныхъ“ [3]).

---

[1]) Стр. 547.

[2]) Письмо князя Бѣлосельскаго, изъ Дрездена, 29 апрѣля (10 мая) 1768 г. (Сухомлиновъ, стр. 547).

[3]) Стр. 64,65 въ «Житія Ушакова» (V т. ост. соч. Радищева). *Арно*— L'art de penser и *Гравезанда* Institutiones (см. ниже, стр. 64).

Антуанъ *Арно* (1612—1694), авторъ четвертыхъ возраженій на Декартовы „Медитаціи", составилъ (вмѣстѣ съ Николемъ) компендій логики, служившій учебникомъ въ *Port—Royal.*

Antoine Arnauld род. 6 февр. 1612 г. въ Парижѣ и былъ сынъ адвоката, защищавшаго въ 1594 г. въ парламентѣ Университетъ противъ іезуитовъ. Подъ вліяніемъ аббата Saint-Cyran, директора аббатства Port-Royal, Антуанъ пошелъ не по юридической, а по церковной карьерѣ. Послѣ богословскихъ штудій Антуанъ въ 1643 г. былъ причисленъ къ докторамъ Сорбонны. Но въ томъ же году его книга Fréquente Communion, своею суровостью противополагавшаяся послабляющей морали іезуитовъ, навлекла на него такую ненависть, что несмотря на поддержку Университета, парламента и части духовенства, Арно принужденъ былъ скрыться бѣгствомъ. Съ этого момента жизнь Арно протекаетъ въ борьбѣ, въ преслѣдованіи, въ изгнаніи. Въ 1656 г. Сорбонна въ противность всякимъ законнымъ формамъ вычеркнула его имя изъ своихъ списковъ за поддерживаніе янсенистскихъ положеній. Перемиріе между партіями въ 1668 г. доставило Арно нѣсколько лѣтъ покоя. Но уже въ 1679 г. преслѣдованія со стороны Парижскаго архіепископа Francois de Harlay, личныя опасенія Луи XIV и строгости противъ Порройяля принудили Арно покинуть родину. Онъ напрасно искалъ себѣ убѣжища въ Гентѣ, въ Брюсселѣ, въ Антверпенѣ, но, несмотря на преклонный возрастъ, болѣзни и опасность, продолжалъ писать

и бороться. Онъ умеръ въ Люттихѣ 8 августа 1694 г.— на 83 году отъ роду. По числу сочиненій, по глубинѣ богословскихъ познаній, по твердости характера и чистотѣ нравовъ Арно—одна изъ звѣздъ галликанской церкви; герой янсенисма, безстрашный противникъ іезуитовъ, точный и строгій мыслитель, онъ не отсталъ бы отъ своихъ соперниковъ и учителей — и въ философіи, если бы другія заботы, занятія и иная борьба не наполняли его жизнь и не поглотили этотъ мужественный разумъ (стр. III).

Полное собраніе сочиненій Арно вышло въ Лозаннѣ, 1775—1781 въ 42 томахъ in 4°; къ нимъ нужно присоединить еще 2 тома Traité de la Perpétuité de la Foi и 1 томъ жизнеописанія автора.

„Логика" Арно, появившаяся въ 1662 г., возникла вслѣдствіе взятаго Арно на себя обязательства представить учебный курсъ логики въ 3 раза меньшее время, чѣмъ 2 недѣли, въ теченіе которыхъ какой-то преподаватель научилъ логикѣ одного изъ собесѣдниковъ Арно. Вмѣстѣ съ *Nicole*'мъ Арно принялся за работу и менѣе, чѣмъ въ недѣлю, поспѣло „Искусство мыслить" для молодого герцога H. de *Chevreuse*. По свидѣтельству Расина (стр. XI, прим.), les (2) discours и прибавленія принадлежатъ Николю, участвовавшему и въ составленіи первыхъ частей: IV часть—о методѣ принадлежитъ одному Арно.

Французскіе ученые такъ характеризуютъ „Логику" Арно и Николя.

Логики Порройяля возобновили логику Аристотеля и схоластики съ картезіанской точки зрѣнія. Ихъ славное произведеніе вышло совершенно *французскимъ*—по ясности мысли, стиля и желанію быть пріятнымъ. Книга Арно и Николя не изъята отъ предразсудковъ; она въ нѣкоторомъ смыслѣ есть полемическое произведеніе. Но ихъ трудъ остается образцомъ практическаго руководства и принесъ свою долю для

освобожденія духа новаго времени. „Логика“ Порройяля распространила въ публикѣ доктрины Бэкна и Декарта. „Логика есть искусство хорошо руководить своимъ разумомъ въ познаніи вещей, одинаково и чтобы самому научиться, и чтобы научить другихъ“. Она раздѣляется на столько же частей, сколько есть операцій духа: мы можемъ понимать (concevoir), судить (juger), разсуждать (raisonner) и располагать (ordonner). Поэтому въ логикѣ и 4 части: 1) о идеѣ, 2) о сужденіи, 3) объ умозаключеніи (raisonnement) и 4) о методѣ [1]).

Oeuvres philosophiques d' Arnauld были изданы съ введеніемъ и примѣчаніями C. Jourdain'емъ, Par., 1843, и заключаютъ въ себѣ: Objections contre les Méditations métaphysiques de René Descartes 1—18, *La logique ou l' art de penser*, 21—339 и Des vraies et des fausses idées 347—531.

---

[1]) *Paul Janet* et *Gabriel Séailles*, Histoire de la philosophie. Les problèmes et les écoles, ч. I, III, глава III, стр. 527—528.

Что касается другого автора, то Guillaume-Jacob S' *Gravesande*, голландскій математикъ и философъ, род. въ Bois-le-Duc въ 1668 г, умеръ въ Лейденѣ въ 1742 г. Еще 19 лѣтъ онъ издалъ Essai sur la perspective; его отчеты о современныхъ научныхъ открытіяхъ и философскія диссертаціи въ Journal de la république des lettres обратили на него вниманіе. Въ качествѣ профессора при Лейденскомъ университетѣ онъ распространялъ идеи Галилея и Нютона. Развивая новые методы, и пропагандируя ихъ своими ясными и удобопонятными лекціями, онъ много способствовалъ успѣхамъ физическихъ наукъ. Оптика и физика обязаны Сен-Гравезанду большимъ числомъ остроумныхъ аппаратовъ; есть, напр., кольцо (носящее его имя и), доказывающее расширеніе твердыхъ тѣлъ подъ вліяніемъ теплоты; по его идеѣ устроенъ былъ первый геліостатъ; точно также замѣчательны его соображенія о гномоникѣ въ связи съ перспективой.

Главнѣйшіе труды Гравезанда: Physices elementa mathematica experimentis confirmata, sive introductio ad philosophiam newtonianam (La Haye, 1720, 2 тома in 4°); есть франц. переводъ *Joncourt*'а 1737 г. Сокращеніе этого труда: Philosophiae newtonianae *institutiones* (Лейденъ, 1723). Introductio ad philosophiam, metaphysicam et logicam (Лейденъ, 1736); франц. пер. Жонкура, тамъ же, 1737.

Его труды были собраны и изданы въ 2 томахъ in 4° въ Амстердамѣ въ 1774 г.: Oeuvres philosophiques et mathé-

matiques. Философскія воззрѣнія Гравезанда были заимствованы у Декарта, Лейбница, Локка и носили эклектическій характеръ.

„Самымъ популярнымъ профессоромъ въ Лейпцигѣ былъ *Платнеръ*, читавшій *философію* и физіологію. Онъ настаивалъ на общеніи науки съ жизнію, съ ея насущными потребностями и въ лекціяхъ своихъ затрагивалъ соціальные вопросы, подвергалъ критикѣ существующіе законы и общественные порядки, указывалъ вопіющую неправду въ отношеніяхъ между бѣдными и богатыми, сытыми и голодными и т. п. Но въ преподаваніи Платнера былъ весьма важный недостатокъ: оно не отличалось послѣдовательностью, а потому и не пріучало слушателей къ строго-систематическому мышленію“ [1]). Таково сужденіе Сухомлинова, вѣроятно, откуда-либо заимствованное и не совсѣмъ справедливое. Личность Платнера настолько замѣчательна, и его преподаваніе произвело такое впечатлѣніе на Радищева (несомнѣнно, что именно Платнеру, а не кому другому обязанъ Радищевъ превосходнымъ знаніемъ естественныхъ наукъ, какое онъ обнаружилъ въ своемъ трудѣ „О человѣкѣ“, какъ и Платнеру же обязанъ привычкой къ философскому анализу), что на немъ стоитъ остановиться.

Біографію Платнера, говоритъ историкъ нѣмецкой психологіи Max Dessoir (Dessauer), можно изобразить короче, нежели его положеніе въ исторіи психологіи [2]). Платнеръ происходилъ изъ старой лейпцигской профессорской семьи. *Ernst Platner*, младшій сынъ Johann Zacharias *Platner'a*, родился 11 іюня 1744 въ Лейпцигѣ, учился тамъ же медицинѣ

---

[1]) Стр. 549.

[2]) Стр. 321 въ Geschichte der neueren deutschen Psychologie, II Aufl. 1897, I Halbband.

съ 1762 г.; въ 1766 сталъ магистромъ, въ 1767 г. Dr. med. и доцентомъ, а въ 1770 послѣ долгаго научнаго путешествія по Франціи и Германіи экстраорд. проф. медицины при Лейпцигскомъ университетѣ. Въ 1780 г. получилъ орд. проф. физіологіи, и въ 1790 г. сталъ постояннымъ деканомъ медицинскаго факультета и оставался въ этомъ званіи до 1810 г., когда онъ сложилъ съ себя деканатъ, соединявшійся тогда со званіемъ старѣйшаго члена факультета. Деканатъ сталъ переходить между другими членами, Платнеръ же удержалъ за собою званіе prof. primarius, (какого никто не имѣлъ ни до, ни послѣ него)—до самой смерти 27 декабря 1818 г. Онъ считался однимъ изъ лучшихъ учителей своего времени. Къ сожалѣнію, онъ умеръ сумасшедшимъ.

Его естественнонаучныя работы въ области медицины касались, преимущественно, антропологіи, физіологіи, судебной медицины; эти труды, по большей, части, академическія программы, собраны въ Opuscula academica edidit *C. G. Neumann*, Brln, 1824 (къ нему прил. полный указатель сочиненій Платнера, включая его переводы съ французскаго), Quaestiones medicinae forensis (стр. I—XLIII, Lpz. 1797—1817, нѣмецкій перев. *K. E. Hedrich*, тамъ же 1820, переиздано *Ludw. Choulant*, тамъ же, 1824, подъ заглавіемъ Quaestiones medico-forenses et medicinae studium octo semestribus descriptum, Quaestionum physiologicarum libri duo, praeced. prooemium tripartit. de constituenda physiologiae disciplina, ib, 1794—Vermischte Aufsätze über med. Gegenstände, ib, 1796, —Vindiciarum sententiarum probabilium per systematis condendi festinationem de physiologia resectarum (I, Fermenta, II, Calidum innatum, III, Parenchyma, IV, Appetitus naturalis—ib, 1791, 1792). и Supplementa in Ioh. Zach. Platneri Institutiones chirurgiae (P. I, Lpz, 1773, нѣм. пер. 1776).

О Платнерѣ писали *Wenck*, Oratio secularis, Lpz, 1810, стр. 71, Denkmäler verdienstvoller Deutscher des 18. и 19.

Jahrhunderts, 3 Bändchen, Lpz, 1829, p. 57 (съ портретомъ), *Meusel*, VI, p. 117. Biogr. méd., VI, p. 434. Dict. hist. III, p. 725.

Читая наряду съ физіологіею и философію, Платнеръ оффиціально сдѣлался экстраординарнымъ профессоромъ философіи въ 1801 г., и скоро получилъ по философіи также ординатуру. Но его силы стали слабѣть, такъ что уже въ 1809 г. саксонское правительство вынуждено было пригласить въ Лейпцигъ другого профессора философіи.

Главнымъ философскимъ трудомъ Платнера являются его Philosophische Aphorismen, состоящія изъ двухъ частей: I.—логика и метафизика, II.—нравственная философія.

„Афоризмовъ" вышло въ свѣтъ 3 очень отличающихся другъ отъ друга изданія: I изд., I ч.—1776, II ч.—1782; II изд., I ч. 1784, II части не выходило; III изд., ч. I.—1793, 2. II—1800. Затѣмъ интересна и важна его Anthropologie für Aertzte und Weltweise, I изд. 1772—1774. Переработка: Neue A. f. Ae. u. W. Mit besonderer Rücksicht auf Physiologie, Pathologie, Moralphilosophie und Aesthetik (только) Erster Band. 1790. Въ 1783 г. появился Gespräch über den Atheismus, въ 1795—Lehrbuch der Logik und Metaphysik. Послѣ его смерти были изданы Mor. Erdmann *Engel*'емъ Vorlesungen über Aesthetik, Zittau, 1836. Изъ психологическихъ работъ извѣстны: Progr. II de vi corporis in memoria, 1767, Progr. anima quo sensu crescere dicitur, Lips., 1768, Progr. de natura animi quoad physiologiam etc, 1790, Progr., an ridiculum sit, animi sedem inquirere, 1795 и т. п.

О философіи Платнера писалъ спеціально Arthur *Wreschner*, Ernst *Platners* und Kants Erkenntnisstheorie mit besonderer Berücksichtigung von *Tetens* und *Aenesidemus*, Halle, 1891 (его же статьи въ Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik), также извѣстный *Heinze*, Ernst Platner als Gegner Kants, Lpz, 1880 и уже упомянутый *Дессауеръ*. Эти

труды довольно хорошо освѣтили значеніе дѣятельности Платнера, какъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ современниковъ и критиковъ Канта.

Философское направленіе Платнера [1]) есть скептицисмъ, находившій себѣ точки соприкосновенія сначала (до 1781 г.) съ воззрѣніями *Лейбница*, а позднѣе *Канта*. Въ области этики онъ, какъ и большинство эклектиковъ-моралистовъ въ періодъ „просвѣщенія", держался эвдемонисма, потомъ подвергся вліянію кантовыхъ воззрѣній. Этическіе взгляды Платнера таковы. Человѣкъ обладаетъ нравственными способностями: онѣ даютъ ему не только предписывать себѣ нравственный законъ, но и удовлетворять ему, разрѣшая споръ между чувственностью и требованіями нравственности въ пользу послѣднихъ. Объективнымъ назначеніемъ человѣка служитъ: помогать благополучію (Glückseligkeit) міра; человѣкъ вполнѣ можетъ достигнуть этого, если останется вѣрнымъ своему субъективному назначенію: стать истинно добродѣтельнымъ.

Изъ наукъ теоретической философіи Платнеръ считаетъ [2]) самою важною—*метафизику*; но прежде всего надобно заниматься *логикою*, подъ которою онъ понимаетъ точное психологическое и критическое изслѣдованіе всей человѣческой способности познанія: сюда же входятъ всѣ изслѣдованія объ ощущеніи, представленіи, вниманіи и т. д. Здѣсь мы часто встрѣчаемся съ преобразованіемъ доктринъ Вольфа. Апперцепція объясняется 4 факторами, каковы: впечатлѣніе въ органѣ души (т. е. въ мозгу), восприниманіе (das Auffassen) его и превращеніе въ образъ (Bild), признаніе (Anerkennen) черезъ отнесеніе воспринятаго къ какому-либо понятію и сознаніе предмета и представляющаго субъекта. Понятіе созна-

---

[1]) Dessoir, стр. 224.

[2]) Тамъ же, стр. 225.

нія нигдѣ не изслѣдуется. Внѣшній предметъ какбы даетъ толчокъ концу нерва („внѣшнее впечатлѣніе") и приводитъ тѣмъ въ движеніе den Nervengeist (тонкую нервную матерію); послѣдняя, достигая мозга, и сообщая движеніе его нервной матеріи („второе движеніе"), производитъ „внутреннее впечатлѣніе" (Eindruck), которое воспринимается душею при помощи вниманія. Разсудокъ (Verstand) признаётъ представленія по ихъ признакамъ, а разумъ (Vernunft) выдѣляетъ (auskennt) понятія, судитъ и умозаключаетъ, убѣждаетъ и сомнѣвается. Платнеръ часто и подробно изображалъ раздраженіе чувствъ предметами, но всякій разъ измѣнялъ свои мнѣнія. Сначала simulacra, настоящія копіи внѣшнихъ предметовъ, помѣщаются имъ въ centrum ovale. Потомъ онъ уже самъ считалъ физически невозможнымъ, чтобы „матеріальныя идеи памяти были фигурами и образами въ субстанціи мозга". Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ всетаки говоритъ объ ихъ „направленіяхъ": если направленія противоположны, то это де обозначетъ въ душѣ (seelisch) противорѣчіе.

Въ области психологіи Платнеръ вообще придавалъ большое значеніе помощи медицины и физіологіи; къ психологіи онъ причислялъ также логику, эстетику и даже бо́льшую часть этики [1]).

Перемѣнчивость въ философскихъ воззрѣніяхъ Платнера объясняется могучимъ на него воздѣйствіемъ Канта, сочиненія коего были для него, какъ онъ говоритъ Stoff zum Nachdenken und Reiz zum Widerspruch. Но Платнера нельзя считать кантовцемъ [2]): онъ всегда относился къ Канту съ критикою и старался сохранить самостоятельное по отношенію къ нему положеніе. Кромѣ „Критики чистаго разума", на

---

[1]) Dessoir, 226—227.

[2]) Wreschner, 6.

Платнера повліяли Philosophische Versuche *Tetens'a* и Aenesidemus *G. E. Schulze* [1]).

Въ похвалѣ Платнеру сходятся критики и историки различныхъ эпохъ и направленій. Знаменитый *Буле* называетъ Платнера остроумнѣйшимъ (geistvollsten) и ученѣйшимъ изъ новѣйшихъ философовъ и приписываетъ ему заслугу усовершенствованія психологіи и антропологіи путемъ примѣненія анатоміи и антропологіи. *Кругъ* выставляетъ на видъ громадное вліяніе его философскихъ лекцій и сочиненій, которыми онъ принесъ больше пользы для изученія философіи, чѣмъ кто-либо другой изъ философовъ. *Reinhold* очень часто имѣетъ въ виду его сочиненія. Современные рецензенты считали „Афоризмы" классическимъ произведеніемъ „великаго и многообъемлющаго генія Платнера" [2]). Наконецъ, *Гейнце* выхваляетъ Платнера за его глубокія познанія въ естествовѣдѣніи и за самостоятельное изученіе древности, древней и новой философіи и мѣткую психологическую наблюдательность.

Какова была личность Платнера, и какое онъ производилъ впечатлѣніе, можемъ мы судить по драгоцѣнному свидѣтельству нашего „русскаго путешественника" *Н. М. Карамзина*, который сохранилъ въ своихъ „Письмахъ" воспоминаніе о Платнерѣ. Будучи въ Лейпцигѣ, онъ не преминулъ посѣтить главную тамошнюю ученую знаменитость. Платнеръ принялъ его очень любезно и ввелъ его въ свой кругъ знакомыхъ. Карамзинъ, читавшій его труды, прослушалъ его лекцію. Платнеръ хорошо помнилъ своихъ способныхъ русскихъ учениковъ, особливо, *Радищева* и Кутузова; онъ старался и Карамзина убѣдить послѣдовать ихъ примѣру и основаться на нѣкоторое время въ Лейпцигѣ

---

[1]) Тамъ же, 4.

[2]) Wreschner, 1—2.

для научныхъ штудій. Приведемъ любопытные разсказы Карамзина, цитируя ихъ по маленькому изданію *Суворина* въ „Дешевой Библіотекѣ“.

Никто изъ Лейпцигскихъ ученыхъ такъ не славенъ, какъ докторъ Платнеръ, Эклектической Философъ, который ищетъ истины во всѣхъ системахъ, не привязываясь особенно ни къ одной изъ нихъ: который, напр., въ иномъ согласенъ съ Кантомъ, въ иномъ съ Лейбницемъ, или противорѣчитъ обоимъ. Онъ умѣетъ писать ясно, и кто хотя нѣсколько знакомъ съ Логикою и Метафизикою, тотъ легко можетъ понимать его. „Афоризмы“ Платнеровы весьма уважаются, и человѣку, хотящему пуститься въ лабиринтъ философскихъ системъ, могутъ они служить Аріадниной нитью. Мнѣ хотѣлось его видѣть, и отъ Г. Бека пошелъ я къ нему (15 іюля 1789 г.) Онъ живетъ за городомъ въ саду. Въ аллеѣ встрѣтилась мнѣ молодая жена его, Вейсеева дочь, и сказала, что Господинъ Докторъ дома. Минуты черезъ двѣ явился онъ самъ—высокій, сухощавый человѣкъ лѣтъ за сорокъ, съ острыми глазами, съ ученою миною и съ величавою осанкою. „Я уже слышалъ объ васъ отъ Г. Клейста“ сказалъ онъ и ввелъ меня въ свой кабинетъ. „Признаюсь вамъ, что я теперь занятъ“, продолжалъ онъ: „мнѣ надобно писать письма, завтра, въ этотъ часъ, прошу васъ къ себѣ“ и проч. Я извинялся, что пришелъ не во время, и кланялся, подвигаясь къ дверямъ.

„Какой, или какимъ наукамъ вы особенно себя посвятили?“ спросилъ онъ.

„Изящнымъ“, отвѣчалъ я, и закраснѣлся,—знаю, отъ чего,—можетъ быть и вы, друзья мои, знаете (стр. 115).

Нынѣ (іюля 16) поутру слышалъ я Эстетическую лекцію Доктора Платнера.

Эстетика есть наука вкуса. Она трактуетъ о чувственномъ познаніи вообще. Баумгартенъ первый предложилъ ее какъ особливую, отдѣленную отъ другихъ науку, которая—

оставляя Логикѣ образованіе высшихъ способностей души нашей, т. е. разума и разсудка—занимается исправленіемъ чувствъ и всего чувственнаго, т. е. воображенія съ его дѣйствіями. Однимъ словомъ, эстетика учитъ наслаждаться изящнымъ.

Превеликая зала была наполнена слушателями, такъ что негдѣ было упасть яблоку. Я долженъ былъ остановиться въ дверяхъ. Платнеръ говорилъ уже на каѳедрѣ. Все молчало и слушало. Никакой шорохъ не мѣшалъ голосу Г. Доктора распространяться въ залѣ. Я былъ далеко отъ него, однако же не проронилъ ни одного слова. Онъ говорилъ о великомъ духѣ или о Геніи.

Геній, сказалъ онъ, не можетъ заниматься ничѣмъ, кромѣ важнаго и великаго, кромѣ Натуры и человѣка въ цѣломъ. И такъ Философія, въ высочайшемъ смыслѣ сего слова, есть его наука. Онъ можетъ иногда заниматься и другими науками, но только всегда въ отношеніи къ сей; имѣетъ особливую способность находить сокровенныя сходства, аналогію, тайныя согласія въ вещахъ, и часто видитъ связь тамъ, гдѣ обыкновенный человѣкъ никакой не видитъ; и потому человѣку, котораго взоръ простирается не далеко, кажется бездѣлкою. Лейбницъ, великій Лейбницъ, проѣхалъ всю Германію и Италію, рылся во всѣхъ архивахъ, въ пыли и въ гнили молью источенныхъ бумагъ, для того, чтобы собрать матеріалы для Исторіи—Брауншвейгскаго Дому! Но проницательный Лейбницъ видѣлъ связь сей Исторіи съ иными предметами, важными для человѣчества вообще.—

Наконецъ во всѣхъ дѣлахъ такого человѣка виденъ особливый духъ ревности, который, такъ сказать, оживляетъ ихъ и отличаетъ отъ дѣлъ людей обыкновенныхъ. Я вамъ поставлю въ примѣръ Франклина, не какъ ученаго, но какъ Политика. Видя оскорбляемыя права человѣчества, съ какимъ жаромъ берется онъ быть его ходатаемъ! Съ сей минуты перестаетъ жить для себя, и въ общемъ благѣ забываетъ свое

частное. Съ какимъ рвеніемъ видимъ его текущаго къ своей великой цѣли, которая есть благо человѣчества!—Сей же духъ ревности оживляетъ и отличаетъ сочиненія великихъ Геніевъ. Естьли-бы можно было извлечь его, на прим., изъ Мендельзоновыхъ Философическихъ Писемъ, или Іерузалемовой книги о Религіи, то въ первыхъ осталось бы одно схоластическое мудрованіе, а во второй обыкновенные догматы Теологіи; но одушевляемыя симъ огнемъ, возвышаютъ онѣ душу читателя.—

Платнеръ говоритъ такъ свободно, какъ-бы въ своемъ кабинетѣ, и очень пріятно. Всѣ, сколько я могъ видѣть, слушали съ великимъ вниманіемъ. Сказываютъ, что Лейпцигскіе Студенты никого изъ профессоровъ такъ не любятъ и не почитаютъ, какъ его.—Когда онъ сошелъ съ каѳедры, то ему, какъ Царю, дали просторную дорогу до самыхъ дверей, „Я никакъ не думалъ васъ здѣсь увидѣть"—сказалъ онъ мнѣ—„а естьли-бы зналъ, что вы сюда придете, то велѣлъ-бы приготовить для васъ мѣсто". Онъ пригласилъ меня къ себѣ послѣ обѣда, и сказалъ, что хочетъ ужинать со мною въ такомъ мѣстѣ, гдѣ я увижу нѣкоторыхъ интересныхъ людей (стр. 117—120).

Іюля 16-го Карамзинъ въ назначенный часъ пришелъ къ Платнеру. „Вы, конечно, поживете съ нами", сказалъ онъ, посадивъ меня.—„Нѣсколько дней", отвѣчалъ я.—„Только? А я думалъ, что Вы пріѣхали *пользоваться* Лейпцигомъ. Здѣшніе ученые сочли бы за удовольствіе способствовать вашимъ успѣхамъ въ наукахъ. Вы еще молоды, и знаете Нѣмецкой языкъ. Вмѣсто того, чтобы переѣзжать изъ города въ городъ, лучше вамъ пожить въ такомъ мѣстѣ, какъ Лейпцигъ, гдѣ многіе изъ Вашихъ единоземцевъ искали просвѣщенія, и надѣюсь, не тщетно".—„Я почелъ бы за особливое щастіе быть вашимъ ученикомъ, Г. Докторъ, но обстоятельства, обстоятельства"... „И такъ мнѣ остается жалѣть, естьли они не позволяютъ вамъ на сей разъ остаться съ нами".

Онъ помнитъ К(утузова), Р(адищева) и другихъ русскихъ которые здѣсь учились. „Всѣ они были моими учениками", сказалъ онъ, „только я былъ тогда еще не то, что теперь".— „По крайней мѣрѣ ваши „Афоризмы" еще не были изданы"....

И въ самую ту минуту, какъ я, упомянувъ объ „Афоризмахъ", хотѣлъ просить у него объясненія на нѣкоторыя мѣста изъ нихъ, пришли къ нему съ Университетскими дѣлами. Онъ отправляетъ должность Ректора [1]).—У меня немного свободнаго времени", сказалъ онъ, „однакожь вы должны нынѣ со мною ужинать. Въ восемь часовъ велите себя проводить въ трактиръ *Голубого* Ангела" (стр. 121—122).

Въ этомъ трактирѣ „избранные Лейпцигскіе ученые ужинали вмѣстѣ одинъ разъ въ недѣлю и проводили вечеръ въ пріятныхъ разговорахъ" (стр. 124).

Въ 8 часовъ вечера Карамзинъ явился на ужинъ, гдѣ Платнеръ представилъ его ученой братіи (стр. 122). „Платнёръ за ужиномъ игралъ первую роль, то есть онъ управлялъ разговоромъ. Если вообще справедливо укоряютъ нѣмецкихъ ученыхъ нѣкоторою неловкостью обращенія, то, по крайней мѣрѣ, докторъ Платнеръ (и, конечно, вмѣстѣ съ многими другими) долженъ былъ исключенъ изъ сего числа. Онъ самый свѣтскій человѣкъ: любитъ и умѣетъ говорить; говоритъ смѣло, для того, что знаетъ свою цѣну (стр. 123).

Іюля 19 передъ отъѣздомъ изъ Лейпцига Карамзинъ получилъ отъ Платнера записку, „въ которой изъявляетъ онъ свое желаніе, чтобы я когда-нибудь пожилъ въ Лейпцигѣ долѣе и подалъ ему случай *заслужить мою благодарность* (стр. 132).

---

[1]) Декана медицинскаго факультета (см. выше, стр. 66).

Кромѣ Платнера, обогащавшаго умъ историко-филологическими и естественнонаучными свѣдѣніями, и дававшаго логическую выправку, у русскихъ студентовъ завелся еще одинъ „властитель думъ“—*Гельвецій*. О сочиненіи Гельвеція De l'esprit и объ его отношеніи къ труду Радищева (который въ значительной степени является его опроверженіемъ) будетъ у насъ рѣчь ниже. Съ Гельвеціемъ познакомилъ нашихъ студентовъ проѣзжій русскій вельможа. Насколько Гельвецій былъ въ модѣ среди русской знати, доказываетъ статья *А. Рачинскаго*: „Русскіе цѣнители Гельвеція въ XVIII вѣкѣ“ (по документамъ Московскаго Главнаго Архива Министерства иностранныхъ дѣлъ) [1]). Оказывается, что самый рѣзкій (посмертный) трудъ Гельвеція De l'Homme, de ses facultés intellectuelles et de son éducation появился въ свѣтъ, благодаря стараніямъ двухъ знатныхъ русскихъ, князей Голицыныхъ: вице-канцлера Императрицы Екатерины II и посланника ея въ Гаагѣ, Дм. Александровича [2]). Сочиненіе даже предполагали посвятить Императрицѣ.

Радищевъ разсказываетъ о своемъ первомъ знакомствѣ съ Гельвеціемъ такъ:

„Нѣкто (имя его утаю, дабы не произвести въ лицѣ его

---

[1]) Русскій Вѣстникъ, за 1876 г., т. 123, май, стр. 285—302.

[2]) Стр. 296.

краски стыда, или блѣдности раскаянія), нѣкто въ проѣздъ свой чрезъ Лейпцигъ оказывалъ отличное уваженіе къ Ѳедору Васильевичу (*Ушакову*) и хотѣлъ снискать его дружбу" [1]). Признаться надлежитъ, что Ѳ... присутствіемъ своимъ въ Лейпцигѣ и обхожденіемъ своимъ съ нами возбудилъ какъ въ Ѳ. Вас-чѣ, такъ и во всѣхъ насъ великое желаніе къ чтенію, давъ намъ случай узнать книгу *Гельвеціеву* о *Разумѣ*. Ѳ... толикое пристрастіе имѣлъ къ сему сочиненію, что почиталъ его выше всѣхъ другихъ; да другихъ, можетъ быть, и не зналъ. По его совѣту Ѳ. В. и *мы* за нимъ *читали* сію книгу, читали *со вниманіемъ*, и въ оной *мыслить научалися*. Лестна всякому сочинителю похвала иногда и невѣжды, но *Гельвецій*, конечно, равнодушно ее не принялъ, узнавъ, что цѣлое общество юношей въ его сочиненіи мыслить училося [2]). Въ семъ отношеніи сочиненіе его не малую можетъ всегда приносить пользу».

---

[1]) Житіе Ушакова, ч. I, стр. 58 (Собр. ост. соч. Радищева, ч. V).

[2]) Г. Гримъ, въ бытность свою въ Лейпцигѣ, извѣщенъ будучи, съ какимъ прилежаніемъ мы читали Гельвеціеву книгу о Разумѣ, по возвращеніи своемъ въ Парижъ сказывалъ о семъ Гельвецію (Прим. Радищева, стр. 60—61).

Переходимъ къ изложенію содержанія труда Радищева, которое сдѣлано у насъ довольно подробнымъ въ виду того, что это сочиненіе почти совершенно неизвѣстно въ литературѣ, а самое изданіе чрезвычайно рѣдко. Хотя языкъ Радищева нельзя не признать устарѣлымъ, но мы умышленно старались, по возможности, сохранить особенности стиля, дабы дать образчикъ философскаго слога русскихъ книгъ XVIII в. и въ частности стиля самого Радищева, о которомъ господствуютъ разнообразныя мнѣнія [1]). Кромѣ того, мы попутно старались отмѣчать (для историковъ литературы) все достопримѣчательное въ его сочиненіи по части сентиментальнаго направленія, современныхъ ему литературныхъ вкусовъ и т. д.

---

[1]) Сухомлиновъ, стр. 659, 660.

Книга I.

Главнымъ мотивомъ къ написанію сочиненія послужило „нечаянное переселеніе“ (т. е. попросту—ссылка) въ страну отдаленную, разлучившее Радищева съ его „возлюбленными“ и даже почти отнявшее надежду когда-либо видѣться съ ними. Это обратила его мысль на то состояніе, въ которомъ человѣкъ будетъ или можетъ находится по смерти, когда разрушится его составъ, прервется жизнь и чувствованіе. Неся свою мысль въ невѣдомую страну, авторъ хочетъ уловить, пускай неясность и неочевидность, но хотя токмо единую возможность, что нѣкогда паки облобызаетъ своихъ друзей и скажетъ имъ: *люблю васъ по прежнему*. Если бы волшебной силою перенестись въ обитаемую ими храмину, „я бы прижалъ васъ къ моему сердцу. Тогда все будущее и самая вѣчность исчезли бы, какъ сонъ“ [1]).

Обратимъ нашъ взоръ на человѣка, на самихъ себя: изъ того, что́ мы есть, потщимся опредѣлить или угадать, что́ мы будемъ или быть можетъ. Если наше бытіе или наша *единственность* (сіе столь чувственное *я*) хоть на одно мгновеніе продлится за предѣлъ нашихъ дней, то воскликнемъ въ радованіи: „мы будемъ паки совокупны и можемъ быть блаженны“! Но помедлимъ заключеніемъ, любезные мои! сердце въ восторгѣ нерѣдко ввергало разумъ въ заблужденіе.

---

[1]) Стр. 5—6.

Затѣмъ Радищевъ излагаетъ часть своего плана, „дерзновенные вопросы“, подлежащіе его слову. Прежде, нежели прорекать будущее, скажемъ, что̀ человѣкъ былъ до его рожденія. „Изведши его на свѣтъ, я провлеку его полегоньку чрезъ терніе житейское, и дыханіе потомъ исторгнувъ, ввергну въ вѣчность“ [1]). Гдѣ былъ человѣкъ до образованія тѣла? Что̀ онъ былъ? Измѣрялъ ли онъ до воплощенія небесные круги? Или пылинкою носился и терялся въ безднѣ вещества?

Что касается метода изслѣдованія, то надобно удалить отъ себя всѣ предразсудки и предубѣжденія и на стезѣ истины собрать нѣсколько фактовъ для познанія *естественности*—при свѣтильникѣ опытности.

Созерцать внутренность природы и понимать связь ея дѣяній могутъ лишь существа, превышающія человѣка. Но причину вещи или дѣйствія надобно искать не въ воображеніи; нельзя и основывать ее на вымыслѣ. Розыскивая, какъ вещь, дѣяніе или дѣйствіе суть, мы обнаружимъ тѣсныя и неявственныя ихъ сопряженія съ другими, сблизимъ единородные и сходственные факты, раздробимъ ихъ, разсмотримъ ихъ сходственности, паки раздробимъ ихъ слѣдствія: поступая отъ одного слѣдствія къ другому, мы вознесемся до общаго начала, средоточія истины, которое озаритъ всѣ ведущія къ ней стези [2]).

Поищемъ такихъ фактовъ касательно предрождественнаго существованія человѣка.

Человѣкъ зачинается во чревѣ жены, въ немъ растетъ, и дозрѣвъ, исходитъ на свѣтъ. Но дѣяніе пророжденія доселѣ пребываетъ таинствомъ: какимъ образомъ происходитъ зачатіе

---

[1]) Стр. 7.

[2]) Стр. 9.

и питаніе или приращеніе? Но и здѣсь можемъ провидѣть нѣчто поучительное. Сѣмя, отъ котораго зачинается зародышъ, существуетъ въ матери до плододѣянія, но для разверженія, для рощенія безсильно; это ясно, напр., въ животныхъ пернатыхъ (яйцо есть то же сѣмя). И у земной нашей собратіи, растеній, отличающейся отъ животныхъ лишеніемъ мѣстомѣняющейся способности и чувствованія, нужно зерно или сѣмя для произведенія.

Итакъ, сѣмя существуетъ не токмо до зачатія, но и до плододѣянія. Сіе одинаково и для тѣхъ, и для другихъ (для растеній доказано *Линнеемъ*) [1]) необходимо. По правилу сходственности то же можно сказать и о самомъ человѣкѣ: человѣкъ преджилъ до своего зачатія; сѣмя, содержащее будущаго человѣка, существовало, но лишенно жизни, т. е. способности расти и образоваться. Человѣкъ существуетъ [2]) въ женѣ до зачатія, но въ полуничтожномъ своемъ видѣ; ибо бытіе безъ жизни хотя не есть смерть, но полуничтожество, менѣе почти смерти. Нужна причина (плододѣятельная влажность мужская), чтобы воззвать сѣмя къ жизни—отъ бездѣятельности къ дѣянію, къ дѣйствительному бытію.

Сѣмя мужское даетъ жизнь; оно есть средство, коимъ сѣмя жены становится зародышъ. Если нужно, чтобы бездѣйственная вещественность для полученія движенія имѣла начальное удареніе, то для данія жизни нужно также удареніе плододѣятельнаго сока. Это удареніе не можетъ почесться простымъ или единственно механическимъ. Сокъ сей проницаетъ, кормитъ и образуетъ сѣмя женское. Но воззри, до коликой степени возвышенна бываетъ раздраженность и чувственность (Радищевъ ссылается на раздѣленіе чувственныхъ и раздра-

---

[1]) Стр. 12, прим.

[2]) Стр. 13.

жительныхъ частей по *Галлеру*, стр. 15, прим.) во время плотскаго соитія! Воззри, колико живоноснымъ веселіемъ оно сопутствуемо! Или любовь (и притяжаніе плотское) также естественна и въ естественности имѣетъ свое начало? Кусокъ хлѣба, тобою поглощенный, превратится въ нервенную жидкость и въ органъ твоей мысли. Такъ любовь, пріявъ начало въ тѣлесности, въ дѣйствіи своемъ столь же далеко отстоитъ отъ начала своего, какъ кусокъ снѣдаемый—отъ дѣйствія мозга въ мысленной силѣ. О ты, вкушавшій въ объятіяхъ возлюбленныя супруги кратчайшее, но величайшее веселіе на земли, на тебя ссылаюся: вѣщай, не казалося ли тебѣ, что се конецъ бываетъ твоея жизни! Я не сладострастную здѣсь картину начертать намѣренъ, но дѣйствіе. И дѣйствительно были примѣры (*Рафаэль*), что люди въ соитіи жизни лишалися. Раздраженность и чувственность крайне возвышаются въ сію минуту. Иначе быть тому нельзя: се настоитъ прехожденіе отъ ничтожества къ бытію, се жизнь сообщается! Послѣ соитія слабость примѣтна, ибо удѣляется жизнь своя.

Но можетъ ли сѣмя или зерно (еще не зародышъ) почесться человѣкомъ? За этимъ, повидимому, пустымъ вопросомъ слѣдуетъ другой болѣе казистой: если сѣмя предсуществуетъ въ самкѣ извѣстной до зачатія, то гдѣ оно было, доколѣ въ ней не образовалось въ видѣ сѣмени? [1]).

Дерзновенный, ты хочешь взойти до безконечности! Но воззри на свое сложеніе! Вооружай свое зрѣніе телескопами и микроскопами, и ты узришь, что ты ни на единую черту не можешь отдѣлиться отъ даннаго тебѣ пребыванія. И узришь хотя часть органа, мысль тебѣ дающаго (безъ которой ты не отличался бы отъ пресмыкающихся), но какое стекло дастъ узрѣть тебѣ твое существованіе? Безумный, оно ему не под-

---

[1]) Стр. 16.

лежитъ. Ты мыслишь органомъ тѣлеснымъ, какъ можешь ты представить собѣ что-либо, опричь тѣлесности [1])? Обнажи умствованіе твое отъ словъ и звуковъ, тѣлесность явится предъ тобою всецѣла; ибо ты—она, все прочее догадка.

Вѣроятнѣйшимъ предположеніемъ будетъ, что сѣмя въ женѣ начиналося. Но суть еще двѣ возможности, гдѣ существовало сіе сѣмя. Или сѣмя содержалося одно въ другомъ, изъ разверзшихся прежде его въ бытіе, и содержитъ въ себѣ всѣ сѣмена, сколько ихъ быть можетъ одно въ другомъ до безконечности. Или сѣмя сіе есть часть прежняго, которое было часть другого, прежде его къ жизни возваннаго, и можетъ дѣлиться паки на столько частей или новыхъ сѣмянъ, сколько то быть должно и можетъ; равномѣрно и отдѣленныя отъ него части паки дѣлимы быть имѣютъ до безконечности [2]). Безконечность..... все, чего измѣрить не можемъ, для насъ есть безконечно. Сѣмя образуется въ женѣ. Если всѣ свойства человѣка образуются постепенно, то для чего не сказать, что и жизнь образуется въ органахъ человѣка, сохраняясь дотолѣ въ сѣмени. Вѣдь силу (не только въ человѣкѣ, но во вселенной вообще) мы можемъ постигнуть только, когда она дѣйствуетъ органомъ, какъ и солнце есть чувственный органъ Всесильнаго. Не возможно ли душу уподобить минерализованному металлу? Огнь жизни, проткнувъ сѣмя, являетъ душу, какъ огонь, проникая руду, отдѣляетъ металлы во всемъ ихъ блескѣ.

Перейдемъ къ другому вопросу: сѣмя до зачатія (или человѣкъ въ предрождественномъ состояніи) могъ ли почесться разумною тварью, т. е. сопряжена ли была душа съ сѣменемъ, доколѣ не прешло сѣмя въ зародышъ. Признать за сѣменемъ

---

[1]) Стр. 17.

[2]) Стр. 18.

душу—слабое удовлетвореніе нашему высокомѣрію. Но что такое душа?—чувствованіе (орудіе его нервы) и мысль (органъ —мозгъ, источникъ нервъ). Безъ мозга или даже съ его поврежденіемъ изчезаютъ понятіе, воображеніе, память и т. д. Если же по общему закону природы сила дѣйствуетъ не иначе, какъ органомъ или орудіемъ, то человѣкъ до рожденія, а паче до зачатія своего есть только сѣмя [1])—и ничего болѣе. И хотя бы душа жила въ сѣмени до начатія вѣковъ, но вѣдь она не вспоминаетъ потомъ и ничего объ этомъ не знаетъ; значитъ, „я" настоящее, „я", отличающееся отъ всѣхъ другихъ собратныхъ существъ, не помня ничего о предрождественномъ своемъ состояніи, не есть то „я", что̀ было А хотя бы и было то же, то что̀ въ томъ пользы? Нѣтъ тождественности [2]) души въ этихъ двухъ состояніяхъ: не все ли равно, что она не существовала до зачатія или рожденія? Нельзя ли сказать (примѣчаніе), что нѣсть тождественности души въ рожденномъ состояніи и по смерти? Душа (сила, органъ которой разрушается), лишенная воспоминанія о воплощенномъ ея состояніи, будетъ особенна и даже будетъ высшимъ существомъ,—потому что лишится вмѣстѣ съ воспоминаніемъ всего, что̀ ея терзаетъ.

Поелику всякая сила дѣйствуетъ свойственнымъ ей органомъ, и сѣмя есть органъ для дѣйствія души (но не разверженный), то можно сказать, что сила живетъ въ органѣ,—и душа въ сѣмени. Смерть есть разрушеніе, или вѣрнѣе смерти нѣтъ въ природѣ, а есть лишь разрушеніе и преобразованіе. Если органъ—сѣмя еще не устроенъ, и не разверженъ, то отсюда не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ мертвъ.

---

[1]) Стр. 21.

[2]) На стр. 21 и въ прим. на стр. 22—очевидная опечатка: «торжественности души».

Сила жизни по разрушеніи можетъ, подобно другимъ, отходить къ своему началу или стихіи; такъ какъ каждая стихія одинакова, то частица оной можетъ пребывать сѣмени совокупна [1]).

Вотъ что можно сказать о предрождественномъ состояніи человѣка: много тутъ догадокъ и предположеній. Но вѣдь удостовѣриться можно лишь о томъ, что̀ предлежитъ чувствамъ. А чего не ощущаемъ, то заключаемъ по сходствію. Свѣденіе о вещахъ внутрезрительное нѣсть свойство нашего разума. И о прошедшемъ, и о будущемъ своемъ мы заключаемъ по сходствію. Блаженъ человѣкъ, если жребій его не есть блужденіе.

Затѣмъ Радищевъ переходитъ къ рожденію человѣка и по склонности, общей сентименталистамъ его вѣка, рисуетъ такую картину:

„Се насталъ часъ бытія и жизни!.... Представимъ себѣ мужа и жену въ цвѣтущихъ силою лѣтахъ, горящихъ взаимною любовію; представимъ себѣ невинныя ихъ лобзанія, преддверіе веселія. Представимъ ихъ на непорочномъ ложѣ, вкушающихъ его пріятности; ужели думаешь, что восторгъ, изступленіе, забвеніе самого себя (во время соитія) суть напрасны и должны существовать безъ намѣренія? Когда есть цѣль малѣйшему микроскопическому звѣрьку, ужели думаешь, что величайшее плотское веселіе не имѣетъ оной? И можно ли въ ней ошибиться! Намѣреніе есть чувствованіе, цѣль— жизнь [2]).

Далѣе (стр. 25—27) Радищевъ съ большимъ знаніемъ дѣла передаетъ тогдашнія гистологическія и эмбріологическія свѣденія о томъ, что̀ бываетъ, когда уже жена зачала во

---

[1]) Стр. 23.
[2]) Стр. 24—25.

чревѣ"—сердце бьется въ зародышѣ даже съ перваго дня соитія и т. д., человѣкъ кормится пуповиною, какъ растеніе корнемъ. Наконецъ органъ разумныхъ силъ уже готовъ, какъ *гладкая таблица* готова на воспріятіе впечатлѣній. И се рождается дитя—человѣкъ да будетъ!

Итакъ изшелъ на свѣтъ вѣнецъ сложеній вещественныхъ, царь земли, но единоутробный сродственникъ, братъ всему живущему на землѣ, не токмо звѣрю, но растенію, даже металлу.... *землѣ* [1]).

Разбираются черты сходства человѣка съ минералами, растеніями и животными.

Если кристаллы, металлъ или другой камень образуется по закону смежности, то и части человѣка, несмотря на свою искусственность, слѣдуютъ тому же правилу. Съ другой стороны, прилежное розысканіе показуетъ (*хотя еще вниманія на то не обращено*), что и въ царствѣ ископаемомъ для образованія нужна *матка*, и что она безплодна (вѣроятно) безъ мужскаго сообщенія. Металлическая жила, земли купоросная, селитренная—развѣ не матки? а пары металлическіе, купоросный и селитренный газъ—не мужескій сокъ? Образованіе есть цѣль и кристаллизаціи, и рудѣненія и зачатія. Образованіе есть видимое дѣйствіе, а причина? то же начало и даетъ тебѣ жизнь, и дѣйствуетъ въ началѣ смежности [2]).

Эти сходственности человѣка съ другими тварями и подчиненность его тѣмъ же самымъ законамъ ничуть не унижаютъ человѣка. Онъ вещественъ, значитъ, быть иначе не можетъ. Но потомъ авторъ обѣщается показать его „отличеніе" [3]) и сопричастность высшему порядку существъ, бытіе которыхъ можно лишь угадывать, но нельзя ни ощущать, ни понимать.

---

[1]) Стр. 27.

[2]) Стр. 28. Здѣсь аналогіи Радищева, хотя и оригинальныя, ничуть не уступаютъ позднѣйшимъ измышленіямъ шеллинговцевъ.

[3]) См. ниже, со стр. 88.

Человѣкъ, сходствуя съ подземными (то есть съ металлами и минералами), наипаче сходствуетъ съ растеніями. Мы не скажемъ, какъ *нѣкоторые умствователи* (т. е. какъ *Ляметри*): „человѣкъ *есть* растеніе"; велики сходства, но и разность неизмѣрима. Мы находимъ въ растеніи питательный сокъ, различіе половъ и т. д.; растеніе есть существо живое, а можетъ быть, и чувствительное (его чувствительность, быть можетъ, — одна раздражительность). Вертикальное положеніе растеній сходствуетъ единому человѣку. Нельзя согласиться также, чтобы обращеніе соковъ дѣйствовало въ нихъ по простымъ гидростатическимъ правиламъ. Въ растеніяхъ существуетъ истинная жизнь [1]). Они на земли не токмо для обновленія родовъ своихъ, но служатъ въ пищу высшей степени существамъ. Органическое тѣло сохраниться можетъ только пищею; каждый родъ органическихъ веществъ питается органическими же. сходствующими съ его органами веществами и принимаетъ въ пищу жизнь, почерпаемую изъ нижняго рода веществъ, и единообразную той, которая движетъ его органы [2]).

Паче всего сходствуетъ человѣкъ съ животными; вмѣстѣ съ ними онъ отличается отъ растеній тѣмъ, что имѣетъ уста, тогда какъ растеніе все—уста, сося и кореньями, и листвіемъ. Насѣкомыя же, какъ и гниды, суть токмо ротъ, желудокъ и его продолженіе. Всѣ органы и чувства человѣка имѣются и у животныхъ—въ назначенной ихъ постепенности. Побужденіе къ пищѣ равно терзательно и усладительно для всѣхъ живущихъ на лицѣ земли, не исключая и растеній. Растеніе гибнетъ, если вырвать его изъ земли или замкнуть токмо источники небесные. Въ животномъ, какъ въ человѣкѣ, то же самое:—улетаетъ жизнь, сей безвещественный огонь.

---

[1]) Стр. 30.

[2]) Стр. 31.

На стр. 32—33 Радищевъ весьма подробно и художественно рисуетъ картину постепеннаго обмиранія и смерти отъ истощенія голодомъ, обнаруживая опять-таки хорошее знаніе медицинскихъ наукъ.

Кромѣ побужденія къ питанію, человѣкъ сходствуетъ съ животными и растеніями въ плодородіи, даже уды дѣтородные имѣетъ сходственные со многими животными. Эти уды удалены отъ главы и лежатъ въ нижней половинѣ человѣка въ силу возниченнаго его положенія. У растеній они, напротивъ, суть главы и ихъ краса. «О ты, возмогшій проницательностію твоею узрѣть сіе таинство природы, безсмертный *Линней*, не возгнушайся жертвоприношеніемъ желающаго тебя постигнуть! цвѣтокъ есть одръ любовный, ложе брачное, на коемъ совершается таинство порожденія“ [1].—Есть разница съ человѣкомъ (напр., у всѣхъ птицъ) въ порожденіи; но сходны съ нимъ всѣ живорождающія: напр., многія самки носятъ 9 мѣс., родятъ одного и воскармливаютъ его сосцами. Равномѣрно и внутренность человѣка сходствуетъ со внутренностью животныхъ, какъ мы наблюдаемъ при разсмотрѣніи костей, мышцъ, нервъ, легкихъ, желудка, обращенія крови (изъ сердца съ его 4 отдѣл.), движенія лимфы, строенія желѣзъ и всѣхъ отдѣлительныхъ каналовъ, чашечной ткани и наполняющаго ее жира, наконецъ, мозга и зависящихъ отъ него дѣяній, понятія, памяти, разсудка. Не унизитъ человѣка—сказать, что звѣри имѣютъ способность размышлять. «Тотъ, кто ихъ одарилъ чувствительностію, далъ имъ мысль, склонности и страсти; и нѣтъ въ человѣкѣ, можетъ быть, ни единыя склонности, ни единыя добродѣтели, коихъ бы сходственности въ животныхъ не находилося» [2]).

---

[1]) Стр. 34.

[2]) Стр. 35. Очевидно, мысль о «сравнительной психологіи» не была чужда и XVIII вѣку.

Нашедъ многочисленныя сходственности, нужно видѣть и отличія человѣка отъ другихъ животныхъ. Ему одному прямо ходить должно—не такъ, какъ медвѣди и обезъяны иногда дѣлаютъ, а въ слѣдствіе самого сложенія (широкая ступня, большой у ноги палецъ, положеніе другихъ съ движущими ступню мышцами). Сложеніе человѣка доказываетъ, что человѣкъ не пресмыкаться долженъ по землѣ, а смотрѣть за ея предѣлы (хотя прямое хожденіе есть слѣдствіе искусственнѣйшаго ученія). Паче же всего отличаетъ человѣка отсутствіе предѣловъ въ совершенствованіи и въ развращеніи: ни одно животное не успѣваетъ толико въ худомъ и добромъ. Звѣрство человѣка неограниченное: *убивая братію свою хладнокровно*, онъ повинуется власти, которую самъ создалъ [1])... И какой звѣрь, кромѣ его, лакомится себѣ подобнымъ? Напротивъ, какое великодушіе, отриновеніе самого себя (т. е. въ другихъ случаяхъ и личностяхъ?)!

Несмотря на то, что сложеніе человѣка беззащитнѣйшее, а составъ его нѣжнѣйшій, онъ имѣетъ твердѣйшее здоровье, разсѣянъ во всѣхъ климатахъ (не то, что животныя) и противостоитъ всѣмъ непогодамъ. Самая беззащитность родила вымыселъ, и человѣкъ облекся въ одежду. Происхожденіе ея Радищевъ относитъ, впрочемъ, не на счетъ единыя нагости, ибо въ жаркихъ странахъ тягостенъ и малѣйшій на тѣлѣ покровъ, а тамъ всетаки носятъ опоясье. Стыдливость есть корень сего обыкновенія. „Когда многихъ родовъ самки звѣрей дубравныхъ ждутъ прислуги самца и обуздываютъ свою похотливость, то ужели самкѣ человѣческой—стыдъ будетъ чуждъ? [2]) Возниченное положеніе, открывая дѣтородныя части въ чело-

---

[1]) Стр. 37.

[2]) Стр. 38.

вѣкѣ, влечетъ, кажется, „за собою неминуемое слѣдствіе, опояску“.

Паче всего кажется человѣкъ къ силамъ умственнымъ образованъ. Онъ долѣе всѣхъ учиться долженъ, ибо нуждается въ большемъ знаніи. Горизонтальное положеніе звѣрей обращаетъ ихъ чувства книзу и опредѣляетъ ихъ блаженство въ насыщеніи желудка: вѣдь и другое чувственное блаженство — соитіе всѣмъ имъ временно, тогда какъ человѣку одному не поставлено въ немъ мѣры. Изъ числа звѣрей нельзя исключать и обезьянъ (даже орангъ-утанга), коихъ руки и ноги, вообще внѣшность не похожа на человѣческія. А эскимы и др., сколь они ни уродливы (если можно называть уродствомъ разнообразіе природы), но члены ихъ соразмѣрнѣе членовъ обезьяны.

Бюффонъ назвалъ обезьянъ четверорукими; но по ихъ сложенію надо причесть ихъ къ четвероногимъ, ибо у нихъ нѣтъ той точки равновѣсія, которая, воздымая человѣка отъ земли, дѣлаетъ его шествіе возниченнымъ и видъ пріятнымъ.

Хотя человѣкъ наиболѣе опредѣленъ къ мысленнымъ дѣйствіямъ, но не удалось найти важныхъ отмѣнъ (противу животныхъ) въ образованіи головного мозга, въ которомъ, какъ то *всякому чувствительно*, обитаетъ мозгъ. Также не дознано анатоміею (несмотря на многочисленные опыты *Галлера*), отъ чего зависятъ въ мозгу память, воображеніе, разсудокъ и др. силы умственныя. Пролить на это свѣтъ, быть можетъ, *совсѣмъ невозможно*, если разсудить, что дѣйствіе разума есть *нераздѣлимо* [1]). Рѣшаютъ дѣло какимъ-то вымышленнымъ движеніемъ малѣйшихъ мозговыхъ фибръ, но гдѣ находится среда, въ которую стекаются всѣ сіи движенія, никто не видалъ, ибо пинеальная желѣза, мозольное тѣло *суть ли* (?) истин-

---

[1]) Стр. 41.

ное пребываніе души, о томъ только прежде гадали, а нынѣ молчатъ. Опыты суть основаніе всего *естественнаго познанія* (т. е. естествознанія); это показали распространеніе просвѣщенія и общій разумъ. Отличіями человѣческаго мозга можно развѣ лишь считать соразмѣрное его сложеніе и изящнѣйшее положеніе.

Нѣкоторые писатели (какъ *Лафатеръ*, *Камперъ*, *Гердеръ*, коихъ теоріи излагаются Радищевымъ на стр. 42—44), представивъ себѣ мысленныя линіи, проведенныя по человѣческому образу, искали различія человѣка отъ животныхъ, даже различія между народами и между отдѣльными людьми въ различныхъ углахъ, происходящихъ отъ пересѣченія этихъ линій. „Вотъ какъ человѣкъ пресмыкается въ стезѣ", замѣчаетъ Радищевъ [1]), „когда онъ хочетъ уловить природу въ ея дѣйствіяхъ". Онъ воображаетъ себѣ точки и линіи, подражая ея образамъ,—движеніе, тяжественность, притяженіе—при истолкованіи ея силъ, онъ дѣлитъ время часами, днями и т. д. и свой шагъ ставитъ мѣрою ея пространству. Но не шагъ и не милліоны милліоновъ шаговъ, а безпредѣльность—ея мѣра, а силы и образы ея—всеобщая жизнь.

Гельвецій не безъ вѣроятности утверждалъ, что руки были человѣку путеводительницы къ разуму: имъ онъ обязанъ изобрѣтеніемъ художествъ, рукодѣлій и научныхъ пособій. Но изящнѣйшее чувство осязанія неограничено на единые персты рукъ: удивительно, что̀ возможетъ человѣкъ и лишенный ихъ.

Осязаніе человѣка уступаетъ тому же чувству у паука, но такая степень была бы ему безполезна, ибо была бы несоразмѣрна съ другими чувствами и понятіемъ его. Въ силу отдаленія отъ лица земли притупѣли чувства обонянія и вкуса, ибо пер-

---

[1]) Стр. 44.

вою цѣлью перестало быть прокормленіе. А поскольку они необходимы, рука, вооруженная искусствомъ, стократно замѣняетъ недостатокъ.

И всетаки даже эти чувства въ человѣкѣ изящнѣе. Сравни дѣйствіе ихъ въ сладострастномъ Сибаритѣ или въ жителѣ пышныхъ столицъ съ дѣйствіемъ ихъ же въ животныхъ, и скажи, гдѣ перевѣсъ. Песъ превосходитъ человѣка въ угадываніи слѣдовъ звѣря, а человѣкъ изыскательнѣе въ благовоніи слѣдовъ [1]).

Человѣкъ равно преимуществуетъ предъ другими животными въ чувствахъ зрѣнія и слуха. У нихъ слухъ служитъ на отдаленіе опасности, на открытіе удовлетворительнаго въ пищѣ. Въ человѣкѣ (да развѣ лишь въ пѣвчихъ птицахъ отчасти) ухо ощущаетъ благогласіе, и звукъ тайно сопряженъ съ внутренностію. Но и птица ощущаетъ ли всѣ страсти, какія удобенъ при равномѣрномъ сложеніи звуковъ ощущать человѣкъ? О вы, душу въ изступленіе приводящіе, *Глюкъ*, *Паизелло*, *Моцартъ*, *Гайденъ*, о вы, орудіе сихъ изящныхъ слагателей звуковъ, *Маркези*, *Мара*, неужели вы не разнствуете съ чижемъ или соловьемъ? Не отъ птицъ учился человѣкъ музыкѣ: его собственное ухо, коего положеніе въ головѣ передъ другими животными вглубленное, несетъ прямо въ душу звукъ, сопряженный съ мыслію. Уши звѣрей—заостренныя и всѣ лежащія. Разсмотрѣніе уха пѣвчихъ птицъ, полагаетъ Радищевъ, *будетъ когда-либо* сему яснымъ доказательствомъ [2]).

Человѣкъ не столь имѣетъ зрѣніе дальновидно, какъ орелъ; но кто паче его возмогъ вооружить свое зрѣніе и расширить его до безпредѣльности? кто сравнится съ *Левенгукомъ*, съ

---

[1]) Стр. 46.

[2]) Стр. 47, прим.

Гершелемъ? Человѣкъ досязаетъ туда, куда достигалъ прежде единою мыслію, и почти превышаетъ самое воображеніе. Но изящность зрѣнія его состоитъ въ созерцаніи соразмѣрностей въ образахъ естественныхъ. Не изящность ли зрѣнія, изощреннаго искусствомъ, произвела всѣ памятники живописи, ваянія и архитектуры?

Одинъ человѣкъ одаренъ рѣчью, безъ которой теряли бы свое значеніе другія его преимущества. Онъ единъ въ природѣ велерѣчивъ,—всѣ его живыя собратія нѣмы. Онъ только имѣетъ нужные для рѣчи органы.

Сорока, скворецъ или попугай могутъ подражать человѣку въ произношеніи нѣкоторыхъ словъ, снѣгирь или канарейка—въ пѣніи; но человѣкъ въ подражаніи всѣхъ звуковъ пѣнія превосходитъ всѣхъ животныхъ, почему одинъ англинскій писатель справедливо назвалъ его *насмѣшникомъ* [1]).

Рѣчь есть средство къ собранію мыслей во едино. Столь малѣйшее орудіе, языкъ, есть творецъ всего, что́ въ человѣкѣ есть изящно. Правда, есть языкъ тѣлодвиженій. Но шествіе разума безъ звучныя рѣчи было бы томно и пресмыкающееся. Аббе де *Л'епе*, возмогшій рѣчію одарить нѣмого, содѣлавшій чудо, ничего не содѣлалъ бы, если бы самъ былъ безгласенъ, и рѣчь не изощрила бы силы его разума. Но нѣмой, наставленный имъ, не можетъ воспарить разумомъ до изобрѣтеній одареннаго рѣчью; онъ причастенъ въ нашихъ размышленіяхъ, но его разумъ изощряется болѣе подражаніемъ, чѣмъ своею силой; онъ лишенъ многихъ внутреннихъ чувствованій и не понимаетъ изъявленій оныхъ. Рѣчь, расширяя мысленныя силы, становится почти изъявленіемъ всесилія.

Осмотрѣвъ человѣка въ его внѣшности и внутренности,

---

[1]) Стр. 49.

Радищевъ хочетъ поискать въ „дѣйствіяхъ его сложенія“ чего-либо, что̀ можетъ дать вѣроятность безсмертія, или же что̀, обнаруживъ какое-либо противорѣчіе, покажетъ идею вторыя жизни—нелѣпостію. „Если заблужденіе предлежитъ намъ въ стезѣ нашей, источникъ истины, Всеотче! простри лучъ на разумѣніе наше! Желаніе наше въ познаніи нелицемѣрно и не тщеславіемъ вождается, но любовію“ [1]).

Внѣшнее сложеніе человѣка показываетъ, что онъ менѣе всѣхъ животныхъ способенъ къ хищности: у него нѣтъ ни когтей, ни клыковъ. Зубы его, кажется, доказываютъ, что пища овощная сходственнѣе его сложенію, чѣмъ мясная [2]); да когда онъ и ѣстъ мясо, то измѣняетъ его существенность вареніемъ. Съ другой стороны, сложеніе рукъ препятствуетъ ему укрываться тамъ, гдѣ могутъ животныя, имѣющія когти, а стоящее положеніе препятствуетъ избѣгать опасности бѣгствомъ; искусные же персты даютъ ему оборону изъ дали. Итакъ, человѣкъ по тѣлесному сложенію, кажется, рожденъ къ тишинѣ и миролюбію. О какъ онъ удаляется отъ своея цѣли! Желѣзомъ и огнемъ вооруживъ руки, онъ возсвирѣпѣлъ паче льва и тигра и убиваетъ не съ голоду, не въ снѣдь себѣ, но на увеселеніе, но хладнокровно. „О, тварь, чувствительнѣйшая изъ всѣхъ земнородныхъ! на то ли тебѣ даны нервы?“

Болѣе всѣхъ животныхъ человѣкъ любитъ соблюденіе своего благообразія, стремленіе къ которому (въ видѣ опрятности) замѣчается и у нѣкоторыхъ звѣрей, и птицъ. Прейдемъ молчаніемъ охоту къ украшенію своего тѣла, примѣчаемую во всѣхъ народахъ, и дикихъ, и ученѣйшихъ; умолчимъ, сколь всѣ украшенія уродуютъ тѣло вмѣсто усугубленія его красоты. Когда же изящнѣйшія [3]) черты изобразить хочетъ человѣкъ, то онъ

---

[1]) Стр. 51.

[2]) Стр. 52. Доводъ нынѣшнихъ вегетаріевъ.

[3]) «Изящныя»—любимое слово Радищева.

изображаетъ нагость. Облеки въ одежду Медицейскую Венеру, она ничто иное будетъ, какъ *развратная жеманка* европейскихъ столицъ: лѣвая рука ея цѣломудреннѣе всѣхъ вообразимыхъ одеждъ. Съ другой стороны: власы растерзанные, лице, испещренное жженіемъ, колоніемъ и краскою, уши или носъ дырявые, губы разрѣзанныя и т. п. Привычка заставляетъ находить украшеніемъ то, что́ мы сами съ нѣкоторою отмѣною почитаемъ безобразностью. Итакъ опрятность и благопристойность, свойственныя человѣку, учили бы его сохраненію своего образа въ природномъ видѣ, если бы превратность не учила другому. Здѣсь при удобномъ случаѣ Радищевъ разражается страстною тирадой противъ обычнаго въ его время юридико-криминалистическаго членовредительства: „А ты, о превратнѣйшій изъ всѣхъ, ибо употребляешь насиліе власти, *о законодавецъ—тигръ*! Почто дерзаешь уродовать благообразіе человѣка? Онъ, хотя преступникъ, но тотъ же человѣкъ. Вникни въ его естественность, увидишь, что благообразіе ему дано Тѣмъ, Кто жизнь ему далъ. Ты уничижилъ его паче всякія твари, отъемля у него образованіе. И какая въ томъ польза?“ [1])

Слѣдствіемъ нѣжности въ нервенномъ сложеніи и раздражительности въ сложеніи фибровъ человѣкъ паче всѣхъ есть существо соучаствующее (соучаствованіе и въ звѣряхъ примѣчается). Жаль видѣть обезображеніе даже неодушевленнаго (развалины, слѣды опустошенія отъ огня и стали, слѣды гнѣва стихій, напр., зыбленія земли). Глубокопроницающая печаль обойдетъ твое сердце, и ты, если ты не камень, потрясешься и заплачешь [2])!

---

[1]) Стр. 55.

[2]) Признаки литературнаго направленія сентименталисма (Стернъ и др.).

Стрѣла болѣзни проходитъ душу, особенно, когда мы присутствуемъ при терзаніяхъ животнаго. Обыкнувъ себя примѣнять ко всему, человѣкъ въ страждущемъ зритъ себя. Уже чувствіе посредствомъ органовъ глазныхъ производитъ ужасъ. А слушая визгъ, хриплѣніе и томящееся журчаніе, мы приходимъ въ изступленіе. Чувствованіе предваряетъ разсудку: онъ молчитъ, и страждетъ естественность. Человѣкъ сопечалится человѣку и совеселится ему. Войди въ храмину, гдѣ веселіе распростерло жизнодательную масть свою въ сердца, гдѣ руки плещутъ, и ноги сопутствуютъ восторгу, а паче грудь, исполненная утѣхи, образуетъ гласъ въ радованіе, и гортань поетъ: и если ты не Альцестъ или не Тимонъ,—ты не воспоешь ли съ поющими, не умножишь ли хоровода плящущихъ?—Развѣ лишь по дряхлости.... Ты не токмо сочувствующее существо, но и подражательное: тамъ, гдѣ Ѳирсъ Вакховъ вооруженъ блистаетъ, какъ не быть Вакхантомъ?

Сіе соучаствованіе человѣку толико сосущественно, что на немъ основалъ онъ свое (эстетическое) увеселеніе, къ немалой чести изобрѣтенію разума человѣческаго служащее. Поэтому такъ и дѣйствуютъ на насъ изваяніе Лаокоона, произведенія *Корреджія*, *Альбана*, *Ангелики Кауфманъ*, а „на позорищѣ“ безсмертныя произведенія *Вольтера*, *Расина*, *Шекспира*, *Метастазія*, *Мольера* и многихъ другихъ, *не исключая* и нашего *Сумарокова* [1]). Меропа, Зопиръ, Ричардъ, Макбетъ—вотъ типы, особенно потрясающіе Радищева. „О чувствительность, о сладкое и колющее души свойство! тобою я блаженъ, тобою стражду! Представьте себѣ театральное позорище и всѣ его утѣхи для ока и уха: кто сказать можетъ,

---

[1]) Стр. 58. Любопытное для насъ сопоставленіе именъ драматурговъ (по воззрѣнію Радищева).

что человѣкъ не превыше всего на землѣ поставленъ". Здѣсь Радищевъ дѣлаетъ автобіографическое признаніе: „Увеселеніе юныхъ дней моихъ! къ которому сердце мое столь было прилѣплено, въ коемъ никогда не почерпалъ развратности, отъ коего отходилъ всегда паче и паче удобренный, будь моимъ чадамъ истиннымъ упражненіемъ, а не тратою драгоцѣннаго времени!"

Человѣкъ есть существо подражательное; подражаніе есть послѣдованіе предъидущаго и отрасль соучаствованія. Воздержимся изслѣдовать, какой механизмъ существуетъ въ подражаніи и соучаствованіи, какъ внѣшній образъ или звукъ образуютъ нашу внутренность. Всетаки авторъ приводитъ двѣ гипотезы касательно этого великаго гносеологическаго вопроса. Происходитъ ли то, въ I случаѣ, какими-либо лучами, отражающимися отъ внѣшнихъ тѣлъ (какъ будто электрическое вещество, исходящее завострѣніями) и несущими образъ на сѣть глазную посредствомъ свѣтильнаго вещества; производитъ ли, въ другомъ случаѣ, звукъ, раздающійся въ ухѣ нашемъ, и тимпанъ онаго ударяющій,—въ нервахъ дрожаніе, подобное струнному орудію (что́ вѣроятно);—или нервенный сокъ, пріявъ въ себя внѣшніе образы, содѣлываетъ внутренною чувственную имъ сходственность? Это все догадки. Мы не скажемъ, *какъ* это происходитъ (не вѣдаемъ причинъ), а просто: *оно есть*. Давно всѣмъ извѣстно, что, живучи съ другими, человѣкъ пріемлетъ ихъ привычки (какъ дѣти обладаютъ не только привычками родителей или наставниковъ, но даже ихъ страстьми). Неудивительно, что частое, долговременное повтореніе можетъ обратиться въ привычку; но подражательность такъ свойственна человѣку, что единое мгновеніе приводитъ ее въ дѣйствительность.

Примѣръ: *Сципіонъ* въ отвѣтъ на обвиненіе повелъ толпу благодарить боговъ за побѣду, одержанную подъ его вожденіемъ. И десятая доля не слышала его изреченія, но онъ по-

шелъ, друзья за нимъ,—и всѣ машинально послѣдовали имъ. *Месмеръ*, новаго рода врачъ, основавъ свое искусство на естественномъ подражаніи, казалось, приводилъ въ движеніе силу неизвѣстную. Но если бы подумали, что всѣ зѣваютъ, если одинъ зѣвнетъ въ скучномъ собраніи,—то месмерово чудо не казалось бы таковымъ [1]). Сидящіе около чана содрогались, едва видя одного въ содроганіи. Воображеніе ли, или другое что дѣйствовали надъ ними, но потрясеніе нервенной системы истинно всѣ чувствовали. Въ магнетизмѣ—явное доказательство подражательности непреоборимой.

Различіе половъ есть повсемѣстное постановленіе природы: на немъ основано сохраненіе родовъ животныхъ и растеній, а можетъ быть, ископаемыхъ [2]). Столь же общій законъ природы—побужденіе одного пола къ другому; сила притяженія (въ химическихъ смежностяхъ) не дѣйствуетъ ли и въ органическихъ тѣлахъ? Чѣмъ болѣе вникаютъ въ дѣянія природы, тѣмъ видима наиболѣе простота законовъ ея. На различіи половъ основана склонность къ общежитію, изъ коей проистекаютъ различныя человѣческія склонности и страсти. Изъ различія половъ слѣдуетъ ихъ взаимная склонность, столь сладостная въ сердцѣ добродѣтельномъ, столь звѣрская—въ развратномъ. Корень ея положенъ природою такъ глубоко, что единственное движеніе растеній, кажущееся произвольнымъ, относится къ ней. „Я говорю здѣсь о т. наз. *снѣ растеній*“.

Въ животныхъ эта склонность имѣетъ временное дѣйствіе. Въ человѣкѣ она—всегдашняя, *почти* столь же необходимая, но она подчинена въ немъ очарованіямъ пріятности и оставлена его управленію, выбору, произволу и умѣренности. Она разверзается въ младости, но позже, чѣмъ у

---

[1]) Стр. 62—63.

[2]) Ср. выше, стр 85.

другихъ животныхъ и (потому?) она продолжительнѣе. Она сопрягаетъ во взаимный союзъ непринужденно и свободно, нерѣдко на цѣлый вѣкъ. Кто, кромѣ человѣческихъ супруговъ, можетъ сказать: мы два плоть едина, мы душа единая! „О сладостный союзъ природы! почто ты толико и столь часто бываешь уродованъ?“ [1]).

Отъ любви супружней проистекаетъ любовь матерняя. Мать родитъ и питаетъ дитя (причемъ замѣчательно, что зубы совершаются изъ видимыхъ въ человѣкѣ членовъ послѣ всѣхъ). Союзъ ихъ есть почти механическій; такое изреченіе ихъ не унизитъ, ибо этотъ союзъ есть органическій, будетъ нравственнымъ и духовнымъ, когда разверзнутся всѣ силы новорожденнаго. О чувствованія преизящныя! въ васъ лежитъ корень всякія добродѣтели. Наилютѣйшее чудовище мягчится семейственною любовью. Ею природа преторгла скитаніе звѣрообразнаго человѣка. Первое общество возникло въ домѣ отеческомъ. Продолжительное младенчество и юность пріучаютъ къ общежитію незамѣтно. Привычка, благодарность, уваженіе дѣлаютъ сей союзъ наитвердѣйшимъ. Человѣкъ созданъ для общежитія, и поздое совершеннолѣтіе его воспретитъ, да человѣки не разыдутся, какъ звѣри. О Руссо! Куда тебя завлекла *чувствительность* необъятная [2])!

Человѣку (и м. б. животному вообще), кажется, свойственно внутреннее ощущеніе праваго и неправаго: не дѣлай другому того, чего не хочешь, чтобъ тебѣ случилося. Это правило, если не проистекаетъ изъ чувствительнаго сложенія человѣка, то развѣ начертано въ насъ перстомъ Всевѣчнаго. Всѣ лжи, злобы, убивства не въ силахъ опровергнуть сего

---

[1]) Стр. 65.

[2]) Стр. 67. Авторъ указываетъ на разсужденіе Руссо о неравенствѣ.

чувствованія. Возникшая страсть запираетъ гласъ чувствительности,—но неужели нѣтъ ея, когда лежитъ попранна?

Единому человѣку удалося познать, что существуетъ Всеотецъ, всему Начало, Источникъ всѣхъ силъ. Не разыщемъ, доходитъ ли человѣкъ до познанія Бога разумомъ (возносяся отъ дѣйствій къ причинамъ и къ Высшей причинѣ наконецъ), или проистекло оно отъ ужаса, либо радости и благодарности. Самъ ли онъ его себѣ сложилъ, или получилъ откуда, но въ человѣкѣ есть понятіе о Всевышнемъ Существѣ. Когда разумъ и сердце не затмѣваются страстями, вся плоть наша ощущаетъ вышнюю власть, какъ бы ее ни назвать. И *Гоббесъ*, и *Спиноза* ощущали ее. Если ты не извергъ, о человѣкъ, то Отца своего ты чувствовать долженъ, ибо Онъ повсюду: Онъ въ тебѣ живетъ, и что ты чувствуешь, есть даръ Вселюбящаго.

Итакъ, познаніе Бога можетъ проистекать изъ единыя нашея чувствительности: сіе познаніе есть упражненіе, ведущее къ вершинѣ земного блаженства, внутренняго удовольствія, добродѣтели. О смертный, познавай Бога! Онъ живъ,—и ты дышешь. Онъ живъ будетъ во вѣки,—въ тебѣ живетъ надежда, что и ты причастенъ будешь безсмертію. Отверзи очи твои, и узришь Всеотца во свѣтѣ!

Далѣе сочинитель хотѣлъ-было разсуждать о слѣд. предметахъ: О различіи людей въ ихъ чувствованіяхъ и страстяхъ и о степени оныхъ въ каждомъ человѣкѣ; отчего зависть, темпераменты? Откуда различія въ представленіяхъ Божества? Что оно часто похоже на человѣка, то неудивительно: человѣкъ его изображаетъ, и поелику онъ человѣкъ, за человѣка зрѣть не можетъ. Различіе нравовъ, правленій и проч. [1]).

---

[1]) Стр. 69, прим.

Этихъ разсужденій Радищевъ не выполнилъ („начерталъ только") а переходитъ къ общимъ заключеніямъ.

Обозрѣвъ человѣка въ его чувствованіяхъ и проистекающихъ изъ нихъ дѣйствіяхъ, авторъ хотѣлъ бы показать его во всей его славѣ, возносящагося превыше всего творенія. Для этого нужно бы токмо воззрѣть на всѣ его изобрѣтенія, вымыслы и творенія (науки, художества, общественная связь, законы). Но при этомъ же мы увидимъ, что сіе существо, сопричащающееся Творцу вселенныя, нерѣдко уродствуетъ, заблуждаетъ и, прежде чѣмъ досягаетъ истины, бродитъ въ тьмѣ, рождая нелѣпости. Чѣмъ наипаче возносишься, тѣмъ паче являешься смѣшонъ. Но и заблужденія человѣка доказываютъ мыслящее его существо; мысль есть его наисвойственнѣйшее качество.

Во *вторыхъ* мы замѣчаемъ; многія умственныя силы человѣка слѣдуютъ законамъ естественности: сила воображенія зависитъ отъ климата; правленіе, законы, нравы и обычаи, даже теплая храмина измѣняютъ прирожденныя свойства. Не оттого ли проистекаютъ и несообразности, примѣтныя часто въ людскихъ нравахъ и законоположеніяхъ?

Въ *третьихъ* замѣтно различіе умственныхъ силъ у разныхъ народовъ и у отдѣльныхъ лицъ. Но совершенствуясь (какъ индѣйцы, древніе греки, европейцы), народы могутъ быть равны между собою. Развереженіе народнаго разума зависитъ отъ стеченія счастливыхъ обстоятельствъ. Но иначе надо судить о различіи разума у отдѣльныхъ людей: остроумныя доказательства *Гельвеція* о единосиліи разумовъ слабы [1]).

Въ *четвертыхъ*: умственныя силы—ничто при рожденіи, разверзаются, совершенствуютъ, потомъ тупѣютъ, ослабѣваютъ

---

[1]) Стр. 72.

и исчезаютъ; сія постепенность слѣдуетъ постепенности въ разверженіи и уничтоженіи силъ тѣлесныхъ; есть тѣсное сопряженіе между умственными силами и плододѣятельнымъ сокомъ. Свидѣтельствуютъ тому брада, или безуміе, дѣйствіе нещастнаго саморастлѣнія [1]).

Затѣмъ Радищевъ сообщаетъ „нѣчто о умственныхъ силахъ, о дѣйствованіи умственныхъ силъ и о ихъ чудесности".

Человѣкъ имѣетъ силу быть о вещахъ свѣдому. *Сила познанія*, слѣдуетъ, можетъ существовать и тогда, когда человѣкъ не познаетъ. Слѣдуетъ (?), что бытіе вещей независимо отъ силы познанія о нихъ и существуетъ по себѣ.

Вещи мы познаемъ двояко: 1) познавая перемѣны, которыя вещи производятъ въ силѣ познанія, 2) познавая союзъ вещей съ законами силы познанія и съ законами вещей. Первое—*опытъ*, второе—*разсужденіе*. Опытъ бываетъ двоякій: 1) *чувственность*, поелику сила понятія познаетъ вещи чувствованіемъ [2]),—а перемѣна, въ оной происходимая,—чувственный опытъ; 2) Познаніе отношенія вещей между собою—*разумъ*, а свѣденіе о перемѣнахъ нашего разума—опытъ разумный.—*Посредствомъ памяти* мы *вспоминаемъ* о испытанныхъ перемѣнахъ нашей чувственности. Свѣденіе о испытанномъ чувствованіи называемъ *представленіе*.

Перемѣны нашего понятія, производимыя отношеніями вещей между собою, называемъ *мысли*. Какъ чувственность отличается отъ разума, такъ отличается представленіе отъ мысли. Иногда бытіе вещей мы познаемъ, не испытуя отъ нихъ перемѣны въ силѣ понятія нашего. Сіе есть *разсужденіе*:

---

[1]) Стр. 73.

[2]) Радищевъ не отличаетъ въ психологической коменклатурѣ—чувствованія отъ *внѣшнихъ чувствъ*.

силу познанія въ отношеніи сей способности мы называемъ *умомъ* или *разсудкомъ*. Итакъ разсужденіе есть употребленіе ума или разсудка. Разсужденіе есть прибавленіе къ опытамъ: въ *бытіи* вещей иначе нельзя удостовѣриться, какъ чрезъ *опытъ*. Впрочемъ, всѣ сіи виды силы познанія не различны: она есть едина и нераздѣлима [1]).

Раздробляя ее, или прилагая къ разнымъ предметамъ, человѣкъ воздвигъ пространное зданіе науки: устремился въ отдаленнѣйшія края вселенныя, проникъ въ сокровеннѣйшія нѣдра природы, далъ мѣру безпредѣльному и вѣчному, дерзнулъ объять мыслію самого Творца. Человѣкъ, даже на косвенной стезѣ, ниспадая и животворя мечтанія, великъ и Богу подражающъ. О смертный, воспряни отъ лица земли и дерзай, куда несетъ тебя мысль, ибо она есть искра Божества!

Сколько есть способовъ познанія, столько же путей и къ заблужденію, т. е. два. Въ первомъ случаѣ мы познаемъ перемѣны въ собственной чувственности; заблужденіе этого рода зависитъ не отъ вещи и ея дѣйствія на наши чувства, но отъ расположенія нашей чувственности: внѣшнія вещи дѣйствуютъ на насъ соразмѣрно отношенію, въ какомъ съ нами находятся. Болящему желтухой все кажется желтѣе, хотя раздробленіе солнечнаго луча, какъ и прежде, седмично, и различіе цвѣтовъ отъ рожденія у болящаго одинаково со всѣми. Но судить можетъ о семъ лишь тотъ, кто видѣлъ предметы въ другомъ свѣтѣ. Колоколъ бьетъ, и слышащій идетъ на сборище, а глухого чувства обманутъ, и онъ скажетъ: меня не повѣщали. Таковыя заблужденія и слѣдствія оныхъ (новыя заблужденія) многочисленны и неудобо-опредѣляемы.

Еще заблуждаемся мы, если знаемъ ложно отношеніе

---

[1]) Стр. 75.

вещей между собой. Оно есть непремѣнно, но ложность—въ нашемъ познаніи. Напр., по законамъ перспективы изъ двухъ предметовъ ближайшій кажется бо̀льшимъ. Если необыкшимъ очамъ они покажутся равны, то сравненіе будетъ ложно. Ибо величина не есть сама по себѣ, но относительное понятіе, проистекающее отъ сравненія. Число подобныхъ заблужденій происходитъ отъ разсужденія. Дѣйствіе ихъ сильнѣе и продолжительнѣе, преодолѣніе тѣмъ труднѣе, чѣмъ далѣе они отстоятъ отъ начала [1]).

Къ разсужденію требуются двѣ вещи, кои достовѣрными предполагаются: 1) *союзъ*, въ слѣдствіе коего мы судимъ и 2) вещь, изъ союза коея познать должно вещи, не подлежавшія опыту. Предположенія называются *посылками*, а познаніе, возникающее изъ нихъ,—*заключеніе*. Такъ какъ посылки суть предложенія опытовъ и извлеченія изъ нихъ, то заключенія изъ посылокъ или разсужденіе есть только прибавленіе опыта. Значитъ, и такимъ образомъ мы познаемъ вещи, коихъ бытіе познано опытомъ.

Заблужденія чрезвычайно часты, но нигдѣ такъ, какъ въ разсужденіи. Сверхъ того, что и чувственность можетъ насъ обмануть, и что мы можемъ худо познать союзы вещей (или ихъ отношеніе), ничего нѣтъ легче, какъ извлечь превратное заключеніе изъ посылокъ. Тысячи тысячей вещей преторгаютъ шествіе разсудка. Склонности, страсти и даже случайныя внѣшности часто рождаютъ нелѣпости, вмѣщая въ среду разсужденія посторонніе предметы. Повидимому, весьма легко опредѣлить правила, какимъ слѣдуетъ разсужденіе. Но предубѣжденія и страсти увлекаютъ кормило разума. Единая лѣность и нерадѣніе производятъ множество ложныхъ разсужденій, слѣдствія коихъ исторгаютъ слезы.

---

[1]) Стр. 78

Кромѣ этого разсужденія (прямо изъ опыта), есть еще два рода его, которыя возводятъ человѣка къ свѣтлѣйшимъ истинамъ, но и причиняютъ смѣшнѣйшія заблужденія: это—уравненіе и сходственность. Они основаны на двухъ непреложныхъ правилахъ: 1) равныя и одинаковыя вещи состоятъ въ равномъ или одинаковомъ союзѣ (отношеніи), 2) сходственныя вещи имѣютъ сходственное отношеніе (союзъ). Наши обыкновеннѣйшія сужденія основаны на сходственности; да и о важнѣйшихъ вещахъ мы иначе судить не можемъ. Разсматривая и чувствуя только себя, кто бы могъ сказать: составъ мой долженъ разрушиться, и я буду мертвъ. Наоборотъ, мы не имѣемъ мѣры продолженія жизни, и могли бы заключить, что наше сложеніе безсмертно. Но видя смерть себѣ подобныхъ и всеобщее разрушеніе, мы заключаемъ по сходственности, что и мы умереть должны. Итакъ заблужденіе стоитъ воскрай истинѣ! Если бы наше познаніе было нутрозрительное, то и разсужденіе наше имѣло бы не *достовѣрность*, а *ясность*, ибо противоположеніе было бы невозможно; тогда человѣкъ никогда бы не заблуждалъ и былъ бы Богомъ [1]).

Заблужденія человѣка суть почти неизбѣжны: они проистекаютъ не только изъ чувственности, но, какъ мы покажемъ, и разумныя наши силы опредѣляются внѣшностью. Это послужитъ намъ побужденіемъ снисходительно взирать не только на заблужденія человѣчества, но и на самыя дурачества его. Радищевъ, вѣрный своему всегдашнему призванію—адвоката гуманности, добавляетъ: „Блаженны, если можемъ за словомъ нашимъ на *мѣстѣ строгости сужденія* возродить соболѣзнованіе и человѣколюбіе“ [2]).

Все дѣйствуетъ на человѣка: пища, питіе, внѣшняя стужа

---

[1]) Стр. 82.

[2]) Стр. 83.

и теплота, воздухъ, электрическая и магнитная силы, свѣтъ. Вліяніе звѣздъ, прежде глупо понимаемое, неоспоримо. Негры и ескимы доказываютъ вліяніе солнечныхъ лучей и отсутствія ихъ. Луна выказываетъ свое дѣйствіе надъ многими умалишенными и въ періодическомъ женскомъ истеченіи. Мѣстоположеніе жилища (хотя и не одно только, но) много способствуетъ образованію: все образуетъ чувства человѣка, все, что ударяетъ взоры, колеблетъ слухъ, колетъ языкъ и т. п. Съ чувственностью и мысленность подвержена превращеніямъ, иногда, примѣтнымъ образомъ; примѣры дѣйствія внѣшней причины: въ Каирѣ, даже въ Марсели при нѣкоторыхъ вѣтрахъ силы тѣлесныя изнемогаютъ,—и душа разслабѣваетъ, и мыслить тягостно.

Примѣры дѣйствія внутреннихъ причинъ. *Вольтеръ*, сочиняя, пилъ великое множество кофію. „Живя многіе годы съ нѣмцами, я примѣтилъ, что многіе изъ ученыхъ мужей не могли вдаваться упражненіямъ безъ трубки табаку; отними ее у нихъ изъ рта, разумъ ихъ стойтъ, какъ часы, отъ коихъ маетникъ отъятъ. Кто не знаетъ, что *Ломоносовъ нашъ не могъ писать стиховъ, не напиваяся почти въ полпьяна водкою виноградною?*“ [1]) Разумъ иногда дѣйствуетъ живѣе, иногда слабѣе—отъ худаго варенія желудка. Въ исторіи мы съ ужасомъ могли усмотрѣть, что бѣдствія цѣлыхъ земель и народовъ часто зависѣли отъ худаго дѣйствія внутренности и желудка.

Физическія причины, дѣйствующія на умъ, можно раздѣлить на два рода: однѣ дѣйствуютъ повременно, примѣтно, и на отдѣльныхъ людей, другія—непримѣтно и сказываются на цѣлыхъ народахъ. Надъ *Монтескье* смѣялись, что свое мнѣніе о дѣйствіи климата онъ основывалъ на замороженномъ

---

[1]) Стр. 84.

телячьемъ языкѣ. Но дѣйствіе климата (на всѣ тѣла безъ различія), если не мгновенно, то чрезвычайно и *погубляетъ* человѣка безъ явнаго принужденія. Ужасная перемѣна наблюдается въ европейцахъ, переселяющихся въ Индію, Африку и Америку. Англичанинъ въ Бенгалѣ забылъ великую хартію и habeas corpus: онъ паче всякаго индѣйскаго набоба [1]).

Дѣйствіе естественности становится явнымъ и въ человѣческомъ воображеніи, которое всегда слѣдуетъ внѣшнимъ вліяніямъ и образуется лежащею окрестъ поэта природою. Это можно бы доказать выписками изъ европейскихъ и арабскихъ стихотворцевъ, *Саади*, *Омира*, *Оссіана*. „Воображеніе Саадіево гуляетъ, летаетъ въ цвѣтящемся саду, Оссіаново несется на утломъ древѣ поверхъ валовъ". Никто не усумнится въ такомъ вліяніи природы на воображеніе, если сравнить исповѣданія и миѳологіи разныхъ народовъ: индѣйскіе боги купаются въ водахъ млечныхъ и сахарныхъ, *Одинъ* пьетъ вино изъ черепа низложеннаго врага.

Кромѣ климата и природы вообще, на умственность человѣка дѣйствуютъ обычаи и нравы, а первый учитель въ изобрѣтеніяхъ былъ недостатокъ. Исполнительный разумъ зависѣлъ всегда отъ жизненныхъ потребностей и опредѣлялся мѣстомъ жительства: ладья и сѣти изобрѣтены живущимъ при водахъ, лукъ и стрѣлы—бродящимъ по лѣсамъ и по горамъ,—первымъ воиномъ; обитатель луговъ удомовилъ миролюбивыхъ звѣрей и сталъ скотоводитель. Какой былъ случай къ изобрѣтенію земледѣлія, неизвѣстно (не скотоводитель ли, согнанный съ пажити, сталъ подражать природѣ сѣяніемъ злаковъ для питанія скота?). Земледѣліе произвело раздѣлъ земли на области и государства, построило деревни и города, изобрѣло

---

[1]) Стр. 87. Намекъ на притѣсненія туземцевъ. *Рейналь*, авторъ исторія Индіи, принадлежалъ къ числу любимыхъ образцовъ Радищева.

ремесла, рукодѣлія, торговлю, устройство, законы, правленія. Какъ скоро сказалъ человѣкъ: „сія пядень земли моя!“ онъ пригвоздилъ себя къ землѣ и отверзъ путь звѣрообразному *самовластію*, когда человѣкъ повелѣваетъ человѣкомъ“ [1]). Онъ сталъ кланяться воздвигнутому имъ самимъ богу въ багрянцѣ, но наскучивъ своею мечтою, попралъ обоготвореннаго и преторгъ его дыханіе. Вотъ шествіе разума человѣческаго. Законы и правленіе содѣлываютъ его блаженнымъ или ввергаютъ въ бездну бѣдствій.

Въ нагбенномъ къ землѣ животномъ слабый лучъ разсудка ограничивается двумя побужденіями: къ насыщенію себя и къ продолженію своего рода; въ удовлетвореніи ихъ состоитъ его блаженство, если такъ можно называть тупое услажденіе. Животное исполняетъ это по непреоборимому стремленію. Но человѣкъ, слабый въ своемъ сложеніи и при всѣхъ своихъ недостаткахъ, свободенъ въ дѣйствіи и подчиняетъ склонности—разсудку: онъ можетъ возвѣсить свои побужденія и избирать. Онъ одинъ на землѣ вѣдаетъ худое и злое, способенъ къ добродѣтели и къ пороку, къ бѣдствію и блаженству. Свободное дѣяніе сопрягло его *неразрывнымъ* союзомъ съ женою; съ семейственною жизнью онъ перешелъ въ общественную, подчинилъ себя закону, власти, ибо способенъ пріять награду и наказаніе. Ставъ на пути просвѣщенія, и сцѣпляя дѣйствія съ причинами за предѣлы зримаго и незримаго міра, позналъ онъ умомъ то, что̀ прежде только чувствовалъ: что есть Богъ.

Различіе въ умственныхъ силахъ становится тѣмъ явственнѣе, чѣмъ долѣе отстоитъ одно поколѣніе отъ другого. Общественный разумъ единственно зависитъ отъ воспитанія.

---

[1]) Стр. 89 (въ одномъ экземплярѣ опечатка: 98, которой въ другомъ нѣтъ).

Оно производитъ розницу умственныхъ силъ между людьми, кажущуюся природною. „Въ семъ случаѣ мысль наша разнствуетъ отъ *Гельвеціевой*". „Изящнѣйшій учитель о воспитаніи *Ж. Ж. Руссо*" [1]). Гельвецій старался доказать, что человѣкъ никогда не обязанъ своимъ разумомъ природѣ. Но съ нимъ не можетъ согласиться никто, кому только приходилось наблюдать развитіе разумныхъ силъ, и кто вообще обращался съ дѣтьми. Не токмо разверженіе этихъ силъ будетъ въ каждомъ человѣкѣ особо, но и самыя силы должны имѣть разныя степени. Напр., одинъ человѣкъ превосходитъ другого памятью. Какъ ни увѣряй, что память можетъ быть пріобрѣтенная, но нельзя опровергнуть, что она есть даръ природы. Въ первомъ классѣ начальнаго училища, гдѣ побужденія къ ученію весьма ограничены, мы послѣ одного вопроса можемъ убѣдиться въ томъ, что природа для одного—мать, а для другого—мачиха. Но нѣтъ, да отдалимся хуленія! Природа всегда едина, и дѣйствія ея всегда одинаковы.—Неоспоримо, что различія умственныхъ силъ явны отъ младенчества, но тотъ, кто отстоитъ отъ товарища въ ученіи, не долженъ бы ему сотовариществовать. Человѣкъ доходитъ къ совершенствованію не однимъ поколѣніемъ, но многими,—и это не парадоксъ. Шествіе природы тихо, непримѣтно и постепенно [2]), но и притомъ еще бываютъ остановки въ разверженіи (т. е. по теперешнему—въ *развитіи*)—на счетъ разсудка. Если бы *Нютона* препять въ его образованіи и переселить въ Новую Зеландію, что̀ бы онъ изобрѣлъ? Развѣ лучшую ладію на преплытіе ярящихся валовъ. И въ Новой Зеландіи онъ былъ бы Нютонъ. Но сравни сферу его мыслей съ по-

---

[1]) Стр. 92. Излагается его теорія «о воспитаніи природы, человѣка, вещей».

[2]) Стр. 95. Нѣчто вродѣ современной теоріи эволюціи.

нявшимъ путь небесныхъ тѣлесъ и доказавшимъ ихъ взаимное притяженіе,—и вѣщай! Особенно выясняется это, при сравненіи разныхъ народовъ или когда мы изучаемъ исторію умообразія одного народа чрезъ нѣсколько вѣковъ. Случалось довольно часто, что европейцы давали взятымъ младенцами дикарямъ сходственное со своимъ воспитаніе.

„Я здѣсь многихъ видалъ Тунгузовъ, воспитанныхъ въ русскихъ домахъ: но на возрастѣ Тунгузъ всегда почти далеко отстоялъ отъ русскаго въ силахъ умственныхъ". Природѣ, повидимому, нужно нѣсколько поколѣній, чтобы уравнять въ людяхъ умственныя силы. Всеобщая постепенность природы и въ этомъ случаѣ вѣроятна. Органы потомковъ будутъ нѣжнѣе и тончѣе; кровь, лимфа, особливо, нервенная, прейдутъ отъ отца въ зародышъ лучше переработанными.

Въ такой постепенности могутъ отстоять, какъ народъ отъ народа, такъ и человѣкъ отъ человѣка; отецъ можетъ дать сыну лучшее воспитаніе, чѣмъ самъ имѣлъ, а потомки будутъ изощреннѣе. Но воспитаніе въ поколѣніяхъ можетъ остановиться, если одинъ произойдетъ непрерывно, а другой не закончитъ воспитанія; они не могутъ уже быть равны. Природа въ этомъ случаѣ содѣйствуетъ человѣку. Возьмемъ примѣръ животныхъ, переселяемыхъ въ другой климатъ. Перемѣщенное едва ли привыкаетъ, родившееся отъ него будетъ согласнѣе съ климатомъ, а третье будетъ уже истиннымъ уроженцемъ страны.

Признавая силу воспитанія, мы не отъемлемъ силу природы. Воспитаніе со стороны природы, т. е. разверженіе силъ остается; но отъ человѣка зависитъ ученіе употребленію силъ, чему содѣйствуютъ окружающія обстоятельства.

Затѣмъ Радищевъ хочетъ прослѣдить исторію постепеннаго развитія умственныхъ силъ въ человѣкѣ въ теченіе всей жизни. „Будемъ воспріемниками въ жизни, не оставимъ его

ни на единое мгновеніе его жизни.... и пребудемъ ему неотступны до послѣдняго его воздыханія" [1]).

Черезъ 4 или 5 мѣсяцовъ послѣ зачатія зародышъ движется; въ немъ образовались и функціонируютъ сердце и голова. До самаго рожденія на свѣтъ члены его совершенствуются и разверзаются. Въ моментъ рожденія дитя едва ли можетъ равняться съ растеніемъ: хотя всѣ жизненные соки обращаются въ немъ, чувства увѣряемы внѣшними предметами, но мозгъ его еще только источникъ чувственности, а не органъ мысленный; дитя не мыслитъ. Болѣзнь, а потомъ голодъ учатъ его, что онъ существуетъ, и нудятъ его изъявлять ихъ крикомъ. Помалу потребности его величаютъ, и члены укрѣпляются; въ немъ замѣтны побужденія. Первая страсть его сердца—*ярость*, возникающая, если не удовольствовать его желаній и послѣ болѣе сильнаго крика. Дѣйствіе предметовъ на его органы неотступно, и замѣчается въ немъ начальное образованіе умственныхъ силъ: ребенокъ знаетъ, что̀ его вкусу льститъ, и что̀ противно, глазъ его учится размѣру и т. п.; онъ начинаетъ распознавать вещи по однимъ наименованіямъ, помнитъ свое имя (это указываетъ на развитіе памяти). Но его умственность еще слаба и хуже звѣринаго стремленія; вѣдь ребенокъ еще пресмыкается, четвероноженъ есть. Вотъ онъ возстаетъ отъ земли и зритъ на выспренность. Если изъявленіе скорби было его первымъ движеніемъ, то нынѣ онъ научился радоваться, и его улыбка переходитъ въ смѣхъ; всѣ побужденія его стремительнѣе, ярость нетерпѣливѣе, память расширяется, но сужденіе весьма недостаточно. Съ того времени, какъ языкъ началъ произносить слова, развитіе ума идетъ быстрѣе. Ребенокъ можетъ изъявлять все, чего желаетъ, и что̀ чувствуетъ, все, что̀ раньше обнаруживалъ

---

[1]) Стр. 98.

крикомъ, да слезами. Слезы проливаются рѣже. *Младенецъ* становится *дитя*. Теперь онъ во многомъ превышаетъ другихъ животныхъ, но точности въ сужденіяхъ еще нѣтъ. Понятія становятся отвлеченными, хотя слѣдуютъ, преимущественно, чувственности и примѣрамъ изъ видѣннаго или слышаннаго. Страсти разверзаются, и дитя становится отрокъ. *Силы тѣлесныя укрѣпилися, а съ ними* и *умственныя*; одно развитіе идетъ параллельно другому. Человѣкъ испыталъ уже свободу и дерзаетъ разсуждать, но опытность его еще мала, сужденія превратны и косвенны. Блаженъ, какъ то вѣщаетъ *Руссо*, если отрокъ ничего еще не мыслилъ, не зналъ ничего, былъ чуждъ разсудку: онъ удаленъ отъ предразсужденій и превратности мнѣній. Вотъ уже всѣ члены его достигли совершенства, всѣ сосуды исполнены влажностей и начинаютъ преизбыточествовать. Въ юношѣ возникаетъ нѣкое новое чувствованіе; грудь вздымается чаще и сильнѣе, весь составъ ощущаетъ необычайное движеніе, чувственность потеряла плавность, разумъ, начинавшій дѣйствовать, затмѣвается, нижняя половина лица покрывается власами; у женщинъ же является временное истеченіе. Человѣкъ уже готовъ для пророжденія. „О любовь! о чувствованіе паче всѣхъ сладчайшее! Кто возможетъ стремленію твоему противиться? Не безумно ли бы было таковое сопротивленіе? Природа вліяла тебя во всю нашу чувственность на наше *услажденіе* и на соблюденіе рода человѣческаго“ [1]).

Человѣкъ, едва познаетъ свою чувственность, старается прилѣпить ее къ достойному предмету, и доколѣ не сыщетъ его, не успокоится;—тогда эта самая чувственность и родившаяся страсть напрягаютъ силы умственныя, которыя отъ нихъ получаютъ новую упругость. Вотъ возмужалость, время страстей и возвышеніе до возможной степени умственныхъ

---

[1]) Стр. 103. Весьма характерное мѣсто для сентименталиста Радищева: «услажденіе»—на первомъ планѣ.

силъ, время достиженія величайшихъ истинъ и заблужденій: въ это время человѣкъ уподобляется Всевышнему, или ниспадаетъ ниже нижайшей степени животныхъ.

Какъ треніе стончеваетъ пружины, такъ употребленіемъ притупляются силы тѣлесныя,—а за ними и душевныя: изчезаютъ страсти и рвеніе къ познаніямъ, разсудокъ еще не ослабѣлъ, но вращается надъ постигнутыми истинами, а онѣ уже не для него и стоятъ на высшемъ мѣстѣ. Настаетъ *старость*, сія истинная зима тѣла и разума, безнадежная зима обвесновнія: простирая мразъ свой во весь составъ человѣка, она полагаетъ предѣлъ всѣмъ его силамъ. Гибкіе члены цѣпенѣютъ, око померкло, ухо не слышитъ и т. д., осязательность увяла, раздражительность фибровъ онѣмѣла, чувствительность притупѣла, жизненные соки изсякли въ источникѣ, сердце слабѣетъ, мозгъ твердѣетъ, умственныя силы угасаютъ, понятіе померкло, память изчезла, разсудокъ пресмыкается и наконецъ совершенно истлѣваетъ. Разумъ низшелъ до младенчества,— но и нить жизни преторглася! Грудь перестаетъ дышать, сердце не бьетъ, и свѣтильникъ умственный потухъ.

„Безумные! почто слышу вопль вашъ, почто стенанія“? Или вы хотите превратить предвѣчный законъ природы? Рыданія ваши *и молитвы* суть хуленіе. Жизнь погасшая не есть уничтоженіе. Смерть есть разрушеніе, превращеніе, возрожденіе. Ликуйте, о други! болѣзнь изчезла, терзаніе миновалось, злосчастію, гоненію нѣтъ уже мѣста, тягостная старость увяла, составъ рушился, *но* (?) возобновился [1]). Но тутъ же Радищевъ вспоминаетъ, что поспѣшилъ: „въ восторгѣ алчныя души *васъ* видѣть, едва не впалъ въ погрѣшность, и *заключеніе* извлекъ, *не давъ ничего* въ доказательство.

Блаженъ, о человѣкъ, если смерть твоя была естественная, и силы тѣлесныя и умственныя изнемогли отъ одной ста-

---

[1]) Стр. 106.

рости. Житіе твое было мудрственно, и кончина—легкій сонъ. Но это бываетъ рѣдко. Человѣкъ, восхищенный страстями, носится по остріямъ. Неумѣренность раздираетъ его тѣло и лишаетъ разсудка. Не ветхость дней, а болѣзни, внѣдрившіяся въ тѣло, преторгаютъ его дыханіе безвременно и раскаевающагося на одрѣ смертномъ подавляютъ отчаянна.

Во младости особенно разслабляетъ неумѣренность любовныя страсти—въ различныхъ ея видахъ. О юноша! читай *Тиссо* [1]) объ онанизмѣ и ужаснися! О юноша, войди въ бѣдственное жилище скорбящихъ отъ неумѣренности любострастія (въ венерическую больницу?); воззри на черты лицъ страждущихъ—се смерть летаетъ окрестъ ихъ!—Когда терзается чувственность, разумъ возникаетъ, но мгновенно и едва блещетъ въ простершемся мракѣ. Или думаешь, что органъ умственный цѣлъ пребудетъ, когда органы жизни нарушены?

Но не одна болѣзнь неумѣренности снѣдаетъ силы человѣка. Посмотри на болящаго огневицею, на того, у коего повредился органъ умственный! Гдѣ ты, о даръ Божественный? О разсудокъ, гдѣ ты? [2])....

---

[1]) Стр. 107.

[2]) Стр. 108.

Книга II.

Странствуя чрезъ житіе человѣческое, мы достигли до того часа, когда прекращаются время и продолженіе, когда настаётъ вѣчность. Но заградимъ врата ея надеждою и остановимъ отходящаго. Да не улыбнется кто-либо, что мы хотимъ воззрѣть на вѣчность окомъ безпристрастнымъ! Сколько возможно имѣть пристрастія къ вещественности,—столько же и къ единой мысленности (хотя бы она была мечта). Смотря на описаніе рая (жилища душъ) *во всѣхъ* религіяхъ, на страдавшихъ за исповѣданіе, на веселящагося при смерти *Катона*, видимъ, что желаніе вѣчности одинаково со всѣми другими желаніями человѣка.

Надежда, неотступная при жизни, не оставляетъ занесшаго въ гробъ ногу; и вотъ заключеніе ободреннаго разсудка: „я живъ, не можно мнѣ умереть, я живъ и вѣчно жить буду!“ [1]) Се гласъ чувствованія внутренняго вопреки всѣхъ доводовъ. Оставаясь съ нимъ единственно, не убѣдишься, что мертвъ будешь. Чувствовать и безчувственну быть, жизнь и смерть—противорѣчія: безъ сходственности невозможно сдѣлать заключенія о нашей смертности, ибо *познанія не суть нутрозрительны*. Но я зрю, что все, окрестъ меня существующее, измѣняется, тѣлесность животныхъ, растеній и подобныхъ мнѣ разрушается; я зрю вездѣ смерть, т. е. разрушеніе: изъ сего я

---

[1]) Стр. 112.

заключаю, что и я существовать престану. Кажется, если бы отъ мысленности было удалено понятіе о смерти, то живый бы ея не понималъ.

Если же человѣкъ увѣрится, что онъ долженъ умереть, то разрушеніе его состава кажется ему ужаснымъ. Приблизившись къ отверстію гроба, онъ стонетъ и мятется. Ты есть! часъ бьетъ, нить твоихъ дней прервется—и ты будешь бездыханенъ, безчувственъ, ты будешь ничто... Ужасное превращеніе! Трепещуща отъ страха и неизвѣстности, мысль истлѣвающая носится во всѣхъ концахъ возможнаго, ловитъ тѣнь; если ухватитъ какое-либо волокно, не размышляя (вещественность то или воображеніе), прицѣпляется и виснетъ. Передъ первымъ шагомъ въ вѣчность, взоры обращаю вспять: возможетъ ли человѣкъ быть ненавистникомъ своего житія? Я умираю, оставляя жену, дѣтей. Се гласъ ихъ разительнѣе грома: „помедли на одну минуту"! Се гласъ любви, дружбы! Свершайся жестокое рѣшеніе! Я лишаюся друга! Не малодушіе заставитъ меня вздохнуть при смерти. Если я равнодушно не терплю отсутствія твоего, возлюбленнѣйшій мой, то каково будетъ мое лишеніе, если то будетъ на вѣчность.

Гонимый съ лица земли, но имѣя побужденія къ продолженію жизни и не находя для того способовъ, человѣкъ обращаетъ взоры отъ тлѣнія за предѣлы своихъ дней,—и паки возникаетъ въ изнемогающемъ сердцѣ надежда. Онъ вопрошаетъ внутреннее чувствованіе, и таинственный лучъ проницаетъ его разсудокъ. Имѣя въ немъ (а можетъ быть, и въ воображеніи) опору, человѣкъ съ надеждою перелетаетъ непримѣтную черту, отдѣляющую жизнь отъ смерти. Едва онъ вообразилъ, что смерть и разрушеніе тѣла—не кончина его, что онъ воскреснетъ въ жизнь новую,—онъ восторжествовалъ, и попирая тлѣніе, презрѣлъ болѣзни, неволю, пытки, казнь: всѣ огорченія изчезли, какъ дымъ, и отлетѣли отъ его духа, ощутившаго вѣчность.

Вотъ по какимъ побужденіямъ возникло понятіе будущія жизни. Многіе слѣдуютъ въ томъ единственно изступленію, иные—предубѣжденію и наслѣдованному мнѣнію, многіе основываются на доводахъ,—и всѣ вообразительныя возможности не ускользнули отъ ловственнаго проницанія. Но многіе, отметая чувственное увѣреніе и надежду, находили доводы, что смерть есть послѣдняя и совершенная кончина, что человѣкъ умретъ навсегда и не возможетъ возстать. Доводы ихъ блестящи, и можетъ быть, убѣдительны. „Возвѣся по силѣ нашей обѣ противоположности, я вамъ оставлю избирать, любезные мои, тѣ, кои наиболѣе имѣютъ правдоподобія или ясности, буде не очевидности. „*А я, лишенный васъ, о друзья мои, послѣдую мнѣнію, утѣшеніе вливающему въ душу скорбящую*“ [1]).

Доселѣ полагали въ природѣ два рода существъ. Первый родъ—это *тѣла*; отвлеченное о нихъ понятіе назвали *вещество* (матерія). Вещество само въ себѣ неизвѣстно: все мудрованіе о немъ лежитъ на познаніи чувствами нѣкоторыхъ его свойствъ. Другой родъ—существа, не подлежащія чувствамъ; нѣкоторые феномены были поводомъ признать ихъ (не дѣйствіями вещественности, а) существами, коихъ качества противоположны качествамъ вещества); это—*духи*. При первомъ же шагѣ въ область не осязательную, мы находимъ *произвольное сужденіе* [2]). Если познанія наши не нутрозрительныя, и если духъ не подлежитъ чувствамъ, то заключеніе о бытіи его —только вѣроятное, а не достовѣрное. Вѣдь природа дѣйствуетъ всегда единовременно или вдругъ, а въ ея сложеніяхъ мы не находимъ отличительныхъ чертъ для каждой части, но всегда совокупность. Мы называемъ противорѣчащими тепло и стужу, но природа и то, что́ производитъ тепло, и то, что́—

---

[1]) Стр. 117.

[2]) Стр. 118.

стужу, вмѣстила въ единое смѣшеніе и положила непремѣняющійся законъ ихъ дѣйствованію. Въ природѣ меньше противоположностей, чѣмъ въ нашемъ воображеніи, и чѣмъ думали прежде.

Различіе духа и вещественности произошло, м. б., оттого, что мысль свойственна одной главѣ, а не ногѣ или рукѣ; это различіе самоизвольно. Не вѣдая, ни что̀ есть духъ, ни что̀— вещественность, не надо бы ихъ поставлять существами настолько различными: пожалуй, сказали бы, что духъ не можетъ быть тамъ, гдѣ тѣло, и наоборотъ,—если бы сложеніе человѣка не убѣждало очевидно, что качества и духа, и вещества въ немъ совокупны. Сказали поэтому, что въ человѣкѣ находятся два разнородныя существа (т. е. субстанціи), вмѣсто того, чтобы выразиться такъ: существо человѣческое имѣетъ слѣд. качества—мыслить, перемѣнять мѣсто, чувствовать, пророждать и т. д. Вмѣсто того, чтобы сказать, что то, изъ чего сложенъ міръ (а кто исчислилъ всѣ составляющія его существа?), имѣетъ тѣ и тѣ свойства, сказали, что въ немъ имѣются разнородныя существа. О умствователи! неужели не видите, что всѣ разнородности въ единъ гнѣздятся составъ. Ты вѣдаешь, что мысль находится въ твоей главѣ; но вѣдаешь ли, съ чѣмъ она еще можетъ быть сопряжена? Тотъ, кто силою своего слова могъ вселить ее въ мозгъ твой, ужели былъ безсиленъ вмѣстить ее въ другое что-либо, опричь тебя. О надменность! [1])

Но обозримъ быстротечно свойства и вещественности, и мысленности. Что въ нихъ противорѣчнаго? Или нѣтъ ли слѣда, что они могутъ принадлежать одинакородному существу?

Свойства вещественности: непроницательность, протяжен-

---

[1]) Стр. 121.

ность, образъ, раздѣлимость, твердость, бездѣйствіе. Свойства духовныхъ существъ: мысль, чувственность, жизнь. Такъ какъ эти свойства являются только посредствомъ вещественности, то они считаются видимыми дѣйствіями духовнаго существа, которое чувствамъ не подлежитъ. Отсюда настоитъ вопросъ: можетъ ли вещественность имѣть жизнь, чувствовать и мыслить, или можетъ ли духъ имѣть свойства вещества? Въ обоихъ случаяхъ произведеніе будетъ одинаково. Если это можно доказать, то исчезнетъ раздѣленіе существъ (на вещественныя и духовныя); а если найдутся противные доводы, то необходимо поставлять бытіе двухъ разнородныхъ существъ, вещественности и духа (разумѣя подъ нимъ одну, такъ называемую душу человѣческую).

Вещественностью называется то существо, которое есть или можетъ быть предметомъ нашихъ чувствъ. Если же оно имъ теперь не подлежитъ, то это—не въ силу своего естества, а отъ малости или тонкости своей. Затѣмъ Радищевъ переходитъ къ изъясненію свойствъ вещества.

Непроницательность: нераздѣлимая частица вещественности (атомъ), встрѣтившаяся на пути другой такой же частицы,—сія послѣдняя не можетъ продолжать пути, доколѣ первая не уступитъ мѣста. Или: два тѣла не могутъ быть въ одно время въ одномъ мѣстѣ. Сіе есть *аксіома*, ибо противное предложеніе есть противорѣчіе.

Протяженность есть то свойство вещественности, вслѣдствіе котораго она занимаетъ мѣсто въ пространствѣ. Такъ какъ протяженность имѣетъ предѣлъ, то *всякую ограниченную протяженность* называютъ *образомъ*. Образъ даетъ вещественности *опредѣленность* (протяженность имѣетъ образъ), протяженность—*мѣсто*, непроницательность—*отдѣленность*. Всѣ три свойства нераздѣльны со всякимъ существомъ, подлежащимъ чувствамъ.

Раздѣлимость вещества доказывается химическими опытами. Но воображая вещество протяженнымъ, разумъ можетъ представить себѣ, какъ бы частица ни была мала,—еще меньшую, до безконечности, если есть на раздѣленіе достаточная сила. Но какъ это раздѣленіе существуетъ лишь въ возможности, и нѣтъ естественной силы на раздѣленіе началъ матеріи, то ей приписываютъ *твердость*.

Бездѣйствіе матеріи двояко: 1) Она можетъ вѣчно пребывать въ состояніи покоя, доколѣ какая-либо причина не дастъ ей дѣйствія. Это не есть существенное свойство матеріи, но относительное, поскольку ее можно считать лишенною движенія. 2) Частица вещественности, приведенная въ движеніе, продолжаетъ его съ той же скоростью и въ томъ же направленіи, пока что-либо не воспретитъ сему продолженію, либо не преобразуетъ оное [1]).

Движеніе есть свойство премѣнять мѣсто. Относительно его мнѣнія естествослововъ различны: одни полагаютъ его существеннымъ для матеріи, другіе,—что причины движенія нѣтъ въ самой матеріи, а нѣкоторые—что причина движенія для продолженія онаго должна быть присносущна, что ея не можетъ быть въ матеріи, и что она происходитъ отъ существъ, не обладающихъ свойствами вещественности.

Тяжесть есть свойство, вслѣдствіе котораго тѣло падаетъ къ срединѣ земли, а частицы матеріи стремятся къ средоточію. Послѣдственностями тяжести считаются притяженіе и отраженіе. *Притяженіе* есть свойство, вслѣдствіе котораго

---

[1]) Стр. 125. Начало фразы дурно редактировано: «2-е, Понятіе о вещественности есть частица вещественности, въ движеніе приведенная, которая продолжаетъ» и т. д.

дованіи одна за другою), *третье*—пространство, ибо существенность *всѣхъ являющихся* намъ *существъ* состоитъ въ томъ, что своимъ дѣйствіемъ на насъ они возбуждаютъ понятіе о пространствѣ и непроницательности [1]). Все, что̀ дѣйствуетъ на чувства, имѣетъ мѣсто и своимъ образомъ производитъ представленіе о протяженіи и о непроницательности: дѣйствуя на насъ изъ мѣста, вещь даетъ намъ чувствовать, что она не есть другая (непроницательность). Общее же понятіе и непроницательности, и протяженія, есть *пространство*. Итакъ, все, что̀ имѣетъ *бытіе* во *времени* и *пространствѣ*, заключаетъ понятіе непроницательности, ибо и познанія наши состоятъ только въ свѣденіи бытія вещей въ пространствѣ и времени. Изъ этого есть только одно изъятіе: первая Причина всѣхъ вещей. Такъ какъ опредѣленныя и конечныя существа не имѣютъ въ себѣ достаточной причины своего бытія, то должно быть Существу неопредѣленному и безконечному. Такъ какъ являющіяся существа своею сущностью имѣютъ вызывать въ насъ дѣйствіями понятіе о пространствѣ, существуя въ которомъ они и опредѣленны, и конечны, то безконечное Существо не можетъ быть постигнуто чувственностью и необходимо отличается отъ существъ, познаваемыхъ въ пространствѣ и времени. Поелику познаніе первыя причины основано на разсужденіи отвлеченіемъ отъ испытаннаго и доказывается правиломъ достаточности, а конечное не одно есть съ безконечнымъ и отъ него отдѣлено, то конечнымъ существамъ *невозможно* имѣть удостовѣреніе о *безусловной необ-*

---

[1]) Радищевъ доказываетъ здѣсь то, противъ чего никто и спорить не станетъ послѣ Канта. Все, что̀ является, разумѣется, заключается въ пространствѣ и времени. Ошибочно было только говорить о «всякихъ другихъ существахъ», кромѣ вещественности. Кромѣ ея, и нѣтъ ничего въ чувственномъ опытѣ.

ходимости Высшаго Существа, и свѣденіе о необходимости бытія Божія можетъ имѣть *единъ Богъ. Увы! мы должны ходить ощупью, какъ скоро вознесемся превыше чувственности* [1]).

Изъ понятія непроницательности слѣдуетъ еще, что одно тѣло не можетъ *проходить* чрезъ другое. Но опыты физическіе доказываютъ, что наитвердѣйшія тѣла проницаются воздухомъ и водою, а для огня нѣтъ ничего непроницаемаго. Очень трудно привести одно тѣло съ другимъ въ совершенное соприкосновеніе. Во всякомъ тѣлѣ больше пустоты, чѣмъ сгружденія, особенно въ жидкихъ тѣлахъ, кои удивительно могутъ растягиваться и сжиматься. Поэтому то и утверждали, будто все твердое вещество въ солнечной системѣ можно совмѣстить въ орѣховую скорлупу. Если же разсудимъ, что посредствомъ химическихъ смежностей вещества могутъ смѣшиваться и производить совсѣмъ новыя, то окажется, что непроницательность въ послѣднемъ смыслѣ есть вымышленное свойство вещественности [2]).

То же самое можно сказать о *протяженности* и *образѣ*, который есть опредѣленность протяженія. Ибо, занимая мѣсто въ пространствѣ, вещество имѣетъ его опредѣленно, т. е. имѣетъ образъ, т. е. протяженно. Это понятіе столь свойственно нашему разуму, который наиотвлеченнѣйшія понятія почерпаетъ изъ подлежащихъ чувствамъ веществъ, что противоположное представляется ему отрицательно.

Да и *безконечная дѣлимость* вещественности есть свойство воображенное. Въ этомъ признаются и тѣ, кто приписываетъ его, какъ существенное, матеріи, потому де, что оно

---

[1]) Стр. 133.

[2]) Стр. 135

возможно, и оно бы дѣйствительно произошло, если бы найти достаточную силу. „Я“, говоритъ Радищевъ, „не возьмусь опровергать *возможности*“. Ибо несуществующее есть мечта и не заслуживаетъ опроверженія. Если бы кто захотѣлъ сію раздѣлимость распространить на самого Бога, то стоилъ ли бы онъ единаго на опроверженіе слова? Улыбнемся безумію и замолчимъ.—Впрочемъ можно ее распространить и на умственное вещество. Хотя дѣйствіе его нераздѣлимо, но оно заключено въ протяженномъ, которое можно раздѣлить не только мыслію, но и дѣйствительно. Для чего же почитать нераздѣлимымъ мыслящее вещество [1])? Прейдемъ *замысловатыя бредни*: сколь онѣ ни замысловаты, но все—бредъ.

Твердость есть свойство, препятствующее безконечной дѣлимости матеріи. Опыты дѣлаютъ аксіомою то мнѣніе естествослововъ, что ни одна сила въ вещественномъ мірѣ не можетъ раздѣлить стихійныя начала. Значитъ, твердость противорѣчитъ раздѣлимости: онѣ не могутъ быть въ одномъ существѣ совокупны. Съ одной стороны раздѣлимость требуетъ разрушенія малѣйшихъ частицъ до безконечности (возможно ли такъ заблуждать и дѣлать пустое воображеніе бытіемъ!), съ другой стороны твердость, содержа стихійныя начала плотными,представляетъ разрушенію оплоту непреоборимую (и здѣсь явно дѣйствіе воображенія). Скажите ваше о семъ рѣшеніе, о вы, у коихъ разсудокъ не затмился предубѣжденіями учебными и предразсудками школы!

Но посмотримъ, твердость тѣлъ [2]) столь ли имъ свойственна и необходима, какъ то увѣряютъ учители. Образъ,

---

[1]) Стр. 136—137. Мыслящее вещество здѣсь=мыслящая субстанція—*res cogitans*, а не «мыслящее вещество мозга» нашихъ современниковъ.

[2]) Стр. 138. Въ оригиналѣ опечатка «тѣхъ».

какъ опредѣленіе протяженности, не можетъ существовать иначе, какъ вслѣдствіе сцѣпленія или взаимнаго притяженія частицъ (какъ скажутъ физики), или законовъ смежности (по мнѣнію химиковъ). Слѣдственно, сила сцѣпленія нужна, ибо безъ нея не было бы самой твердости, и все развалится. Но не довольно того, что разрушатся тѣла и прейдутъ въ хаосъ: гдѣ никакая сила не дѣйствуетъ, едва ли возродится ничтожество и истинная смерть. Какая пустая мысль, уродливое воображеніе!

Итакъ, гдѣ бы эта сила ни находилась—въ самомъ ли веществѣ или наружи, она своимъ дѣйствіемъ производитъ, что частицы находятся во взаимной проницательности, или хотя просто одна близь другой; она даетъ образъ, который безъ нея не можетъ быть. Уничтожьте сцѣпленіе,—и вещество изчезнетъ. Слѣдовательно, эта сила сосущественна веществу; одного нельзя вообразить безъ другой. Итакъ твердость есть слѣдствіе какія-либо силы, какъ причины, а существо есть отъ нея происходящее дѣйствіе.

Столь же свойственно вещественности и *отраженіе*. Очень трудно привести (какъ показываютъ опыты) два вещества въ истинное прикосновеніе. Отраженность дѣйствуетъ иногда даже въ отдаленности отъ тѣла, которому она принадлежитъ. Отчего наиплотнѣйшія тѣла столь проницательны? Что производитъ упругость, сжиманіе и растяженіе? Отчего одно вещество въ стѣсненіи становится упружѣе, а другое—въ растяженіи? Отраженіе, какъ и притяженіе, существуетъ вездѣ [1]); вещества въ соразмѣрности дѣйствія одной силы ощущаютъ дѣйствіе и другой. На самомъ дѣлѣ въ вещественности существуютъ токмо притяженія и отраженія безъ всякой твердости: для чего предполагать твердое, если его части никогда не могутъ сплотиться? Заключимъ, что есть мѣсто въ пространствѣ, гдѣ существуетъ каждая сила,

---

[1]) Стр. 141.

и откуда она дѣйствуетъ въ соразмѣрной ея могуществу округѣ. *Ложкъ* или его истолкователь употребили стихотворную и метафизическую картину всемогущества, вращающагося надъ пустымъ пространствомъ, и повелѣвшаго ему раздѣлиться и отвердѣть. Вмѣсто слова явимъ мысль всемогущую: О дерзновеніе! изрекать словомъ, звукомъ, зыбленіемъ воздуха мысль предвѣчную! Да будетъ сила въ каждой точкѣ пространства— и се дѣйствіе началося! Притяженіе и отраженіе простерлися изъ среды своей дѣйствіемъ, явился образъ и протяженность, вещественность пріяла существо. Твердость столь мало имѣетъ мѣста въ сей системѣ, что удивительно, какъ мудрствовавшіе давно не разсудили, что она и совсѣмъ не кстати [1]).

Друзья мои, оговаривается Радищевъ: раздробляя свойства вещественности, да не изчезнетъ она совсѣмъ, и да не будемъ сами тѣнь и мечта!

Бездѣйствіе есть то состояніе существа, изъ коего оно изступить не можетъ, доколѣ что-либо *ее*(?) изъ онаго не извлечетъ. Но утверждать, что бездѣйствіе есть свойство природы кажется нелѣпостью. Безразсудный! Когда зришь въ превыспренняя и видишь обращеніе тѣлъ лучезарныхъ, когда видишь жизнь, разсѣянную въ тысящи тысящей образахъ повсюду окрестъ себя,—ужели можешь сказать, что бездѣйствіе вещественности свойственно, и движеніе ей несродно. Все въ природѣ движется, и все живетъ. Если ты ничего не знаешь бездѣйствуемаго, если все видишь въ движеніи, то не суемудріе ли говорить о томъ, что̀ не существуетъ? На что намъ знать, что̀ до сложенія міра было, и можно ли намъ знать, какъ то было? Вещественность движется и живетъ. Заключимъ, что движеніе ему сродно, а бездѣйствіе есть веще-

---

[1]) Стр. 143. Радищевъ указываетъ, что въ «сихъ сужденіяхъ путеводительствовалъ» ему *Пристлей* (стр. 142).

ство твоего воспаленнаго мозга, есть мгла и тѣнь. Мы имѣемъ право неоспоримое утверждать, что движеніе въ мірѣ существуетъ, и оно есть свойство вещественности [1]). Показавъ неосновательность мнѣнія о бездѣйствіи вещественности, мы самымъ тѣмъ показали, что движеніе отъ нея неотступно и неотдѣлимо.

Послѣ всего сказаннаго о движеніи, притяженіи и отраженіи, ненужно еще показывать, что и *тяжесть* сосущественна вещественности. Эта всеобщая сила, въ понятіи которой заключается притяженіе и отраженіе, предузнана *Кеплеромъ* и доказана *Нютономъ*. Правда, причина ея сокрывается отъ проницанія нашего. Сія сила да будетъ дѣйствіе нѣкоего упругаго вещества, которое *эфиромъ* назвалъ Нютонъ. Да и самый эфиръ—не вещественность ли онъ самъ? Нютонъ, дѣлая его причиною, кажется, его къ веществу не причелъ, ибо будучи причиною, онъ не можетъ имѣть свойства того, что́ производитъ: нелѣпо сказать, что причина тяжести или притяженія сама имѣетъ тяжесть и притяжательна. Но бытіе эфира есть только предположенное, а не доказанное, изобрѣтенное для объясненія ипотезы, хотя и блестящія, но предположенныя безъ опытности. Есть тѣла (вѣдь и жидкости суть тѣла), подверженныя осязанію, коихъ свойство есть не тяжесть, а *сила средодалящаяся*, както: огонь, газы и самая вода; закону тяжести они иногда слѣдуютъ, но токмо въ совокупленіи и отвердѣніи. Ихъ свойство не тяжесть, не сцѣпленіе, но растяженіе и возлетаніе, или лучше сказать, и то, и другое вслѣдствіе законовъ смежности. „Я съ трепетомъ возражаю что-либо изобрѣтенію остроумія, и дерзая противорѣчить Нютону, покажусь несмысленнымъ; но какъ сказать можно, что огонь имѣ-

---

[1]) Стр. 145.

етъ тяжесть, и гдѣ притяженіе воспаряющейся воды, лишенной воздуха и безъ давленія атмосферы" [1]).

Вотъ предлогъ общаго естествословія, или она (?) метафизическая часть [2]). Мы видимъ на изъясненіи общихъ свойствъ вещественности, какъ противорѣчивы и ненадежны человѣческія сужденія: все въ оныхъ зависитъ отъ перваго изъясненія. Часто спорющіеся, имѣя разныя понятія о вещи, не понимаютъ другъ друга; желаніе заслужить имя остроумнаго ввергаетъ въ область воображенія, а потому и блужденія. Очень часто къ одному новому факту привязываютъ всѣ прежніе и составляютъ систему (а такъ какъ это названіе стало нѣсколько смѣшно), либо ѳеорію, или умозрѣніе. Здѣсь Радищевъ справедливо указываетъ естествоиспытателямъ: „О умствователи, *держитесь опытности*... Не тщитесь угадать, чего невозможно. То, къ чему стремитеся, есть мысль всевышняя, а вы что?". Нютонъ, сопрягая *изобрѣтенную* имъ тяжесть съ измѣреніемъ и исчисленіемъ, далъ ей блестящее правдоподобіе, и никто не смѣетъ ему противорѣчить. Притяженіе неоспоримо; но притяженіе тѣлъ небесныхъ, движущихся въ направленіи прямой линіи, едва ли не рушится, когда столь же дерзновенный разумъ сопряжетъ новыя откровенія (т. е. открытія) во едино и тяжесть оспорить захочетъ. Если можно истину предчувствовать, то сіе предчувствіе вѣроятно [3]).

Обращаясь къ главному предмету разсужденія—безсмертію и свойствамъ души, Радищевъ задается вопросомъ: могутъ ли свойства вещественности быть и свойствами разумнаго

---

[1]) Стр. 147. Любопытно, что эти самостоятельныя разсужденія Радищева, основанныя на «опытности», сильно напоминаютъ позднѣйшія доктрины шеллинговцевъ (напр., Павлова, см. II томъ нашего сочиненія, стр. 172) о двухъ основныхъ силахъ.

[2]) Недосмотръ редакціи текста.

[3]) Стр. 149.

вещества, т. е. человѣческой души? Нелѣпо сказать, будто чувствованіе, мысль то же, чтó и движеніе, притяженіе и т. п. Но если показать, что послѣднія суть или могутъ быть также свойствами чувствующаго и мыслящаго вещества, то можно будетъ умозаключить, что и оно, и вещественность суть едино вещество. Чувственность и мысль окажутся тогда свойствами матеріи, но поскольку она образуется (т. е. получаетъ образъ) въ органическихъ тѣлахъ. Есть силы въ природѣ, подлежащія нашимъ чувствамъ только въ ихъ сопряженіи съ тѣлами; жизнь, какъ дѣйствіе неизвѣстнаго вещества, вездѣ разсѣяна, но становится тамъ явственнѣе, гдѣ сопряжено наиболѣе разныхъ силъ во едино: а это бываетъ тамъ, гдѣ начинается чувствованіе, которое, совершенствуясь, досягаетъ мысленности. Всѣ эти силы и самая жизнь являются совокупными съ вещественностью. Перемѣны въ мысленности соотвѣтствуютъ перемѣнамъ вещественности. Мы заключаемъ, что въ видимомъ мірѣ живетъ одинакородное вещество, одаренное различными свойствами и искони существенно присвоенными ему силами. Намъ неизвѣстно, какъ произведенъ сей союзъ. И прежде всего, непроницательность свойственна вещественности, равномѣрно и мысленности. „Уже я зрю заранѣе толпы, на насъ возстающія; улыбки презрѣнія, осмѣяніе,—о если бы было одно опроверженіе доводовъ! Пребудемъ въ стезѣ нашей, и да молва не отвратитъ насъ отъ нашея цѣли!“ [1])

Непроницательность есть то свойство какого-либо вещества, вслѣдствіе коего оно съ другимъ не можетъ находиться на одномъ мѣстѣ въ одно время. Все, чтó существуетъ, не можетъ иначе имѣть бытіе, какъ находяся гдѣ-либо. Пространство, хотя и есть отвлеченное понятіе, но въ самомъ дѣлѣ существуетъ, не яко вещество, но какъ отбытіе онаго. Если

[1]) Стр. 151.

необходима пустота для движенія, то мѣсто или точка, гдѣ она находится, можетъ дать понятіе о пространствѣ, т. е. о вмѣстилищѣ бытія. Слѣдуетъ, что и мысленное вещество должно гдѣ-либо находиться. А поелику каждое изъ нихъ(?) есть вещество особенное, снабженное особымъ бытіемъ, то два таковыхъ вещества (т. е. души) не могутъ быть на одномъ мѣстѣ въ одно время. „Смѣйся, если лучше разумѣешь, но воззри на себя и убѣдись!“ [1]) Гдѣ мысль твоя живетъ? Гдѣ ея источникъ?—Въ главѣ твоей, въ мозгу, какъ учитъ ежемгновенный опытъ. Но мысль стоящаго близь тебя неужели въ тебѣ, въ мозгу твоемъ, для опроверженія моихъ доводовъ? Всякъ имѣетъ свою главу, свою мысль: мысль одного не есть мысль другого—и наоборотъ. Вы оба, или мысленности ваши—не въ одномъ мѣстѣ существуютъ, слѣдовательно, суть непроницательны онѣ, а не только ихъ органы, мозги. Если и признать, что мысленность отвлекаетъ насъ отъ тѣлесности, и двѣ особыя мысленности относительно мысленію(?) могутъ быть совокупны,—то осмотримъ: пусть твое воображеніе клокочетъ и носится легчаѣ звука и быстрѣе свѣта, о тварь, се точка—и ты на ней!

Ступимъ шагъ еще въ изъясненіи „*площадныхъ*“ нашихъ доводовъ [2]).

Мыслительность—протяженна, имѣетъ образъ. „Вижу, вижу, смѣешься, хохочешь, влечешь за собою мѣру и вопрошаешь: которой геометрической фигурѣ она подобна“?

Протяженность есть то свойство вещества, вслѣдствіе котораго оно занимаетъ мѣсто въ пространствѣ. Дадимъ еще оружіе противъ себя. Протяженность есть то, что подлежитъ измѣренію; все подлежащее измѣренію имѣетъ предѣлъ; опре-

---

[1]) Стр. 152.

[2]) Стр. 153.

дѣленная протяженность или измѣримость есть образъ. Мысленность заключена въ мозгу и не дѣйствуетъ на него извнѣ. Во всемъ ли она мозгу или въ одной его части—неизвѣстно. Положимъ, что кубическое содержаніе мозга есть 100 дюймовъ, то мысленность твоя, сколь бы мала ни была, хотя бы математическая точка, содержится во сто; ибо мозгъ измѣрить, свѣсить можно. Кто знаетъ, не отъ тяжести ли или легости происходитъ различіе умовъ? Если цѣлое велико кажется, ставь дроби $^1/_{100000}$ и т. д.—все будетъ измѣримая дробь.

Дадимъ мысленности и образъ [1]): мозгъ протяженъ, а потому и все въ немъ содержащееся. Да и самъ по себѣ мозгъ имѣетъ опредѣленный образъ; слѣдуетъ, что и содержащееся въ немъ образованно. Ваятель дѣлаетъ сперва глиняную форму, да образуетъ своего Аполлона. Но каковъ именно образъ мысленности, опредѣлить того не могу. Всякое жидкое тѣло образуется по сосуду, въ коемъ содержится. Воздухъ, содержащійся въ куб. дюймѣ, можетъ растянуться на 100 куб. сажень. Но если онъ неудобоизмѣримъ, то его можно взвѣсить. Не бойся, не бойся, я мысленности твоей на безмѣнъ не положу. Сила электрическая въ лейденской скляницѣ взвѣшена. Не взвѣшена сила магнитная, но кто станетъ отрицать, что она *не*вещественна(?).

Нѣтъ нужды говорить о другихъ свойствахъ вещественности, поскольку они приложимы къ мысленности: 1) *раздѣлимость*—свойство воображенное (не существующее), 2) *твердость*—свойство, не утвержденное ясно, 3) *бездѣйствіе*—мечта, 4) *движеніе*: мысленность одинъ изъ его разнородныхъ источниковъ, 5) *тяжесть*, или паче притяженіе и отраженіе: имѣетъ ли мысленность стремленіе къ центру земли, того не вѣдаю; но питаніе, пророжденіе, жизнь, любовь и ненависть, что́ суть?

---

[1]) Стр. 155.

Не нужна ли сила притяженія на какое бы то сложеніе ни было? Ничто не можетъ быть средою ея дѣйствія, паче мысленности, если сила эта имѣетъ точку, откуда дѣйствуетъ. Оно таково въ самомъдѣлѣ (точки—пропускъ въ оригиналѣ [1]); далѣе безъ связи цѣлый passus).

Разобранныя свойства вещественности, такъ сказать, метафизическія, заключались въ отвлеченнѣйшихъ понятіяхъ. Но есть свойства веществъ, кои, проистекая отъ коренного сложенія, заимствуютъ свойства начальныхъ частей вещества. Для познанія ихъ надо говорить о *стихіяхъ*, какъ началахъ веществъ.

Показавъ, что свойства вещественности суть свойства мысленности, покажемъ, *поколику вѣроятно*, что и мысленность есть вещественности свойство. Прежде всего какія суть свойства вещества мыслящаго? Таковы: жизнь, чувствованіе, мысленіе. Эти свойства суть нѣчто болѣе, нежели просто движеніе и пр., хотя, *вѣроятно*, и эти силы участвуютъ въ ихъ произведеніи. Здѣсь Радищевъ желаетъ ввести экскурсъ „о составленіи тѣлъ вообще", потому что, по мнѣнію нѣкоторыхъ, движеніе не есть свойство подлежащихъ чувствамъ веществъ. Стихіи всѣхъ тѣлъ суть: земля, вода, воздухъ, огонь. Мы знаемъ ихъ не въ чистомъ видѣ, а только въ сопряженіи. Если бы прочія стихіи не имѣли земляныхъ частицъ, то онѣ (кромѣ земли) ускользали бы отъ чувствъ. Каждая изъ нихъ имѣетъ свои особенныя свойства: твердѣйшая—земля есть движимое, а остальныя (огонь, а можетъ быть, воздухъ и вода)—суть начала движущія; онѣ производятъ движеніе въ тѣлахъ; безъ нихъ нѣтъ ни сложенія, ни разрушенія; онѣ занимаютъ болѣе мѣста, чѣмъ земля, которая одна изо всѣхъ подлежитъ чувствамъ [2]).

---

[1]) Стр. 157.

[2]) Стр. 160.

Опыты являютъ намъ, что движеніе производятъ и не стихійныя вещества, какъ свѣтъ (совокупный огню), сила электрическая (имѣющая свойство огня), магнитная, *стихія соли*, которая есть всеобщій раздѣлитель, особливо, соединяясь съ воздухомъ, водою и т. д. Они имѣютъ истинную *энергію*. Но что она есть? То, можетъ быть, ей одной извѣстно, или Давшему ее стихіямъ. Далѣе—опять пропускъ [1]), гдѣ должны были быть изложены „подробности о стихіяхъ", дабы показать истинность и основанность на опытахъ сдѣланнаго „*нами*" раздѣленія веществъ на движущія и движимыя.

Стихія, соединяясь одна съ другою, измѣняютъ свое вещество до неузнаваемости: вода уподобляется землѣ, огонь твердѣетъ, не жжетъ и не свѣтитъ, воздухъ обнаруживаетъ себя одною тяжестію. Средства, употребляемыя природою для сложенія стихій, разнообразны, но слѣдуютъ одинаковымъ законамъ. Естествоиспытатели, уобщая понятія и восходя отъ одной отвлеченности къ другой, а паче сдѣлавъ себѣ систему, и возгнѣждая въ нее всѣ извѣстные факты, сказали, что общій законъ всѣхъ сложеній есть притяженіе. Но кристаллизація или стеклованіе суть ли одно (хотя, по мнѣнію *Бюфона*, образъ производитъ великую разность)?

Для доказательства сцѣпленія приводятъ опытъ двухъ гладкихъ поверхностей; это —одинъ изъ слабѣйшихъ случаевъ. Если сцѣпленіе производитъ сложеніе тѣлъ, то ужели сцѣпленіе въ стеклѣ сильнѣе золота? если бы не была другая сила, то что̀ удержало бы золото подъ молотомъ, дало бы ему столь ужасное растяженіе?

Одно изъ главныхъ средствъ природы для сложенія и измѣненія стихій—*организація*; анализисъ частей животнаго указываетъ всѣ стихіи [2]). Органическое тѣло есть какбы химическая ла-

---

[1]) Стр. 161.

[2]) Стр. 164.

бораторія, гдѣ происходятъ различныя амальгамы, раздѣленія и сложенія даже почти новыхъ веществъ, напр., нервенной влажности. Послѣдняя сходственна развѣ только съ электричествомъ и магнитизмомъ (которыя оба, можетъ быть, всосаны будучи въ тѣло, въ немъ амальгамируются, передвоятся и вмѣстѣ съ другими производятъ нервенную жидкость?). Таковая имѣется и въ организаціи животныхъ. Въ организаціи дѣйствуютъ всѣ стихіи.

Жизнь [1]) есть то дѣйствіе явленія, чрезъ которое сѣмя разверзается, ростетъ, получаетъ совершенное дополненіе всѣхъ своихъ силъ, производитъ паки сѣмя, подобное тому, изъ коего зачалося, потомъ теряетъ силы и приближается къ разрушенію. Происходитъ ли жизнь просто изъ сложенія стихій, можно будетъ утверждать лишь тогда, когда искусственно произведутъ органическія тѣла. Сила, дающая жизнь, одинакова въ животныхъ, растеніяхъ (вѣроятно, и въ ископаемыхъ), но является различною въ разныхъ сложеніяхъ. Не безразсудно заключать, что огонь есть одно изъ необходимыхъ началъ жизни (если не самая жизнь?) По удаленіи солнца вся природа (кромѣ животныхъ, въ которыхъ больше огня) мертвѣетъ.

Раздраженность, примѣчательная уже въ растеніяхъ (особенно, въ чувственницѣ), и въ раздѣленіи, въ воскипѣніи тѣлъ, есть, вѣроятно, произведеніе силы электрической: чувственница увядаетъ отъ малѣйшаго прикосновенія. Квасъ и всякая ферментація не есть начало раздраженности.

Чувственность есть свойство ощущать; она есть свойство нервовъ, какъ доказываютъ опыты, и приписывается физіологами присутствію нервенной жидкости. Безъ жизни не были бы намъ извѣстны ни чувственность, ни мысленность,

---

[1]) Стр. 165.

съ которыми она совокупна. Если мысленность мы находимъ только вмѣстѣ съ чувственностью, а она неразлучна съ жизнію, то не суть ли сіи три явленія тѣлъ—дѣйствія единаго вещества? Или чувственность и мысль суть дѣйствіе отличнаго вещества, куда входитъ и электричество? Встрѣчается жизнь безъ чувственности, и чувственность безъ мысли. Но жизни сопутствуетъ всегда раздраженность (нижайшая степень чувственности). Да и не всегда бываютъ потребные органы, нервы, для чувственности и мысли: есть вещества—на смежности единыя жизни и чувственности, что̀ не имѣютъ и мозга.

Итакъ, въ существо жизни входитъ огонь; въ чувственности замѣтны явленія, подобныя силѣ электрической (и дѣйствуетъ она на наши нервы, подобно магнитной силѣ); чувственность, повидимому, есть продолженіе мысленности, ибо и понятія, и мысли всѣ происходятъ отъ чувственности, да и органы послѣдней — продолженіе органа мысленнаго. Не ясно ли, что мысль, чувственность и жизнь суть свойства вещества непроницательнаго, протяженнаго, образованнаго (т. е. имѣющаго форму), твердаго и проч. Ибо огонь, электричество и магнитизмъ суть свойства того же вещества, или оное само.

Къ этимъ общимъ разсужденіямъ Радищевъ присоединяетъ еще нѣкоторыя подробности, но уже не отъ себя, а въ видѣ большого монолога (стр. 169—192) воображаемаго собесѣдника, отчаяннаго противника безсмертія души, заклятаго матеріалиста, который и дѣлаетъ выводъ.

Излишне приписывать дѣйствію особаго вещества то, что̀ можетъ принадлежать матеріи, неосновательно давать человѣческому тѣлу душу, отмѣнную отъ тѣла и непонятную. Жизнь, чувственность и мысль (ихъ называютъ душою) суть произведеніе единаго вещества, составительныя части коего имѣютъ различныя (и еще не всѣ испытанныя) качества. Успѣхи наукъ, особенно физики и химіи доказываютъ, что не невозможно

когда-либо уловить природу счастливыми опытами въ ея творительномъ стану. Хотя бы чувственность и мысль были особенныя силы, но нельзя торопиться отрицать ихъ принадлежность матеріи, будто онѣ даже и не могутъ быть ея свойствами.

Не удивительно, что возмечтали себя безсмертными тѣ, кому чужда природа, кто не обращаетъ на нее внимательнаго ока; не удивительно, что ищутъ прибѣжища превыше жизни гонимые бѣдствіемъ, скорбію, болѣзнію. Но всегда будетъ страннымъ то, что люди, наипаче проникшіе въ сокровенности природы и всегда упражнявшіеся въ разысканіи ихъ, примѣняются къ возрожденію, когда дойдетъ до рѣшенія этого вопроса о конечной смерти. Столь слабость наша велика, столь человѣкъ боится разрушенія! Такъ и быть должно, ибо съ младости мы окружены предубѣжденіями, твердящими о будущей жизни, и предметами, къ жизни привязывающими. Въ возмужалыхъ лѣтахъ или отвлекаютъ мысли отъ разрушенія, или представляютъ себѣ его невѣроятнымъ. Приспѣвъ къ гробу, и чувствуя необычайное, мы вдругъ обращаемся къ мыслямъ безразсудной юности. Кто былъ блаженъ, тому жаль умирать, и онъ мнитъ продолжать жизнь безсмертіемъ [1]). Изнемогающій подъ тяжестью превратнаго счастія зритъ въ кончинѣ конецъ несчастій и мнитъ возрожденія утѣхъ.

Какъ отыскатели дѣяній природы могутъ ошибаться въ ея дѣйствіяхъ! чувственность и мысль слѣдуютъ тѣлесности отъ рожденія до кончины; когда отмираетъ одна, престаютъ дѣйствовать и другія. Родившійся совсѣмъ непричастенъ мысли, чувственность его весьма слабая. Тѣло укрѣпляется, купно съ нимъ мысль и чувственность. Лучшее для нихъ время, когда тѣло получило приращеніе и укрѣпилось всѣми силами. А какая степень осталась чувственности и мысли въ старикѣ: одна изгладилась, другая равняется младенчеству. Почто ры-

---

[1]) Стр. 172.

даешь? Се одръ твой, се покой тѣла твоего! Всѣ начала состава твоего притупилися, и рушиться имъ должно. Почто же плачешь о неизбѣжномъ? Когда жизнь прервется, увянетъ и чувственность, изсякнетъ мысль, и всякое напоминовеніе прелетитъ, яко легкій дымъ. Жалѣешь о блаженствѣ, ужели жалѣешь и о бѣдствіи? Возвѣсь [1]) всѣ минуты печали, болѣзни и превратностей, и противоположи имъ минуты радости, здравіе и благоденствіе, увидишь, что чаша злосчастія всегда претянетъ чашу блаженства. О чемъ же сѣтуешь? Воскликни: се часъ мой! скажи: прости! и отыди!

Защитники души безвещественной, несложной и потому безсмертной утверждаютъ, что въ противоположность внѣшнимъ чувствамъ, внутреннее чувствованіе, происходящее отъ разныхъ чувствъ, и мысль, отъ чувствъ рождающаяся, есть нераздѣлима, какъ нераздѣлимо, всегда едино и просто *вѣдѣніе самого себя* (т. е. самосознаніе); значитъ, и вещество души также простое и неразрѣшимое, каковое разрушиться не можетъ: душа въ разрушеніи тѣла пребудетъ безсмертна.

Но скажи и истолкуй: какъ вещество простое можетъ дѣйствовать на сложное, какъ дѣйствуетъ непротяженное на протяженное? И еще того непонятнѣе: какъ непротяженное заключается въ протяженности? вѣдь понятіе протяженности противорѣчитъ нераздѣлимому [2]). Ты не знаешь, мечтающій вѣчность, какъ заключена душа безвещественная въ протяженное влагалище. Желая отличить душу отъ тѣла, ты сдѣлалъ ее уже не веществомъ, а отвлеченіемъ: она—точка математическая, слѣдовательно, воображеніе, сонъ. Душа твоя есть безсущественность, ничтожество, небытіе: кто ощущалъ (если не въ мечтаніи) что-либо нераздѣлимое, несложное? И какъ себѣ это представить? Если точка есть конецъ линіи, то чему же

---

[1]) Мысль, на которой основана и Байронова Euthanasia.

[2]) Стр. 175.

душа окончаніе? Тебѣ, кажется, наскучило житіе и услажденіе—оставь же насъ, отыди въ своя превыспренняя и веселися!

Но отчего невозможно согласное дѣйствіе всѣхъ чувствъ и органовъ? Все имѣетъ свою цѣль, и къ ней обращены всѣ части и силы. Ты существуешь въ мысленности; для чего же думаешь, что чувства и органы твои не для нея суть, и она не отъ нихъ? Если единственная частица воздуха не можетъ произвести звука, неужели заключать, что звукъ не есть произведеніе воздуха? Безумный! ты скоро скажешь, что и жизнь въ человѣкѣ есть невозможность, ибо каждая часть тебя не есть жизнь. Смотри, куда ты забрелъ! Кто рыщетъ въ мечтаніи, недостоинъ, чтобы онаго былъ отлученъ. Чувственность местію не замедлитъ. Вощаныя твои крылія растаютъ отъ ея жаркости, и новый *Икаръ*, ты падешь [1])!

Какъ могли войти въ твой мозгъ сія чрезъестественная простота и нераздѣлимость души? Возьми часы и ударь ихъ о камень: гдѣ будетъ сей почти разумный указатель времени? Или въ каждой части? Металлъ не возможетъ того безъ соразмѣрности въ колесахъ и пружинахъ. Душа нераздѣлима! Но звукъ, благогласіе раздѣлимы ли? Сложны и раздѣлимы производящія орудія, но не произведеніе ихъ! Не отъ чувствъ ли мысль свою получаешь? Нераздѣлимы ли ухо, око, носъ? Мысль, произведеніе чувствъ, душа (по твоему) нераздѣлима. Изъ одной души нельзя сдѣлать двухъ душъ. *Пристлей* говоритъ: разрѣжь одинъ шаръ на двое—выдутъ 2 половины, но не будетъ шара. Слѣдуетъ ли, что съ разрушеніемъ органовъ не можетъ разрушиться и душа? [2])

Ужели трудно вообразить т. наз. душу единственною и

---

[1]) Стр. 178.

[2]) Стр. 179.

нераздѣлимою, яко дѣйствіе твоихъ органовъ и сложенія? Вообрази себѣ общество, сіе нравственное, соборное вещество (напр., римскій сенатъ, или аѳинскую площадь). Много частей и дѣйствій, но всѣ одного желаютъ. Это уподобленіе, а не сравненіе. Но всѣ усилія отдѣлить душу отъ тѣла напрасны.

Душа растетъ съ тѣломъ. Понятія и мысли мы получаемъ отъ чувствъ. Если не вѣришь ты мнѣ, прочти *Локка*. Онъ удивитъ тебя, что всѣ мысли твои, и самыя отвлеченнѣйшія, въ чувствахъ твоихъ имѣютъ свое начало. Это не противорѣчитъ тому, что отвлеченіе есть дѣйствіе разсудка. Въ чувствахъ корень отвлеченныхъ понятій. Зачѣмъ дѣлать душу веществомъ, особымъ отъ чувственности? Это похоже на то, какбы даешь душу носу, душу уху, а въ осязаніи—душу на каждую точку поверхности тѣла. Неужели на всякое дѣяніе тѣла дадимъ особую душу (вещество поющее, говорящее и т. д.)? Получая познанія отъ чувствъ, ты, странникъ, хочешь, чтобы мысленность была имъ чужда и противорѣчуща? Но откуда ты возмечталъ, что твоя душа безтлѣнна и не есть дѣйствіе органовъ? Сколько тѣлесностей на нее дѣйствуетъ! Все измѣняетъ ее—пища, питье, болѣзни, страсти, холодъ, жаръ. Она страждетъ, а не тѣло. Можетъ ли знать душа, какая мысль въ ней пробудится чрезъ мгновеніе, чего она возжелаетъ, какія движенія сдѣлаетъ тѣло и т. п.? Душа, окруженная предметами, есть то, что́ они ей быть опредѣляютъ [1]). Если бы они не извѣщали твои чувства, если бы ты былъ лишенъ чувствъ, ты не былъ бы извѣстенъ, что ты существуешь, ибо никакая мысль не могла бы въ тебѣ возродиться.

Не токмо внѣшность, но и вся внутренность (страсти) царствуетъ надъ твоею душей. Когда, презирая жизнь, ты течешь во слѣдъ вожделѣнному предмету страсти,—гдѣ душа,

---

[1]) Стр. 182.

устроитель твоей тѣлесности, судія твоихъ дѣяній? Иногда, иногда возвыситъ гласъ, но непокорливые подданники влекутъ тебя.

Не токмо страсти умерщвляютъ твою душу,—всѣ потребности твои и недостатки произвольно властвуютъ надъ нею (терзаніе глада, напр.). Вѣдаешь ли всю власть желудка надъ мысленностью? Когда онъ тощъ, тѣло изнеможетъ, и душа разслабѣетъ. Когда обильный хилъ вліется въ твои жилы (ты скорѣе знаешь дѣйствіе пресыщенія, ехидно замѣчаетъ Радищевъ [1]), и естественность въ тебѣ обновляется, сколь слаба тогда твоя мысль! О вещество безтѣлесное, если чему другому ты неподвластна, то пьяные пары конечно сильно на тебя дѣйствуютъ. Когда ты, о *любитель духовныхъ веществъ*, усумнишься въ своей вещественности, то войдя въ сонмъ пьяныхъ,—скоро убѣдишься, что съ тѣломъ и душа пьянѣетъ!

Скучно собирать еще доводы на то, что̀ столь ясно. Душевныя силы возрастаемы съ тѣлесными; онѣ стали расширены удобреннымъ воспитаніемъ; воображеніе есть плодъ страны, гдѣ жительствуешь; память единственно зависитъ отъ мозга: когда онъ старится и твердѣетъ, тогда и память теряетъ свою способность; есть способы тѣлесные на ея расширеніе; вниманіе утомляется напряженіемъ [2]). Если все сіе не есть тебѣ доказательствомъ, войдемъ за мною въ храмину, уготовленную человѣколюбіемъ для страждущаго человѣчества, въ хранилище болѣзней: не содрогаешься ли? Нетрепетно восходивши на стѣны градскія и презиравъ тысячи смертей, ты зришь здѣсь твое разрушеніе, неминуемую смертность: весь составъ твой сотрясется. Не тужи о воспаленномъ огневицею и умалишенномъ! Вѣрь, они нерѣдко насъ блаженнѣе: они

---

[1]) Стр.183.

[2]) Стр. 184—185.

не вѣдаютъ своей болѣзни, теряясь въ мечтаніяхъ. Но содрогнись на бѣснующагося, на имѣющаго въ мозгу чирей. О душа, что́ ты и гдѣ ты? Если слабы доводы *Эпикура*, *Лукреція* и всѣхъ новыхъ ихъ послѣдователей, то великое множество примѣровъ найдется въ первой больницѣ [1]).

Если и этого мало, то воззри на сонъ, и разсмотри, что́ онъ есть: познаешь, каково состояніе души будетъ по смерти. Первое: сновидѣнія твои столь же мало отъ тебя зависятъ, какъ и отъ твоего понятія. Если можно тому вѣрить, что сновидѣніе есть начало пробужденія и производится чѣмъ-либо внѣшнимъ, то, значитъ, сновидѣніе нельзя отнести къ дѣйствованію твоей души. Когда же пары, подъемлющіеся отъ желудка, не тревожатъ мозга, и сонъ покоенъ и крѣпокъ, ты не только не чувствуешь, но и мысль твоя недѣйствительна. Посмотри на тѣхъ, кому болѣзни даютъ сонъ долговременный: спроси: мечтали ли они что-либо? Или думаешь, что въ рѣшеніи задачъ математическихъ упражнялися? Воззри на объятаго обморокомъ и чувствъ лишеннаго! Если излишне испущенная кровь повергала тебя въ такое положеніе, то знаешь ты, что́ смерть есть. Какъ почесть душу существенностію, отдѣленною отъ тѣла, когда сонъ и обморокъ лишаютъ ея того, что́ ея существо составляетъ!

Жить послѣ смерти не только невѣроятно, но и невозможно. Вообрази, что тѣло твое разрушилося, и ты уже мертвъ [2]). Хотя бы душа и была жива, но она лишена чувствъ, орудій мысли, и состояніе ея измѣнилося, не то, что̀ при жизни: можетъ ли она ощущать и мыслить? Ты по душѣ своей будешь не тотъ человѣкъ, что́ былъ до смерти. Отъ чего зависитъ твоя особенность, твоя личность, что ты есть ты? По-

---

[1]) Стр. 186 (опеч. 189 въ одномъ экз.).

[2]) Стр. 188.

средствомъ чувствъ ты сіе мгновеніе получаешь извѣщеніе о бытіи твоемъ, и въ слѣдующее мгновеніе то же чувствуешь. Чтобы быть увѣреннымъ, что прежде чувствованіе происходило въ томъ же человѣкѣ, въ какомъ теперь, надлежитъ быть *напоминовенію*. Если бы человѣкъ не былъ одаренъ памятью, то онъ не могъ бы имѣть никакихъ знаній, и не вѣдалъ бы, что онъ былъ не далѣе, какъ въ прошедшее мгновеніе. Если по смерти память не будетъ свойствомъ твоей души, то можно ли назвать тебя тѣмъ же человѣкомъ, который былъ въ жизни? Всѣ дѣянія твои будутъ новы и не будутъ относиться къ прежнимъ. Жить вновь и не знать о томъ, что былъ, есть то же, что̀ не быть. Забвенное—для насъ не существовало [1]). А что нельзя душѣ сохранить памяти, читай во врачебныхъ книгахъ многочисленные и убѣдительные примѣры. Престолъ памяти есть мозгъ; а онъ есть вещественность, тѣло, гніетъ, разрушается. Память зависитъ отъ него единственно: гдѣ же она будетъ? Гдѣ будетъ прежній ты, гдѣ личность? Вѣрь, по смерти все для тебя минуется, и душа твоя исчезнетъ.

По смерти все ничто,
И смерть сама ничто.
Ты хочешь знать то, гдѣ
Будешь по кончинѣ?
Тамъ будешь ты, гдѣ
Былъ ты до рожденья.

Сенека, въ трагедіи „Троады“ (т. е. „Троянки“ [2]).

---

[1]) Стр. 189.

[2]) Стр. 190.

Troades, Act. II.
заключительный

Chorus Troadum.

398. Post mortem nihil est, ipsaque mors nihil,
Velocis spatii meta novissima.

Итакъ, если мозгъ и глава нужны для мысленія, а нервы для чувствованія, то безразсудно мечтать, что душа можетъ дѣйствовать безъ нихъ. Она ихъ произведеніе, а они осуждены къ разрушенію. Нельзя вообразить себѣ, что есть такое вещество, простое, нераздѣлимое, духъ, и чтобы онъ былъ по разрушеніи тѣла (въ подл. „он*и* был*и*“(?).

Всякое состояніе вещества естественно предопредѣляется его предшедшимъ состояніемъ, безъ котораго послѣдующее не имѣло бы причины къ своему бытію. Предрожденное состояніе человѣка опредѣляло его состояніе въ жизни, а жизненное его состояніе опредѣляетъ, что̀ онъ будетъ по смерти. До зачатія человѣкъ—сѣмя, коего опредѣленіе—разверженіе; а жизнь пріуготовляла расположеніе и разрушеніе. Когда жизнь прейдетъ, почто мечтать, что она можетъ продлиться [1])? Человѣкъ вышелъ изъ сѣмени, и составъ его разсѣменится по сложенію составляющихъ его стихій. По справедливости можемъ заключить изъ состоянія человѣка до начатія жизни о состояніи по скончаніи ея. Человѣкъ не имѣетъ воспоминанія о томъ, что онъ же существовалъ въ сѣмени; онъ не можетъ имѣть по смерти воспоминанія о томъ, что былъ въ живыхъ.

Конечный выводъ и заключеніе этого длиннаго монолога:

---

400. Spem ponant avidi; solliciti metum.
Quaeris quo jaceas post obitum loco?
Quo non nata jacent.

Это соотвѣтствуетъ у *Еврипида:* τὸ μὴ γενέσθαι τῷ θανεῖν ἴσον λέγω (Андромаха въ «Троянкахъ», v. 63. I). У *Цицерона*, De Finibus, I, 15, Torquatus: qua (morte) qui affecti sunt, in eadem causa sunt, qua antequam nati.

Bibliotheca classica latina, sive Collectio auctorum classicorum latinorum cum notis et indicibus (*N. E.Lemaire*), Omnia opera quae vulgo exstant sub nomine *L. A. Senecae*, pars. III sive opera tragica. volumen II, Parisiis, 1832, p. 273 и274.

[1]) Стр. 191.

„Итакъ, о смертный! оставь пустую мечту, что ты есть *удѣлъ*(?) Божества.

Ты былъ нужное для земли явленіе вслѣдствіе законовъ предвѣчныхъ. Кончина твоя приспѣла, нить дней прервалася, скончалося для тебя время и настала вѣчность!“.....

Радищевъ обрушивается на своего воображаемаго совопросника всею силой своей „чувствительности“: „О ты, доселѣ гласомъ *моимъ* вѣщавшій, тиранъ лютѣйшій, варваръ неистовый, хладнокровный человѣконенавидецъ, изыскательнѣе паче всѣхъ мучителей на терзаніе“. Жестокостью и звѣрствомъ онъ превышаетъ *Тиверія*, *Нерона*, *Калигулу*, всѣхъ древнихъ и новыхъ терзателей человѣчества [1]). Могущество тѣхъ простиралось на мгновеніе и не заграбляло за жизнь. Всему, терзанію, болѣзнямъ, изгнанію, заточенію есть предѣлъ: едва духъ жизненный излетитъ изъ уязвленнаго и изможденнаго тѣла, какъ утщетится вся власть и сила тиранновъ. Конецъ дней несчастнаго есть предѣлъ злобѣ мучителей и варварству осмѣяніе. Но ты (т. е. философъ, отрицающій безсмертіе), простирая алчнотерзательную твою десницу за кончину моихъ дней, лишаешь меня не мгновеннаго блаженства, не скоропретекающаго и бреннаго радованія. Подавляющая меня твоя рука тяжелѣе гнететъ увядающее сердце, нежели свинецъ, злато и чугунъ. Жестокосердый, ты погашаешь единственный лучъ надежды для злосчастной души. Ты ограбляешь лишеннаго утѣхъ на землѣ—надѣянія возродиться на радость и на воздаяніе добродѣтели. Ужели *Сократъ* и его гонители осуждены на равную участь? „Ужель ничтожество есть жребій всѣхъ добродѣтельныхъ и злосчастныхъ!“ восклицаетъ Радищевъ, очевидно, имѣя въ виду и самого себя. Откуда твое дерзновеніе, твоя власть, веселіе, разрушающее *покой мой*. „Или не вѣда-

---

[1]) Стр. 192.

ешь, что̀ можетъ отчаяніе человѣка, лишеннаго семейства, друзей и всякія утѣхи" (какъ самъ изгнанный авторъ трактата) [1]. Онъ угрожаетъ своему противнику страшнымъ мщеніемъ: „Не скроютъ тебя отъ карающія руки ни вертепы, ни лѣса дремучіе, ни пустыни!" Мщеніе преслѣдуетъ тебя, настигнетъ, изторгнетъ изъ сердца твоего болѣе самыя жизни. „Я мысль даже въ тебѣ претру надежды будущаго, и вѣчность отлетитъ —но что успѣю я? О тигръ, ты ея не чаешь!" Самая страшная угроза съ точки зрѣнія Радищева—не имѣетъ смысла для матеріалиста, не вѣрящаго въ безсмертіе души.

[1]) Стр. 194.

Книга III.

Доселѣ, возлюбленные мои, я собиралъ, говоритъ Радищевъ, всѣ возможные и употребительные доводы, утверждающіе смертность души и старался имъ дать возможную ясность, поставить ихъ во всей блистательности и прелестности, дабы явнѣе была ихъ слабая сторона, если она есть. Теперь возвратимся и соберемъ все, что́ можно найти на подкрѣпленіе противнаго мнѣнія. О истина, непреложный органъ Всевышняго, спусти на блуждающаго во мнѣніяхъ хотя единый лучъ предвѣчнаго твоего свѣта, да отлетитъ отъ меня блужденіе, и тебя да узрю! [1]).

Желающему размышлять о смертности и безсмертіи можно посовѣтовать бывать часто при одрѣ умирающихъ: онъ могъ бы познавать, что̀ есть смерть. А кто самъ находился въ преддверіи вѣчности, имѣя полный разсудокъ, тотъ можетъ сопровождать свои разсужденія внутреннимъ чувствованіемъ, которое въ касающемся до жизни и смерти безобманчивѣе разума. Тотъ же, кто ее не предчувствовалъ николи, будетъ только изыскивать доказательства для убѣжденія другихъ въ томъ, въ чемъ самъ былъ убѣжденъ только наслышкою. Я всегда съ величайшимъ удовольствіемъ [2]) читалъ размышленія

---

[1]) Стр 6.

[2]) Стр. 7.

стоящихъ на воскраіи гроба, на порогѣ вѣчности, и почерпалъ многое, чего въ другомъ мѣстѣ не находилъ, конечно, не въ воображенныхъ ситуаціяхъ, а въ истинныхъ таковыхъ положеніяхъ. Единословія *Гамлета Шекспирова* и *Катона* у *Аддисона* прекрасны, но одинъ въ нихъ порокъ,—вымышлены.

Посторонній (а не вы) можетъ вопросить, вслѣдствіе моего собственнаго положенія: какое право имѣю я говорить о смерти человѣка? Вопросъ не лишній! и я ему скажу..... Но, друзья мои, вы дадите за меня отвѣтъ постороннему [1]).

Что есть смерть? Естественная перемѣна состоянія, которой причастны не одни люди: смерть на землѣ объемлетъ всю жизненную и неживенную естественность. Знаменіе ея есть разрушеніе. Но видъ ея угрюмый теряется предъ видомъ жизни.

Мы назвали смерть перемѣною. Разсмотримъ, что̀ есть перемѣна вообще.

Вещь перемѣняется, когда изъ двухъ противоположныхъ опредѣленій одно въ ней перестаетъ, другое начинаетъ быть дѣйствительнымъ (темно, свѣтло). Перемѣна вообще есть прехожденіе отъ одного противоположнаго опредѣленія вещи къ другому. Изъ шествія природы явствуетъ, что во всѣхъ перемѣнахъ между противоположностями есть всегда посредство, состояніе среды [2]), продолженіе перваго состоянія и постепенное измѣненіе вещи; противоположное же есть продолженіе средняго состоянія. Будущее состояніе вещи уже начинаетъ существовать въ настоящемъ. Противоположныя состоянія суть неминуемыя слѣдствія одно другого. Чувственно можно себѣ представить это подъ видомъ колообразнаго движенія, которое останавливается на мѣстѣ своего начала. Между точ-

---

[1]) Стр. 8. Здѣсь Радищевъ имѣетъ въ виду смерть своей первой жены.

[2]) Стр. 10.

кою начала и точкою остановки (противоположнымъ состояніемъ) есть столько состояній, сколько въ окружности точекъ. Когда движеніе началось, то безъ препятствія особой силы движеніе продолжится до послѣдней точки; слѣдовательно, послѣдняя есть произведеніе первой. Другой примѣръ. Яйцо посредствомъ насиженія можетъ оживотвориться и быть птицею. Мы не сомнѣваемся, что въ яйцѣ цыпленокъ, хоть онъ и не виденъ. Если преслѣдовать прехожденіе и ежедневно наблюдать, то увидимъ постепенное приращеніе, пока чрезъ 21 день созрѣвъ на исшествіе, онъ не проклюнетъ скорлупу и не воскликнетъ, явяся предъ Создавшимъ, аки бы: „се азъ на прославленіе Твое!" Сколько состояній прошло яйцо! и всѣ они непрерывны, выходятъ другъ изъ друга естественно; таково есть теченіе силъ естественныхъ, что единожды пріявъ начало, онѣ дѣйствуютъ непрестанно и производятъ перемѣны постепенныя, которыя становятся видимы только по времени. Ничто не происходитъ скокомъ, говоритъ *Лейбницъ* [1]).

Все перемѣняющееся должно имѣть силу дѣйствовать или способность страдать; дѣйствуя или страдая, оно становится не то, что́ было, и непремѣннымъ (т. е. неизмѣняющимся) не можетъ быть ни на мгновеніе. И что или кто можетъ воспятить стремленію перемѣны? Развѣ Тотъ, Кто далъ природѣ силу, движеніе, жизнь. Катится время безпрерывно, усталости не знаетъ, шлетъ грядущее во слѣдъ претекшему, и все перемѣняющееся является намъ въ новый образъ облеченно. „О мѣра теченія, шествія премѣнъ и жизни! о время, помедли, помедли!" Се безразсудное желаніе многихъ, внимающихъ гласу страстей. Но время, не внемля глаголу безумія, течетъ. Нельзя себѣ представить ни единаго мгновенія отдѣленно, и нѣтъ двухъ мгновеній, коихъ предѣлъ можно бы ознаменовать. Не

---

[1]) Стр. 12.

въ слѣдъ текутъ они одно другому, но другъ изъ друга рождаются, и всѣ имѣютъ единый общій предѣлъ. Наималѣйшее мгновеніе можно раздѣлить на части, которыя всѣ будутъ причастны свойству времени, и нѣтъ двухъ мгновеній, гдѣ бы третіе нельзя было возгнѣздить. Время есть мѣра дѣянію; значитъ, нѣтъ двухъ состояній вещи, между которыми нельзя было бы вообразить третье, или назначить предѣлъ, ибо едва одно состояніе скончалося, другое уже существуетъ. Сіе шествіе столь стѣсненно, столь неразрывно, что мысль наша можетъ только идти во слѣдъ за нимъ, а не одинаковою высотою. Вообразимъ себѣ мгновеніе и состояніе вещи въ немъ: какъ оно уже претекло,--и мы уже въ другомъ мгновеніи, и вещь уже не въ томъ состояніи [1]).

Приложимъ это понятіе перемѣны къ смертности человѣка. Жизнь и смерть—состоянія противоположныя, а умираніе—средовое, чрезъ которое жизнь скончавается, и бываетъ смерть. Во времени нѣтъ и не бываетъ отдѣленія; а въ состояніяхъ вещи нѣтъ существеннаго раздѣленія: когда движеніе началось, то непрерывно есть, доколѣ не скончается. Если перемѣна есть прехожденіе изъ одного состоянія въ противоположное чрезъ среднее, то жизнь и смерть, какъ противоположности, суть слѣдствія одна другой: можно сказать, что, когда природа человѣка производитъ, она ему уже готовитъ смерть. Смерть есть слѣдствіе неминуемое—жизни. Если бы мы имѣли о вещахъ нутрозрительныя познанія, то эта великая перемѣна жизни и смерти въ одушевленномъ казалась бы намъ менѣе отдѣляющеюся, нежели отдѣленія дня отъ ночи, которыя существуютъ лишь потому, что не можемъ имъ преслѣдовать. Но пойдемъ по поверхности земли къ западу со скоростью, равной вра-

---

[1]) Стр. 15.

щенію земли, мы сутки будемъ въ полдне и возвратимся на старое мѣсто опять въ полдень. Изъ этого примѣра мы видимъ, что перемѣны только для насъ столь отдѣленны въ своихъ прехожденіяхъ, а не по существу вещи.

Итакъ, не безразсудны ли наши стенанія и вопль при умираніи человѣка, если мы знаемъ, и если увѣрены, что родившись единожды, умереть ему должно [1])? Сколь справедливѣе было нѣкогда обыкновеніе рыдать при рожденіи младенца, по смерти же радоватися и разстаніе съ умершими препровождать въ пиршествахъ. Когда неумолимая смерть простретъ на чело мое мразное свое покрывало, и узрите меня бездыханна, не плачьте, о возлюбленные мои, не плачьте! Помыслите, что смерть уготована при рождествѣ; бдѣніе уготовляетъ сонъ, а сонъ—бдѣніе: почто не мыслить, что смерть, уготованная жизнью, уготовляетъ паки жизнь? Столь въ мірѣ все непрерывно! О возлюбленные мои, смерть будетъ конецъ скорби и терзанію: исторгнутый (?) отъ ига предразсудковъ, помните, что бѣдствіе не есть уже жребій умершаго.

Душа и тѣло тѣсно связаны другъ съ другомъ; вѣроятно, смерть (скончаніе жизни) равно касается того и другого: смертью измѣняется тѣло, да, надо думать, и душа. А такъ какъ душа, отторженная отъ тѣла, не будетъ подлежать нашимъ чувствамъ, то единымъ разсудкомъ постигать можно, что̀ ей послѣдуетъ по отдѣленіи отъ тѣла.

Опыты показываютъ во всѣхъ органическихъ тѣлахъ три состоянія бытія: 1) *рожденіе* и *жизнь*,—когда тѣло начинаетъ подлежать чувствамъ, 2) *смерть*, когда чувства не ощущаютъ въ тѣлѣ органическихъ движеній, и 3) *разрушеніе*, согнитіе, когда измѣняются видъ и образъ и исчезаютъ отъ понятія чувствъ. Но эти состоянія только для чувствъ отдѣленны, а

---

[1]) Стр. 17.

въ естественности каждое есть лишь звено непрерывной цѣпи перемѣнъ, т. е. постепенныя развертенія одной и той же вещи и облеченія ея въ несчетные виды и явленія. Жизнь, и смерть, и разрушеніе суть только сужденія нашихъ чувствъ о перемѣнахъ вещественныхъ, а не состоянія сами по себѣ. Се первый лучъ надежды, о возлюбленные [1])! По разрушеніи тѣла его составныя части отходятъ къ своимъ началамъ, не переставая дѣйствовать и страдать, ибо не исчезнутъ. Вслѣдствіе вышесказаннаго (стр. 147), мы должны признать между бытія и небытія посредство. Итакъ, послѣ бытія небытіе существовать не можетъ, и природа не можетъ ни дать бытія, ни обратить вещь въ небытіе [2]). Душа, находящаяся въ тѣснѣйшемъ союзѣ съ тѣломъ, слѣдуетъ всѣмъ перемѣнамъ, случающимся съ тѣломъ; умретъ ли она съ тѣломъ, и есть ли на сіе возможность? Буде она должна умереть, то 1) или вдругъ перестанутъ всѣ ея дѣйствія и страданія, и она изчезнетъ въ одно мгновеніе, или 2) она, какъ тѣло, подверженное тысячѣ перемѣнъ, испытаетъ разныя образованія,—и будетъ эпоха, когда душа въ силу измѣненій будетъ болѣе уже не душа, и подобно тѣлу, раздѣляяся на части, прейдетъ въ другія сложенія. Третіе, повидимому, невозможно, ибо природа ничего не уничтожаетъ: небытіе или уничтоженіе есть напрасное слово и пустая мысль.

Обезпокоенные въ невозможности небытія, мы разсмотримъ вѣроятность разрушенія души.

Если душа бываетъ подвержена всѣмъ перемѣнамъ, которымъ подвержено тѣло, то теряя помалу всѣ силы, она распадется. Но когда имѣетъ быть это мгновеніе? Развѣ тогда

---

[1]) Стр. 19.

[2]) Стр. 20.

душа изчезнетъ, когда она не нужна болѣе тѣлу съ его испортившимися органами? Но тѣло не изчезаетъ: оно умираетъ и распадается на части. Что же будетъ съ душою? Орудія ея чувствованія и мысли разрушились и ей не принадлежатъ; но неужели все въ ней опустѣетъ, и не останется слѣда отъ всѣхъ мыслей, воображеній, страстей и т. д.? Неможно сего думать: ибо это было бы ея уничтоженіемъ [1]). Но такъ какъ силы природныя (ср. стр. 151) не возмогаютъ на уничтоженіе, то душа пребудетъ навсегда неразрушима. И поистинѣ какъ себѣ представить преобразованіе частей души (*полагая*, что онѣ суть)? Части тѣла раздѣляются на стихіи, по чредѣ могутъ быть земля, растеніе (во снѣдь животному, которое—во снѣдь человѣку). Человѣкъ можетъ чрезъ нѣсколько лѣтъ частію существовать въ другомъ человѣкѣ. Но каковы стихіи въ частяхъ души, и куда прейдутъ сіи стихіи? Итакъ душа во вѣки не разрушится и будетъ существовать во вѣки. Такое прехожденіе не можетъ основываться ни въ существѣ единыя вещи, ни въ существѣ сложенныхъ. А будетъ ли она страдать и дѣйствовать, т. е. мыслить, желать и чувствовать? Но какъ ей, отдѣленной отъ тѣла и лишенной потребныхъ орудій, чувствовать и мыслить? Если же душа непричастна уничтоженію, то мысль останется съ нею, какъ и бытіе: всякое вещество дѣйствуетъ вслѣдствіе своихъ силъ; неужели одна душа будетъ силъ лишена и „яко первобытная вещественность (матерія) недвижима и недѣйствуяй“?

Опытъ учитъ насъ, что мы безъ чувственности не могли бы имѣть понятій. Но какіе же опыты имѣемъ мы для заключенія [2]), что душа безъ тѣла будетъ лишена чувствованія и мысли? Никакихъ! Мы станемъ неправильно отрицать силу въ

---

[1]) Стр. 22.

[2]) Стр. 25.

природѣ потому только, что она намъ неизвѣстна, какъ житель Египта, видя Нилъ, заключилъ бы, что невозможно поверхности воды твердѣть. О безмысліи души безъ тѣла мы заключимъ сходственно понятій нашихъ, почерпнутыхъ въ опытности; но истинность заключенія та же, что̀ и у египтянина.

Если изъ вышеписаннаго нельзя еще съ увѣреніемъ заключить, что душа безсмертна, то для любящихъ добродѣтель могло въ доводахъ найтись что-либо убѣдительное. Но возраженія, родившіяся изъ самихъ доводовъ, могутъ быть сочтены доказательствами противнаго мнѣнія, если ихъ оставить безъ отвѣта. Если бы была одна возможность, что душа есть вещество само по себѣ, то убѣжденіе послѣдовало бы очевидное. Но осязательнымъ быть зрится и столь же вѣроятнымъ, что душа (или мысленное существо) есть свойство искусно сложеннаго тѣла, подобно здравію или жизни. Это возраженіе требуетъ прилежнѣйшаго разсмотрѣнія [1]).

Въ сложенномъ мы обрѣтаемъ, 1) что вещи, находившіяся въ нѣкоторомъ отдаленіи, соблизятся, и 2) что вещи, прежде раздѣленныя, сообщаются и составляютъ союзъ, нѣкое цѣлое. Изъ этого сопряженія раждается: 1) нѣкоторый порядокъ въ образѣ сложенія составительныхъ частей, 2) силы [2]) и дѣйствительныхъ частей чрезъ то измѣняются—то препинаемы, то споспѣшествуемы, или перемѣняемы въ направленіи своемъ. Но невозможно, чтобы въ цѣлости сложеннаго явилась *новая сила*, которой начало не находилось бы въ составныхъ частяхъ. Если бы всѣ начала и части были бездѣйствующи—въ смертномъ покоѣ, то какъ бы ихъ сложеніе ни было искусно и изящно,—онѣ бы навсегда пребыли мертвы и не произвели бы движенія, отраженія или какой-либо силы. Сіе положеніе хуже было

---

[1]) Стр. 27.

[2]) Недосмотры ред.: «составительность частей».... «сила».

бы хаоса древняго, если было бы быть ему возможно; нощь вѣчная была бы ея сопутница, и смерть свойство первое [1]).

Однако же въ сложеніи цѣлаго примѣчается благогласіе или согласіе, соразмѣрность, хотя въ частяхъ нѣтъ ни того, ни другого. Напр., одинаковый звукъ не имѣетъ благогласія, а сложеніе многихъ нерѣдко—наивелелѣпнѣйшее. Какая соразмѣрность или правильность въ кирпичѣ, камнѣ, кускѣ мрамора и мѣди? Но взгляни на храмъ св. Петра въ Римѣ, на Пантеонъ. Благогласіе, соразмѣрность и все т. п. значатъ ничто иное, какъ отношеніе разныхъ чувствованій между собою въ томъ порядкѣ, какъ они намъ предлежали: къ симъ понятіямъ принадлежитъ сравненіе разныхъ чувствованій, которыя вообще составляютъ цѣлое, частямъ особенно не принадлежа. Могло ли бы родиться благогласіе, если бы каждый звукъ не оставлялъ по себѣ впечатлѣнія? Дѣйствительность въ цѣломъ не можетъ возродиться, если начало ея не въ частяхъ находится. Итакъ во всякомъ сложенномъ замѣчать нужно: 1) послѣдованіе и порядокъ частей составительныхъ въ пространствѣ и времени, 2) сопряженіе начальныхъ силъ и порядокъ, въ которомъ онѣ являются въ ихъ сложеніи [2]). Но никогда изъ сложенія, какое бы оно ни было, сила возродиться не можетъ, какъ, смѣшивая синюю краску съ желтою, можно лишь получить зеленую (которой присносущны синія и желтыя частицы), но не красную, частицы коей совсѣмъ другого существованія.

Заключеніе изъ предъидущаго: если наша душа (или мыслящая сила) не есть вещество по себѣ, но свойственность сложенія, то 1) она происходитъ (подобно благогласію) изъ особаго положенія и порядка частей, или 2) какъ сила сло-

---

[1]) Стр 28.

[2]) Стр. 30.

женнаго, имѣющая начало въ дѣйствительности частей цѣлаго. Третьяго, кажется, нельзя мыслить.

Благогласіе и соразмѣрность основаніе свое имѣютъ въ сравненіи (звуковъ и разныхъ неправильныхъ частей), ибо не имѣютъ ни одинаковые звуки—благогласія, ни отдѣленныя части—соразмѣрности. Но гдѣ въ природѣ оно можетъ существовать, какъ не въ душѣ? Что есть оно, развѣ не дѣйствіе мысленныя силы, и можетъ ли оно быть дѣйствіе чего другого? Нигдѣ всемѣрно. Звуки слѣдуютъ одинъ за другимъ; камни въ строеніи, имѣя бытіе отдѣленное, только лежатъ одинъ возлѣ другого. Благогласіе и соразмѣрность суть принадлежности мысли, понятія отвлеченныя и безъ мысли не были бы причастны бытію [1]). Пантеонъ былъ бы равенъ Ивану Великому, если бы не было разумнаго существа. Въ сравненіи почерпаютъ свое вещество и въ мысли живутъ красота, изящность всякая, и самая добродѣтель.

Причина, произведшая вещь, не можетъ быть понимаема изъ дѣйствія вещи, или въ немъ существовать: протяженная тѣнь непрозрачнаго тѣла не есть вина существованію тѣла. Такъ все, что̀ есть дѣйствіе сравненія, не есть причина, оное производящая. Если насвистъ снегиря или пѣсня канарейки родили канарейку и снегиря, то и соразмѣрность, порядокъ, красота суть сами по себѣ, а не произведенія сравненія. Если же сравненіе предполагаетъ сужденіе, а послѣднее—разсудокъ и мысль, то все, что̀ есть произведеніе сравненія, можетъ быть только въ одной мыслящей силѣ. Итакъ все сложенное, поколику къ сравненію относится, свое начало имѣетъ въ мысленной силѣ. Засимъ возможно ли, чтобы мысленная сила, источникъ сравненія, была дѣйствіе самой

---

[1]) Стр. 32.

себя, чтобы ея цѣлость, какъ въ благогласіи, состояла изъ частей, лежащихъ одна внѣ другой [1])?

Все сіе предполагаетъ дѣйствіе мысли и не можетъ пріять дѣйствительность иначе, чѣмъ чрезъ нее. Такъ какъ всякое цѣлое, состоящее изъ частей, предполагаетъ сравненіе этихъ частей, а сравненіе есть дѣйствіе мысленной силы, то *эту силу и нельзя приписывать цѣлому, состоящему изъ частей*, ибо это было бы все равно, какъ сказать, что вещь происходитъ отъ своего собственнаго дѣйствія. „Нелѣпость сія столь велика, что дальнѣйшее о семъ расположеніе не иное что, какъ скуку навлечь можетъ“ [2]).

Вторая и послѣдняя возможность, что душа (или мыслящее существо) проистекаетъ отъ сложенія тѣлесныхъ органовъ, состоитъ (ср. выше, стр. 154—155) въ томъ, что она есть сила или дѣйствительность сложеннаго. Таковая имѣетъ свое основаніе въ силахъ составляющихъ частей, какъ шаръ *Монгольфьеровъ* не могъ бы вознестися и сдѣлать дѣйствительнымъ то, что̀ едва ли возможнымъ почитали, если бы не былъ наполненъ легчайшимъ веществомъ, сдѣланъ изъ непроницаемой ткани и т. д. Сила цѣлаго или сложеннаго проистекаетъ изъ дѣйствительности частей его. Силы же частей или сходствуютъ съ силою цѣлаго, или съ оною несходственны. Примѣръ силы частей, сходствующихъ съ силою цѣлаго: свѣтильникъ, сплетенный изъ 10 свѣщей, изъ коихъ каждая имѣетъ особую свѣтильню. Каждая свѣща даетъ свѣтъ; въ совокупности свѣтильникъ даетъ свѣтъ сильнѣйшій, но свѣтъ происходитъ оттого, что каждая свѣтильня горитъ. Въ *Кулибинскомъ реверберѣ* одна лампада горитъ, и вдавленная за нимъ поверхность отражаетъ ея свѣтъ; одно стекло изъ ревербера по себѣ от-

---

[1]) Стр. 33.

[2]) Стр. 34.

ражаетъ, но всѣ вмѣстѣ также даютъ свѣтъ, и ярче. Но мы разсуждаемъ о сходственности силъ, а не о великости ихъ [1]). Слыхали ли роговую егерскую музыку, изобрѣтенную оберъ-егермейстеромъ *Нарышкинымъ* (сходную съ церковными органами)? Каждый рогъ производитъ одинъ звукъ и нерѣдко — весьма грубый; но хоръ можетъ играть разныя музыкальныя сочиненія. Очень близко находясь, слышишь вмѣсто благогласія нестройные звуки. Но при удаленіи явно благогласіе. Это служитъ примѣромъ, поколику сила цѣлаго можетъ несходствовать съ силами частей. Сіе правило можетъ имѣть сотичныя приложенія.

Вслѣдствіе этого: силы частей, изъ коихъ происходитъ сила мыслящая, 1) суть съ нею сходственныя (т. е., какъ и она—силы мысленныя), или 2) онѣ съ нею несходствуютъ, (т. е. суть другого существа и немысленны) [2]). Третіе посредство кажется быть невозможно. Но вѣдь всякое цѣлое происходитъ отъ сравненія, отъ соображенія мыслящаго существа, и можетъ быть лишь въ немъ; части сами по себѣ, силы частей—сами по себѣ, существуя и дѣйствуя въ своей особенности, но въ сложеніи измѣняются и ограничиваются, сохраняя и начальную свою свойственность. Такъ (въ химіи) дѣйствіе соли средней не есть дѣйствіе ни соли кислой, ни соли алкалической, изъ коихъ она составлена; но соль заимствуетъ свойства обѣихъ солей, отмѣнныхъ другъ отъ друга. Невозможно, чтобы сила новая въ цѣломъ произошла единственно лишь отъ дѣйствія взаимнаго силъ частныхъ. Но если новая сила, отличная отъ частныхъ силъ, должна быть понимаема въ цѣломъ, то должно существовать мыслящее существо, которое составило оную изъ соображенія частныхъ силъ. Увеличитель-

---

[1]) Стр. 36.

[2]) Стр. 38.

ное стекло показываетъ особенными синюю и желтую краску въ самомъ ихъ смѣшеніи, но глазъ зритъ зеленость [1]).

Итакъ, поелику происхожденіе силы цѣлаго, несходствующей съ силами частей, предполагаетъ сравненіе, предполагающее опять-таки мыслящее существо, то слѣдуетъ, что мысленная сила не можетъ проистекать изъ частей, не имѣющихъ такой же силы. Сила мыслящая въ цѣломъ (сложенномъ) должна проистекать изъ частей, одаренныхъ равными силами, т. е. изъ мыслящихъ же силъ.

Это мнѣніе, что мысленная (а потому и чувственная) сила есть произведеніе сходныхъ съ нею частей, на первый взглядъ вѣроятно. Ибо 1) различны пребыванія нашихъ чувствъ (очи видятъ, уши слышатъ и т. д., осязаніе распростерто по всей поверхности тѣла). 2) Въ рукѣ чувствую боль отъ уязвляющаго руку враждебнаго орудія; при вкушеніи яствъ пріятность ихъ чувствую въ гортани; любовное услажденіе чувствуемо наипаче въ органахъ, на даяніе жизни устроенныхъ [2]). 3) Мы чувствуемъ, что мысль наша пребываніе имѣетъ въ головѣ; опыты показываютъ, что разстроенный мозгъ раждаетъ разстроенный разсудокъ. Мозгъ же есть сложное тѣло, имѣющее части: слѣдовательно, и мысли могутъ находиться въ немъ частно. Опытъ учитъ, что чувствіе распростерто по всѣмъ членамъ, а умствованіе скажетъ, что и мысль также. Но что̀ чувствуютъ отъятые рука, носъ? Были примѣры, что и безъ руки—рука была чувствуема. Мы часто обоняемъ даже то, что̀ отдаленно. Зажмуривъ глаза, мы видимъ предъ собою „предстоящій *предлогъ*“ (т. е. предметъ). „Отдѣленный отъ васъ, о возлюбленные мои, на цѣлую $^1/_4$ окружности земного шара, когда захочу васъ видѣть, воззову изъ внутренности мысленнаго

---

[1]) Стр. 40. Ср. выше, стр. 154.

[2]) Стр. 41.

хранилища образы ваши; я зрю васъ предъ собою, бесѣдую съ вами. Правда, се мечта, но глубоко она во мнѣ насаждена, и отдаленный я живу съ вами" [1]).

Разсудимъ еще и сіе. Въ душѣ нашей имѣется несчетное количество понятій, склонностей, страстей: гдѣ онѣ разсѣяны? Или находятся раздѣленны, иныя тамъ, иныя индѣ, воспрянувъ единожды и никогда не повторяемы? Или же всѣ онѣ въ единую часть собираются, сопрягаются и составляютъ связь? Итакъ, одно изъ двухъ: 1) или каждый членъ тѣла имѣетъ силу мыслящую, слѣдственно,—въ человѣкѣ столько же мыслящихъ силъ, сколько частей (или паче стихійныхъ началъ), или 2) она есть едина. Если эти силы многочисленны, и каждая изъ нихъ есть совершенная душа, то всѣ эти разсѣянныя души необходимо должны относить свои понятія и чувствованія въ единую среду, дабы цѣлое составлялося [2]). Иначе мысль не будетъ слѣдовать мысли, ни заключеніе изъ посылокъ: мы не можемъ ни воспоминать, ни сравнивать, ни разсуждать. Отдѣльныя могутъ быть понятія, но не входя ни въ какую связь. Человѣкъ сего мгновенія не будетъ вѣдать, тотъ ли онъ, что̀ былъ за одно мгновеніе. Онъ нынѣ не будетъ тотъ, что̀ вчера. Итакъ, для составленія нашей единственности [3]), нужно, чтобы въ насъ была единая мысленная сила, притомъ нераздѣлимая, непротяженная, неимѣющая частей. Ибо, если хотя заподозрить въ ней части, то паки выйдетъ разгласіе частей, требующихъ единую среду,—и опять придется прибѣгнуть къ соображающему (соединяющему во едино)—то, что̀ части дѣйствуютъ, мыслятъ, чувствуютъ. И что претитъ намъ назвать *душею* это существо, составляющее

---

[1]) Стр. 42.
[2]) Стр. 43.
[3]) Стр. 44.

нашу особенность, сіе могущество, соединяющее во едино, сіе существо, простое, несложное, извѣстное намъ токмо жизнію, чувствованіемъ, мыслію?

Теперь болѣе уже нельзя сомнѣваться въ томъ, что душа— существо само по себѣ, отличается отъ тѣлесности, даетъ движеніе, жизнь, чувствованіе, мысль. Она проста, непротяженна, нераздѣлима, словомъ—душа, отмѣнная отъ вещественности. Хотя ихъ взаимное дѣйствіе доказываетъ сходствія между ними, но силы одной (извѣстныя намъ) отличаются отъ силъ другой. Называть же душу вещественностью — напрасное слово [1]): вещь сама въ себѣ, то, что̀ составляетъ мысль и особенность каждаго изъ насъ, наше внутреннее „Я“ пребудетъ ни магнитная, ни электрическая, ни притяженія сила, а нѣчто другое. А хотя бы въ источникѣ она и была съ ними одинакова, но проходя чрезъ столь искусственные органы человѣческаго тѣла, она является силою лучше всѣхъ силъ. Какова же она можетъ быть, усовершенствовавшись въ тѣлесности нашей, то едва намъ понимать возможно. Во всякомъ случаѣ, чтобы было понимаемо протяженное и образованное, всегда нужно мыслящее существо: понимающее предшествуетъ понимаемому, мысленное идетъ во слѣдъ мыслящему. Безъ мыслящаго существа не было бы ни настоящаго, ни прошедшаго, ни будущаго, ни постепенности, ни продолженія: „исчезло бы время, пресѣклося бы движеніе, хаосъ возродился бы ветхій, и паки бы настала вѣчность» [2]).

Для ищущаго истину нелицемѣрно, заключаетъ Радищевъ, доказательства о безсмертіи души могутъ расположаться по мѣрѣ желанія его познать сіе таинство: они разсѣяны вездѣ, вся природа свидѣтельствуетъ о безсмертіи человѣка. Но не

---

[1]) Стр. 45.

[2]) Стр. 46.

одни доводы—человѣкъ носитъ въ себѣ и столь сильное убѣжденіе въ сей истинѣ, что за слабостію умственныхъ доказательствъ, оно одно становится увѣреніемъ. Нѣтъ о безсмертіи — математической ясности, но гласъ внутренняго чувствованія, но столь явная личность, столь единственное его „Я", отъ всего отдѣленное и все въ себя собирающее, едва ли не рождаетъ очевидность [1]).

Доселѣ доводы были просто метафизическіе, умозрительные, основанные на общемъ разсмотрѣніи веществъ; эти доказательства инымъ, пожалуй, покажутся слабыми. Для убѣжденія въ истинѣ нужно нѣчто болѣе: *касающееся до чувствованія должно быть подкрѣпляемо чувствованіемъ* [2]). Убѣжденіе рѣдко въ головѣ,—всегда въ сердцѣ. И здѣсь нужны чувственные, сердечные доводы: тогда увѣримъ и разумъ, и сердце. Обозримъ любопытнымъ окомъ всю природу и соберемъ виды ея, увѣряющіе въ безсмертіи человѣка. Потомъ сошедъ во внутренность нашу, положимъ вѣнецъ разсужденію.

Отъ камени, гдѣ, кажется, явственна одна лишь сила сцѣпленія, и части какбы только положена одна близъ другой,— до человѣка, составъ коего столь искусственъ, въ коемъ всѣ дѣйствователи, извѣстные въ природѣ, являютъ высшую организацію, и видны силы, превышающія вещественность,—повсюду очевидна постепенность, лѣствица веществъ, на коей всѣ роды столь мало отличаются другъ отъ друга, что могутъ почесться собратными: гранитъ, рубинъ и адамантъ, желѣзо, ртуть и злато единородны алою, тюльпану, кедру, дубу и— по чредѣ, сіи суть братія мотыльку, зміѣ, орлу, жаворонку, овцѣ, слону, человѣку. На этой лѣствицѣ кристаллизація и минерализація заимствуютъ уже растительной силы, кораллъ,

---

[1]) Стр. 47.

[2]) Стр. 48.

губа, мохъ различествуютъ токмо утробою, въ ней же заграждаются; сила растительная переходитъ въ другомъ сложеніи въ раздраженность, а изъ сея—въ чувствительность; она же, распложаяся въ чувственности, совокупляется съ умственною силою. Всѣ сіи силы, тѣсняся во едино, и расширивъ свою энергію, отверзаютъ уста въ человѣкѣ на глаголаніе, и влеча его насильственно на общественное сожитіе, дѣлаютъ его способнымъ постигать даже Зиждителя вселенной.

О смертный, ты еси земля, прахъ! Трупъ твой, лишенный жизненной искры, есть снѣдь червію и участокъ согнитія и разрушенія. Но воззри на разумъ свой всеобъемлющій—олтарь тебѣ готовлю: ты Богъ еси! [1]) Вознесися превыше всея твари, но не мечтай на земли быти болѣе, нежели еси. Но ты человѣкъ, есть въ тебѣ надежда—и се степень къ восхожденію: совершенствуешь паче и паче, и что̀ тебѣ быть опредѣлено, гадай!

Если сія лѣствица восхожденія—не пустой вымыселъ, то необходимо предполагать вещества, превыше человѣка, и силы невидимыя. Образы организаціи возрастаютъ, и человѣкъ на земли кажется вѣнцомъ сложеній. Но эти сложенія при всемъ кажущемся различіи имѣютъ удивительную сходственность [2]). Во всѣхъ трехъ царствахъ ростеніе и соблюденіе твари, да и самое питаніе въ животныхъ есть усвоеніе. Различіе половъ кажется необходимымъ для распложенія во всѣхъ царствахъ (въ ископаемомъ,—зарожденіе селитры и металловъ: ср. выше, стр. 85 и 97). Сіи сходственности вообще возрастаютъ постепенно къ совершенствованію: напр., усвоеніе—въ ископаемыхъ производитъ охрусталеніе (не говоря о другихъ дѣйствіяхъ), въ растеніяхъ—цвѣты и плодъ, въ животныхъ—

---

[1]) Стр. 51.

[2]) Стр. 52.

органы чувственные и органъ мысли — мозгъ. „Вообрази же разстояніе кристалла отъ органа разума, и помысли, что можетъ единой (?) изъ силъ естества“ [1]).

Восхожденіе явно во всѣхъ сложеніяхъ. И сложеніе тѣмъ искуснѣе, чѣмъ составныя части его различнѣе и болѣе заимствуютъ отъ нижнихъ сложеній. Всѣ возможныя силы (сколько онѣ намъ извѣстны) соединены въ человѣкѣ и дѣйствуютъ совокупно: въ камени примѣчается простое усвоеніе; въ растеніяхъ—сила растущая и плодящаяся; въ животныхъ и то, и другое, но паче чувствительность, мысль; а человѣкъ познаетъ уже первую всему причину—Бога. Но неужели человѣкъ есть конецъ творенія? Неужели постепенность на немъ прерывается? Невозможно:—уже по тому одному, что въ человѣкѣ умственность черезчуръ много различествуетъ отъ тѣлесности: одна половина его—въ сходственности нисходящей, и другая половина требуетъ восходящей сходственности.

Итакъ, человѣкъ, существо двуестественное, не есть въ настоящемъ своемъ видѣ окончаніе организаціи. Это увѣреніе, почерпнутое изъ постепенности видовъ организаціи и изъ постепенности въ сложеніи естественныхъ силъ, подкрѣпляется прилежными природы наблюденіями: 1) никакая сила въ природѣ не дѣйствуетъ безъ свойственнаго ей орудія, органа; 2) никакая сила въ природѣ не можетъ изчезнуть, пропасть. А если мы убѣдимся и въ томъ, и въ другомъ, то явственно будетъ: 1) въ человѣкѣ есть сила, которая тѣла его есть токмо орудіе(?); 2) и по разрушеніи тѣла эта сила не уничтожается, можетъ всегда существовать и жить отъ тѣла отдѣленна: слѣдовательно, она есть безсмертна [2]).

Опытъ доказываетъ: 1) что сила не есть органъ;

---

[1]) Стр. 53.

[2]) Стр. 55. Нужно: «*которой тѣло* его есть» etc. Редакція придала мѣсту совсѣмъ обратный—матеріалистическій смыслъ.

2) сила не есть дѣйствіе органа; 3) безъ орудія сила не можетъ быть намъ извѣстна; напр., магнитная сила отлична отъ куска стали, черезъ какой явны ея дѣйствія. Изъ опытовъ надъ магнитомъ явствуетъ: 1) сила магнитная существуетъ невидимо, и въ желѣзѣ, 2) явна бываетъ она только, когда приходитъ въ желѣзо, 3) слѣдуетъ, что желѣзо есть органъ силы магнитной, а не дѣйствіе его (?), 4)слѣдуетъ, что сила магнитная есть сама по себѣ. То же можно сказать и объ электричествѣ и проч. И кажется, что 1) всѣ естественныя силы невидимы и становятся явственными, только дѣйствуя чрезъ свое орудіе, 2) нашедъ оное, онѣ къ нему прилѣпляются [1]).

Въ организаціяхъ же необходимость органа для проявленія силъ еще болѣе явственна: онѣ оный устрояютъ и прилѣпляются къ нему. Когда зерно отъ теплоты проростаетъ, яйцо отъ насиженія образуется въ птицу, и животное въ утробѣ зачинается, не можно ли сказать, что имъ сообщается теплота жизненная, какъ желѣзу магнитная сила? Но вотъ и различіе. Едва жизненная сила нашла свойственный органъ, то она усвояетъ всѣ стихіи и подчиненныя силы; посредствомъ усвоенія она разверзаетъ или творитъ свой органъ, совершенствуетъ его и сама съ нимъ достигаетъ совершенства, какое можетъ органъ ей дать. Что же это за сила? Едва ли угадаемъ, если скажемъ, что она есть свѣтъ, эѳиръ и т. п. Она ли есть посредство между тѣла и души, она ли вожатый души на образованіе тѣла? Какъ бы то ни было, этой силѣ надобенъ органъ для проявленія; слѣдовательно, тѣло есть органъ души для ея разнообразныхъ дѣйствій [2]). Положимъ, что душа вещественна, что она дѣйствуетъ не иначе, чѣмъ другія силы, что они

---

[1]) Стр. 56.

[2]) Стр. 58.

(?) (и сіе вѣроятно) въ тѣлѣ посредствомъ нервовъ чувствовать изучилися и посредствомъ мозга мыслить; положимъ, что душа есть та же сила, которая является намъ въ другихъ образахъ: движеніи, протяженіи, раздражительности. Но можетъ ли какая то ни было сила пропасть, уничтожиться? Что такое уничтоженіе силы? Какъ себѣ вообразить это? Сложенное только можетъ разрушиться;—но остаются части. Понятіе уничтоженія силы заключаетъ въ себѣ бо́льшее противорѣчіе, нежели сказать, что нѣчто обратится въ ничто. *Гердеръ* говоритъ: что̀ Всеоживляющій воззвалъ къ жизни,—живетъ; что̀ единожды дѣйствуетъ, дѣйствуетъ вѣчно [1]).

Итакъ, нелѣпо предполагать, что можетъ уничтожиться душа, мыслящее существо, эта сила, благолѣпнѣйшая изо всѣхъ на земли, себя самою познающая, собою управляющая, въ дѣяніяхъ своихъ уподобляющаяся силѣ Творчей. „Она ли можетъ уничтожиться, когда ни единая пылинка, атомъ единый не могутъ изыдти изъ предѣловъ творенія!“ Ибо уничтоженіе есть изъятіе изъ вселенной, претвореніе въ ничто. И то; и другое—пустыя слова: опровергать ихъ—безплодная и невозвратная потеря времени! Нѣтъ, сила, чувствующая и мыслящая въ человѣкѣ, не изчезнетъ, но въ слѣдствіе явнаго въ природѣ шествія прейдетъ въ другой порядокъ вещей. Нижняя организація въ природѣ служитъ для высшей. Грубыя земныя части претворяются въ растеніяхъ, которыя суть снѣдь животнымъ,—а всѣ служатъ человѣку (по изреченію одного автора), величайшему убійцѣ на землѣ. Если въ животныхъ нисшія и простыя силы претворяются въ сложнѣйшія и тончайшія, неужто эта элаборація остановится на человѣкѣ? Къ чему же нуженъ его мозгъ, нервенная влажность и то, что̀

---

[1]) Стр. 59.

дѣлаетъ раздраженность мышцъ? Всѣ силы стремятся выше, чтобы соединиться въ человѣкѣ: неужели наилучшая организація опредѣлена разрушиться безслѣдно, и силы, тѣснившіяся въ сложеніи человѣка, напрасно разойдутся? Нѣтъ! Столь безразсудно Божество не опредѣляло; тутъ не было бы ни цѣли, ни намѣренія! Мысль всемогущая, всесовершенная и предвѣчная была бы не нацѣленна! Се хуленіе [1])!

Найдя въ общемъ шествіи естественности нѣкоторое увѣреніе, что душа наша, какъ одна изъ естественныхъ силъ, не можетъ изчезнуть, поищемъ въ себѣ чувственныхъ доводовъ для убѣжденія въ нетлѣнности души, чтобы усмотрѣть, угадать или только предощутить, хотя несовершенно, каково будетъ состояніе души по отдѣленіи ея отъ тѣла.

1. Искусственны доводы *Гельвеція*, будто всѣ дѣянія разума (способность понимать, судить и заключать) суть ничто иное, какъ способность чувствовать, простое чувствованіе. Изъ этого вѣдь могло бы лишь слѣдовать, что чувственность есть только орудіе разумныя силы [2]), что чувствовать (т. е. получать на наши чувства ударенія предметовъ) есть самая сила, дающая дѣйствительность чувствованіямъ и мысли. Наблюденія чувствованій нашихъ учатъ [3]) насъ, что мысль отъ чувствъ совсѣмъ есть нѣчто отдѣленное. Напр., каждое око получаетъ особенное и цѣлое впечатлѣніе отъ предстоящаго предмета; когда взираю обоими глазами, то чувствованіе въ душѣ одно; слѣдовательно, чувствованіе очей не есть чувствованіе души: ибо въ глазахъ два,—въ душѣ одно. Или: вижу колоколъ, слышу звонъ, осязаю твердость колокола и протяженность его тѣла. Три чувствованія совсѣмъ разныя имѣю вдругъ.

---

[1]) Стр. 61.

[2]) Стр. 62; прибавлено «но не дѣйствуетъ»(?). Недосмотръ редакціи.

[3]) Тамъ же «учитъ».

Но я себѣ изъ трехъ чувствованій составляю единое понятіе; три чувствованія различны, но я вдругъ ихъ понимаю, и совокупно они въ душѣ существуютъ [1]). Итакъ чувствованіе или удареніе предметовъ на наши чувства отличны отъ понятій мысленныя силы.

Еще болѣе, чѣмъ дѣянія силы отъ ея чувственныхъ органовъ, и понятія отъ ощущеній, отличаются отъ чувственныхъ впечатлѣній – сужденія, а паче того—заключенія. Сужденіе есть сравненіе двухъ понятій, или познаніе отношеній, существующихъ между вещей. Но вещи существуютъ сами по себѣ, каждая въ своей особенности, а познаніе ихъ отношеній, сравненіе предполагаетъ *сравнителя*. Вещи производятъ на чувства токмо простыя ударенія; значитъ, сужденія отличны отъ чувствованій (т. е. *ощущеній*). О заключеніяхъ и разсужденіяхъ, какъ извлеченіяхъ изъ сужденій, и говорить нечего. Хотя всѣ понятія, сужденія и умозаключенія (даже и отвлеченнѣйшія идеи) влекутъ свой корень отъ чувственныхъ предметовъ, но можно ли сказать, что отвлеченная идея есть чувственна [2])! Все это—истинныя произведенія мысленной силы. Если бы ея не было, если бы она была только слѣдствіе чувственности, то не только не могла бы возродиться математика (наука числъ и измѣренія), но изчезла бы вся нравственность, добродѣтель, честность, великодушіе (какъ слова безъ мысли).... и, О Всесильный, погубилося бы Твое Всемогущество! Отрицательные примѣры (отроковица изъ лѣсовъ Шампаніи) ничего не доказываютъ: изъ того, что я сплю, не слѣдуетъ, что руки перестали осязать, и ноги не ходятъ. Когда бы умственная сила не была бы сила по себѣ, *Нютонъ* былъ бы не лучше само-

---

[1]) Стр. 64.

[2]) Стр. 65.

тѣл,—и падшее на него яблоко *разшибло бы* ему токмо *носъ*, а *притяженіе* небесныхъ тѣлъ осталось бы неугаданнымъ.

2. Душа не токмо творитъ понятія, но и есть ихъ истинный повелитель [1]). Когда чувства отнесли ей собранные *образы* предметовъ, а память соблюла ихъ, то у насъ есть сила *возлавать* соблюденную мысль въ дѣйствительность: мысль—велѣніемъ души—какбы воспрянувъ отъ сна, облекается паки въ свой образъ и выходитъ на зрѣлище. Но этого мало. Душа, протекая всѣ хранилища памяти, исполненныя образовъ, можетъ, аки новая *Медея*, разсѣкая образы на части, изъ смѣшенія сотворить новый образъ, прекраснѣйшій. *Энеида*, *Генріада*, законоположеніе *Ликурга* (согласнѣйшее во всѣхъ своихъ частяхъ паче всѣхъ земныхъ законодательствъ) суть ли произведенія чувствъ, простыя изреченія чувствованій? Или ухо, или глазъ, или носъ были ихъ творители? Картина лобзанія перваго мужа и жены въ *Эдемѣ*, или изображеніе „*Страшнаго суда*" могли быть сотворены единою токмо силою. „Что сила ихъ образовала во *главѣ Мильтона* и *Михаила Анжела*, то я и на то согласенъ: отрицаю во главѣ твоей быть силѣ; ты кукла *Вокансонова* [2])".

3. Ничто, „по моему мнѣнію", толико не утверждаетъ, что душа есть сила, и сила сама по себѣ, какъ *вниманіе*, т. е. могущество прилѣпляться къ одной идеѣ по своему про-

---

[1]) Стр. 66.

[2]) Стр. 67. Jacques de *Vancanson* (1709—1782)—французскій механикъ, прославившійся изобрѣтенными имъ автоматами. Радищевъ, вѣроятно, разумѣетъ показанную имъ въ Парижѣ въ 1738 г. фигуру «Флейтиста» (въ натуральную величину). Механизмъ ея описанъ въ брошюрѣ Le mécanisme du flûteur automate. Par. 1738. Пружины и мѣха проводили воздухъ такъ, что губы и пальцы автомата правильно работали на флейтѣ.

изволенію [1]). Душа обозрѣваетъ идею, вызванную ея велѣніемъ отъ покоя на дѣйствительность, раздробляетъ ее, обозрѣваетъ всѣ ея стороны, отношенія и слѣдствія. Всѣ другія идеи воззываются только для того, чтобы идея, на которую устремлено вниманіе, становилась лучезарнѣе, яснѣе. Сравни устремляющаго на идею все свое вниманіе (напр., *Эйлера*) съ тѣмъ, коего вниманіе расторжено; то—большого свѣта стрекоза, расчесанный въ кудри и умащенный ароматами щеголь.— Душа можетъ повелѣвать своими мыслями въ состояніи сна, болѣзней, даже самаго безумія.

4. *Сонъ* [2]) есть ежедневно возобновляющееся (*худо* еще познанное) состояніе животнаго, въ которомъ ему бываетъ неизвѣстно дѣйствіе внѣшнихъ предметовъ на (всѣ или нѣкоторыя) его чувства. Чувства покоятся,—и мысленность въ семъ положеніи неспособна на пріобрѣтеніе новыхъ понятій; но творительная сила души не коснѣетъ. Душа отвлекаетъ отъ сохраненныхъ понятій свойства—по произволенію, сопрягаетъ ихъ по совсѣмъ новымъ правиламъ и производитъ образы, коихъ единая возможность есть неистощимая загадка для бдящаго. Для души тогда нѣтъ невозможнаго: сходственными являются свойства, которыя, повидимому, противорѣчатъ другъ другу, изъ неправильнаго творится правильное,—возвышается въ дѣйствительность то, что̀ въ бдѣніи едва ли возможетъ она подозрѣвать. Происшествія цѣлыхъ столѣтій вмѣщаются въ одну минуту, предѣлы пространства почти уничтожаются; преторгнувъ теченіе времени, душа объемлетъ вѣчность.

„О сонъ, братъ смерти, и смежность вѣчности, простри мрачный покровъ твой на томящееся сердце! Да возникнутъ

---

[1]) Стр. 67.

[2]) Стр. 68.

образы возлюбленныхъ моихъ предъ мною! Да лобжу ихъ и блаженствую!" [1])

5. Мысли сновидящаго кажутся разстроенными (по той причинѣ, что чрезъ мѣру живы?). Но съ удивленіемъ нужно взирать на *лунатиковъ* или ночныхъ бродягъ [2]). Они въ своемъ сонномъ хожденіи не только слѣдуютъ правильному расположенію мыслей, но и употребленіе членовъ имѣютъ подобно бдящимъ; значитъ, власть мысленности надъ тѣлесностію у нихъ не изчезаетъ. Они безъ устрашенія восходятъ на высоты, на которыя во бдѣніи взираютъ съ ужасомъ. Ихъ отважность одинъ нѣмецкій писатель объясняетъ незнаніемъ опасности. Конечно, лунатикъ, идущій по кровлѣ, не знаетъ опасности,— но опасность существуетъ ли для него, или кто его отъ нея блюдетъ? Изученному ходить по веревкѣ даютъ лучшее шествіе опытность и искусство; онъ не знаетъ опасности, которая не превращается для другого. Лунатикъ, у котораго внѣшнія чувства въ бездѣйствіи, вождается источникомъ чувствованія и мысли—душею.

6. Въ состояніи сна простая идея столь же жива и явственна, какъ наиживѣйшее чувствованіе. То же—и въ нѣкоторыхъ *болѣзняхъ*. Душа, насильственно отторженная болѣзнію отъ союза съ тѣломъ, вращается сама въ себѣ съ вящщею дѣйствительностію, причемъ бываютъ удивительныя явленія, коими изобилуютъ врачебныя лѣтописи. Радищевъ приводитъ собственный примѣръ: когда онъ болѣлъ жестокою лихорадкой, то бывали мгновенія, въ которыя онъ говорилъ съ пользовавшимъ его врачемъ по латини столь плавно и правильно, что самъ дивился, когда ему по прошествіи болѣзни сказывали о томъ.

---

[1]) *Стр. 69.*

[2]) *Стр. 70.* «Ночной бродяга»—Nachtwandler.

„Хотя я разумѣлъ языкъ древняго Рима, но весьма посредственно, дабы не сказать худо, и никогда не изъяснялъ наономъ моихъ мыслей, и всегда мнѣ стоило великаго труда сложить періодъ единый“ [1]). Душа въ какомъ бы ни было положеніи (хотя и посредствомъ мозга, но) внутреннею своею силою творитъ, не можетъ отчудиться своей дѣятельности въ твореніи мысли, творитъ, создаетъ, зиждетъ, если не что-либо правильное, то хотя урода.

7. Смотря на бѣснующагося, лишеннаго разсудка, скажемъ, пожалуй, что нѣтъ души: разстроенный органъ мысли равняетъ ихъ скоту, звѣрю. Но въ чемъ его бѣснованіе? Пораженный единою идеею, онъ все къ ней прилѣпляетъ и относитъ. Онъ не такъ судитъ о вещахъ, послѣдованіе его мыслей не сходствуетъ съ родившими ихъ чувствованіями, онъ все сочетаетъ новымъ порядкомъ, все наклоняетъ подъ властвующую надъ нимъ мысль. Но онъ *самъ судитъ.* Се вышняя токмо степень вниманія. „И для того различныя ради хотя причины, по просторѣчію речемъ: „юроде! ты еси человѣкъ Божій“! [2])

8. Наблюдали ли вы когда-либо, какому направленію слѣдуетъ сочетаніе нашихъ идей, и какъ съ дѣтства душа училась сравнивать, измѣрять, училася совершенно и посредствомъ чувствъ? Не чувства наши чувствовать училися, но душа.

Образъ въ глазу былъ съ перваго дня таковой же, какъ днесь,—но вѣдало ли дитя, что есть самый образъ? Чувствуетъ ли оно уродливую соразмѣрность *Ивана Великаго*, взирая на

---

[1]) Стр. 71—72.

[2]) Стр. 73.

него, понимаетъ ли дитя, разсматривая *Баженовы* образцы зданій, что въ семъ зодчемъ присутственъ духъ *Браманта*. Стòитъ только (чтобъ убѣдиться въ отличности разума отъ тѣлесности) вообразить *Фридриха II*, взирающаго въ дѣтствѣ на устроеніе войскъ *Принцемъ Ангальтскимъ*, и потомъ взглянуть на его размѣреніе долины при *Молвицѣ*. Тамъ взоръ веселящагося куклами, здѣсь око орлиное, одушевленное алчбою славы, тамъ простое чувствованіе, здѣсь мысль героя, переходящая въ дѣйствительность. Какъ всегда, Радищевъ взываетъ къ гуманности, обязательной и для героя: „О если бы, великій мужъ! слава твоя не стоила толикихъ слезъ человѣчеству, толикихъ стенаній!“—[1]).

(*Поясненія*),

Василій Ивановичъ *Баженовъ* (1737 — 1799), вице-президентъ академіи художествъ, знаменитый архитекторъ и переводчикъ Витрувія на русскій языкъ (Петербургъ, 1790—1797). Построилъ въ СПБ.-гѣ Арсеналъ, въ Москвѣ Арсеналъ, Румянцевскій музей, дворецъ въ Царицинѣ и т. д. Грандіозные проекты его (замѣна Кремлевскихъ стѣнъ дворцами и т. д.) остались безъ выполненія, за неимѣніемъ требовавшихся на то десятковъ милліоновъ. Баженовъ стоялъ въ сношеніяхъ съ Новиковымъ и московскими массонами. Вошелъ послѣ смерти Екатерины въ милость Павла I.

---

[1]) Стр. 74.

Донато Лаццари Браманте (1444—1514), знаменитый архитекторъ и живописецъ, наивысшій представитель архитектурнаго стиля Возрожденія, современникъ Микеля Анджело и Рафаэля. Постройки его: соединеніе Ватиканскаго дворца съ садами Бельведера, сооруженіе храма св. Петра (не оконченнаго имъ) и т. д.

Molwitz—деревня въ Силезіи подъ Бреславлемъ. 10 апрѣля 1741 г. Фридрихъ одержалъ здѣсь побѣду надъ австрійскими войсками подъ командой графа фонъ *Нейпперга*. „Мольвицъ", говоритъ самъ Фридрихъ, „былъ школою для короля и его войскъ". Эта побѣда обезпечила Пруссіи обладаніе Силезіею. Фридрихъ уѣхалъ было съ поля битвы съ кавалерійской дивизіею, но выигралъ сраженіе, благодаря распоряженіямъ своего фельдмаршала *Шверина*. Австрійцы потеряли 7000 чел. убитыми и 1200 плѣнными, пруссаки—4600.

---

9. *Рѣчь* даетъ одно изъ сильнѣйшихъ доказательствъ безтѣлесности души. Безъ рѣчи, наилучшаго и, можетъ быть, единственнаго устроителя нашея мысленности, мы ничѣмъ не отличались бы отъ животныхъ. Это доказываютъ жившіе нечаянно въ совершенномъ отдаленіи отъ людей. Кто скажетъ, что рѣчь есть нѣчто тѣлесное [1])?—развѣ кто сочтетъ за одно и звукъ, и слово. Какъ различаются они, такъ различествуетъ и душа отъ тѣла. Звукъ ознаменуетъ слово, слово возбуждаетъ идею. Слово, нѣчто живое, не касающееся тѣла, идетъ въ душу, а звукъ, движеніе воздуха, въ ухѣ изчезаетъ.

10. Чувственное расположеніе тѣла всякаго животнаго увѣдомляетъ, что оно живетъ. Но сіе позваніе своего бытія столь тупо, столь мрачно, что не можетъ войти въ сравненіе съ самопознаніемъ человѣка. Онъ одинъ живо и ясно ощущаетъ, что существуетъ, что мыслитъ, и что его мысль принадлежитъ ему. Когда его душа возносится къ познанію истины, тогда наипаче возрождается въ немъ яснѣйшее познаніе своего бытія, и это знаменуетъ силу въ немъ живую, внутреннее могущество [2]).

Противъ безтѣлесности и безсмертія души возражаютъ, что тѣло дѣйствуетъ на душу всемогущественно. Но колико

---

[1]) Стр. 75.
[2]) Стр. 76.

превышаетъ власть души надъ тѣломъ! Душа рождаетъ мысли и повелѣваетъ ими, властвуетъ не только надъ желаніями, но и надъ самою болѣзнью тѣлесною; яко сонъ, она невольнымъ образомъ производитъ то;—человѣкъ можетъ самопроизвольно сложить съ себя чувственность и жить безтѣлесно въ самомъ тѣлѣ. Радищевъ хочетъ разсмотрѣть все это порознь и потомъ перейти къ *способности совершенствованія* въ человѣкѣ, въ которой мы обрящемъ *корень будущія* нашея *жизни* [1]).

1. Власть мысли надъ тѣлесностію стала намъ обычною вслѣдствіе ежемгновеннаго испытыванія, и мы приравниваемъ ее—механизму. Въ главѣ родятся мысль—и члены ей повинуются. Производитъ ли то раздражительность въ мышцахъ или электръ протекаетъ члены? Какъ (неясная) мысль движетъ членъ? Не вѣдаю. Но въ томъ согласиться надобно, что ничего подобнаго не произвела бы самая искусная махина—вещественными силами, опричь мысли.

Махина не можетъ себѣ велѣть: ей нуженъ источникъ движенія, который живетъ въ тебѣ. Толки машину; а безъ того стоитъ. Ты же самъ движешься. Мысль, слово безмолвное: „хощу!"—и будетъ. Какъ Богъ повелѣлъ: „Да будетъ свѣтъ!"—и бысть, такъ ты речешь себѣ: „Иди"—и шествуешь. „О человѣкъ! въ округѣ своей ты всесиленъ; ты еси сынъ мысли! ты—сынъ Божій!" [2])

2. Колико человѣкъ владыка своихъ мыслей, толико же онъ властенъ и надъ своими желаніями и страстями [3]). Правда, большинство людей имъ предается; но бываютъ люди, кои со-

---

[1]) Стр. 77.

[2]) Стр. 78.

[3]) Стр. 79.

всѣмъ попрали свои страсти: это власть души надъ тѣломъ самодержавная. Примѣры воздержанія—въ житіяхъ древнихъ пустынножителей. Радищевъ высказывается противъ аскетисма. *Умерщвленіе страстей—совершенное уродство* [1]), *ибо противорѣчитъ цѣли естественной.* Если бы душа была произведеніе организаціи и дѣйствіе тѣлесности, то не могло бы быть и примѣровъ *толикаго безумія.* И въ самомъ *отчужденіи разсудка* душа дѣйствуетъ вслѣдствіе особыхъ правилъ и нетѣлесно.

3. И самыя страсти суть дѣйствія души, а не тѣлесности. Все, что̀ тѣло дѣлаетъ, вяло и тяжко. Хотя корень и цѣль страстей иногда вещественны, но что даетъ энергію, силы на преодолѣніе препятствій? Неужели одна тѣлесность вождаетъ влюбленнаго, сребролюбца, алчущаго славы. На примѣрѣ наитѣлеснѣйшей изъ страстей, *любви*, убѣдимся, что душа даетъ страстямъ дѣйствительность. Радищевъ откровенно сознается, что *любовь платоническая на землѣ есть бредъ*, что источникъ и *цѣль* любви суть тѣлесны [2]). Но иногда любовь, отдѣляяся отъ своего начала и теряя цѣль изъ виду, даетъ душѣ энергію божественную и плоти отчужденную, такъ что любовь становится мысленною. Страсть изчезаетъ, коль скоро тѣло становится причастнымъ. Чѣмъ предметъ страсти менѣе вещественъ, а удовлетвореніе безтѣлеснѣе, тѣмъ страсть можетъ быть продолжительнѣе. „О дружба! О страсть души усладительная! Если ты на землѣ бываешь надежнѣйшая отрада сердца, то что̀ будешь ты, когда душа, отрѣшенная отъ чувствъ внѣшнихъ, сосреждаяся сама въ себѣ, вознесетъ дѣйствительность свою на превыспреннѣйшую возможность? Какое будетъ наше

---

[1]) Стр. 79. Въ подлинникѣ „уродливо". Недосмотръ

[2]) Стр. 81. Сентименталисмъ въ этомъ отношеніи противоположенъ романтисму.

чувствованіе, когда встрѣтимся за предѣлами міра сего?" Пускай я брежу; но бредъ мой—мое блаженство. Развѣ зависть, „развѣ мучительство захочетъ прервать мое сновидѣніе"!

4. Душа (или мысленность) двояко властвуетъ надъ болѣзнями тѣла: и дать возможетъ болѣзнь, и отъяти [1]). Нелѣпо и противорѣчитъ опытамъ полагать, что *всѣ* болѣзни отъ мысленности, и что на всѣ болѣзни въ душѣ лекарство существуетъ. Но во множествѣ болѣзней суть нѣсколько, кои—непосредственное дѣйствіе души, и есть многіе примѣры исцѣленія единственно простымъ души дѣйствіемъ. Сіи духовныя лекарства достойны заслуживать равное мѣсто въ диспеисторіяхъ, какъ хина, меркурій и пр. аптекарскій припасъ. Какъ душа даетъ болѣзнь тѣлу и лечитъ его? Лечитъ, не щупая пульса, и не смотря на языкъ. Болѣзнь же даетъ, не отравляя. Болѣе не скажу, ибо не вѣдаю; но мой доводъ основанъ на общеизвѣстныхъ фактахъ.

О вы, на коихъ печаль простирала свое жало, васъ въ изнеможеніи тѣлесномъ, безчувственными зрѣлъ я при разящей вѣсти. Единое слово угрожаетъ жизни, зыбленіе воздуха! ужели онъ мгновенно исполняется ядомъ и отравою? Какая зараза разсѣетъ въ немъ? Какое химическое дѣйствіе превращаетъ жизненный воздухъ въ горючій и смертоносный? Другой примѣръ. Се листъ, се хартія дается тебѣ въ руку; черты изображенія на ней произвольныя. И се чело твое блѣднѣетъ, мутятся взоры, нѣмъ языкъ, мразъ обтекаетъ твою внутренность, и трупъ твой валится долу. Чѣмъ отравлена хартія и черты? Упитаны ли зеліемъ мышьяка и сулемы? Не манкательное ли се древо, мертвящее всѣхъ? Или хартія паче ядовитаго взора баснословнаго василиска? Но почто же ты *одинъ* страдаешь?

---

[1]) Стр. 82.

Слово, изреченное или начертанное), возбуждаетъ волненіе мысленности, а разстроенность произведетъ болѣзнь. Душа болитъ, душа страждетъ; отъ того страждетъ и тѣло: когда источникъ отравленъ, возможетъ ли быть здраво истеченіе? Примѣры дѣйствія души на тѣло съ послѣдующею болѣзнью неисчетны. Дабы *временно хотя улыбаться, говоря о страданіяхъ человѣчества*, помнится (гдѣ то Радищевъ читалъ), женатый мужъ ощущалъ всегда страданіе, когда женѣ его время приспѣвало разрѣшаться отъ беременности. Одни полагаютъ это вымысломъ, другіе находятъ отмѣнно сходственное сложеніе нервовъ (у мужа и жены); но я, говоритъ Радищевъ, *сего истолкованія не понимаю.*

Бываютъ и благотворныя, существительныя дѣйствія души надъ тѣломъ. Такъ больные получаютъ облегченіе при посѣщеніи возлюбленныхъ ими. Древность сохранила намъ примѣръ заболѣванія и исцѣленія отъ мысленности.

Одинъ юноша умиралъ отъ изнеможенія силъ, и врачи были безсильны подать ему помощь. Одинъ только изъ врачей, *совокупляя со своимъ искусствомъ духъ любомудрственный, столь рѣдкій въ семъ соединеніи*, замѣтилъ, что юноша оживалъ при посѣщеніи своей мачихи, а по ея уходѣ опять обмиралъ. Отецъ по совѣту врача, добившагося признанія отъ больного, уступилъ сыну жену. И сынъ сталъ здравъ и блаженъ. Если этотъ примѣръ—изобрѣтеніе стихотворческое, то и тогда онъ истиненъ, ибо лежитъ въ предѣлахъ естественности [2]).

По поводу исцѣленія болѣзней безъ врачевательнаго посредства Радищевъ вооружается противъ суевѣрія, видящаго въ такихъ случаяхъ *чудо*. Тѣ, кои *разсудить* не хотятъ или не умѣютъ, находятъ въ нихъ всегда чудесность, и *чѣмъ ме-*

---

[1]) Стр. 85.

[2]) Стр. 86—88.

нѣе просвѣщенія, тѣмъ чудесъ больше, восклицаетъ авторъ, какъ истый сынъ XVIII в. Многія повѣсти о таковыхъ чудесахъ суть лживы, но многія могутъ быть вѣроятны. Мысль можетъ лишать человѣка чувственности; отчего же надежда излеченія не можетъ излечить? Отложа все баснословное изъ происшествія излечившейся дѣвки въ Москвѣ послѣ сновидѣнія, что она выздоровѣла безъ лекаря, то правда. Приписываютъ то *непосредственному содѣйствію Божества*, т. е. *противоестественному* дѣйствованію Его могущества. О Всевышній! уста мои заграждены на таковое существа Твоего уничиженіе! Непосредственно это или свершается чрезъ посредство, не вѣдаю. Оно чудесно, ибо необыкновенно,—но какъ быть ему чрезъестественну? Всеотче, почто ищу Тебя, скитаяся? Ты во мнѣ живешь! Чудеса твои ежечасно возобновляются, но *не исходя за предѣлы естественности*: въ ней Ты намъ явенъ,—въ непреложныхъ и непремѣнныхъ, положенныхъ Тобою законахъ! „Естественность Твоя есть чувственность; что̀ Ты безъ нея, какъ вѣдать намъ?“ [1])

5. Всякъ ощущаетъ и знаетъ, что мысленность и тѣлесность находятся въ тѣсномъ сопряженіи, и дѣйствія ихъ взаимны. Но не всѣ вѣрятъ тому, что человѣкъ можетъ забывать про свою тѣлесность и жить почти въ одной душѣ [2]). Да и не всякъ столь силенъ надъ собою, чтобы производить такую отдѣленность. Примѣры, въ коихъ мысленность блестяща, и пренебрежена тѣлесность: *Курцій* низвергается въ хлябь разверзшую, *Ондамъ*, *Сакенъ* возлетаютъ съ кораблями, *сплинъ* въ Англіи, и всѣ, отъявшіе у себя жизнь изъ пресыщенія ею,—вездѣ явна власть души надъ тѣломъ. Чтобы лишить себя

---

[1]) Стр. 90.

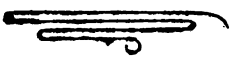
[2]) Стр. 90. Въ заголовкѣ по ошибкѣ ред. 4 вм. 5.

жизни, не имѣя иногда причинъ ее ненавидѣть,—неужели и тутъ дѣйствуетъ одна тѣлесность? Никто не понимаетъ, какъ сгущеніе соковъ или другая погрѣшность въ жизненномъ строительствѣ могутъ привести къ самоубійству. Но когда душа вѣщаетъ тѣлу: Ты—узы, темница моя, терзаніе, ты воспящаешь мнѣ, хощу дѣйствовать, да рушится союзъ нашъ, прости на вѣкъ!—смерть со своимъ жаломъ становится увеселительнѣе всѣхъ утѣхъ [1]). Если самоубійство, какъ мигъ единъ, (покажется кому-либо), не требуетъ много твердости духа, то власть души доказывается тѣми, кто не только пренебрегалъ смертью, но нечувствительно и легко сносилъ мученія и терзанія. Такъ *Амвросій* (*Зертисъ-Каменскій*) умиралъ подъ повторяемыми ударами разъяренной Московской черни; глаголъ праведнаго былъ: „Господи, отпусти имъ: не вѣдаютъ бо, что̀ творятъ!“ [2]) *Корнелій де Виттъ* пѣлъ Гораціеву пѣснь среди бунтующей Амстердамской черни. Мученики и дикіе, смѣющіеся среди терзаній—если не власть души тутъ явна, то гдѣ же она быть можетъ? *Руссо* среди болѣзней непрестанныхъ написалъ многія изъ своихъ *безсмертныхъ* сочиненій. *Мендельсонъ*, страдавшій отъ несказанныя слабости нервовъ, напряженіемъ мысли еще въ старости вознесся на высоту своея юности. *Гарве*, не могшій долгое время ни читать, ни писать (даже мысленіе было ему тягостно), составилъ свои изящныя примѣчанія на Цицерона; вотъ его слова: „благословенна буди и самая немощь болѣзнующаго духа, толико часто меня научавшая, сколь духъ надъ тѣломъ возмогаетъ!“ Напряженіе духовной силы можетъ подкрѣпить разслабленное тѣло и дать ему новую жизнь; самая болѣзнь, если не превышаетъ мѣры,

---

[1]) Стр. 92.
[2]) Стр. 92—93.

бѣжитъ отъ продолжающагося отпорствующія ей души терпѣнія. Мысль, всю душу исполнившая, отторгаетъ мысленность отъ тѣлесности. Человѣкъ, забывая все зримое и чувствуемое, забывая самъ себя, несется въ страну мысленную: время и пространство исчезаютъ, онъ сокрушаетъ всѣ предѣлы,—и занесшему ногу въ вѣчность вселенная уже тѣсна [1])!



[1]) Стр. 94.

Христіанъ Гарве (Garve) род. въ Бреславлѣ 7 янв. 1742 г., умеръ въ ночь на 1 декабря 1798 г. Бывъ профессоромъ философіи при Лейпцигскомъ университетѣ и однимъ изъ представителей „популярной“ философіи въ Германіи, Гарве славился, какъ моралистъ, психологъ и историкъ философіи. На смертномъ одрѣ онъ написалъ „Трактатъ о терпѣніи“, считающійся его лучшимъ произведеніемъ. По порученію Фридриха I-го перевелъ съ примѣчаніями—Цицерона De officiis. Переводъ вышелъ въ Бреславлѣ въ 1781 г. подъ заглавіемъ Abhandlung über die Pflichten in drei Büchern, aus dem Lateinischen des M. T. Cicero übersetzt von Christian Garve; V-е изданіе—тамъ же, 1801. Примѣчанія имѣютъ частью пояснительный, частью дополнительный характеръ. Перечень его трудовъ и статей имѣется у Meusel, IV т., изд. 1804 г. (1750—1800) стр. 22 и далѣе—27. Гарве выступалъ, какъ критикъ Канта, и упрекалъ его въ недостаточной ясности при развитіи идей, что̀, по его мнѣнію, было не только несовершенствомъ внѣшней формы, но и существеннымъ недостаткомъ самого мышленія. Писалъ Гарве очень много и въ различныхъ областяхъ. Прекрасная біографія его, составленная Heinrich Döring'омъ, находится въ Allg. Enc. von Ersch u. Gruber, I. S., 54 т., стр. 90—121 (1852 г.). Шиллеръ посвятилъ Гарве эпиграмму: (156 ксенія въ Musenalmanach 1797 г.).

Hör'ich „über Geduld“ dich, edler Leidender, reden,
O, wie wird mir das Volk frömmelnder Schwätzer verhasst!

Радищевъ, несомнѣнно, принадлежалъ къ числу слушателей Гарве, который былъ назначенъ (по защитѣ диссертаціи De ratione scribendi historiam philosophiae) въ 1768 г. экстраординарнымъ профессоромъ философіи на мѣсто Геллерта (читавшаго поэзію и риторику, и оказавшаго громадное вліяніе на Радищева) [1]). Гарве оставался на своемъ посту недолго. Уже въ 1770 г. онъ вышелъ въ отставку по болѣзни, которая преслѣдовала его вплоть до смерти; преподавалъ Гарве логику—по Ernesti, Instit. doctrinae solid., математику, реторику, этику и разбиралъ сочиненія Цицерона.

До послѣднихъ дней Гарве работалъ надъ сочиненіемъ „Объ одиночествѣ"; смерть прервала его на главѣ „Объ одиночествѣ больного".

Въ философіи Гарве былъ послѣдователемъ Локка. До появленія Канта онъ считался вмѣстѣ съ Мендельсономъ самымъ извѣстнымъ философомъ. Въ противоположность кантовцамъ онъ называетъ себя „популярнымъ философомъ", „проповѣдникомъ общечеловѣческаго смысла". Гарве, какъ эссеистъ, хотѣлъ быть нѣмецкимъ Юмомъ. Онъ выдавался и какъ критикъ изящныхъ произведеній, не чуждался политической экономіи (перевелъ Адама Смиса), трактовалъ объ общественныхъ вопросахъ, и какъ „философъ для свѣта", имѣлъ значеніе въ дѣлѣ освѣдомленія „большой публики" съ отвлеченными вопросами.

---

[1]) Сухомлиновъ, стр. 548, 549.

Книга IV.

Въ предшествующихъ книгахъ Радищевъ привелъ, по его мнѣнію, „все, что̀ вѣроятнымъ образомъ въ защищеніи безсмертія души сказать можно“. Свои доводы онъ раздѣляетъ на 3 группы [1]).

Доводы *перваго* рода были единственно *метафизическіе*, почерпнутые изъ существа вещей: непрерывнымъ послѣдствіемъ посылокъ, рождающихся одна изъ другой, они показали, что *въ насъ существо мыслящее* есть *простое и не сложное*, а потому *неразрушимое*, слѣдовательно, *безсмертное*, и что оно *не можетъ быть дѣйствіемъ сложенія нашего тѣла*, сколь бы оно ни было искусственно [2]).

Вторые доводы основывались на явственной *восходящей постепенности всѣхъ* извѣстныхъ намъ *существъ*. *Возглавіе* сей *лѣствицы*, зримой въ твореніи, *человѣкъ совершеннѣе* всѣхъ земныхъ сложеній и организацій: въ немъ явно *тѣснятся во едино всѣ естественныя силы, но есть и еще одна сила, отличная отъ всѣхъ естественныхъ* силъ [3]). Отсюда дѣлали вѣроятное заключеніе, что человѣкъ по разрушеніи тѣла

---

[1]) Стр. 97.

[2]) См. выше, стр. 147—161.

[3]) См. выше, стр. 161—166.

своего, не можетъ ничтожествовать: ибо, если *невозможно* и само въ себѣ противурѣчущее, чтобы *какая-либо сила въ природѣ исчезала*, то *мысленность*, *которая превосходнѣе и совершеннѣе всѣхъ естественныхъ силъ*, не можетъ исчезнуть.

Третьяго рода доводы, заимствованные изъ нашей чувственности, изъ насъ самихъ, таковы, что *мысленная* сила *отлична* отъ *чувственности*, и хотя она получаетъ всѣ свои понятія отъ чувствъ, но возмогаетъ *творить новыя*—сложныя, *отвлеченныя*, что она *властвуетъ* надъ понятіями (воззывая ихъ на дѣйствительность, или устремляяся къ единой (?), что въ случайномъ отвлеченіи отъ тѣла мысленность *не забываетъ творительную* свою силу (во снѣ и нѣкоторыхъ болѣзняхъ), что *сочетаніе идей* съ дѣтства, *рѣчь* наша и (паче всего) явственное *наше о себѣ познаніе* суть убѣдительныя доказательства, что мысленность не есть явленіе тѣлесности или [1]) дѣйствіе нашего сложенія).

Наконецъ, дабы отразить хотя зыблящееся, но казистое доказательство о всевластвованіи тѣла надъ душой, мы показали, что власть души надъ тѣломъ оную гораздо превышаетъ [2]). Примѣрами изъ ежедневныхъ опытовъ неоспоримо утвердили, что мысленность есть корень и вина всѣхъ движеній тѣлесныхъ, ибо въ ней источникъ движенія (не можно ли сказать, источникъ жизни?); въ человѣкѣ мысленность властвуетъ надъ желаніями и страстями, возмогаетъ дать тѣлу болѣзнь, здравіе и самую смерть. Напряженіе мысленности отвлекаетъ ее отъ тѣлесности, даетъ тѣлу преодолѣвать трудъ и болѣзни.

Утвердивъ неразрушимость души, дерзнемъ подъяти на самую малѣйшую дробь тяжелую завѣсу будущаго, постара-

---

[1]) Въ подлинникѣ ошибка: на (ня?) дѣйствіе. Стр. 99. См. выше, стр. 166—172 и 174.

[2]) См. выше, стр. 175—181.

емся предузнать (хотя бы предчувствовать), что̀ можетъ быть за предѣлами жизни [1]). Хотя это разсужденіе и смежно воображенію, но авторъ хочетъ уловить его и потечь во слѣдъ въ радованіи—мечта ли то будетъ, или истинность; „соблизиться съ вами когда-либо мнѣ есть рай. Лети душа, жаждущая видити друзей моихъ, лети во срѣтеніе и самому сновидѣнію: въ немъ блаженство твое, въ немъ жизнь"!

Есть три возможности человѣческаго бытія по смерти:

1) Или я буду *такое же* существо, какое есмь, т. е. моя душа, отдѣлившись отъ тѣла, паки прейдетъ и оживитъ *другое тѣло*,

2) или состояніе моей души будетъ *хуже*, т. е. она оживитъ существо *нижняго* рода: звѣря, птицу, насѣкомое,

3) или моя душа, отдѣленная смертью отъ тѣла, прейдетъ въ *лучшее*, совершеннѣйшее состояніе [2]).

Одно изъ трехъ быть долженствуетъ, если мы удостовѣримся, что мыслящая и чувствующая въ насъ сила не исчезнетъ.

Четвертой возможности вообразить неможно, чего бы ни настроило воображеніе.

Всѣ 3 возможности подкрѣпляемы доводами, онѣ имѣли и имѣютъ послѣдователей. Разсмотримъ ихъ основательность и поищемъ если не очевидности, то хотя вѣроятности, убѣжденія. Если заблудились, мы будемъ достойны сожалѣнія, но не наказанія, ибо ищемъ истины со рвеніемъ и нелицемѣрно.

Для удостовѣренія въ томъ, что кто-либо изъ людей бывалъ уже человѣкомъ (подъ другимъ образомъ) или звѣремъ

---

[1]) Стр. 100.
[2]) Стр. 101.

и т. п., нужно было бы ясное о томъ воспоминаніе, часто повторяемое, такъ сказать, ощутительное. Въ виду того, что свидѣтельства могли бы быть основаны на предубѣжденіяхъ или выгодахъ, то и сотня ихъ не можетъ служить доказательствомъ.

Всѣ сіи мнѣнія не заслуживаютъ опроверженія: ихъ можно только разсматривать ради любопытства.

Древніе Гимнософисты, Бракманы и нынѣшніе Брамины говорятъ, что за добрыя дѣла душа по смерти переселяется въ овцу, въ корову или слона бѣлаго, а въ возмездіе за зло— въ свинью, тигра и т. д. Древніе египтяне въ силу того же вѣрованія боялись убивать животныхъ, дабы не убить своего отца или мать, или не *съѣсть ихъ въ тюрѣ.*

Столь же рѣзко отзывается Радищевъ и о „другихъ вымышленіяхъ", „бредняхъ одного свойства", Тартарѣ, поляхъ Елисейскихъ, Гуріяхъ, раѣ Кельтовъ, гдѣ они чаяли *пить пиво* изъ череповъ своихъ непріятелей и т. п. *Спроси русскаго простолюдина*: „каковъ будетъ адъ?"—„Языкъ нѣмѣетъ", скажетъ онъ въ отвѣтъ, „*будемъ сидѣть* въ кипячей въ котлѣ смолѣ" [1]).

Разница только та, что одно другого нелѣпѣе. Посмотрите картину страшнаго суда—не *Михаила Анжеля*,—но продаваемую въ Москвѣ на *Спасскомъ мосту*: не ошибетеся въ своемъ заключеніи; распространяйте его на всѣ изображенія худшаго положенія души по смерти.

Правдоподобіе тому, что рождающіеся люди уже бывали человѣками, находятъ въ томъ обстоятельствѣ, будто великіе мужи (вообще рѣдкіе) рождаются не по одиночкѣ, а какбы воскресаютъ отъ сна и мрака—во множествѣ [2]).

---

[1]) Стр. 103.

[2]) Стр. 104.

Если бы произведеніе великаго мужа было для природы обыкновеннымъ дѣломъ, то моментъ его появленія былъ бы безразличенъ. Но шествіе ея не таково: великій родится не одинъ, а имѣетъ многихъ сопутниковъ. И какъ же иначе? Они родятся на возобновленіе ослабѣвающихъ пружинъ нравственнаго міра, на пробужденіе разума, на оживленіе добродѣтели. Такъ землетрясеніе считаютъ нужнымъ дѣйствіемъ [1]).

Великіе люди, могущественные рычаги нравственности, приводятъ душу въ благое сотрясеніе. Ни прилежаніе, ни стараніе, ни воспитаніе не дѣлаютъ великимъ, но природа—врожденнымъ чувствованіемъ или внѣшнимъ будто вдохновеніемъ. На произведеніе великаго мужа (если вспомнить, какъ тихо подвигается ученіе), пожалуй, не хватитъ единаго житія, а нужны многія; вѣроятно заключить, что великій мужъ не есть новое произведеніе природы, но паки бытіе, прежняя мысленность, облеченная въ новые покровы. Примѣры и историческія воспоминанія о прежнемъ бытіи: *Пиѳагоръ*, *Архій*, *Аполлоній Тіанейскій*. Если бы *нашему вѣку* это не было *посмѣялищемъ*, то многіе и теперь о томъ же заявили бы. Да не имѣли ли многіе изъ насъ напоминовенія, которое не знаемъ гдѣ вклеить въ теченіе своей жизни? Не встрѣчали ли въ начальные дни житія мы людей и мѣстъ, какбы уже извѣстныхъ намъ, хотя мы ихъ не знаемъ? Откуда это? Не изъ прежнія ли жизни? Не оттого ли они столь радостны? Прилѣпленному чрезъ мѣру къ тѣлесности трудно де отторгнуться отъ нея, но упражняющимся въ смиренномудріи и мысленности такія воспоминанія могутъ быть легче. Вотъ какъ стараются дать видъ правдоподобія нелѣпости и смѣхотворному—важность [2]). Подобныя надутыя доказательства едва ли нуждаются въ опроверженіи.

---

[1]) Стр. 105. Ошибка редакціи—фраза разбита: «землетрясеніе с. н. д. (точка и новая строка). Естественнаго строительства на возобновленіе усыпляющихся силъ природы». Смыслъ получается лишь при возсоединеніи фразы.

[2]) Стр. 107.

Пиѳагору, утверждавшему переселеніе душъ, надобно было признать въ себѣ *Евфорбія*. Но *нынѣ успѣхи разсудка* мыслить заставляютъ, что *всякое чудо есть осмѣяніе Всевышняго могущества*, и что *всякій чудодѣятель есть богохульникъ* [1]. Вотъ для чего *Шведейборгъ почитается вралемъ*, а *Сенъ-Жермень*, утверждавшій безсмертность въ тѣлѣ своемъ, есть *обманщикъ*. Въ чемъ состоитъ необходимость прерожденія великаго мужа? Тотъ, кто можетъ произвести великаго мужа, можетъ произвести его и сразу, и въ 2 раза. По свидѣтельству исторіи, обстоятельства бываютъ случаемъ на разверженіе великихъ дарованій, но природа никогда не коснѣетъ на произведеніе ихъ. *Александръ*, не будь онъ царь въ Греціи, былъ бы м. б. *Картушъ*. *Чингисъ*, *Стенька Разинъ* въ другихъ положеніяхъ были бы не то, чѣмъ были. *Кромвель* въ тѣсной округѣ монашескія жизни прослылъ бы безпокойнымъ затѣйникомъ и часто былъ бы битъ шелепами. *Фридрихъ* II не на престолѣ остался бы въ толпѣ посредственныхъ стихоплетчиковъ. Обстоятельства дѣлаютъ великаго мужа.

Что родится много великихъ вдругъ,—естественно, хотя есть и рѣдкія изъятія. Рѣдко возмогаетъ кто-либо вознестися превыше своего времени и своихъ окружностей. Уготовленія да будетъ мѣсто на разверженіе, восклицаетъ Радищевъ! Великія души влекутся издалека, и да явится *Нютонъ*, надлежало, да предшествуетъ *Кеплеръ*. Разумъ человѣческій подобенъ електричеству—или искрѣ, падшей на горячее вещество и производящей пожаръ велій. Едва одинъ возмогъ, *осмѣлился*, *дерзнулъ изъятися* изъ толпы, какъ вся окрестность согрѣвается, и яко желѣзныя пылинки летятъ прилѣпитися къ мощному магниту. Но нужны обстоятельства, нужно ихъ поборствіе,—а безъ того: *Іоганъ Гусъ* издыхаетъ во пламени, *Галилей* влечется въ темницу, *другъ вашъ въ Илимскъ заточается* [2]. Но время, мѣсто,

---

[1] Стр. 108.

[2] Стр. 110. Мѣсто характерное для личности Радищева. Онъ хорошо сознавалъ значеніе сдѣланнаго имъ поступка и послѣдующей участи.

уготовленіе отъемлетъ всѣ препоны. *Лутеръ*, *Декартъ* становятся преобразователи. Електръ души, возродяся, изливается во всѣ окрестности и стремится, подобно жидкостямъ, къ уравненности и равновѣсію.

Тоще и пусто доказательство отъ видѣннаго якобы въ прежнемъ бытіи. Напоминовеніе происходитъ отъ видѣнныхъ, но подобныхъ вещей, а не отъ тѣхъ же самыхъ,—поскольку всѣ понятія происходятъ отъ чувствъ. Сочетаніе мыслей такъ же идетъ на яву, какъ и во снѣ, только разсудокъ останавляетъ уродливое сочетаніе. А если вдаться воображенію, то всѣ чудесности небывалаго *Елдороды* будутъ скоро дѣйствительны. Та же сила (будто бы напоминающая), сочетая во едино, по частямъ—могла произвести *Армиду*, солнышкина рыцаря и въ потерянной рай [1]) вмѣстить всѣ изящности и всѣ нелѣпости. Кто на яву ссылается на воображеніе, тотъ въ опасности, что скоро забредитъ.

Итакъ, эти два представленія о посмертномъ нашемъ бытіи суть произведенія дѣтства (или дряхлости) человѣческаго разсужденія: одинако нелѣпо думать, что по кончинѣ я буду *бѣлый слонъ*, какъ новый *Чингисъ*, Европы завоеватель (?).

Третья возможность, что состояніе наше по смерти должно удобриться, уже имѣла многіе доводы; чтобы утвердить ее, войдемъ еще въ подробности. Если это—блужденіе, то и оно утѣшаетъ автора, подая надежду соединиться съ возлюбленными. Это, какбы привлекательное повѣствованіе, отгоняетъ даже тѣнь печальнаго, влечетъ воображеніе и сердце въ царство (мечтаній, но) веселій и утѣхъ.

Мы почитаемъ доказаннымъ для насъ, что въ природѣ существуетъ явная постепенность, т. е. одно существо другого совершеннѣе, искусственнѣе въ сложеніи, а человѣкъ всѣхъ превышаетъ своею организаціею, въ которой соединены многія

---

[1]) Стр. 112. Имѣются въ виду произведенія *Тасса* и *Мильтона*, чего редакція не отмѣтила.

силы, а наипаче—умственная; воспитаніе угобжаетъ и ширитъ способности, а исторія учитъ, колико народы въ общемъ своемъ разумѣ совершенствуютъ.

Природа, люди и вещи—воспитатели человѣка; климатъ, мѣстное положеніе, правленіе, обстоятельства—воспитатели народовъ [1]). Но начальный способствователь усовершенствованія есть *рѣчь*. Дана ли она намъ, или самими нами изобрѣтена? все равно сказать: Богъ научилъ насъ говорить—или: давъ органы рѣчи, Онъ же далъ и способность говорить.

Ничто не кажется намъ столь просто и обыкновенно, какъ рѣчь,—а на самомъ дѣлѣ—нѣтъ ничего столь чудеснаго. Радость и печаль, терзаніе имѣютъ звуки для изъявленія, но подражаніе имъ привело къ изобрѣтенію не рѣчи,—а музыки. Произвольный звукъ (движеніе воздуха) изображаетъ и то, что̀ глазъ видитъ, и то, что̀ слышитъ ухо, что̀ вкушаетъ языкъ, обоняетъ носъ, всѣ осязанія тѣла, всѣ наши чувствованія, страсти, всякую мысль; звукъ, самъ въ себѣ ничего не значущій, можетъ возбуждать мысли и картины. Время, пространство, твердость, образъ, цвѣтъ, всѣ качества тѣлъ, движеніе, жизнь, всѣ дѣянія, словомъ все... и ты, о Всещедрый, Всесильный Даровательъ, не изъемлемъ!—все преобразуемъ въ малое движеніе воздуха; аки нѣкіимъ волхвованіемъ, звукъ [2]) поставленъ на мѣсто всего сущаго, всего возможнаго: весь міръ заключенъ въ малой частицѣ воздуха, на устахъ нашихъ зыблющагося. О любители чудесъ, внемлите произнесенному слову—ваше удивленіе не будетъ чрезмѣрнымъ! чудесно: кто воззвалъ человѣка изъ дебрей къ общежитію, кто устроилъ ихъ союзъ, правленіе, законы, кто научилъ гнушаться порока и сотворилъ любезную добродѣтель?—Рѣчь, Слово!

---

[1]) Стр. 114.
[2]) Стр. 116.

Безъ рѣчи онѣмѣлая чувствительность и остановившаяся мысленность пребыли бы недѣйствующи, полумертвы. Едва человѣкъ изрекъ слово единое и образъ вещи превратилъ въ звукъ, звукъ сдѣлалъ мыслію, или мысль преобразилъ въ чертоносное лепетаніе,—какъ будто среди густѣйшей мглы ниспадаетъ темнота, очи зрятъ ясность, уши слышатъ благогласіе, чувственность дрожитъ, мысль дѣйствуетъ—и се онъ можетъ уже постигать, что̀ истинно, что̀ ложно. Вотъ слабое изображеніе чудесъ, произведенныхъ рѣчію. Радищеву кажутся весьма глубокомысленными аллегоріи тѣхъ народовъ, кои представляютъ первую причину всяческаго бытія—произведшее Слово, которое раздѣлило стихіи и міръ устроило. Если слово въ человѣкѣ чудесно, то что возможетъ рѣчь Предвѣчнаго, какой ея органъ, какое знаменіе? [1])

Но рѣчь, эта наша божественность, столь летуча, что несовершеннѣе, бреннѣе союза между людьми нельзя себѣ представить. Правда, лучшее средство было бы выше человѣчества, тяготило бы его. Рѣчь изражаетъ только имена, а не вещи, а потому человѣческій разумъ не познаетъ вещей, а имѣетъ о нихъ только знаменія, которыя начертываетъ словами. Вся человѣческая наука есть изображеніе знаменій вещей, роспись словъ. Вѣдь мы не знаемъ (да и чувствъ на постиженіе сего не имѣемъ) ни внутренняго существа вещей, ни что̀—силы въ себѣ, ни какъ дѣйствіемъ (sic) слѣдуетъ изъ причины. О человѣкъ, когда возгордишься паче мѣры, помысли, что наука, плодъ рѣчи, есть собраніе различныхъ звуковъ,—и усмирися! [2])

Если звуки произвольны, то, значитъ, нѣтъ существеннаго сопряженія между мыслію и словомъ: все равно было назвать

---

[1]) Стр. 118.
[2]) Стр. 119.

дурака „дуракомъ“ или „вашимъ“; это ясно для всякаго, кто два языка разумѣетъ.

Здѣсь обильный источникъ нашихъ заблужденій. Доколѣ вещь не имѣетъ имени, она чужда разуму, и онъ надъ нею не трудится. Дабы усвоить ее разуму, нужно ее прежде всего ознаменовать. Во всѣхъ языкахъ каждая вещь имѣетъ уже названіе, и всѣ несложныя мысли—свои знаменія. Но вотъ возрождается *новая* мысль,—а ей даютъ знаменіе, сложенное изъ прежнихъ. Если ты разумѣешь подъ знаменіемъ то же, что̀ и я, то мы другъ друга поймемъ; если иначе—выходитъ разгласіе, вздоръ: все равно, какъ одинъ говорилъ бы по еврейски, а другой по русски. Таковы большею частію всѣ философическія мнѣнія, всѣ исповѣданія. Случается, что отъ перваго изрекшаго знаменіе вещи, оно хотя преходитъ, въ томъ же звукѣ заключенное, чрезъ многія столѣтія, но мысль, съ нимъ сопряженная, отъ первой различествуетъ, какъ день отъ нощи. Таковы наипаче мнѣнія о высшей силѣ: люди назвали ее Богомъ, не имѣя о ней яснаго понятія [1]). Разумъ человѣческій бродитъ, ищетъ истину, а вся мудрость его, глубокомысліе,—въ утломъ звукѣ, изъ гортани исходим*омъ* и на устахъ умираем*омъ*.

Письмо есть произвольно начертанные знаки, кои означаютъ звукъ произносимый, слово. Звукъ, изражающій знаменіе вещи, есть нѣчто произвольное. На мѣсто внятнаго слуху звука поставь произвольное же израженіе, подлежащее другому чувству. Получишь рѣчь, не гласомъ произнесенную, но зримую, но внушаемую, но обоняемую, но осязаемую [2]). Такъ можемъ понять изобрѣтеніе письменъ, рѣчи для органа зрѣнія. Рѣчь или произвольное израженіе знаменій вещей

---

[1]) Стр. 121.

[2]) Стр. 122. Въ оригиналѣ здѣсь ошибка: вмѣсто «но», вездѣ «*на*» и т. д. Ниже тамъ же «понятно возможность».

можетъ вмѣсто звучныхъ знаковъ вмѣщаться въ знаки для другихъ чувствъ. Глухіе (а потому) и нѣмые заключаютъ мысли въ зрительныхъ знакахъ. Аббатъ де л *'Епе* съ удивительнымъ остроуміемъ далъ имъ возможность разумѣть рѣчь писанную. Быть можетъ, изобрѣтатель письменъ, взирая на нѣмыхъ и ихъ зримые знаки, въ подражаніе имъ начерталъ азбуку. Онъ (по словамъ одного нѣм. писателя) дѣйствовалъ между человѣками, яко Богъ. Но заключая летящій умъ въ букву, онъ былъ не первый, который изобрѣлъ рѣчь зримую: живописецъ прежде его бесѣдовалъ съ нашими взорами. Картина была первое зримое израженіе, живопись родила іероглифы, а сіи—гораздо уже позже—буквы.

Если бы другія чувства были столь же удобны на поминаніе рѣчи, то можно бы сдѣлать азбуку обоняемую, вкушаемую или *осязаемую*! Правда, слѣпые иногда могли различать цвѣты осязаніемъ [1]); м. б., возможно двухъ слѣпо-и нѣморожденныхъ изучить сообщать другъ другу свои мысли;—но рѣчь обоняемая, вкушаемая и даже рѣчь осязаемая не могутъ быть столь совершенны, какъ рѣчь зримая, а паче того—рѣчь звучная. Послѣдняя одна есть разновиднѣйшая и соотвѣтствуетъ истинному органу слова. Но едва только соединилась рѣчь звучная съ рѣчью зримою, то дерзнулъ человѣкъ на изобрѣтенія и успѣлъ. Сколь ни бренна наша рѣчь, какъ средство совершенствованія, но она была изъ сильнѣйшихъ средствъ.

Подражаніе, рѣчь, разсудокъ—руководители людей въ изобрѣтеніи и расширеніи наукъ и художествъ, не оставляющіе его и въ самомъ дикомъ состояніи. Если языкъ одного народа изглаженнѣе другого, а мысленная округа его обиль-

---

[1]) Для слѣпыхъ теперь уже изготовляютъ особыя книги.

нѣе, то не слѣдуетъ, что и всѣ особенники народа разумнѣе [1]). Изобрѣталъ мысль одинъ, а другіе, яко плѣнники при колесницѣ торжествователя, бредутъ: они говорятъ говоренное, мыслятъ въ мысли другого и нерѣдко не лучше младенца, лепечущаго въ слѣдъ няньки.

Человѣкъ во всякомъ состояніи удобряетъ свою чувственность, оститъ силы мысленныя, укрѣпляетъ понятіе, разсудокъ, умъ, воображеніе и память. Изъ сравненія рождаются понятія о красотѣ, порядкѣ, соразмѣрности, совершенствѣ. Побужденіе къ сожитію привело его къ общественному житію и новымъ совершенствамъ; права и обязанности общежитія возводятъ къ нравственности; рождается любовь къ отечеству, къ человѣчеству вообще и тысячи добродѣтелей; сожалительность претворилась въ великодушіе, щедроту, милосердіе. Такъ достигаетъ человѣкъ высшаго понятія о добродѣтели [2]).

Различіе между людьми состоитъ только въ степени, а не въ существенности. Но все, что̀ живетъ и мыслитъ, стремится къ расширенію своихъ качествъ, къ совершенствованію; сія есть мета мысленнаго существа. Человѣкъ исходитъ на свѣтъ беззащитнѣе и безпомощнѣе всѣхъ животныхъ; природное стремленіе (т. е. инстинктъ) не существуетъ въ немъ. Но едва онъ ощутилъ свои недостатки, едва возопилъ: „не моществую"!—уже вся природа стремится ему на вспомоществованіе. Рѣчь ведетъ его бесѣдовать съ Богомъ. Рожденный хуже всѣхъ тварей, человѣкъ вслѣдствіе способности совершенствоваться возвышается выше всѣхъ на земли и явенъ становится ея властитель.

Стремленіе къ совершенствованію и приращеніе въ

---

[1]) Стр. 124. Въ оригиналѣ безсмыслица: «могущественнѣе *на имѣніе* (т.е. наименѣе) совершеннѣйшихъ народовъ».

[2]) Стр. 126.

немъ—блаженство человѣка [1]). Конца и предѣла ему означить невозможно; чѣмъ выше восходитъ человѣкъ въ познаніяхъ, тѣмъ пространнѣйшіе открываются ему виды. Мета его, шествіе безпрестанное—почти безконечно [2]); самая вѣчность недостаточна, ибо оно сосущественно мысленности. Желаніе наше объемлетъ безконечность. Склонности и страсти удовлетвореній не знаютъ. Всѣ благородныя стремленія и всѣ скаредности носятъ едину на себѣ печать. Чѣмъ онѣ болѣе угобжаются, тѣмъ сильнѣе возрастаютъ.

Всякую мысль и мечту мы тщимся поставить мѣръ превыше; онѣ летятъ за предѣлы вселенныя въ царство неиспытаннаго. Даже тѣлесность наша тщится во слѣдъ мысли и жаждетъ безпредѣльно: едва коснется пресыщенія,—и наивеличайшее услажденіе мерзитъ.

Понятія о красотѣ, благогласіи, соразмѣрности, даже добродѣтели рождаются изъ сравненія, значитъ, *не суть* [3]) понятія сами по себѣ. Сравненіе же есть дѣяніе мыслящаго вещества. Дабы что-либо по истинѣ могло называться прекраснымъ, изящнымъ, нужно для сравненія умственное дѣяніе. А какъ безъ умственности невозможно сравненіе, то не должно ли заключить, чтобы и вся красота міра ничтожествовала, *не бы* были вещества разумныя? Слѣдовательно, таковыя необходимы въ *начертаніи* сложенія міра. Какъ же вообразить себѣ ихъ уничтоженіе, особливо, тогда, когда дѣятельною мысленностію они усовершенствовали и удобнѣе стали еще постигать все изящное, все превосходное, всю красоту?

Изъ сего почерпается еще новое доказательство безсмер-

---

[1]) Стр. 127.

[2]) Стр. 128. Въ оригиналѣ: «Подстрѣкаемы всегдашнимъ стремленіемъ; мета его» etc!

[3]) Стр. 129. Въ подлинникѣ: «*несутъ* понятія» etc.

тія души [1]). Цѣль человѣчества есть совершенствованіе и блаженство, которое есть слѣдствіе добродѣтели, единыя отъ совершенствъ. Неужели блаженство—мечта, обольщеніе? Ужели Всеблагій Отецъ хотѣлъ сдѣлать изъ насъ игралище куколокъ, какими оказались бы мы, если бы блаженство оканчивалось вмѣстѣ съ жизнью, ибо недостатки тѣлесности претятъ, да можетъ быть совершенно.

Удостовѣрясь, что душа наша безсмертна, т. е. не разрушится, посмотримъ, что̀ останется съ душею, когда она отдѣлится отъ тѣла. Какъ скоро жизнь прервется, то послѣдуетъ безчувственность, забвеніе самого себя [2]). И въ жизни есть случаи, сходные съ первою степенію кончины: обморокъ, изступленіе, сонъ и т. п. Тогда человѣкъ теряетъ о себѣ свѣденіе и на время лишается чувственности. Можно бы заключить, что какъ во снѣ остается одна чувственность внутренняя, т. е. мысленность [3]), такъ и по смерти будемъ мы лишены внѣшней чувственности, но [4]) сохранимъ мысленность. Но будетъ ли она въ насъ по смерти, какъ въ состояніи сна?

Какъ это ни вѣроятно на первый взглядъ, но оно противорѣчитъ нашему существу и метѣ нашего бытія, слѣдственно, противорѣчитъ намѣренію Творца въ Его твореніи. Постараемся отразить сіе казистое доказательство и возвести мысленность въ достоинство, ей по отлученіи отъ тѣла опредѣленное.

Затѣмъ Радищевъ (стр. 132—134) подводитъ итоги всему

---

[1]) Стр. 130.

[2]) Стр. 131.

[3]) Въ подлинникѣ: «мысленность, подобно *ослу*, говорю»... Нелестное для себя сравненіе дѣлаетъ авторъ, по винѣ корректора. Нужно: «подобно *сему*».

[4]) Въ ориг.—«не», что̀ совершенно искажаетъ смыслъ.

сказанному выше. Мысленность сосущественна человѣку (безъ этой своей особенности онъ равнялся бы скоту), а ея неотдѣлимое свойство—совершенствованіе; мета наша на земли относится къ устроенію и блаженству. Человѣкъ во время житія даетъ всѣмъ силамъ возможную расширенность. Яко понятія, принятыя чувственностію, претворяются въ мысли, тако и склонности въ душѣ становятся добродѣтели или пороки. Побужденія, сосреждаяся, родивъ волю, даютъ столь твердую подножность, что она казалась бы божественною, если бы не была въ человѣкѣ. Печать безпредѣльности наложена всему, что̀ человѣкъ предпріемлетъ. Въ силахъ его видна такая енергія, что предѣлъ ей назначить отважно. *Скалигеръ* выучилъ наизусть *Омира* въ 3 недѣли, и въ 4 мѣсяца всѣхъ греческихъ стихотворцевъ. *Валлисъ* извлекалъ въ головѣ коренное число 53 цифирей. Такіе примѣры часты, но теряются незамѣченны. Наша мысленность, какъ разумная сила, не можетъ разрушиться, ибо, не яко тѣло, она несложенна, не изчезнетъ, пребудетъ, поживетъ во вѣки.

Не ясно ли слѣдуетъ отсюда:

1. Поелику мысленность наша (душа) не разрушится, то пребудетъ жива и по разрушеніи тѣла [1]).

2. Поелику существенность ея состоитъ въ непрестанномъ совершенствованіи, то душа сохранитъ ее и по отдѣленіи отъ тѣла. Если бы эта существенная ей способность измѣнилась, то душа прешла бы въ худшее состояніе, т. е. не была бы душа (это было бы противно и намѣренію, явствующему въ сотвореніи человѣка).

---

[1]) Стр. 134.

3. Поелику состояніе сна [1]) лишаетъ насъ яснаго познанія о насъ самихъ и есть потому не столь совершенное состояніе, какъ бдѣніе, то смерть уподобится сну (относительно человѣка) въ томъ только развѣ, что обновитъ его душевныя силы (какъ сонъ обновляетъ тѣлесныя), но не въ томъ, что лишитъ душу яснаго о себѣ познанія, въ чемъ состоитъ преимущество человѣка предъ другими животными.

4. Поелику въ душевныхъ силахъ является безпредѣльность, и ограниченность души происходитъ отъ тѣлесности, то отрѣшенная отъ нея, душа будетъ свободнѣе въ своей дѣятельности.

5. Поелику душа сохранитъ свою способность совершенствованія, то паче и паче будетъ совершенствовать. А если захочешь имѣть мѣру этого совершенствованія, то помысли, каковъ человѣкъ родится, а что̀ онъ—въ возмужалости, и каковъ онъ былъ бы—безъ препонъ, налагаемыхъ тѣлесностью (страстями, болѣзнями и т. д.), помысли, сколь отстоитъ теперь разумъ отъ грубаго и дикаго состоянія; измѣряй восхожденіе, но не тѣлеснымъ житіемъ—и отрѣшая мѣру времени; гдѣ есть предѣлъ совершенствованія души? „О человѣкъ, не ясно ли, ты есть сынъ Божества, не Его ли въ тебѣ живетъ сила безпредѣльная“!

Не слѣдуетъ думать, что человѣкъ по смерти будетъ какбы во снѣ и въ непрестанномъ мечтаніи. Если согласно цѣли совершенствованія, мы въ посмертное состояніе перейдемъ совершеннѣе, чѣмъ родились, то оно не можетъ быть ниже или хуже теперешняго. Если настоящее предопредѣляетъ слѣдующее [2]) (которое иначе не имѣло бы достаточной причины къ

---

[1]) Стр. 135.

[2]) Стр. 137.

существованію), а состояніе на земли есть совершенствованіе, то будущее будетъ совершеннѣе. Оказалось бы противорѣчіе въ метѣ бытія, если бы за земною жизнью слѣдовало забвеніе, сонъ. Послѣдуемъ (хотя косвенно) *„умственному исполину“* въ извѣстномъ уподобленіи, и да будетъ онъ намъ опорою!

Лейбницъ [1]) сохраненіе животнаго по смерти и прехожденію человѣка уподобляетъ прерожденію червяка въ бабочку и сохраненію будущаго строенія бабочки въ настоящемъ червякѣ. Зри скареднаго на чревѣ своемъ пресмыкающагося червяка [2]). Алчба—его единственное побужденіе. Се лежитъ бездыханенъ, но сила внутри его не дремлетъ. Происходитъ его прерожденіе. Бабочка возносится и питается нѣжнѣйшею пищею, имѣетъ новое существо, другія побужденія. Кто бы могъ вообразить въ червякѣ бабочку, что они—единое животное, что это только другое время его жизни. „О умствователь! поставляй предѣлъ природѣ; она, смѣяся безсилію твоему, въ житіе единое соцѣпляетъ многіе міры“ [3]).

Худшее состояніе по смерти человѣка противорѣчитъ его метѣ, его существенности, и намѣренію Творца, да совершенствуемъ. Всемогущее Существо ни награждаетъ, ни наказываетъ, но учредило порядокъ вещамъ непремѣнный, отъ котораго онѣ не могутъ удалиться, развѣ измѣня свою существенность. Добродѣтель сама въ себѣ имѣетъ возмездіе, а пороки—наказаніе. Что сладостнѣе увѣренности, что мы пребыли въ назначенной стезѣ, и что намъ нечѣмъ себя упрекнуть? Напоминовеніе содѣланнаго добра разгонитъ мгновенно легкую мглу на зер-

---

[1]) Стр. 138.

[2]) Это же уподобленіе развито кн. В. Ѳ. Одоевскимъ въ его превосходной сказочкѣ «Червячекъ» («Сказки и разсказы дѣдушки Иринея»—изд. «Дешевой Библіотеки», стр. 75—82).

[3]) Стр. 139.

цалѣ совѣсти. А злодѣи принуждены казниться среди благоденствія и упрекать себя. Почто искать рая и исходить во адъ? одинъ—въ сердцѣ добродѣтельнаго, другой въ душѣ злыхъ. „*Какъ ни умствуй*, другого себѣ вообразить неможно“ [1])!

Въ силахъ и способностяхъ человѣки сходствуютъ и въ различіяхъ восходятъ (или нисходятъ) постепенностію, но всѣ одного рода; значитъ, и цѣль ихъ одинакова. Если же кто, злоупотребляя данными ему способностями, устраняется своего предопредѣленія, то всѣ слѣдствія злыхъ дѣлъ налягаютъ на него, ѣдкая совѣсть грызетъ его сердце, пока не истребитъ все злое. Совѣсть, яко врачебное зеліе, есть лекарство злыхъ дѣлъ (если не въ жизни, то, конечно, по смерти). Излеченныхъ совѣстію, восклицаетъ великій человѣколюбецъ Радищевъ, ужели *Всеотецъ* исключитъ изъ *Своихъ объятій?* Почто мы бываемъ толико жестокосерды? Преступникъ—не братъ ли нашъ? Кто можетъ передъ собою оправдаться и сказать, что въ немъ никогда не возникала ниже мысль злая [2])?!

Легко установить принципъ совершенствованія, но трудно (если не невозможно) вообразить, какъ оно продолжится по смерти. Вѣдь на земли пособіемъ для этого была тѣлесность съ ея органами, а безъ нихъ чувства не могли бы дать понятій. Есть лишь два средства: 1) или вновь понятія уже пріобрѣтать душа не будетъ, а дѣйствовать будетъ надъ прежними, или 2) человѣкъ будетъ имѣть новую организацію.

Боннетъ доказываетъ, что душа всегда будетъ сопряжена съ тѣломъ; по смерти она будетъ съ сѣменемъ, и изъ этого сопряженія человѣкъ родится паки двусущественъ: какъ до зачатія душѣ было сосущественно сѣмя, такъ и навѣки. Но запутненіе не совсѣмъ развязано: вѣдь сѣмя, коему была душа предъ зачатіемъ союзна, уже произвело новыя сѣмена, изъ

---

[1]) Стр. 141.

[2]) Стр. 142.

коихъ произошли новыя существа. А прежнее, отчее сѣмя должно пребыть паки сѣмя; сѣмя разверженія вновь произведетъ само себя? Вотъ кругъ *сѣменного любомудрія*. Всѣ таковыя системы кажутся Радищеву болѣе плодомъ стихотворческаго воображенія, нежели остроумнаго размышленія [1]).

За такое же изобрѣтеніе онъ выдаетъ слѣд. предположеніе.

Въ природѣ, явственно, есть вещество или сила, дающая всему жизнь: чувствительность наша, электръ, магнитная сила, м. б., только ея образованія (modification). Не это ли вещество и есть посредство, которымъ душа дѣйствуетъ надъ тѣломъ? Отступая отъ тѣлосмертія (?), не будетъ ли имѣть душа для своего дѣйствованія то же посредство? Для дѣйствія нужны органы; если душа въ сожитіи съ тѣломъ стала совершеннѣе, то совершеннѣйшіе нужны ей и органы. Вѣдь самая сила творчая явна лишь посредствомъ органовъ, вещественности. Какое противорѣчіе мыслить, что въ семъ же мірѣ можетъ быть (на земли) другая организація, намъ невѣдомая—по той причинѣ, что она не подлежитъ нашимъ чувствамъ? Если бы они были изощреннѣе, то и эта организація была бы намъ извѣстна. А изощреннѣе они могутъ быть, какъ показываютъ примѣры чувствъ выведенныя (?) изъ соразмѣрности своей болѣзнію. Дай глазу быть телескопомъ или микроскопомъ,—какіе новые міры ему откроются! Тотъ, Кто далъ человѣку око (для красоты),—ухо (для благогласія),—сердце для любви и дружбы,—разумъ на постиженіе Дателя, Тотъ, Кто сплелъ воедино стихіи, претворяетъ летучесть огня въ твердость, и свѣтъ вмѣщаетъ въ части составительныхъ веществъ, Тотъ можетъ произвести [2]) новыя смѣшенія. Благость и Любовь его не из-

---

[1]) Стр. 144.

[2]) Стр. 146.

сякнуть. Если Слово Его единое рождаетъ чудесность, то и паки ее родить можетъ.

Затѣмъ Радищевъ переходитъ къ представленію въ духѣ Лейбница. На что предполагать новое твореніе? Вся возможность прешла въ дѣйствительность предъ началомъ уже временъ; *что будетъ*, то *уже было* въ незыблемомъ порядкѣ съ того мгновенія, какъ возблистало солнце, и время отдѣлилося отъ вѣчности.

Другія организаціи (кромѣ чувствуемыхъ) нельзя отвергать по той причинѣ, что онѣ намъ нечувствительны. Множество веществъ ускользаетъ отъ нашихъ чувствъ по малости, по прозрачности и т. д. Пресыщеніе одной вещи не исключаетъ въемлемость другой. Опытъ доказываетъ невѣроятное. Вода, насыщенная обыкновенною солью, не пріемля ея болѣе, растворяетъ и пріемлетъ другую.

Будущее состояніе человѣка отстоитъ отъ настоящаго не такъ далеко, не за тридевять земель и не на тридесятомъ царствѣ [1]).

По аналогіи (на которой основана бо̀льшая часть нашихъ познаній и заключеній) можно вѣрить, что будущая организація человѣка проистечетъ изъ нынѣшней, какъ она произошла изъ прежнихъ [2]). Къ сложенію человѣка нужны были стихіи, движеніе и совокупное дѣйствіе силъ вещественности. По разрушеніи тѣла и выходѣ изъ него стихіи пребудутъ тѣ же стихіи, силы отойдутъ въ свое начало и будутъ дѣйствовать въ другихъ сложеніяхъ. Что же бываетъ со стихіею чувствующею и мыслящею, неизвѣстно. Не вступитъ ли она въ союзъ съ другими стихіями по свойству смежности, намъ еще невѣдомой, и не произведетъ ли новое сложеніе? „О возлюбленные

---

[1]) Стр. 147.

[2]) Стр. 148.

мои, я чувствую, что несуся въ область догадокъ, и увы! догадка не есть дѣйствительность".

Радищевъ „краткими словами" резюмируетъ свое мнѣніе относительно предмета цѣлаго сочиненія о безсмертіи [1]); вотъ его положенія:

Человѣкъ по смерти своей пребудетъ живъ. Тѣло его разрушится, но душа разрушиться не можетъ, ибо несложная есть. Цѣль его на земли есть совершенствованіе, та же пребудетъ цѣлію и по смерти. А изъ того слѣдуетъ, какъ средство совершенствованія его была его организація, то должно заключать, что онъ имѣть будетъ другую—совершеннѣйшую и усовершенствованному его состоянію соразмѣрную.

Возвратный путь для него невозможенъ [2]), и состояніе по смерти не можетъ быть хуже настоящаго. Правдоподобно что человѣкъ сохранитъ свои мысли и склонности, поскольку ихъ можно отдѣлить отъ тѣлесности. Въ новой своей организаціи онъ исправитъ свои заблужденія и устремитъ склонности къ истинѣ. Сохраняя мысли, коихъ расширенность имѣла началомъ рѣчь, онъ будетъ одаренъ рѣчью. Если будущая организація будетъ сопричастна чувствительности, она будетъ глаголомъ одаренна, ибо рѣчь изъ произвольныхъ знаковъ внятна всякому чувству (см. выше, стр. 193—194).

Полагая „конецъ заключеніямъ, да не зримся ищущими единственно мечтаній", Радищевъ обращается къ читателю: О человѣкъ, хотя ты есть существо сложное или однородное, мысленность твоя не опредѣлена разрушиться съ тѣломъ. Блаженство, совершенствованіе есть твоя цѣль (см. выше, стр. 195—196). Одаренный разными качествами, употребляй ихъ цѣли твоей соразмѣрно, но берегись ихъ употреблять во зло! Казнь живетъ сос-

---

[1]) Стр. 149.

[2]) Стр. 149. Въ оригиналѣ «не невозможенъ», искажающее смыслъ.

межна злоупотребленіямъ. Ты въ себѣ заключаешь блаженство твое и злополучіе. Шествуй во стезѣ, природою начертанной, и вѣрь, что (если поживешь за предѣлъ дней твоихъ, и разрушеніе мысленности не будетъ твой жребій) состояніе твое будущее соразмѣрно будетъ твоему житію: Тотъ, Кто сотворилъ тебя, далъ существу твоему законъ; зло, тобою содѣланное, будетъ зло для тебя. Ты будущее твое опредѣляешь настоящимъ: „и вѣрь, скажу паки, вѣрь, *вѣчность не есть мечта*“ [1])!

Къ стр. 198.

John Wallis, славный англійскій геометръ, родился въ Ashford (въ графствѣ Essex) 23 ноября 1616 г., умеръ въ Лондонѣ 28 окт. 1703 г.; онъ учился въ Кембриджѣ и сначала служилъ церкви. Въ 1649 г. получилъ каѳедру геометріи въ Оксфордѣ. Послѣ реставраціи Карлъ II утвердилъ его въ той самой должности и поручилъ ему же должность хранителя университетскаго архива. В. былъ однимъ изъ основателей Лондонскаго Королевскаго Общества въ 1663 г. Замѣчательны его опыты по обученію глухонѣмыхъ.

Сочиненія его изданы въ 3 томахъ in folio—Wallisii opera mathematica, 1695—1699; къ этому надо присоединить еще одинъ томъ богословскихъ и этическихъ трактатовъ. Wallis съ 1654 г. имѣлъ степень Dr. theol. и былъ при Карлѣ II капланомъ.

Всѣ его мемуары перечислены въ Biographisch-Literarärches Handwörterbuch zur Geschichte der exacten Wissenschaften von *J. C. Poggendorff*, II. Band. M.—Z, Lpz, 1863, p. 1253—1255.

---

[1]) Стр. 151.

Мы подробно ознакомились съ трактатомъ Радищева о безсмертіи.

Прежде всего нельзя не пожалѣть о томъ, что трактатъ не получилъ, повидимому, послѣдней обработки отъ самого автора, и притомъ былъ изданъ довольно небрежно—очевидно, лицомъ, не особенно хорошо знакомымъ съ философіею. Издатель не только не сумѣлъ исправить мелкихъ недочетовъ, какія, можетъ быть, имѣлись въ самой рукописи: онъ даже самъ, кажется, увеличилъ ихъ число. Мы отмѣтили далеко не всѣ погрѣшности, найденныя нами въ текстѣ, который приходится признать весьма неисправнымъ: у насъ указаны, преимущественно, лишь такіе промахи, которые искажаютъ смыслъ, и лишь тѣ мѣста, которыя подчасъ говорятъ обратное тезисамъ, защищаемымъ авторомъ. Намъ было бы пріятно, если бы наши замѣтки по критикѣ текста этого труда Радищева пригодились будущему редактору полнаго собранія сочиненій Радищева, если таковое возможно ожидать въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Во всякомъ случаѣ, послѣ личнаго изученія текста—мы полагаемъ неудобнымъ ограничиться въ такомъ предполагаемомъ собраніи сочиненій простою перепечаткою труда о безсмертіи; необходима, по нашему мнѣнію, внимательная рецензія текста, и притомъ со стороны спеціалиста.

Пересказъ сочиненія былъ дѣлаемъ нами по возможности въ подлинныхъ выраженіяхъ автора и даже съ его орѳографіею. Изученіе сочиненій Радищева со стороны лингвистической, думается

намъ, не осталось бы безъ пользы для опредѣленія свойствъ литературнаго русскаго языка въ XVIII в.

Книга о безсмертіи была начата еще въ Илимскѣ въ 1792 г., т. е. за 10 лѣтъ до смерти автора. Надо думать, что авторъ не переставалъ работать надъ этимъ своимъ сочиненіемъ вплоть до смерти. Идеи о смерти и безсмертіи занимали Радищева *всю жизнь*. Трактатъ, изложенный нами, долженъ былъ составить собою главный литературно-философскій трудъ автора за послѣдніе годы жизни. Но и десяти лѣтъ оказалось недостаточнымъ: онъ остался не оконченнымъ.

Попытаемся привести нѣсколько данныхъ къ исторіи возникновенія интересующаго насъ труда Радищева. Этимъ трактатомъ почти еще вовсе не занимались, а потому связь его съ жизнію и другими сочиненіями Радищева совсѣмъ не выяснена.

Первое обстоятельство въ жизни Радищева, натолкнувшее его на мысли о смерти, была, несомнѣнно, смерть его любимаго друга и руководителя Ѳ. В. Ушакова въ Лейпцигѣ. „Сердце мое толико уязвлено было тогда скорбію, что въ послѣдствіи ни изступленіе радости и утѣхъ, ни величайшая печаль *потерянiемъ возлюбленной супруги* не истребило чувствованіе прежнія печали“ [1]).

Ѳедоръ Васильевичъ Ушаковъ, обѣщавшій собою замѣчательнаго дѣятеля въ области наукъ и русской литературы, скончался отъ послѣдствій сифилиса. Еще служа секретаремъ при тайномъ совѣтникѣ *Тепловѣ* въ Петербургѣ и „не отъѣзжая въ Лейпцигъ, Ѳ. В. Ушаковъ почувствовалъ въ тѣлѣ своемъ болѣзнь, неизбѣжное слѣдствіе неумѣренности и злоупотребленія тѣлесныхъ услажденій“ [2]). Захворавши, онъ потребовалъ къ себѣ искуснаго врача и просилъ его сказать истину. Человѣколюбивый врачъ долго колебался, но видя нетрепетность

---

[1]) Т. V, «Житіе», стр. 80.

[2]) Тамъ же, стр. 19.

Ушакова, объявилъ ему, что „завтра онъ жизни не будетъ уже причастенъ“ [1]).

Ушаковъ не струсилъ; онъ сталъ прощаться съ друзьями, и между прочимъ Радищеву передалъ свои бумаги (изъ которыхъ тотъ потомъ издалъ нѣкоторыя небольшія работы по философіи и уголовному праву, пріобщивъ ихъ къ „Житію“).

За нѣсколько часовъ предъ кончиною Ѳ. В. почувствовалъ нестерпимую боль во внутренности и не могъ уже удержаться: „страждущій вскричалъ содрагающимся гласомъ“ [2]) и молилъ Кутузова быть его благодѣтелемъ и дать ему яду, „да скоро пресѣчется его терзаніе“ [3]). Но Кутузовъ, посовѣтовавшись съ Радищевымъ, не далъ ему яду, въ чемъ Радищевъ потомъ раскаевался. Поэтому онъ и проситъ Кутузова: „если еще услышишь гласъ стенящаго твоего друга, если гибель ему предстоять будетъ необходимая, и воззову къ тебѣ на *спасеніе мое*, не медли, о любезнѣйшій мой; ты *жизнь несносную скончаешь* и дашь отраду жизнію гнушающемуся и ее *возненавидѣвшему*“ [4]).

Вторымъ жестокимъ ударомъ судьбы была для Радищева смерть его первой жены, въ которую онъ былъ страстно влюбленъ. Потрясенный этой смертью, онъ написалъ „Эпитафію“ [5]):

О! *если то не* ложно,
Что мы по смерти будемъ жить;
Коль будемъ жить, то чувствовать намъ должно;
Коль будемъ чувствовать, нельзя и не любить.

---

[1]) Стр. 77.
[2]) Стр. 82.
[3]) Стр. 83.
[4]) Стр. 84.
[5]) Т. I, стр. 199.

Надеждой сей себя питая,
И дни въ тоскѣ препровождая,
Я смерти жду, какъ брачна дня:
Умру и горести забуду,
Въ объятіяхъ твоихъ я паки счастливъ буду! [1]).
Но если жъ то *мечта*, что̀ сердцу льститъ, маня,
И ненавистный рокъ отъялъ тебя на вѣки,—
Тогда отрады нѣтъ, да льются слезны рѣки!...
Тронись, любезная, стенаніями друга!
Се предстоитъ тебѣ въ объятьяхъ твоихъ чадъ:
Не можешь коль прейти свирѣпыхъ смерти вратъ,
Явись хотя въ мечтѣ, утѣши тѣмъ супруга!

Эту эпитафію не позволили вырѣзать на надгробномъ памятникѣ жены Радищева, потому что въ ней, какъ находили, съ недостаточной увѣренностію выражена надежда на загробную жизнь.

Мысли, которыя мы встрѣчаемъ въ трактатѣ, постоянно попадаются въ мелкихъ стихотвореніяхъ Радищева.

...Вѣрь, что всѣмъ бѣдамъ ужъ близокъ сталъ конецъ.
Законъ незыблемой поставилъ Всеотецъ,
Чтобъ обновленіе изъ нѣдръ премѣнъ рождалось,
Чтобъ все крушеніемъ въ природѣ обновлялось,
Чтобъ *смерть давала жизнь*, и *жизнь давала смерть*;
То шествіе судьбы возможно ли претерть [2])?

---

[1]) Ср. выше, стр. 81, 84, 89, 176. Радищевъ ясно высказываетъ здѣсь свой взглядъ на любовь. Величайшее, кратчайшее веселіе на земли для него въ объятіяхъ возлюбленной супруги.

[2]) Т. I, стр. 174.

Эти мысли изъ стихотворенія „*Посланіе*“ развиваются и въ трактатѣ. См., напр., выше, стр. 149—150.

О вы, стенящіе подъ тяжкою рукою
Злощастія и бѣдъ:
Исполнены тоскою,
Клянете жизнь и свѣтъ,
Любители добра, ужель надежды нѣтъ?
Мужайтесь, бодрствуйте и смѣло протекайте
Сей краткой жизни путь! На *онъ полъ* поспѣшайте:
Тамъ лучшая страна; тамъ миръ во вѣкъ живетъ,
Тамъ юность вѣчная, блаженство тамъ васъ ждетъ [1])!

(*Журавли*, басня)

Мольбу напрасно мы возводимъ,
Да прелесть юныхъ добрыхъ лѣтъ
Калѣчна старость не женетъ;
Нигдѣ отъ ѣдкой не уходимъ
Смерти прочь [2])!

(Строфа 3).

Не мни, чтобъ смерть своей косой
Тебя въ полетѣ миновала:
Нѣтъ въ мірѣ тверди никакой,
Противъ ея чтобъ устояла,
Какъ придетъ.
Оставить домъ, друзей, супругу,
Богатства, чести, что̀ стяжалъ:

---

[1]) Стр. 177—178.

[2]) Стр. 194.

Увы! послѣдній часъ насталъ,
Тебя который въ ночь упругу
Повлечетъ!
(Строфа 5).

Кончины узримъ всѣ чертогъ,
Объятъ кровавыми струями;
Предъ вѣкомъ смерть судилъ намъ Богъ:
Ея вершится все устами
Въ мірѣ семъ [1])!
(Строфа 6).

Отношеніе человѣка къ смерти представляетъ собою содержаніе цитированнаго сейчасъ стихотворенія *„Ода къ другу моему“*.

„Молитва“ [2]) высказываетъ убѣжденіе Радищева въ справедливости ученія: *„ἀποκατάστασις πάντων“*:

Тебя, о Боже мой, Тебя не признаваютъ,
Тебя, что̀ твари всѣ повсюду возвѣщаютъ.
Внемли послѣдній гласъ: я если прегрѣшилъ,
Законъ я твой искалъ, въ душѣ тебя любилъ;
Не колебаяся, на вѣчность я взираю!
Но ты меня родилъ, и *я не понимаю*,
Чтобъ Богъ, кѣмъ въ дни мои блаженства лучъ сіялъ,
Когда прервется жизнь, *на вѣкъ меня терзалъ*!

То же развито и въ трактатѣ, см. выше, стр. 201.

Стихотворенія эти, появившіяся въ посмертномъ собраніи сочиненій Радищева, несомнѣнно, писаны въ разное время (до и послѣ ссылки); но почти въ каждомъ изъ нихъ такъ или иначе затронута мысль о смерти, безсмертіи и загробной участи.

---

[1]) Стр. 195.
[2]) Стр. 198.

Нельзя сказать съ достовѣрностью, какъ подѣйствовалъ на Радищева тотъ „ужасный урокъ", который „преподалъ ему на смертномъ одрѣ" Ушаковъ, и точно ли,—„съ тѣхъ поръ *самоубійство* сдѣлалось однимъ изъ любимыхъ предметовъ его размышленій" [1]). Но мы видѣли, что Радищева постоянно занимали мысли о смерти и безсмертіи, такъ что фатальный конецъ его въ 1802 г.—самоубійство (самоотравленіе крѣпкою водкой и попытка зарѣзаться) не было моментальной, необдуманною вспышкой. Радищевъ цѣлымъ рядомъ долголѣтнихъ размышленій достигъ того, что онъ „не колебался, взиралъ на вѣчность".

Пушкинъ такъ разсказываетъ о концѣ Радищева:

„Графъ Завадовскій удивился молодости его сѣдинъ и сказалъ ему съ дружескимъ упрекомъ: „Эхъ, Александръ Николаевичъ, охота тебѣ пустословить по прежнему! Или мало тебѣ было Сибири?" Въ этихъ словахъ Радищевъ увидѣлъ угрозу. Огорченный и испуганный, онъ возвратился домой, вспомнилъ о другѣ своей молодости, объ лейпцигскомъ студентѣ (т. е. Ушаковѣ), подавшемъ ему нѣкогда первую мысль о самоубійствѣ... и отравился. Конецъ, имъ давно предвидѣнный, и который онъ самъ себѣ давно напророчилъ" [2]).

Въ отношеніи исторіи возникновенія философскаго трактата Радищева играетъ важную роль его повѣсть „О Филаретѣ милостивомъ", которую онъ написалъ, сидя въ крѣпости. Этою повѣстью Радищевъ хотѣлъ дать назиданіе своимъ дѣтямъ, „чтобы преподать имъ живой урокъ безкорыстнаго служенія человѣчеству". Она напечатана у Сухомлинова въ его „Изслѣдованіяхъ и статьяхъ" по автографу Радищева, т. I, стр. 598—

---

[1]) *Пушкинъ*, Сочиненія, изд. П. О. Морозова, т. V. (Александръ Радищевъ), стр. 350—351.

[2]) Стр. 354.

611. Никто еще не обратилъ вниманія на то, что одно мѣсто въ этой повѣсти надобно признать какбы первымъ эскизомъ будущаго трактата (начатаго уже въ ссылкѣ, въ Илимскѣ— съ тою же цѣлью назиданія возлюбленнымъ своимъ). Это мѣсто, которое мы приводимъ, является краткимъ конспектомъ трактата о безсмертіи (стр. 602—603):

„Филаретъ, упражняяся во всѣхъ частяхъ философіи, наипаче прилѣпился къ ученію о душѣ или психологіи, къ богословіи или наукѣ о познаніи Бога, и къ нравственному любомудрію. Но коль много онъ удивился, нашедъ, что все ему преподаваемое было уже для него не новое; что все, что̀ другіе называли *понятіе*, въ немъ было то—*чувствованіе*, которое онъ почиталъ въ себѣ врожденнымъ, ибо навыкъ оному отъ сосца почти матерня.

—„Всѣ вещи", говорилъ Филарету учитель его *Θеофилъ*, „суть или вещи по себѣ или отъ другихъ. Однѣ суть причины, другія—дѣйствія. Но, восходя отъ одной причины къ другой, постепенно дойдемъ до крайнія или высшія всѣхъ, которую именуемъ Богомъ. Изъ самаго сего понятія слѣдуетъ, что первѣйшая причина отличествуетъ отъ всѣхъ другихъ; что всѣ другія суть ограничены тѣмъ самымъ, что онѣ существуютъ не сами собою, и что первая причина есть неограничена, ибо она существуетъ сама по себѣ".

—„Отче", отвѣтствовалъ Филаретъ, „съ того времени, какъ разсудокъ сталъ во мнѣ дѣятеленъ, я мысль мою обращалъ на вещи, окрестъ меня находящіяся и на самого себя. Легко примѣтно мнѣ стало, что все на землѣ существующее подвержено перемѣнѣ, все родится, и все гибнетъ, но въ превращеніяхъ сихъ есть правило непремѣнное, отъ котораго ничто удаляться не можетъ. Я примѣтилъ, что тѣла небесныя слѣдуютъ начертанному пути и отъ него не устраняются. Вопросилъ я самъ себя: „кто зиждетъ все? кто живитъ? кто разрушаетъ, дабы оживить паки? кто путь измѣрилъ тѣлесамъ

небеснымъ?“ Потомъ вопросилъ себя паки: „ты живъ, но кѣмъ и какъ? Кто жизнь тебѣ далъ, и почто она скончается“? Силу сію, вся содержащую, вся зиждущую, всему предѣлъ положившую, вся оживляющую, въ которой теряется и самое разрушеніе, отче, я чувствовалъ отъ млечныхъ ногтей. Именовали мнѣ Бога, Творца, Вседержителя; я давно уже его ощущалъ въ себѣ, и душа моя къ Нему прильпе“ [1]).

—„Всѣ вещи“, говорилъ Ѳеоѳилъ, „суть сложны или единственны, т. е. несложны [2]). Всѣ сложныя суть протяженны; къ симъ принадлежатъ всѣ тѣлеса, ибо суть протяженны. Всякое протяженіе можно дѣлить на части. Возьми мысленно малѣйшую часть тѣла, дѣли ее на части; разумъ не найдетъ въ раздѣленіи семъ предѣла, и какую бы я часть себѣ ни вообразилъ, вообразить могу оныя половину. Слѣдуетъ, что всякое тѣло можетъ раздѣлиться, разрушиться, измѣнить свой видъ, умереть. Посему человѣкъ, яко вещество сложенное, умираетъ.

Напротивъ того, если воображу себѣ вещество несложное, то не могу найти въ немъ частей; оно будетъ нераздѣлимо, не можетъ разрушиться: слѣдуетъ, не можетъ умереть. Какія же суть вещи, въ коихъ частей воображать неможно? Опричь маѳематической точки, въ умозрѣніи только существующей, мы чувствуемую нами непосредственно обрѣтаемъ—*мысль*. Напряги всѣ мышцы свои, устремися на разрушеніе мысли,—силы твои немощны, и тщетно стараніе. Мысль нераздѣльна, ибо несложна. Что̀ же мысль или несложенное производитъ? Конечно, несложенное, ибо невозможно, чтобы сложенное несложность производило. Мысль производящее существо именуемъ мы *душею*. А поелику душа есть несложна, то и нераз-

---

[1]) Стр. 602.

[2]) Стр. 603

дѣлима—не можетъ разрушиться, не умретъ. Познай, о человѣкъ, твое величество; ты сопричастенъ божеству; если тѣло твое разрушится, но мысль твоя вѣчна, и душа безсмертна".

Идеи, намѣченныя здѣсь, мы видѣли выше развитыми болѣе подробно и обоснованно—въ разныхъ мѣстахъ трактата.

Къ какому философскому лагерю примыкаютъ воззрѣнія Радищева? Этотъ вопросъ и до послѣдняго времени остается невыясненнымъ,—какъ намъ кажется, именно потому, что вниманіе изслѣдователей до сихъ поръ не останавливалось на его большомъ философскомъ трактатѣ. Большинство пишущихъ о Радищевѣ повторяютъ въ этомъ случаѣ мнѣнія *Пушкина*. Но, разумѣется, геніальный поэтъ не можетъ служитъ непререкаемымъ авторитетомъ въ философіи. Вотъ что говоритъ А. С. Пушкинъ:

„Сходство умовъ и занятій сблизили съ нимъ (Ушаковымъ) Радищева. Имъ попался въ руки Гельвецій. Они жадно изучили начала его *пошлой* и *безплодной* метафизики. Гриммъ, странствующій агентъ французской философіи, въ Лейпцигѣ засталъ русскихъ студентовъ за книгою „О разумѣ" и привезъ Гельвецію извѣстіе, лестное для его тщеславія и радостное для всей братіи. Теперь было бы для насъ непонятно, какимъ образомъ холодный и сухой Гельвецій могъ сдѣлаться любимцемъ молодыхъ людей, пылкихъ и чувствительныхъ, если бы мы по несчастію не знали, какъ соблазнительны для развивающихся умовъ мысли и правила новыя, отвергаемыя закономъ и преданіями. Намъ уже слишкомъ извѣстна французская философія XVIII столѣтія, она разсмотрѣна со всѣхъ сторонъ и оцѣнена. То, что́ нѣкогда слыло скрытнымъ ученіемъ гіерофантовъ, было потомъ обнародовано, проповѣдано на площадяхъ и навѣкъ утратило прелесть таинственности и новизны. Другія мысли, столь же дѣтскія, другія мечты, столь же несбыточныя, замѣнили

мысли и мечты учениковъ Дидрота и Руссо, и легкомысленный поклонникъ *молвы* видитъ въ нихъ опять и цѣль человѣчества, и разрѣшенія вѣчной загадки, не воображая, что въ свою очередь онѣ замѣнятся другими" [1]).

Общее сужденіе поэта Пушкина о мыслителѣ Радищевѣ:

„Въ Радищевѣ отразилась вся *французская* философія его вѣка: скептицизмъ *Вольтера*, филантропія *Руссо*, политическій цинизмъ *Дидрота* и Реналя; но все въ нескладномъ и искаженномъ видѣ, какъ всѣ предметы криво отражаются въ кривомъ зеркалѣ. Онъ есть истинный представитель *полупросвѣщенія*. Невѣжественное презрѣніе ко всему прошедшему, слабоумное изумленіе передъ своимъ вѣкомъ, слѣпое пристрастіе къ новизнѣ, частныя, *поверхностныя свѣдѣнія*, наобумъ приноровленныя ко всему,—вотъ что мы видимъ въ Радищевѣ" [2]).

Пушкинъ читалъ и трактатъ о безсмертіи; сужденіе его также очень строго.

„Самое пространное изъ его сочиненій есть философское разсужденіе „О человѣкѣ и (о) его смертности и безсмертіи". Умствованія его *пошлы* и не оживлены слогомъ. Радищевъ, хотя и вооружается противу матеріализма, но въ немъ все еще виденъ ученикъ Гельвеція. Онъ охотнѣе излагаетъ, нежели опровергаетъ доводы чистаго аѳеизма" [3]).

Говоря о большей охотѣ Радищева излагать „аѳеизмъ", Пушкинъ, очевидно, имѣетъ въ виду блестящій монологъ воображаемаго противника безсмертія души (см. выше, стр. 135—144)—въ концѣ II части сочиненія. Но тотъ же Радищевъ называетъ доводы противъ безсмертія души (выше, стр. 130) *площадными* и (выше, стр. 144—145) съ такой же горячностью выступаетъ противъ своего оппонента, „вѣщавшаго *его* гласомъ",

---

[1]) Стр. 350.
[2]) Стр. 355.
[3]) Стр. 354.

приравниваетъ его къ *тигру* и къ жесточайшимъ тираннамъ. Какъ разъ эти художественно написанныя мѣста могутъ служить противовѣсомъ мнѣнію Пушкина о томъ, что сочиненіе „не оживлено стилемъ", что оно пошло! Нужно принять въ соображеніе также и совершенное различіе стилей поэтическаго и философскаго. Да и самый философскій стиль XVIII вѣка въ лучшихъ его образцахъ совершенно не подходитъ подъ нынѣшніе вкусы. Пушкинъ, великій авторитетъ русскаго художественнаго стиля, самъ не далъ образцовъ русскаго стиля философскаго.

Кромѣ того, погрѣшности стиля, наблюдаемыя нами въ трактатѣ Радищева, объясняются незаконченностію его труда: авторъ не придалъ ему окончательной формы (оставилъ даже пропускъ въ текстѣ, см. выше, стр. 99—100), а наслѣдники его, издававшіе сочиненіе, не были въ состояніи съ пониманіемъ дополнить и проредактировать трактатъ. Въ мѣстахъ же болѣе обработанныхъ Радищевъ (какъ мы неоднократно выше отмѣчали) остался вѣренъ своему общему стилю и направленію сентименталисма. Но ни мысли и доводы его въ пользу безсмертія, ни чувства, одушевляющія его, никакъ не могутъ быть названы пошлыми.

Не забудемъ и того, что указанное Пушкинымъ мѣсто находится въ концѣ II части, за которою слѣдуютъ еще 2 части, посвященныя спеціально изложенію доводовъ въ защиту безсмертія индивидуальной души. Неизвѣстно, проштудировалъ ли Пушкинъ и эти двѣ послѣднія (спеціально философскія) части трактата, наиболѣе важныя для историка философіи, но не важныя для Пушкина, не необходимыя для цѣлей его статьи.

Надъ философскимъ произведеніемъ Радищева и надъ его философскимъ направленіемъ Пушкинъ поставилъ крестъ и ограничился только суммарнымъ приговоромъ о „пошлости".

Одно уже пристрастіе Пушкина къ Радищеву (оставляя въ сторонѣ еще совершенно не выясненныя причины этого пристрастія) могло бы навести на мысль о необходимости пересмотра всего дѣла. Указанныя нами обстоятельства еще болѣе усиливаютъ эту мысль.

Итакъ, былъ ли Радищевъ *только* послѣдователемъ Гельвеція и французской философіи XVIII в. вообще?

Считать Радищева послѣдователемъ *французскихъ* теорій XVIII в. съ бо̀льшимъ правомъ можно было бы, разбирая его взгляды соціально-политическіе; такъ извѣстно, что онъ увлекался книгами Рейналя, Монтескье и др. Но и въ этой области нельзя было бы не допустить нѣкоторыхъ ограниченій, особенно, что касается позднѣйшихъ лѣтъ Радищева. Вѣдь самъ же Пушкинъ цитируетъ [1]) „въ стихахъ его *лучшее* произведеніе „Осьмнадцатый вѣкъ"—лирическое стихотвореніе, писанное древнимъ элегическимъ размѣромъ, гдѣ находятся слѣдующіе стихи, столь *замѣчательные* подъ *его* перомъ". Радищевъ въ началѣ этой глубокомысленной пьесы ясно и отчетливо выражаетъ свой взглядъ на истекающее, ему современное столѣтіе [2]).

Урна времянъ часы изливаетъ, каплямъ подобно;
Капли въ ручьи собрались; въ рѣки ручьи возрасли
И на дальнѣйшемъ брегу изливаютъ пѣнистыя волны
Вѣчности въ море,—а тамъ нѣтъ ни предѣлъ, ни бреговъ,
Не возвышался тамъ островъ, ни дна тамъ лотъ не находитъ;
Вѣки въ него протекли, въ немъ изчезаетъ ихъ слѣдъ.
Но *знаменито во вѣки* своею *кровавой* струею

---

[1]) Стр. 354—355. Радищевъ называетъ свое стихотвореніе «Осмнадцатое *столѣтіе* (а не Осмнадцатый вѣкъ».

[2]) *Радищевъ*, Сочиненія, т. I, стр. 179—180.

Съ звуками грома течетъ *наше* столѣтье туда.
И сокрушилъ наконецъ корабль надежды несущей, [1])
Пристани близокъ уже, въ водоворотъ поглощенъ.
Щастіе, и добродѣтель, и вольность пожралъ омутъ ярой:
Зри, восплываютъ еще страшны обломки въ струѣ.
Нѣтъ, ты не будешь забвенно, столѣтье *безумно и мудро*!
Будешь *проклято* во вѣкъ, въ вѣкъ *удивленіемъ* всѣхъ:
Крови въ твоей колыбели, припѣваніе—громы сраженьевъ...
Ахъ! омочено *въ крови* вѣкъ ты ниспадаешь во гробъ [2]).

Съ легкой руки Пушкина, статья котораго о Радищевѣ и доселѣ служитъ для многихъ руководствомъ, Радищева стали причислять къ послѣдователямъ французской философіи и въ области *метафизики*. Самъ Пушкинъ называетъ Радищева въ разбираемомъ нами трактатѣ „ученикомъ *Гельвеція*“ (стр. 354). Если припомнимъ, что Пушкинъ называетъ *метафизику* Гельвеція *пошлою* и безплодною (стр. 350), то мы поймемъ, почему обвиненіе въ *пошлости* падаетъ и на (мнимаго) послѣдователя Гельвеція—Радищева.

---

[1]) У Пушкина (стр. 355) эти стихи переправлены и понапрасну:

И сокрушивъ наконецъ корабль, надежды несущій,

Смыслъ получится лишь тогда, если «сокрушилъ» мы поймемъ какъ: «сокрушился» (подобно: совершенствуетъ вм. совершенствуется и т. д.); у Радищева примѣровъ употребленія дѣйствительной формы вмѣсто возвратной съ *ся* встрѣчается много—и въ трактатѣ.

[2]) У Пушкина передѣлано:

Ахъ, омоченный въ крови вѣкъ, ниспадаешь во гробъ!

По нашему, надобно пропустить не «ты», а «вѣкъ» и читать безъ нарушенія средняго рода (столѣтье) и безъ несогласія синтаксическаго съ цезурою на словѣ «вѣкъ», какъ у Пушкина.

Ахъ, омоченно въ крови, ‖ ты ниспадаешь во гробъ!

Можно еще возстановить испорченный текстъ Радищева, ничего не выпуская, такъ:

Ахъ, омоченъ въ крови вѣкъ, ты ниспадаешь во гробъ!

Пушкинъ не придавалъ никакого значенія лейпцигскимъ годамъ ученія Радищева, и въ этомъ его большая ошибка. Нами теперь даже странно и смѣшно слышать, что Пушкинъ бросаетъ Радищеву, одному изъ образованнѣйшихъ людей тогдашней Европы, упрекъ въ томъ, что „ученье *не пошло въ прокъ*", что „университетская жизнь принесла ему *мало* пользы", что Радищевъ не взялъ даже на себя труда выучиться *порядочно* латинскому и *нѣмецкому* языку, дабы, по крайней мѣрѣ, быть *въ состояніи* понимать своихъ *профессоровъ* [1]), что онъ—*кривое* зеркало, истинный представитель *полупросвѣщенія*, что свѣдѣнія его поверхностны" и т. д. [2]). Пушкинъ не могъ не знать фактовъ о Радищевѣ, свидѣтельствующихъ о противномъ, и самъ даже частью приводитъ ихъ, допуская тѣмъ противорѣчіе въ своей статьѣ. Неужели всѣ эти пристрастныя и несправедливыя обвиненія должны были служить маскою для цензуры? Или Пушкинъ здѣсь сжигалъ то, „чему поклонялся"?

И если бы Радищевъ съ товарищами, дѣйствительно, не понимали своихъ профессоровъ за незнаніемъ даже нѣмецкаго языка, то отчего же замѣчательнѣйшій тогдашній ученый въ Лейпцигѣ—*Платнеръ* обратилъ на нихъ свое вниманіе, отчего онъ помнилъ именно Радищева, Кутузова [3]) и только сожалѣлъ, что онъ самъ еще тогда былъ не тотъ, т. е. еще не достигъ высшей ступени совершенства? Если русскіе студенты были такъ ничтожны, то отчего же Платнеръ просилъ Карамзина оставаться работать подъ его и его коллегъ руководствомъ въ Лейпцигѣ, гдѣ его „единоземцы искали просвѣщенія и

---

[1]) Стр. 349—350 passim. Герценъ въ предисловіи къ своему изданію «Путешествія» Радищева говоритъ о статьѣ Пушкина: «Статья не дѣлающая особенной чести поэту. Онъ или перехитрилъ ее изъ цензурныхъ видовъ, или въ самомъ дѣлѣ такъ думалъ,—и тогда лучше было бы ее не печатать».

[2]) Стр. 355.

[3]) См. выше, стр. 74.

надѣюсь, *не тщетно*" [1]), а въ прощальной запискѣ надѣялся еще заслужить его благодарность? [2]) Наконецъ, слова Пушкина опровергаются оффиціальнымъ документомъ [3]) о блестящихъ успѣхахъ русскихъ студентовъ, въ томъ числѣ и Радищева.

Какъ увидимъ ниже, Пушкинъ совсѣмъ не опредѣлилъ философскаго лагеря, куда слѣдуетъ по истинѣ отнести Радищева въ его трактатѣ о безсмертіи. Откуда же взялось у него мнѣніе, будто Радищевъ—ученикъ Гельвеція?

Очевидно, что онъ взялъ это изъ извѣстнаго сообщенія самого Радищева: „Мы читали сію книгу (Гельвеція „О разумѣ"), читали со вниманіемъ и *въ оной мыслить научалися*.... Въ *семъ отношеніи* сочиненіе его *немалую* можетъ *всегда* приносить *пользу*" [4]).

Что говоритъ здѣсь Радищевъ? Что онъ и „цѣлое общество юношей" съ Ѳ. В. Ушаковымъ во главѣ *училося* мыслить по книгѣ Гельвеція, и что это сочиненіе „О разумѣ" можетъ всегда служить съ пользой для наученія, для пріобрѣтенія навыка въ мышленіи. Всякому знакомому съ манерой письма Гельвеція памятна его „логическая *прямолинейность*", которая, дѣйствительно, можетъ оказывать полезное дѣйствіе на развитіе логической *формальной* мысли.

Но слѣдуетъ ли изъ этого мѣста, что Радищевъ съ товарищами стали также и *послѣдователями принциповъ*, самой системы Гельвеція? Нѣтъ!

Главарь кружка Ѳ. В. Ушаковъ оставилъ послѣ себя въ числѣ сочиненій „Письма, касающіяся до первой книги Гельвеціева сочиненія о Разумѣ", изданныя Радищевымъ вмѣстѣ съ его „Житіемъ" [5]). Письма эти были адресованы къ тому же

---

[1]) Выше, стр. 73.

[2]) Выше, стр. 74.

[3]) Выше, стр. 60.

[4]) Радищевъ, соч. V, стр. 61.

[5]) Т. V, стр. 130—157.

проѣзжему вельможѣ, который такъ подружился въ Лейпцигѣ съ Ушаковымъ и познакомилъ его, а черезъ него и всю братію—съ Гельвеціемъ [1]). Этотъ Ѳ... былъ слѣпой поклонникъ Гельвеція, но, вѣроятно, по мнѣнію Радищева, и не зналъ другихъ мыслителей. Не таковъ былъ Ушаковъ, который не замедлилъ при всемъ восхищеніи Гельвеціемъ отнестись къ нему съ критикой.

Ушаковъ въ первомъ письмѣ (стр. 132) благодаритъ Ѳ... за внушенное имъ „отвращеніе непреоборимое ко всѣмъ системамъ, имѣющимъ основаніе въ необузданномъ воображеніи ихъ творцовъ, и мерзѣніе къ путаницѣ высокопарныхъ и звонкихъ словъ, коими прежде сего“ Ушаковъ „отягощалъ память“ свою. Ушаковъ признателенъ вельможѣ и за то, что отъ него „позналъ *удивленія достойнаго* сочинителя“. Прочитавъ книгу Гельвеція разъ вмѣстѣ съ нимъ, Ушаковъ еще 3 раза читалъ ее со всевозможнымъ вниманіемъ. Онъ удивляется „проницательности“ Гельвеція, „*ясности* и изящности его слога“, но „нерѣдко сожалѣетъ о его краткости“ [2]). Содержаніе писемъ (всего ихъ осталось 5) должно было заключать сокращеніе сочиненія „О разумѣ“, или, по крайней мѣрѣ, первой и третіей книги онаго“. Это изложеніе требуетъ „напряженія разума и довольнаго времени“, вообще,—дѣло весьма трудное,—тѣмъ паче, что „*невсегда* я съ авторомъ *одного мнѣнія*, по крайней мѣрѣ, въ помянутыхъ 2 книгахъ. Для объясненія моихъ сомнѣній въ великія нужно войти подробности“.

Содержаніе I discours'a „О разумѣ“ (De l'esprit) есть De l'esprit en lui-même; доказывается, что *чувствительность* (sensibilité) и физическая, и моральная, равно и память суть, производящія причины всѣхъ нашихъ *идей*, и что всѣ наши ложныя сужденія суть слѣдствіе либо *нашихъ* страстей, либо нашего

---

[1]) Выше, стр. 75—76.

[2]) Стр. 133.

незнанія. III разсужденіе (изъ 4) излагаетъ, разсматривать ли (духъ или) разумъ какъ даръ природы, или какъ слѣдствіе воспитанія.

Изъ всего этого мы можемъ только заключить, что сочиненіе Гельвеція, дѣйствительно, произвело очень сильное впечатлѣніе на нашихъ юныхъ философовъ и послужило, быть можетъ, предметомъ столь же ожесточенныхъ и горячихъ дебатовъ, какъ впослѣдствіи ученія Шеллинга и Гегеля: но отъ этого еще далеко до того, чтобы Гельвецій [1]) сдѣлался для нихъ непререкаемымъ авторитетомъ. Мы полагаемъ даже, что Радищевъ и его компанія не могли сдѣлаться такъ легко матеріалистами, ибо уже были посвящены (чрезъ Платнера) въ философскую діалектику.

Въ нашихъ трудахъ „Этическія воззрѣнія графа Л. Н. Толстого" (глава IV) и „Философія и литература" (статья II) мы установили общую схему возможныхъ философскихъ міровоззрѣній: 1) матеріализмъ—механисмъ (атомисмъ), 2) универсалисмъ (идеалисмъ) и 3) критическій индивидуалисмъ (панпсихисмъ). *Матеріалисмъ* признаетъ субстанціи индивидуальными, но не считаетъ душу субстанціею. *Универсалисмъ* признаетъ духовное начало, но, видя субстанціи только въ общностяхъ (универсаліяхъ), отрицаетъ субстанціальность индивидуальной души. *Критическій индивидуалисмъ* [2]), наконецъ, признаетъ субстанціи только въ индивидуальныхъ душахъ. Отсюда мы видимъ, что защищать безсмертіе, т. е.

---

[1] Мы пользовались изданіемъ сочиненій Гельвеція: Oeuvres complettes de *M. Helvetius*, Nouvelle edition, corrigée et augmentée sur les Manuscrits de l'Auteur... A Londres, 1780-81 въ 5 томахъ (I и II т.—De l'esprit, III и IV De l'homme, V—окончаніе этого соч. и мелкія произведенія. Въ I томѣ Essai sur la vie et les ouvrages de M. Helvetius—стр. V—CXV. О жизни, сочиненіяхъ и философіи Гельвеція см. у *Ph. Damiron*, Mémoires pour servir á l'histoire de la philosophie au XVIII siècle, t. I, mém. IV., стр. 356—528.

[2]) Ср. нашу брошюру «Изъ исторіи критическаго индивидуалисма».

неуничтожаемость отдѣльной (индивидуальной) души не можетъ, оставаясь послѣдовательнымъ себѣ, ни матеріалистъ, ни универсалистъ. Одни только приверженцы критическаго индивидуалисма могутъ защищать „безсмертіе души“.

Итакъ, Радищевъ, представившій стройное и *послѣдовательное* изложеніе доктрины о безсмертіи не могъ быть ни универсалистомъ, ни матеріалистомъ.

Если же Радищевъ, какъ мы видѣли выше изъ изложенія, *дѣйствительно не былъ* матеріалистомъ (да и *не могъ* имъ быть, защищая безсмертіе индивидуальной *души*), а наоборотъ, весьма энергично выступалъ противъ матеріалисма, то надобно разъ навсегда *перестать* причислять его (подчиняясь поверхностному взгляду Пушкина) къ послѣдователямъ французскихъ матеріалистовъ XVIII вѣка.

Не раздѣляя ученій матеріалистическихъ, Радищевъ могъ быть ученикомъ XVIII в. въ другомъ важномъ отношеніи, а именно, на поприщѣ идей общественныхъ, политическихъ, юридическихъ и т. д. Идеи индивидуальной свободы и равенства людей хорошо вяжутся съ метафизикою критическаго индивидуалисма, которая провозгласила принципъ личности. Не принадлежа къ послѣдователямъ *матеріалистической метафизики* французской философской школы XVIII в., Радищевъ всю жизнь оставался поклонникомъ французскихъ *освободительныхъ* идей, какъ оставался вѣрнымъ въ литературѣ духу и тону *сентиментальнаго* направленія.

Что же касается въ частности Гельвеція, которымъ (съ его же собственныхъ словъ) попрекаетъ его Пушкинъ, то на философскомъ трактатѣ не оказывается почти никакихъ слѣдовъ вліянія Гельвеція. Онъ вовсе не авторитетъ для Радищева, который даже и не ссылается на него. Только одинъ разъ (выше, стр. 90) онъ по незначительному поводу упоминаетъ объ одномъ неважномъ мнѣніи Гельвеція, и то лишь „*не безъ* вѣроятности“, что руки были человѣку путеводительницы къ

разуму [1]); затѣмъ Радищевъ упоминаетъ Гельвеція еще три раза, и во всѣхъ случаяхъ именно отвергая его мнѣнія, какъ противоположныя его собственнымъ.

Онъ (выше, стр. 166) прямо выступаетъ противъ наиболѣе существенной логической и психологической доктрины Гельвеція, будто всѣ дѣйствія разума (понятіе, сужденіе, умозаключеніе) суть лишь ощущеніе—sentir, съ чѣмъ не совсѣмъ соглашался еще Ушаковъ въ Лейпцигѣ (см. выше, стр. 223), и называетъ его доводы *искусственными*. *Слабыми* называетъ онъ доводы Гельвеція (выше, стр. 100) въ пользу тоже одной изъ основныхъ идей Гельвеція объ „единосиліи разумовъ". Наконецъ, и главная доктрина Гельвеція о воспитаніи, на которой построена имъ вся теорія общественнаго устройства, тоже отвергается Радищевымъ, потому что съ нею не можетъ согласиться, по его мнѣнію (выше, стр. 108) никто, кому приходилось наблюдать развитіе дѣтей и имѣть съ ними дѣло, или хоть побывать въ начальномъ училищѣ. „Изящнѣйшимъ" учителемъ о воспитаніи Радищевъ называетъ Руссо, котораго Гельвецій опровергалъ и которому посвятилъ почти цѣликомъ Section V своего труда De l'Homme. Несогласіе Радищева съ Гельвеціемъ можно бы указать еще и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ онъ не называетъ его, напр., въ ученіи о *заблужденіяхъ* (выше, стр. 102—104) и о происхожденіи великихъ людей (выше, стр. 189),—какъ эти ученія изложены у Гельвеція: о заблужденіяхъ въ I Discours De l'Esprit и о великихъ людяхъ—въ Discours III, chap. XXIII.

---

[1]) *Гельвецій* въ самомъ началѣ сочиненія «О разумѣ», Disc. I, chap. I, стр. 2 и примѣч. стр. 2—4 развиваетъ это мнѣніе, но не въ положительной формѣ, а въ вопросительной: чѣмъ были бы люди даже при sensibilité physique и mémoire (двѣ психическія способности) *безъ* certaine organisation extérieure, если бы напр. природа eût terminé nos poignets par un pied de cheval?... Мы не имѣли бы идей—и безъ искусства, безъ поселеній, безъ защиты бродили бы по лѣсамъ..... Это мнѣніе опровергается Боннетомъ въ «Палингенесіи», II partie, ch. IV.

Итакъ о какой-либо философской зависимости Радищева отъ Гельвеція въ этомъ трактатѣ о безсмертіи не можетъ быть и рѣчи.

Мы видѣли, что Радищева, какъ строгаго, основательнаго и *послѣдовательнаго* защитника безсмертія *индивидуальной души*, надобно причислить къ представителямъ *критическаго индивидуалисма* или панпсихисма (см. выше, стр. 225). Спрашивается, откуда же онъ могъ почерпать опору своимъ воззрѣніямъ, и къ кому онъ могъ примыкать? Здѣсь можно предположить два источника: или *религіозный*—христіанство, или *философско-научный*—монадологія *Лейбница*. Таковы два великихъ проявленія критическаго индивидуалисма въ теченіи новой европейской исторіи. Какъ мыслитель, Радищевъ примкнулъ къ философу Лейбницу, монадологія котораго до сихъ поръ остается единственною *завершённою* системою *философіи* критическаго индивидуалисма.

Радищевъ въ метафизикѣ „послѣдовалъ" Лейбницу, „*умственному исполину*", какъ онъ его называетъ (одного изъ всѣхъ цитированныхъ философовъ и ученыхъ): „да будетъ онъ намъ *опорою*" (выше, стр. 200). Цитатою изъ Лейбница же украшенъ самый трактатъ: „настоящее чревато будущимъ", —мысль, проходящая красною нитью чрезъ всю книгу. Какъ только Радищевъ заканчиваетъ введеніе, первыя двѣ части трактата (философскую антропологію и общее метафизическое ученіе о свойствахъ матеріи и духовнаго начала) и переходитъ въ III части къ положительному изложенію доктрины о безсмертіи, онъ излагаетъ воззрѣнія Лейбница, начиная съ закона непрерывности, и ссылается на него (выше, стр. 148).

Мы подробно изложили мнѣнія Радищева. Выше (стр. 184—185) онъ самъ группируетъ приведенные имъ доводы (*все*, что можно сказать „вѣроятнымъ образомъ въ защищеніи безсмертія души").

Первая группа (стр. 184 выше) доводовъ излагала

ту мысль Лейбница, что душа—въ противность тѣлу, какъ сложному или аггрегату—есть существо простое и не сложное, а потому не можетъ быть уничтожена („естественнымъ путемъ", какъ добавляетъ Лейбницъ); душа не можетъ быть и продуктомъ тѣла.

Вторые доводы изображали лейбницеву мысль о восходящей постепенности всѣхъ существъ въ мірѣ. Въ человѣкѣ, какъ „микрокосмѣ", явны всѣ естественныя силы, но есть и одна *специфическая* сила: мысленность. Естествовѣденіе учитъ насъ неуничтожаемости силы. Мысленность, превосходнѣйшая изъ всѣхъ силъ, тѣмъ паче не можетъ исчезнуть.

Третья группа доводовъ, *психологическая*, выражаетъ собою реакцію противъ матеріалистическаго сенсуалисма, который проглядываетъ уже у *Локка* (его мнѣнія ограничены возраженіями Лейбница въ Nouveaux Essais), и особенно разцвѣлъ въ системахъ Кондильяка, Гельвеція и другихъ французовъ XVIII столѣтія. Радищевъ доказываетъ, что мысленность отлична отъ чувственности, что она можетъ творить и такое, чего она не получаетъ отъ чувствъ, что мысленность дѣйствуетъ и въ отвлеченіи отъ тѣла, и что она не есть явленіе или дѣйствіе тѣлесной организаціи.

Доказавши безсмертіе души вообще, Радищевъ переходитъ въ IV-й книгѣ трактата къ вопросу о ближайшемъ будущемъ индивидуальной души, что̀ можетъ быть за предѣлами сей жизни (стр. 186 выше). Отвергая двѣ возможности (стр. 190), что душа переселяется или въ такое же существо, или въ низшее, онъ высказывается за единственно остающуюся ему третью, а именно, что душа по смерти должна переходить въ болѣе совершенное состояніе—потому, что на основаніи лейбницева закона непрерывной постепенности совершенствованіе есть *мета* мысленнаго существа (выше, стр. 195), и это восхожденіе человѣка не имѣетъ предѣла: оно объемлетъ безконечность. Всеблагій Богъ не могъ сдѣлать изъ насъ ку-

колокъ, и давая намъ понять блаженство (стр. 197) совершенства—еще на землѣ, гдѣ достигнуть его мѣшаетъ тѣло, не желалъ же насъ обманывать надеждою на лучшее будущее за смертью. Душа, освободившись смертію отъ тѣла, станетъ свободнѣе и обновитъ свои силы, какъ послѣ сна, не лишаясь однако самосознанія (стр. 199 выше). Если не допускать противорѣчія въ созданіи бытія, и если настоящее (совершенствованіе) предопредѣляетъ будущее, то послѣднее не можетъ быть хуже, быть забвеніемъ или сномъ. На землѣ средствомъ совершенствованія (стр. 204) была организація; по смерти оставаясь вѣрнымъ цѣли совершенствованія, человѣкъ будетъ имѣть другую организацію, еще лучшую. Свое будущее человѣкъ, какъ учитъ Лейбницъ, опредѣляетъ настоящимъ (этическое слѣдствіе метафизическаго закона): ты въ себѣ заключаешь и блаженство, и злополучіе: казнь живетъ сосмежна злоупотребленіямъ (стр. 205).

Отмѣтимъ тотъ любопытный фактъ, что общій способъ доказывать безсмертіе души съ точки зрѣнія Лейбница у Радищева почти такой же самый, что̀ и въ современныхъ намъ книгахъ этого направленія. И здѣсь мы найдемъ различіе индивидуальнаго безсмертія (т. е. безсмертія души, какъ индивидуальной субстанціи) отъ безсмертія личности. Возьмемъ, напр., одну изъ новѣйшихъ книгъ этого рода: *Густава Тейхмюллера* „Безсмертіе души“ (вышло въ русскомъ переводѣ подъ моею редакціею, Юрьевъ, 1895). На стр. 129 мы находимъ, что „философскимъ путемъ можно доказать индивидуальное безсмертіе *аподиктически*“, а на стр. 131: „*личное* безсмертіе *не* можетъ быть доказано аподиктически“. Затѣмъ приводится „экономическое доказательство личнаго продленія жизни“ путемъ очень сложнаго, но изящнаго силлогисма: мы приведемъ его „заключеніе“, почти дословно повторяющее мысли Радищева (Б. д., стр. 154):

„Аподиктически доказано было только то, что душа безсмертна, и притомъ безсмертна индивидуально; то же, что она также безсмертна, и какъ личность, т. е. что по смерти за нею сохранится личное сознаніе пріобрѣтеннаго ею жизненнаго содержанія, должно считать наиболѣе вѣроятнымъ, если сообразить, что міръ вообще поступательно идетъ къ совершенству, а всякіе успѣхи возможны только посредствомъ присовокупленія новаго развитія къ предыдущему и достигаются индивидуальными субстанціями. Такъ какъ душа, повидимому, никогда не теряетъ своего пріобрѣтеннаго жизненнаго содержанія и въ самой себѣ обладаетъ стремленіемъ и силою на дальнѣйшее развитіе, а этому стремленію въ исторіи человѣчества вовсе не дано еще удовлетворенія, то не остается ничего иного, какъ признать, что наше до сихъ поръ пріобрѣтенное образованіе и работа не пропадутъ безъ пользы, но что намъ предстоитъ теперь пока еще скрытое для насъ дальнѣйшее существованіе, въ которомъ мы съ нынѣшней ступени продолжимъ свое личное развитіе; намъ долженъ открыться новый міръ съ бо́льшимъ поприщемъ—съ видами на совершенство“.

Наконецъ, глава: „Можетъ ли душа существовать безъ тѣла?“ (стр. 176—183) и разсужденія Радищева о будущей организаціи (выше, стр. 200—203) служатъ другъ другу какбы дополненіемъ и взаимнымъ разъясненіемъ.

То, что Радищевъ былъ знакомъ съ Лейбницемъ не какъ-либо поверхностно, а изучалъ его основательно, что онъ вошелъ въ духъ этого любимаго своего мыслителя, доказывается самымъ способомъ его выраженія. Беремъ для образца нѣсколько примѣровъ. Уничтоженіе (выше, стр. 165) Радищевъ по лейбницевски понимаетъ, какъ „*изъятіе изъ вселенной*“, „вся *возможность* (выше, стр. 203) прешла въ *дѣйствительность* предъ началомъ уже временъ“, то, что̀ будетъ, уже *было* въ

незыблемомъ порядкѣ“ и т. д.—можно подобрать множество подобныхъ выраженій, чисто въ духѣ Лейбница. Выписывать ихъ всѣ—значило бы снова дѣлать пересказъ всего труда Радищева.

Въ противность господствующему мнѣнію—Радищева по его метафизическимъ и общефилософскимъ взглядамъ приходится признать—не послѣдователемъ философіи французовъ XVIII в., а—*лейбницевцемъ*, приверженцемъ философіи Лейбница, и притомъ лейбницева направленія не въ уродливой переработкѣ Вольфа, а въ его болѣе или менѣе чистомъ видѣ. Трактатъ А. Н. „О человѣкѣ, о его смертности и безсмертіи", одинъ изъ самыхъ раннихъ по времени плодовъ русской философской мысли, былъ и однимъ изъ первыхъ памятниковъ лейбницевой философіи на русскомъ языкѣ.

Итакъ, въ образованіи и убѣжденіяхъ Радищева, кромѣ уже указаннаго слоя—французскихъ вѣяній и вліяній, необходимо отчеркнуть и выдвинуть еще другой слой, не менѣе важный и столь же ранняго происхожденія, именно его симпатій къ Лейбницу и философіи „критическаго индивидуалисма". Этотъ родъ его убѣжденій неразрывно связывался у него съ весьма подходящею для того подпочвою—фактами и теоріями естественныхъ наукъ. Такая амальгама ничуть не удивительна. Вѣдь и самъ Лейбницъ былъ одинъ изъ величайшихъ естествовѣдовъ, и его философскія убѣжденія выработывались рука объ руку съ построеніемъ физическихъ и механическихъ теорій, вмѣстѣ съ ознакомленіемъ съ новыми данными естествовѣдѣнія, зачастую даже подъ ихъ вліяніемъ (открытія въ области микроскопіи). Въ XVIII столѣтіи весьма многіе естествовѣды держались взглядовъ Лейбница и часто въ болѣе чистомъ видѣ, чѣмъ спеціалисты-философы вольфовой школы.

Чтобы убѣдиться въ сказанномъ, надобно окончательно порвать съ тѣмъ взглядомъ на Радищева, который установился съ Пушкина; нельзя представлять себѣ Радищева, только какъ начетчика, нахватавшагося разныхъ свѣденій путемъ несистематическаго чтенія французскихъ книгъ. Неправда, что Радищевъ (какъ и другіе русскіе студенты) не былъ въ Лейпцигѣ въ силахъ понимать лекціи профессоровъ за незнаніемъ нѣмецкаго языка. Наоборотъ, русскихъ студентовъ можно бы, пожалуй, упрекнуть тѣмъ, что они черезчуръ онѣмечились заграницею, что они даже разучились по русски, переписывались по нѣмецки и пересыпали бесѣду иностранными словами. Фактъ—то, что Радищеву по возвращеніи въ Россію пришлось *учиться* русскому языку, брать уроки (у *А. В. Храповицкаго*) и дѣлать упражненія въ русскомъ литературномъ стилѣ..... Хотя посылка заграницу имѣла главною цѣлью подготовленіе знающихъ юристовъ, но Радищевъ широко воспользовался гостепріимствомъ Лейпцигскаго университета и почерпнулъ тамъ, кромѣ знанія права, еще многія свѣдѣнія, а главное—прошелъ основательный курсъ философіи и естественныхъ наукъ.

Необходимо отказаться отъ того ложнаго мнѣнія, что А. Н. былъ нерадивымъ студентомъ. Онъ былъ хорошимъ ученикомъ очень хорошаго учителя, правда, въ ту пору еще не развернувшагося во всей мощи своихъ умственныхъ силъ. Если мы спросимъ, кто былъ въ Лейпцигѣ главнымъ учителемъ Радищева, кто наложилъ на его убѣжденія неизгладимую печать философіи Лейбница и естествовѣденія, обработаннаго въ томъ же духѣ, то мы принуждены вспомнить имя *Эрнста Платнера* [1]).

Если Руссо, Мабли, Рейналь и другіе мыслители опре-

---

[1]) См. выше, стр. 65—74.

дѣлили собою одну сторону убѣжденій Радищева, его взгляды соціально-политическіе, юридическіе и экономическіе, то Эрнстъ Платнеръ былъ духовнымъ отцемъ Радищева на поприщѣ чистой философіи, и отъ Платнера то Радищевъ и перенялъ философію критическаго индивидуалисма, философію Лейбница.

Радищевъ (выше, стр. 178) говоритъ, какъ о большой рѣдкости, о соединеніи „врачебнаго искусства съ духомъ любомудрственнымъ". Платнеръ былъ однимъ изъ представителей этого рѣдкаго типа медика-философа (какимъ въ XIX столѣтіе былъ замѣчательный мыслитель Рудольфъ Германъ Лоцце, тоже склонявшійся къ Лейбницу). Платнеръ, по спеціальности медикъ-физіологъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ спеціалистъ-профессоръ философіи, былъ однимъ изъ важнѣйшихъ нѣмецкихъ философовъ XVIII в. и однимъ изъ виднѣйшихъ естествовѣдовъ лейбницева направленія въ то время [1]).

Метафизику Платнера (въ ея постоянномъ развитіи и измѣненіи) изобразилъ и сопоставилъ на основаніи мѣстъ изъ источниковъ *Врешнеръ* (т. 103, стр. 12—43). Въ теченіе своей долгой жизни Платнеръ неоднократно измѣнялъ свои положенія (но, преимущественно, въ частностяхъ) подъ вліяніемъ трудовъ Канта, Энезидема и Тетенса (выше, стр. 66—70). Но „скептицисмъ" Платнера состоитъ въ томъ, что онъ все болѣе и болѣе осторожно начинаетъ—въ виду полемики съ „критицистами" выражать свое отношеніе къ системѣ Лейбница, подыскивая для того формулы поточнѣе. Въ I изданіи

---

[1]) При ознакомленіи съ Платнеромъ мы руководствовались, кромѣ подлинныхъ его трудовъ («Афоризмовъ», «Антропологіи» и др.) и различныхъ общихъ сочиненій, работами, указанными выше (стр. 66—68), какъ напр., монографіею *Врешнера* въ отдѣльномъ изданіи (сокращ.) и въ Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik, Neue Folge, томъ 100, 1892 г. Ernst Platners und Kants Erkenntnisstheorie mit besonderer Berücksichtigung von Tetens und Aenesidemus, стр. 1—25, т. 101 (за 1893 г.), стр. 203—264 и т. 102 (за 1893 г.), стр. 1—43.

„Афоризмовъ“ 1776 г. онъ еще всецѣло и вполнѣ призналъ „Монадологію“ Лейбница; но еще и въ III онъ всетаки предпочитаетъ эту систему остальнымъ [1]).

Душа, какъ субстанція, для Платнера есть *сила* [2]), и притомъ сила *нематеріальная* [3]). *Тождество и личностность* души (Identität und Persönlichkeit) суть для Платнера *объективныя* истины [4]). Если Платнеръ къ старости становился все осторожнѣе и осторожнѣе въ своихъ выраженіяхъ, приноровляясь къ новымъ философскимъ пріемамъ и новой философской рѣчи, становился все „скептичнѣе“, то въ эпоху перваго изданія своихъ „Афоризмовъ“, равно и нѣсколько лѣтъ тому назадъ,—когда его слушалъ Радищевъ, былъ еще и по убѣжденіямъ, и по языку—вполнѣ правовѣрный *лейбницевецъ*.

Платнеръ славился, какъ преподаватель, и привлекалъ массу студентовъ, оказывая на своихъ слушателей громадное вліяніе (выше, стр. 72—73). Неужели одинъ только Радищевъ, въ которомъ всѣ подчеркиваютъ его необычайную воспріимчивость, впечатлительность, долженъ былъ остаться въ сторонѣ отъ его вліянія, уклониться отъ него—и послѣ многолѣтнихъ занятій подъ руководствомъ Платнера, выйти отъ него, „какъ ни въ чемъ не бывало“, безъ всякихъ признаковъ вліянія (о которомъ говоритъ самъ Платнеръ Карамзину, выше, стр. 73)? Можно ли себѣ представить, чтобъ и по возвращеніи на родину Радищевъ, столь заботливо слѣдившій (даже и въ сибирской ссылкѣ) за всѣмъ, что̀ появлялось въ Западной Европѣ замѣчательнаго въ области наукъ и литературы, оста-

---

[1]) Врешнеръ, т. 103, стр. 21—22.

[2]) Тамъ же, стр. 31.

[3]) Тамъ же, стр. 32.

[4]) Стр. 38.

вался совершенно нечувствительнымъ къ славѣ своего учителя Платнера, все возраставшей, и не заглянулъ въ его знаменитые „Афоризмы“ (съ которыми былъ знакомъ и Карамзинъ, выше, стр. 74)—хотя бы изъ простого любопытства, если бы и не былъ самъ занятъ философскими вопросами, на которые онъ могъ тамъ найти себѣ отвѣтъ въ подходящей и *привычной* для себя (послѣ устныхъ лекцій Платнера) формѣ? Вѣдь ознакомился же онъ съ позднѣйшими трудами другого своего лейпцигскаго учителя по философіи—*Гарве.*

Необходимо признать, изучая философскій трактатъ Радищева, что онъ почерпалъ свою долю пользы изъ лекцій Платнера, которыя, къ слову сказать, какъ это видно изъ „Афоризмовъ“, имѣли ту весьма полезную и „важную для студентовъ особенность“, что мнѣнія профессора снабжались постоянно обширными историко-философскими справками и экскурсами [1]) (а это было рѣдкостью въ *неисторическій* XVIII в.). Радищевъ, несомнѣнно, былъ знакомъ и съ „Афоризмами“ (которые были украшены даже на заглавномъ листѣ портретомъ Лейбница). Эти „Афоризмы“ представляли собою какбы скелетъ или *конспектъ* философскихъ лекцій Платнера, были написаны въ очень *сжатой* формѣ—оттого и заглавіе. Но по этому заглавію вовсе не нужно заключать, что мысли Платнера не отличались (выше, стр. 65), какъ сказано у Сухомлинова, послѣдовательностію и не пріучали къ серьезному мышленію. „Афоризмы“ очень послѣдовательны

---

[1]) Самое заглавіе труда: «Philosophische Aphorismen nebst einigen Anleitungen zur *philosophischen Geschichte.* Ср. въ предисловіи: *Ich bin gewohnt* mit der Untersuchung der philosophischen Begriffe die *Geschichte* derselben zu verbinden. Um das Wesentliche der *ausführlichern* historischen Erläuterungen dem Gedächtniss meiner Zuhörer zu erhalten, habe ich die litterarischen Anmerkungen aufgesetzt. Цѣлью замѣтокъ по исторіи служило das Bekannte der philosophischen Geschichte, was *so vielen* unbekannt bleibt, gemeiner zu machen.

и написаны, какъ водилось тогда, почти more geometrico, т. е. по образцу Вольфа и Спинозы.

Вліяніе Лейбница черезъ *Платнера* видно у Радищева именно въ пониманіи души, какъ нематеріальной, естественной *силы*, субстанціи, самой себѣ тождественной личности, обладающею самосознаніемъ и самопознаніемъ. На этомъ понятіи души, какъ субстанціи-силы, построены главные доводы Радищева о безсмертіи души.

Замѣтимъ еще одно обстоятельство, косвенно или отрицательно доказывающее вліяніе лейпцигской школы на Радищева. Онъ не сдѣлался послѣдователемъ все болѣе и болѣе входившаго въ моду Канта. Несомнѣнно, что его застраховали отъ вліянія Канта лекціи лейпцигскихъ философовъ *Платнера* и *Гарве*, которые оба были строгими критиками Канта [1]).

Спеціально по вопросу о безсмертіи Платнеръ высказывался неоднократно, какъ въ общихъ сочиненіяхъ, такъ и въ особой программѣ, гдѣ онъ пытается обосновать эту доктрину „физіологически". Мы разумѣемъ его весьма рѣдкую брошюру:

Ernestus *Platnerus* universitatis litterarum Lipsiensis h. c. procancellarius panegyrin medicam a. d. III. Januarii CIↃIↃCCXCI in auditorio majori concelebrandam indicit. Spes immortalitatis animorum per rationes physiologicas confirmata. Стр. XII, малая 4. Самое разсужденіе занимаетъ p. III—X. Платнеръ (IV) обѣщается: argumentis e media physiologia petitis confirmem. Онъ принимаетъ *πρῶτον αἰσθητήριον*, in quo et animi sedem et perceptionis atque memoriae officinam, tum voluntariae actionis philosophi col-

---

[1]) См. выше, стр. 69—70 и 182. Радищевъ продолжалъ слѣдить и изъ Россіи за литературною дѣятельностью Гарве. Замѣтимъ, что Гарве, подобно Платнеру, былъ сторонникомъ историческаго изученія философіи и написалъ объ исторіи философіи трактатъ (стр. 183).

locarunt (V). Отъ него надобно отличать anima vitalis vigens in neruis, quasi secundarium instrumentum. Желая держаться (VI) только того, что experientia constant, мы находимъ, что вторичный органъ гибнетъ съ тѣломъ, primarium autem similiter interire: illud nequaquam. Но какъ обходиться безъ чувствъ? Нельзя видѣть безъ глазъ [1]). Non vereor, ne sublato hoc videndi et audiendi modo, cum ad alium mundum devenerimus, rerum ante nos positarum perceptione destituamur. Мозгъ, receptaculum domicilii mentis, разрушается по смерти. Но Платнеръ (X) въ утѣшеніе тѣмъ, кто vel cerebrum, vel universum corpus ad animi functiones necessarium esse putant, полагаетъ, что illius formidinis et curae caussas omnino nullas per argumenta physica declarari. Siquidem instrumento aliquo utatur mens nostra, id nulla earum partium corporis contineri, quarum post mortem futura destructio fit.... Posse autem non destrui, tot exempla suadent corporum aliorum, quae ne in hoc mundo quidem, in quo omnia fluxa et caduca sunt, solent interire... scilicet quia non destruuntur *germina*, imo vero iis rebus, in quibus vis inesse creditur ad corruptionem, explicantur magis et adolescunt: aliquid tamen expers corruptionis in rerum natura manifestum est inveniri. Впрочемъ, Платнеръ тутъ же опровергаетъ Боннета.

Въ „Афоризмахъ" Платнеръ посвящаетъ безсмертію души особую главу, руководящія мысли которой таковы:

Душа есть простая субстанція (§ 803); значитъ, она не можетъ быть разрушена (§ 1079). Если и возможно уничтоженіе существа (eines Wesens), то не иначе, какъ черезъ волю Безконечнаго Существа (§ 1088). Отъ бытія нѣтъ въ природѣ никакого перехода къ небытію. Но для безсмертія души тре-

---

[1]) Любопытная выходка: excipio tamen *Mesmerianos*, qui ita oculis non egere norunt, ut eorum medici cerebro carere!

буется *не только* продолженіе ея существованія (§ 1077), но и продолженіе такихъ отношеній (Verhältnisse), съ которыми соединены сознаніе, умственная работа (die Ideenbeschäfftigung) и духовная жизнь (§ 1089). Если безсмертіе души покоится на одномъ только продолженіи отношеній, необходимыхъ для духовной жизни, а эти отношенія могутъ вѣчно имѣть мѣсто, благодаря неистощимой возможности положеній и соединеній вещей (§ 1044), то безсмертіе души настолько же достовѣрно, какъ и всякая другая истина, выведенная изъ доказуемыхъ (beweisfähigen) свойствъ Бога и изъ послѣдней цѣли и сущности міра (§ 1091). Самыя сильныя доказательства безсмертія души, безъ сомнѣнія, покоятся на мудрости и благости Бога, при которыхъ мы почти можемъ обходиться безъ другихъ доказательствъ. Но именно потому и опасенъ скептицисмъ относительно мудрости и благости Бога. Доказательство безсмертія подкрѣпляется: 1) аналогіею сна и другихъ физическихъ перемѣнъ, благодаря которымъ силы—изъ періодовъ ограниченія выносятся въ широкій кругъ ихъ живой дѣйствительности; 2) разсмотрѣніемъ недостаточности (Unzulänglichkeit) этого мірового тѣла для послѣднихъ цѣлей разумныхъ духовъ по отношенію къ послѣднимъ цѣлямъ Бога; 3) предчувствіями съ тоскою и надеждою, стремленіемъ къ безконечности, совершенству, истинѣ и т. д. (§ 1092). Такъ какъ всѣ міровыя тѣла стоятъ въ связи другъ съ другомъ, то можно усматривать возможность рано или поздно послѣ смерти—въ теченіи природы, чтобы душа переходила на другое міровое тѣло и снова попадала въ отношенія, необходимыя для духовной жизни и для продолженія своей индивидуальности (§ 1093) [1]).

---

[1]) Philosophische Aphorismen, I изд., I ч., стр. 416—418. (IV Hauptstück, XII). Мы пользовались I изданіемъ, какъ *ближайшимъ* ко времени лейпцигскаго пребыванія Радищева. Впрочемъ, Радищевъ къ 1792 г., когда онъ началъ свой трактатъ, могъ, уже находясь въ отечествѣ, ознакомиться и съ другими изданіями «Афоризмовъ».

Этимъ мнѣніямъ Платнеръ остался вѣренъ и позднѣе. Онъ, по замѣчанію Врешнера [1]), считалъ правильнымъ доказательство *Мендельсона*: простая субстанція не можетъ умаляться (verringert werden), а значитъ, и не можетъ исчезнуть. Опроверженіе Канта, будто возможно, если и не раздѣленіе, то постепенное ослабленіе (Nachlassen) до 0 въ силу интенсивности величины душевной субстанціи, Платнеръ считалъ недостаточнымъ—потому, что Кантъ принимаетъ неразрывную послѣдовательность (Kontinuierlichkeit) степеней или интенсивныхъ величинъ, слѣдовательно, не можетъ утверждать полнаго изчезанія (Entschwinden) субстанціи души. Впрочемъ, по мнѣнію Платнера, главное доказательство безсмертія души всетаки заключается въ благости и мудрости Бога,—при чемъ всѣ умозрительныя доказательства становятся излишними.

Оставляя въ сторонѣ спеціально лейбницевскую окраску, мы найдемъ у Радищева отзвуки спеціальныхъ воззрѣній Платнера на безсмертіе души. Укажемъ, напр., на мысли о позднѣйшей высшей организаціи и о „*новомъ* доказательствѣ безсмертія"—изъ „благости Бога (стр. 196—197 и далѣе)".

При спеціальныхъ занятіяхъ вопросомъ о безсмертіи души, Радищевъ имѣлъ случай ознакомиться съ работами знаменитаго въ то время *Шарля Боннета*, тоже одного изъ самыхъ видныхъ представителей лейбницева направленія въ философіи и естествовѣденіи, придавшаго, правда, своему лейбниціанству особый специфическій характеръ. Радищевъ, подобно своему учителю Платнеру, часто имѣвшему въ виду теоріи Боннета, отвергаетъ точку зрѣнія Боннета и его „сѣменнаго любомудрія". Но онъ выказываетъ хорошее знакомство съ его La palingénésie philosophique [2]). Въ началѣ сочиненія онъ разбираетъ

---

[1]) Т. 103, стр. 39—40.

[2]) Мы пользовались ею по Collection complete des oeuvres de Charles Bonnet, т. 15 и 16 (oeuvres d'histoire naturelle et de philosophie), Neuchatel, chez Fauche, 1783. 15 т. содержитъ parties I—XI и т. 16—parties XII—XXII.

мнѣніе его предсуществованіи души и ея отношеніи къ сѣмени (выше, стр. 80—84); и въ концѣ (стр. 201—202) онъ показываетъ „кругъ“, въ какомъ вращается, по его мнѣнію, система Боннета.—Но, какъ бы то ни было, эта система тоже принуждала Радищева вращаться въ кругу идей Лейбница и родственныхъ имъ.

Мы уже неоднократно указывали ту важную сторону вліянія Платнера на Радищева, что послѣдній почерпалъ изъ лекцій Платнера хорошое знаніе естественныхъ наукъ,—не одни только факты въ ихъ эмпирическихъ обобщеніяхъ и сопоставленіяхъ, но и философское ихъ освѣщеніе.

Это вынесенное изъ Лейпцига хорошее знаніе естественныхъ наукъ Радищевъ укрѣпилъ позднѣе собственными занятіями. Трактатъ о безсмертіи наглядно подтверждаетъ это. Всюду, гдѣ представляется надобность, онъ оказывается освѣдомленнымъ и знакомымъ съ теоріями величайшихъ научныхъ авторитетовъ своего времени даже въ деталяхъ.

Такъ по *физіологіи* онъ цитируетъ *Галлера*, принимая его раздѣленіе чувственныхъ и раздражительныхъ частей организма (выше стр. 81); на работы Галлера по анатоміи мозга ссылается Радищевъ, говоря о безуспѣшности локализировать душевныя способности (стр. 89).

По *ботаникѣ* Радищевъ цитируетъ „безсмертнаго“ *Линнея*—по вопросу о распложеніи растеній и ихъ плододѣяніи (стр. 80 и 87).

По *зоологіи и естественной исторіи* вообще Радищевъ знакомъ съ *Бюффономъ*; онъ приводитъ его мнѣніе о четверорукости обезьянъ (стр. 89) и о важномъ значеніи образа, т. е. формы (стр. 133).

Радищевъ знакомъ и съ модными тогда антропологическими теоріями *Лафатера*, *Кампера* и *Гердера*, излагаетъ и отвергаетъ ихъ (стр. 90).

По вопросамъ общей *физики* и *механики* Радищевъ „дерзаетъ противорѣчить“ хорошо извѣстнымъ ему теоріямъ *Нютона* и *Кеплера* (стр. 127—128) и разбираетъ гипотезы *Локка* и *Пристлея* (стр. 126 и 138).

По *химіи* онъ цитируетъ опыты того же *Пристлея* о сложности воздуха (стр. 120) и различные другіе опыты (напр. стр. 203 и другія [1]).

Кромѣ того, онъ упоминаетъ о *Монгольфьеровомъ* шарѣ (стр. 156), о *Лёвенгукѣ* (стр. 91), *Гершелѣ* (стр. 92) и т. д.

Еще ранѣе было уже указываемо другими изслѣдователями, что Радищевъ обладалъ хорошими свѣдѣніями по медицинѣ. И въ трактатѣ онъ обнаруживаетъ знакомство, напр., съ сочиненіями славнаго тогда *Тиссо* (выше стр. 113). Ср. еще выше, стр. 79—85, 87, 89, 91, 97, 110, 140, 146—147, 169—171 и многія др.

---

[1]) Его любимая теорія о самозараждаемости металловъ и ихъ происхожденіи (стр. 85, 97, 162 выше) не имѣетъ ли отношенія къ диссертаціи отца Платнера—Johann'a Zacharias'a Platner'a Dissertatio *de generatione metallorum*, Lipsiae, 1717 г.? I. З. Платнеръ былъ въ Лейпцигѣ профессоромъ медицины при университетѣ (экстраорд. съ 1721 г., и ординарнымъ съ 1724 г.) Къ сожалѣнію, диссертація его о «рожденіи металловъ» не вошла въ бывшее у меня подъ руками собраніе его Opusculorum, Lipsiae, 1749 (I т.—dissertationes, II т. prolusiones).

Трактатъ Радищева „О человѣкѣ, о его смертности и безсмертіи“, мало распространенный и мало изученный доселѣ,— на нашъ взглядъ, представляется не только весьма важнымъ явленіемъ въ исторіи философіи на Руси въ частности, и въ исторіи русской науки—вообще, но кажется намъ также и однимъ изъ любопытнѣйшихъ памятниковъ русской литературы XVIII в.

Объясненіе его съ точки зрѣнія историко-литературной на основаніи довольно большого собраннаго нами матеріала мы оставляемъ за собою, предполагая сдѣлать это въ особомъ этюдѣ, а теперь поспѣшимъ представить нѣсколько общихъ соображеній, явившихся у насъ въ качествѣ результатовъ и плодовъ личнаго и подробнаго изученія трактата Радищева:

1) Трактатъ о безсмертіи былъ въ послѣдніе годы, повидимому, главнымъ литературнымъ занятіемъ Радищева.

2) Этотъ обширный трудъ самимъ Радищевымъ не былъ окончательно обработанъ; авторъ не придалъ ему послѣдней формы.

3) Изъ четырехъ частей трактата наименѣе обработанною оказывается вторая, гдѣ содержатся общія понятія изъ философіи естествовѣдѣнія (см. выше, стр. 128), „метафизическая часть общаго естествословія“. Она, кажется, въ большей своей части представляетъ черновой набросокъ.

4) Рукопись Радищева со всѣми ея недочетами была въ добавокъ издана весьма небрежно, притомъ лицомъ, совершенно незнакомымъ съ философіею, увеличившимъ число ошибокъ своими передѣлками и вставками. Текстъ искаженъ; часто высказывается противное мысли автора.

5) Новое изданіе трактата требовало бы строгой рецензіи текста со стороны спеціалиста.

6) Въ трактатѣ Радищевъ остается вѣренъ своимъ прежнимъ гуманнымъ убѣжденіямъ и освободительнымъ идеямъ XVIII в.

7) Въ отношеніи стиля трактатъ написанъ въ духѣ сентименталисма, какъ и прежнія произведенія Радищева.

8) По философскому направленію трактатъ принадлежитъ къ школѣ Лейбница.

9) Трудъ Радищева есть первый опытъ насажденія въ Россіи идей Лейбница (не въ вольфовской обработкѣ) и притомъ въ самостоятельномъ ихъ развитіи.

10) По обилію заключающихся въ немъ свѣдѣній—трактатъ Радищева есть одинъ изъ самыхъ блестящихъ памятниковъ въ исторіи русскаго просвѣщенія XVIII в.

11) Мнѣніе о Радищевѣ, какъ самоучкѣ, набравшемся ума изъ чтенія трудовъ французскихъ энциклопедистовъ, совершенно невѣрно. Обширное знакомство съ всѣми важнѣйшими литературными произведеніями западной Европы XVIII в. входило въ кругъ образованія Радищева, но французская философія не опредѣлила его убѣжденій.

12) Радищевъ находился, преимущественно, подъ вліяніемъ нѣмецкой философіи и науки.

13) Радищевъ по философскимъ убѣжденіямъ былъ лейбницевецъ. Это направленіе передалъ ему Платнеръ.

14) Годы ученія въ Лейпцигѣ играютъ въ исторіи умственнаго развитія Радищева несравненно бо̀льшую роль, нежели думаютъ изслѣдователи.

15) Мнѣнія Пушкина объ образованіи Радищева и относительно изслѣдуемаго философскаго трактата не согласуются съ фактами и несправедливы.

Прибавленія.

Радищевъ (выше, стр. 197) упоминаетъ „единословіе Катона“ у Аддисона и находитъ его прекраснымъ. Такъ какъ теперь мало кто читаетъ Аддисона, и этотъ монологъ прямо касается темы Радищева „безсмертія“, то мы позволяемъ себѣ привести его:

Act. V. Scene I.

Cato solus.

Sitting in a thoughtful posture: in his hand Plato's book on the immortality of the soul. A drown sword on the table by him.

It must be so—Plato, thou reason'st well!—
Else whence this pleasing hope, this fond desire,
This longing after immortality?
Or whence this secret dread, and inward horror,
Of falling into nought? Why shrinks the soul
Back on herself, and startles at destruction?
'Tis the divinity that stirs within us;
'Tis heaven itself, that points out an hereafter,
And intimates eternity to man.
Eternity! thou pleasing, dreadful thought!

Through what variety of untry'd being,
Through what new scenes and changes must we pass!
The wide, th'unbounded prospect, lies before me;
But shadows, clouds, and darkness, rest upon it.
Here will I hold. If there's a power above us,
(And that there is all nature cries aloud
Through all her works) he must delight in virtue;
And that which he delights in, must be happy.
But when! or where!—This world was made for Caesar.
I'm weary of conjectures—This must end them.

(*Laying his hand upon his sword*)

Thus am I doubly arm'd: my death and life,
My bane and antidote, are both before me:
This in a moment brings me to an end;
But this informs me I shall never die.
The soul, secur'd in her existence, smiles
At the drawn dagger, and defies its point.
The stars shall fade away, the sun himself
Grow dim with age; and nature sink in years;
But thou shalt flourish in immortal youth,
Unhurt amidst the war of elements,
The wrecks of matter, and the crush of worlds.

What means this heaviness that hangs upon me?
The lethargy that creeps through all my senses?
Nature, oppress'd, and harass'd out with care,
Sinks down to rest. This once I'all favour her,
That my awaken'd soul may take her flight,
Renew'd in all her strength, and fresh with life,
An offering fit for heaven. Let guilt or fear
Disturb man's rest: Cato knows neither of them,
Indifferent in his choice, to sleep or die.

The works of the english poets. By *Samuel Johnson,* volume 31. J. Addison, Cato, a tragedy, p. 335—336).

Переводъ 5 стиховъ изъ этого монолога (начиная со стиха: The stars shall fade etc.) Радищевъ приводитъ въ „Путешествіи“, заканчивая ими главу: „Бронницы“.

Съ теченіемъ временъ всѣ звѣзды помрачатся;
Померкнетъ солнца блескъ; природа, обветшавъ,
Лѣтъ дряхлостью падетъ,—
Но ты во юности безсмертной процвѣтешь,
Незыблема среди сраженія стихіевъ,
Развалинъ вещества, міровъ всѣхъ разрушенья [1]).

---

[1]) Стр. 68 (лейпцигскаго изданія).

На стр. 105—106 (выше) Радищевъ, говоря о дѣйствіи на душу физическихъ причинъ, упоминаетъ мнѣніе Монтескье касательно дѣйствія климата, основанное на замороженномъ *телячьемъ* языкѣ. Монтескье говоритъ не о телячьемъ, а о *бараньемъ* языкѣ, какъ мы можемъ убѣдиться изъ соотвѣтствующаго мѣста „Духа Законовъ", II гл. XIV книги:

XIV книга трактуетъ: Des loix dans le rapport qu'elles ont avec la nature du climat. II глава: Combien les hommes sont différens dans les divers climats.

Les nerfs qui aboutissent de tous côtés au tissu de notre peau, font chacun un faisçeau de nerfs; ordinairement ce n'est pas tout le nerf qui est remué, c'en est une partie infiniment petite. Dans les pays chauds, où le tissu de la peau est relâché, les bouts des nerfs sont épanouïs et exposès à la plus petite action des objets les plus foibles. Dans les pays froids, le tissu de la peau est resserré, et les mammelons comprimés; les petites houpes sont en quelque façon paralytiques; la sensation ne passe guere au cerveau, que lorsqu'elle est extrêmement forte, et qu'elle est de tout le nerf ensemble. Mais c' est d'un nombre infini de petites sensations que dépendent l'imagination, le goût, la sensibilité, la vivacité.

J'ai observé le tissu extérieur d'une *langue de mouton,* dans l'endroit où elle paroît à la simple vûe couverte de mammelons. J'ai vû avec un microscope sur ces mammelons de petits poils, ou une espece de duvet; entre les mammelons étoient des pyramides, qui formoient par le bout comme de petits

pinçeaux. Il y a grande apparence que ces pyramides sont le principal organe du goût.

J'ai fait *geler* la moitié de cette langue, et j'ai trouvé à la simple vûe, les mammelons considérablement diminués; quelques rangs même de mammelons s'étoient enfonçés dans leur gaine: j'en ai examiné le tissu avec le microscope, je n'ai plus vû de pyramides. A mesure que *la langue* s'est *dégelée,* les mammelons à la simple vue ont paru se relever, et au microscope les petites houpes ont commencé à reparoître.

Cette observation confirme ce que j'ai dit, que dans les pays froids, les houpes nerveuses sont moins épanouïes: elles s'enfoncent dans leurs gaines, où elles sont à couvert de l'action des objects extérieurs. Les sensations sont donc moins vives [1]).

---

[1]) (*Montesquieu*) De l'esprit des loix, A Geneve, chez Barrillot et fils 1749, t. I, p. 226—227 (in 4°), liv. XIV, chap. II.

Къ стр. 113.

Радищевъ обладалъ хорошею начитанностью въ сочиненіяхъ современныхъ ему знаменитыхъ медиковъ, среди которыхъ одно изъ главныхъ мѣстъ принадлежитъ Тиссо.

Симонъ Андре *Тиссо* (Tissot), знаменитый швейцарскій медикъ, родился въ Grancy (кантонъ Vaud) въ 1728 г.; онъ учился въ Монпелье и получилъ степень доктора медицины въ 1749 г. Потомъ онъ основался въ Лозаннѣ, гдѣ скоро снискалъ себѣ большую извѣстность. Его пытались переманить въ различные университеты и дѣлали блестящія предложенія. Въ 1780 г. онъ по приглашенію Іосифа II занялъ клиническую каѳедру при университетѣ въ Павіи, но не имѣлъ большого успѣха, какъ профессоръ, такъ что черезъ 3 года предпочелъ возвратиться въ Лозанну и заняться опять частною практикою. Тиссо умеръ въ 1797 г. тамъ же.

Его сочиненія были изданы въ 11 томахъ in 8° de *Hallé*. Многочисленные труды дали ему европейскую извѣстность. Г. Бернъ выгравировалъ въ его честь медаль, Женева назначила ему пенсіонъ, Лозанна дала еще въ 1766 г. каѳедру медицины. Короли: польскій (Станиславъ), англійскій и нѣкоторые нѣмецкіе владѣтели приглашали его въ первые придворные медики. Его ученики воздвигли ему доску съ надписью: Immortali praeceptori, когда онъ изобрѣлъ особый способъ лѣченія лихорадки, свирѣпствовавшей въ Ломбардіи. Тотъ же способъ онъ примѣнилъ потомъ и въ Лозаннѣ.

Тиссо былъ горячимъ защитчикомъ оспопрививанія, которому посвящено первое его сочиненіе Inoculation justifiée, Lausanne, 1754, in 12. Въ 1761 г. онъ издалъ свой знаменитый самолѣчебникъ: Avis au peuple sur sa santé, in 12; впервые медикъ давалъ совѣты, какъ обходиться безъ врача.

Интересующее насъ сочиненіе Onanisme, 1760 in 12; немедленно по появленіи было переведено на разные языки; оно до сихъ поръ еще перепечатывается и, по отзывамъ медиковъ, не потеряло цѣны. Изъ другихъ его работъ отмѣтимъ Dissertatio de febribus bilosis, Laus. 1758, in 8, De valetudine litteratorum, L. 1766 , in 8, Essai sur les maladies des gens du monde, L. 1770 и др.

У насъ было подъ руками изданіе: L'onanisme. Dissertation sur les maladies produites par la masturbation. Par *M. Tissot* (титулы его): Troisième edition, considérablement augmentée. Девизъ Propriis extinctum vivere criminibus. *Gall.* A Lausanne chez Marc Chapuis et Compagnie. 1764. Форматъ: 16. Preface V—XXII. Подписано A Lausanne le 5 mai 1764. Table des articles (2 ненум. стр.). Текстъ самого Essai 264 стр. Въ книгѣ 4 articles. I статья (изъ 5 sections) трактуетъ о les symptômes, II—les causes (6—8 sections), III (9—10 s.) —la curation, и IV (s. 11—12)—maladies analogues.

Къ стр. 208—209.

Радищевъ имѣлъ свои особенныя причины оплакивать смерть своей первой жены и внутренно считать себя виновнымъ передъ нею и передъ своими дѣтьми. На станціи „Яжелбицы“ въ „Путешествіи“ прислушиваясь къ стонамъ отца, погребавшаго сына, который умеръ отъ переданной ему отцомъ болѣзни, Радищевъ обращается къ себѣ и восклицаетъ:

„Я оцѣпенѣлъ; мнѣ казалось, что я слышу мое осужденіе: воспомянулъ дни распутной моей юности... Воспомянулъ, что невоздержаніе въ любострастіи навлекло тѣлу моему смрадную болѣзнь.... О друзья мои возлюбленные, о чада души моей, не знаете вы, колико согрѣшилъ я предъ вами.... Всѣ ваши болѣзни суть слѣдствія сей отравы. О возлюбленные мои! плачьте о заблужденіи моего юношества; призовите на помощь врачебное искусство: и если можете, не ненавидьте меня.

Теперь открывается глазамъ моимъ все пространство сего любострастнаго злодѣянія. Я согрѣшилъ предо мною, навлекши себѣ безвременную старость и дряхлость въ юношескихъ еще лѣтахъ. Согрѣшилъ передъ вами, отравивъ до рожденія вашего жизненные ваши соки и тѣмъ уготовалъ вамъ томное здравіе и безвременную, можетъ быть, смерть. Согрѣшилъ—и *сіе да будетъ мнѣ въ казнь*,—согрѣшилъ, въ горячности моей взявъ въ супружество *мать вашу*. Кто мнѣ

порукою въ томъ, что не *я былъ причиною ея кончины.* Смертоносный ядъ, источаясь въ веселіи, переселился въ чистое ея тѣло и *отравилъ* непорочные ея члены. Онъ былъ тѣмъ смертоноснѣе, чѣмъ былъ сокровеннѣе.

Ложная стыдливость воспретила мнѣ предостеречь ее въ томъ; она же въ горячности своей не остерегалась своего отравителя. *Приключившееся ей воспаленіе есть,* можетъ быть, плодъ *удѣленной ей мною отравы.* О возлюбленные мои! колико должны вы меня ненавидѣть!" [1]).

---

[1]) Стр. 109—110 (лейпцигскаго изданія).

Насколько несамостоятельны въ своихъ сужденіяхъ о Радищевѣ даже самые видные представители научной исторіи русской литературы, и насколько они слѣдуютъ разъ установившейся традиціи, покажетъ слѣдующее сопоставленіе. Мы приводимъ мнѣнія Галахова, Порфирьева, Тихонравова.

„Историкъ нравственной философіи откроетъ въ книгѣ Радищева *послѣдованіе матеріалистическому ученію* Ламеттри и *Гельвеція*, которые фундаментомъ и цѣлью человѣческихъ дѣйствій ставили эгоизмъ ....Радищевъ въ вѣчной своей подражательности не пристроился ни къ *одной системѣ*, не остановился ни на одномъ твердомъ положеніи, *не развилъ основательно ни* одной мысли (!!)... смѣшеніе доктринъ, или вѣрнѣе, *тамъ и сямъ вычитанныхъ мыслей* разнаго значенія, разнаго характера, разнаго калибра. Этого именно и должно было ожидать отъ человѣка, получившаго, хотя заграничное, но *поверхностное образованіе*“....

(Статья А. Д. Галахова „Историко-литературные вопросы“ въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ за 1864 г. № 122, стр. 491—492, подп. *Красовъ*; статья написана по поводу сочиненія *Стоюнина* „О преподаваніи русской литературы“; ср. стр. 273—276 I тома, 2 отд. „Исторіи“ Галахова, изд. 1880 г.) [1]).

„Разсужденіе о человѣкѣ, его смертности и безсмертіи

---

[1]) М. И. Сухомлиновъ, стр. 670—671.

составлено *на основаніи* (?) разныхъ философскихъ сочиненій Гиббона, Лейбница, Руссо, Локка, Гельвеція" (слѣдуетъ цитата изъ Пушкина о Радищевѣ—*ученикѣ* Гельвеція [1]).

„Радищевъ и Ушаковъ бредили Гольбахомъ и Гельвеціемъ... Ушаковъ не только *раздѣлялъ* мнѣнія Гельвеція, но и *на практикѣ ихъ примѣнялъ*. Его организмъ разстроенъ былъ излишествомъ чувственныхъ наслажденій. Въ Лейпцигѣ онъ сильно занемогъ"... [2]).

Нужно замѣтить, что Ушаковъ вовсе не былъ безусловнымъ послѣдователемъ Гельвеція (выше, стр. 223), и что Гельвецій ничуть не повиненъ въ развратѣ Ушакова. Ушаковъ захворалъ своею пагубною болѣзнью еще до Лейпцига—въ Россіи (выше, стр. 207), когда онъ еще и не слыхалъ о Гельвеціи, и значитъ, не могъ примѣнять его ученія „на практикѣ".

---

[1]) И. Порфирьевъ, Исторія русской словесности, ч. II, отдѣлъ II, Казань 1888 (2 изд.) стр. 264—265.

[2]) Н. С. Тихонравовъ, Сочиненія, III, 1, стр. 273. («Четыре года изъ жизни Карамзина»).

I.

Шеллингъ и Чаадаевъ.

Имя П. Я. Чаадаева, безспорно, знаменуетъ собою цѣлую эпоху, или, по крайней мѣрѣ, поворотный пунктъ въ развитіи русской мысли въ XIX вѣкѣ. Его „Письмо“ было какбы могучимъ утесомъ или скалою, раздвоившею русло потока. О Чаадаевѣ говорятъ не мало; но нельзя не признаться, что для выясненія генезиса этой своеобразной доктрины, равно и для освѣщенія самой личности ея автора, сдѣлано пока еще очень мало. Мнѣнія Чаадаева сложились подъ весьма разнообразными вліяніями. Но эти вліянія еще не указаны, не перечислены, не оцѣнены.....

Къ числу научныхъ авторитетовъ, вліяніе которыхъ несомнѣнно сказалось на образованіи мнѣній Чаадаева, необходимо отнести славнаго философа Шеллинга. И Чаадаевъ въ нѣкоторомъ смыслѣ принадлежитъ къ сонму русскихъ шеллинговцевъ. Вліяніе Шеллинга на Чаадаева было двойное: и личное, и черезъ сочиненія.

По выходѣ въ отставку Чаадаевъ весной 1821 г. предпринялъ заграничное путешествіе, длившееся 5 лѣтъ [1]). „Въ

---

[1]) Михаилъ *Лонгиновъ*, «Воспоминаніе о П. Я. Чаадаевѣ», стр. 138 въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1862 г., т. 42, ноябрь, ст. 4.

путешествіи своемъ Чаадаевъ знакомился съ умственною жизнію Европы на дѣлѣ, изучивъ ее до этого времени въ твореніяхъ лучшихъ ея представителей. Онъ провѣрялъ свои познанія опытомъ, наблюденіемъ нравовъ и учрежденій, личными сношеніями съ передовыми людьми науки, литературы и церкви.... бесѣдовалъ съ учеными и мыслителями въ ихъ тихихъ кабинетахъ, внушая новымъ знакомцамъ дружбу къ себѣ и искреннее уваженіе къ своему уму, познаніямъ, убѣжденіямъ. Связи эти сохранилъ онъ навсегда и потомъ изъ Россіи переписывался съ заграничными знакомцами, между прочимъ съ славнымъ Шеллингомъ" [1]).

Съ Шеллингомъ Чаадаевъ сошелся въ Карлсбадѣ въ 1825 г., когда Чаадаеву было 32 г. Онъ вошелъ въ довѣренность мыслителя, и тотъ сообщалъ ему свои мысли, даже такія, которыя еще не были имъ опубликованы въ печатныхъ сочиненіяхъ. Какъ разъ въ это именно время въ Шеллингѣ совершался его великій переломъ, и онъ обдумывалъ свою „философію откровенія".

Шеллингъ не въ первый разъ уже встрѣчался съ молодыми русскими, жаждавшими философскаго просвѣщенія. Еще въ началѣ столѣтія онъ встрѣтился съ Д. М. Велланскимъ, наиболѣе жаркимъ своимъ русскимъ послѣдователемъ, „обратилъ вниманіе на его воспріимчивый умъ" и самъ поощрялъ его къ философскимъ занятіямъ [2]).

Знакомство и сношенія съ Шеллингомъ поднимали Чаадаева даже въ глазахъ тѣхъ, кто не особенно внимательно относился къ философіи, какъ напр., А. С. Пушкина. При свиданіяхъ съ Погодинымъ въ Москвѣ въ 1828 г. Пушкинъ сообщаетъ ему объ отношеніяхъ Чаадаева и Шеллинга, и Михаилъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 139.

[2]) Философія въ Россіи, т. II, стр. 86.

Петровичъ, отдававшій тогда дань общему увлеченію Шеллингомъ, заноситъ въ свой „Дневникъ“ подъ 23 дек. 1828 г. „Мысль завести переписку съ Чаадаевымъ, о знакомствѣ котораго съ Шеллингомъ разсказывалъ Пушкинъ“ [1]).

Такъ одно уже знакомство со знаменитымъ мыслителемъ, одна уже хотя бы простая прикосновенность къ нему придавала въ то время человѣку интересъ въ глазахъ увлекающихся почитателей Шеллинга.

Когда черезъ 7 лѣтъ послѣ этого знакомства Чаадаевъ, находясь уже въ Россіи, узналъ отъ Тургенева, встрѣтившагося тогда съ Шеллингомъ, что тотъ уже читаетъ лекціи по своей новой, видоизмѣненной философіи, Чаадаевъ загорѣлся любознательностію и просилъ философа сообщить ему подробности новой системы. Шеллингъ отвѣчалъ ему—и такимъ образомъ завязалась между ними любопытная переписка, на которую, къ сожалѣнію, еще совсѣмъ не обращали вниманія.....

Напечатано всего 2 письма (на франц. языкѣ) Чаадаева къ Шеллингу въ качествѣ приложеній къ цитированной статьѣ М. Лонгинова въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ за 1862 г., т. 42, стр. 157—160 (I письмо стр. 157—158 и II стр. 159—160). Второе письмо помѣщено также кн. Гагаринымъ въ его изданіи Oeuvres choisies Чаадаева, Paris, 1862, стр. 203—206, но представляетъ тамъ разночтенія.

Обратимся теперь къ этимъ письмамъ, въ высшей степени любопытнымъ и важнымъ для характеристики личности Чаадаева и для выясненія генезиса его воззрѣнія. Мы приводимъ ихъ въ нашемъ собственномъ переводѣ, ставя рядомъ съ переводомъ въ скобкахъ нѣкоторыя подлинныя выраженія, наиболѣе характерныя или не поддающіяся точной передачѣ по русски.

---

[1]) *Н. П. Барсуковъ*, Жизнь и труды М. П. Погодина, т. II, стр. 258 и 415.

I.

1832 г. Москва.

М. Г.

Не знаю, помните ли Вы молодого человѣка русской національности, котораго Вы видѣли въ Карлсбадѣ въ 1825 г. Онъ имѣлъ преимущество (avantage) часто бесѣдовать съ Вами о философскихъ предметахъ, и Вы оказали ему честь сказать ему, будто Вы находите удовлетвореніе въ томъ, что сообщаете ему свои мысли. Вы говорили ему, между прочимъ, что относительно нѣсколькихъ пунктовъ Вы видоизмѣнили свои идеи, и Вы совѣтовали ему подождать появленія новаго сочиненія (которымъ Вы тогда были заняты), чтобы ознакомиться съ Вашею философіею. Это сочиненіе не появилось, а тотъ молодой человѣкъ былъ—я. Въ ожиданіи, М. Г., я перечиталъ всѣ Ваши сочиненія. Сказать Вамъ, что по Вашимъ слѣдамъ (traces) я поднялся до тѣхъ высотъ, на которыя такимъ прекраснымъ полетомъ (élan) вознесъ Васъ Вашъ геній—это было бы, можетъ быть, съ моей стороны, самонадѣянностью (présomption); мнѣ помнится, Вы находили, что *Кузенъ* не совсѣмъ Васъ понялъ; а для меня, человѣка неизвѣстнаго въ европейскомъ мірѣ, было бы неосмотрительно изъявлять притязаніе превзойти (aller en avant) столь великую литературную извѣстность (renommée); но мнѣ будетъ, думаю, позволено высказать Вамъ, что изученіе Вашихъ сочиненій открыло мнѣ новый міръ, что при свѣтѣ Вашего духа я въ области мысли прозрѣлъ пространства, которыя были всецѣло скрыты для меня, что это изученіе было для меня источникомъ плодотворныхъ и восхитительныхъ размышленій; мнѣ будетъ позволено сказать Вамъ еще, что при слѣдованіи за Вами въ Вашихъ возвышенныхъ (sublimes) путяхъ мнѣ часто случалось достигать другихъ мѣстъ, чѣмъ тѣ, въ которыя

пришли Вы. Теперь я узнаю отъ одного друга, который въ послѣднее время провелъ нѣсколько дней около Васъ, что Вы преподаете *философію откровенія*. Этотъ публичный курсъ, Вами читаемый нынѣ, М. Г., какъ я предполагаю (présume), есть именно развитіе той мысли, которая прорастала (germait) въ Вашемъ духѣ, когда я видѣлъ Васъ въ Карлсбадѣ. Я не знаю, какова можетъ быть та доктрина, которую Вы нынѣ излагаете въ своей аудиторіи, хотя, увѣряю Васъ, я, думалось мнѣ часто, предчувствовалъ, что изъ Вашей системы должна когда-нибудь истечь религіозная философія; но я не могу Вамъ высказать, сколь счастливъ я былъ, узнавъ, что наиглубочайшій мыслитель нашего времени дошелъ до этой великой идеи слить (fusion) во едино философію съ религіею. Съ перваго момента, когда начиналъ я философствовать, эта идея явилась мнѣ, какъ огонь маяка (fanal?) и цѣль всей моей умственной работы. Весь интересъ моего существованія, вся любознательность моего разума оказались поглощенными этою единственною идеею; и по мѣрѣ того, какъ я подвигался въ размышленіи впередъ, я увѣрялся, что здѣсь же и величайшій интересъ человѣчества. Всякая новая мысль, какая въ моей головѣ группировалась съ этою первой мыслію, казалась мнѣ камнемъ, который я приносилъ для построенія храма, гдѣ нѣкогда всѣ люди должны будутъ соединиться, чтобы тамъ—въ совершенномъ познаніи—покланяться очевидному Богу. Затерянный въ интеллектуальныхъ пустыняхъ (solitudes) моей страны, я долгое время считалъ себя единственнымъ, кто изнуряется этимъ трудомъ (labeur), или, по крайней мѣрѣ, думалъ, что у меня разсѣяно по землѣ мало сотрудниковъ; потомъ я открылъ, что весь мыслящій міръ шелъ по тому же направленію; и то былъ для меня великій день, когда я сдѣлалъ это открытіе. Но въ то же время я былъ пораженъ необходимостью въ высокомъ индивидуальномъ разумѣ, въ великомъ изолированномъ дѣятелѣ (agent), созданномъ на то, чтобы указывать дорогу

(guider) всѣмъ разумамъ, всѣмъ дѣятельнымъ силамъ (agens) массы. Съ этихъ поръ я естественно сталъ думать о Васъ. Этотъ человѣкъ, говорилъ я себѣ, столь высоко поставленъ въ моральной сферѣ міра, это—человѣкъ, которому родъ человѣческій обязанъ въ большой части вторичнымъ открытіемъ (retrouvé) своихъ первыхъ и святыхъ интуицій; возможно ли, чтобы новый свѣтъ, который, навѣрное, скоро просвѣтитъ всѣхъ насъ, не засвѣтился (luire) его очамъ во всемъ своемъ блескѣ ранѣе, нежели онъ явится глазамъ всего міра? Онъ согласовалъ уже столько разнородныхъ (divergents) элементовъ человѣческой мысли: не согласуетъ ли онъ также религіозный элементъ съ элементомъ философскимъ, которые уже соприкасаются? Наконецъ, въ моихъ внутреннихъ (intimes) пожеланіяхъ (voeux) прогресса и совершенствованія Вамъ предназначалъ я совершить великій переворотъ, къ которому, по моему мнѣнію, стремится новый разумъ; и вотъ говорятъ мнѣ, что Ваше краснорѣчивое слово проповѣдуетъ (prêche) уже не земную, а небесную науку; и вотъ мои пожеланія, мое предчувствіе нѣкоторымъ образомъ, оказывается, осуществились!

Сначала, М. Г., я хотѣлъ только написать Вамъ, чтобы поблагодарить. Но въ сей часъ я не могу уже противиться желанію узнать кое-что объ этомъ новомъ видѣ (face) Вашей системы; будетъ ли чрезмѣрнымъ требованіемъ (безъ всякаго другого права [titre] на эту благосклонность, кромѣ моей страсти къ успѣху человѣческаго разума и моего качества—гражданина страны, весьма сильно [grandement] нуждающейся въ просвѣщеніи) просить Васъ сообщить нѣсколько данныхъ объ общихъ основахъ (bases) или объ главной идеѣ Вашего нынѣшняго ученія? Ибо, какъ Вашъ голосъ ни могуществен, М. Г., онъ не раздается (retentit) до нашихъ широтъ; мы слишкомъ далеко отъ Васъ, М. Г.; мы принадлежимъ къ другой солнечной системѣ; свѣтоносный лучъ, исходящій отъ какой-либо звѣзды Вашего міра, долженъ проходить громадный путь, прежде чѣмъ придетъ въ нашъ міръ, и часто теряется въ этомъ переходѣ (trajet).

Если г. *Тургеневъ*, другъ, о которомъ я сейчасъ упомянулъ, стоитъ всегда въ отношеніяхъ съ Вами, то, онъ могъ бы, быть можетъ, сказать Вамъ, что мои занятія и мои труды дѣлаютъ меня достойнымъ Вашего общенія (commerce). Однако въ этотъ моментъ я не хочу говорить Вамъ о своихъ собственныхъ идеяхъ, или представлять Вашему авторитету то, что̀ я также называю своею системой; я знаю, что, если на этотъ разъ я и могу на что-либо разсчитывать, то это единственно на тотъ интересъ, какой Вы сами могли бы найти, вводя въ Вашу философію не одного меня, но чрезъ мое посредство цѣлое молодое поколѣніе, бѣдное настоящимъ, но богатое будущимъ, столь же жадное къ просвѣщенію, сколь мало оно имѣетъ средствъ удовлетворять свой пылъ (ardeur) къ ученію, и коего великое предназначеніе (les grandes destinées) не можетъ быть безразлично для мудреца, стремящагося объять всеобщую судьбу всякой вещи. Я очень желаю, М. Г., не ошибиться въ моемъ предвидѣніи въ этотъ разъ, какъ въ другой: но что бы ни случилось, я никогда не перестану ни удивляться Вамъ, ни сохранять воспоминаніе о тѣхъ нѣсколькихъ часахъ, въ которые я наслаждался Вашею бесѣдою.

Благоволите, М. Г., принять увѣренія въ моемъ глубокомъ уваженіи.

Шеллингъ отвѣчалъ Чаадаеву въ сентябрѣ 1833 года.

Отвѣтъ Шеллинга Чаадаеву составилъ собою, очевидно, своего рода событіе. Чаадаевъ, которому, какъ извѣстно, тщеславіе совсѣмъ не было чуждо, давалъ это письмо Шеллинга читать своимъ друзьямъ и даже, вѣроятно, снимать съ него копіи. Подобныя копіи гуляли по рукамъ, и наконецъ одна изъ нихъ попала въ совершенно не подходящія руки, именно къ извѣстному тогда зубоскалу и пересмѣшнику Осипу Ив. Сенковскому, который и не замедлилъ воспользоваться для своихъ цѣлей этимъ драго-

цѣннымъ письмомъ, сдѣлавъ его предметомъ своихъ шуточекъ. Такимъ образомъ тщеславіе Чаадаева понесло нѣкоторую кару въ видѣ профанированія обращеннаго къ нему письма. Изъ выдержекъ, приводимыхъ Сенковскимъ, мы можемъ ознакомиться съ важнѣйшими идеями Шеллингова отвѣта на запросы Чаадаева. Вотъ что сообщаетъ Сенковскій:

„Шеллингъ, который у насъ еще такъ сильно дѣйствуетъ на нѣкоторые умы, почти совершенно забытъ въ Германіи. Извѣстно, что онъ измѣнилъ свою Философію, и многіе не безъ основанія думаютъ, что къ этому неожиданному поступку подстрекнуло его огорченіе, причиненное упадкомъ его славы, и необходимость опять обратить на себя взоры. Въ самомъ дѣлѣ онъ успѣлъ возбудить этимъ, если не прежній восторгъ, по крайней мѣрѣ, любопытство ученой и учащейся Германіи, которая теперь ожидаетъ отъ него обѣщанной „Системы Положительной Философіи". Мы имѣемъ передъ глазами письмо его, писанное въ Москву къ одному изъ нашихъ соотечественниковъ въ сентябрѣ прошлаго года, и съ удовольствіемъ *сообщили бы его вполнѣ* нашимъ читателямъ, если бъ умозрительное мечтательство какого бы то ни было человѣка считали важнымъ дѣломъ для человѣчества. Когда пройдемъ мыслію весь рядъ философскихъ системъ, въ которыя люди вѣрили, и которыми они восхищались, въ истинѣ которыхъ были убѣждены, и надъ которыми теперь смѣются; когда подумаемъ, что всю прошлую зиму Шеллингъ съ ѣдкою и презрительною улыбкою перебиралъ въ Мюнхенѣ ученія своихъ предшественниковъ, и черезъ десять лѣтъ съ той же каѳедры другой философъ такъ же пріятно будетъ забавляться на ихъ счетъ и вмѣстѣ насчетъ системы его, великаго Шеллинга, у насъ почти не достаетъ силы серіозно говорить объ этихъ вещахъ, которыхъ впрочемъ не отвергаемъ необходимости: надо же тѣшить людскіе умы чѣмъ-нибудь,—не той, то другою системою, не тѣмъ, то другимъ умозрѣніемъ! Глядя на

предметъ съ этой утилитарной точки, мы приведемъ нѣкоторыя мѣста изъ письма, въ которомъ Шеллингъ старается оправдать свое философское отступничество и дать понятіе о сочиняемомъ имъ ученіи, о своемъ gegenwärtigen Standpunct. „Я уже оканчиваю", говоритъ онъ, „трудъ, начатый очень давно, слѣдствіемъ котораго будетъ *новый умственный міръ, до сихъ поръ неприступный для философіи....* Это не помыслъ жалкій и тощій—одного человѣка, но общій духъ времени, который возжелалъ *проявиться въ насъ и черезъ насъ*".

Почтенный профессоръ изъясняется немножко вдохновеннымъ слогомъ! „Собственно, я не оставляю прежняго пути, но продолжаю его; также, не отказался отъ прежнихъ средствъ, но ищу употребить ихъ высшимъ образомъ; словомъ, стремлюсь не отрынуть прежнія мои пріобрѣтенія въ области ума, но воспарить выше и распространить ихъ предѣлы. Философія Откровенія составляетъ не цѣлое, но послѣднюю часть всей моей Философіи. Система тѣмъ различается отъ всѣхъ прежнихъ, что содержитъ въ себѣ философію, которая дѣйствительно можетъ до того достигнуть, не противодѣйствуя христіанству, ни Философіи вообще: „hoc opus, hic labor erat". Далѣе Шеллингъ утверждаетъ, что, придерживаясь по возможности прежняго своего образа изслѣдованія, онъ старается преодолѣть нынѣшній раціонализмъ,—философскій, не богословскій,—но не хочетъ впадать въ сентиментальность, изувѣрство или мистицизмъ: онъ имѣетъ въ предметѣ дѣйствовать на всеобщее и вѣчное убѣжденіе и утвердить свое ученіе *навсегда*. Блаженъ, кто въ состояніи тѣшиться подобными надеждами!" [1])

Такое неуважительное отношеніе къ Шеллингу вызвало, разумѣется, неудовольствіе всѣхъ русскихъ шеллинговцевъ, и

---

[1]) Библіотека для чтенія, за 1834 г., т. III, мартъ и апрѣль, VII, Смѣсь, Германія ученая и литературная (о Шеллингѣ стр. 113—115), стр. 114—115.

прежде всѣхъ, маститаго ихъ старѣйшины, Д. М. Велланскаго, который въ своемъ письмѣ къ единомышленнику своему, московскому профессору М. Г. Павлову (отъ 29 мая 1834 г. изъ Петербурга) пишетъ:

„Оригинальные примѣры весьма полезны для ученаго образованія; и безъ оныхъ врожденный геній остается навсегда въ состояніи зародыша. Таковыхъ геніевъ, какъ вездѣ, такъ и у насъ находится множество; но положеніе ихъ достойно сожалѣнія! Они суетятся и безпокоятся, какъ рѣзвыя, несмышленныя дѣти, оставленныя на ихъ произволъ, безъ всякаго за ними присмотра. Вся наша литература наполнена дѣтскими игрушками, которыя однако выдаются за важныя и поучительныя произведенія просвѣщеннаго времени! Не довольствуясь своими фарсами, они берутъ матеріялы изъ сцены чуждаго имъ міра, шутятъ и смѣются надъ тѣмъ, чего вовсе не понимаютъ, а именно надъ Философіею Шеллинга. Такъ въ „Библіотекѣ для чтенія“ Германскій философъ представленъ въ каррикатурномъ видѣ, будто измѣнилъ онъ свою Философію и всѣми силами старается возстановить упадшую свою славу!! Таковой сарказмъ подтверждается ссылкою на письмо Шеллинга, писанное къ кому то въ Москву, хотя изъ приведенныхъ извлеченій письма явствуетъ противное сказанному въ сарказмѣ“ [1]).

---

[1]) Философія въ Россіи, т. II, ст. VII. Письма Д. М. Велланскаго, стр. 226—227, письмо № VII.

Свою переписку съ Шеллингомъ Чаадаевъ возобновляетъ черезъ довольно долгій промежутокъ времени—чрезъ 8 или 9 лѣтъ послѣ отвѣта Шеллинга: въ 1841 или 1842 г. Онъ пользуется для этого случаемъ принести свои поздравленія Шеллингу по поводу новаго его тріумфа, назначенія его въ преемники Гегелю —на берлинскую каѳедру философіи. Чаадаевъ въ этомъ письмѣ по прежнему выражаетъ свою увѣренность въ важномъ значеніи философіи Шеллинга для міра вообще и для Россіи въ особенности.

II.

1842 г. Москва, 20 мая (по Лонгинову).

(У Гагарина: 15 апрѣля 1841 или 1842 г.).

М. Г.

Съ тѣхъ поръ, какъ Вы оказали честь написать мнѣ, много чего произошло въ философскомъ мірѣ, но изо всего этого меня всего живѣе интересовало видѣть Ваше появленіе на новой сценѣ (théâtre), куда призвалъ Васъ владыка, другъ генія. Какъ только узналъ я о Вашемъ прибытіи въ Берлинъ, я испыталъ желаніе обратить (adresser) къ Вамъ свои благопожеланія успѣха Вашимъ ученіямъ въ этомъ центрѣ нѣмецкой науки; различныя обстоятельства, не зависящія отъ моей воли, воспрепятствовали мнѣ удовлетворить его: теперь мнѣ остается только поздравить Васъ съ Вашимъ тріумфомъ. Я не имѣю

самонадѣянности вѣрить, чтобы мои привѣтствія (compliments) могли Васъ безконечно тронуть, и если бы у меня не было сказать Вамъ чего-либо другого, то я, быть можетъ, и удержался бы отъ того, чтобы писать Вамъ; но я не могъ сопротивляться охотѣ сообщить Вамъ о мощномъ интересѣ, который связывается для насъ съ Вашимъ теперешнимъ преподаваніемъ, а равно и о глубокихъ симпатіяхъ, которыми небольшая группа нашихъ философскихъ умовъ привѣтствовала Ваше вступленіе въ этотъ новый періодъ Вашего славнаго пути.

Вамъ небезъизвѣстно, безъ сомнѣнія, что умозрительная философія еще съ давняго времени проникла къ намъ, что значительная часть нашей молодежи, жадная до новаго просвѣщенія, поспѣшила пріобщиться этой совершенной (toute faite) мудрости, которой разнообразныя формулы представляютъ нетерпѣливому неофиту драгоцѣнное преимущество, освобождая его отъ мучительнаго (laborieuse) размышленія,—мудрости, горделивыя замашки (allures hautaines) которой такъ нравятся юношескимъ умамъ: но вы, вѣроятно, не знаете того, что мы теперь находимся посреди особаго рода интеллектуальнаго кризиса, предназначеннаго произвести необычайное вліяніе на будущность нашей цивилизаціи, что мы стали добычею реакціи національной, страстной, фанатической, ученой—естественное послѣдствіе эксотическихъ тенденцій, подъ властію которыхъ (sous l'empire des quelles) мы жили слишкомъ долго; эта реакція, однако, въ своей узкой исключительности стремится не къ меньшей цѣли, какъ радикальная перестройка идеи страны, таковой, какъ она создалась,—не въ силу насильственнаго вліянія какого-либо соціальнаго катаклисма, (что̀ могло бы нѣсколько узаконить этотъ насильственное [violent] возвращеніе къ прошлому), но совершенно просто въ силу естественнаго хода дѣлъ, вслѣдствіе непогрѣшимой логики вѣковъ, и особенно въ силу самаго характера націи. Итакъ, философія, низвергнуть которую съ престола (detrôner) Вы пришли въ Берлинъ, вводясь

и у насъ, связываясь съ ходячими у насъ идеями, соединяясь съ духомъ, надъ нами нынѣ господствующимъ, угрожала намъ вполнѣ извратить наше народное чувство, т. е. тотъ принципъ, скрытый у каждаго народа въ глубинѣ его сердца, который составляетъ его сознаніе (conscience),—способъ, какимъ онъ себя понимаетъ и ведетъ себя на пути, указанномъ ему (assigné) въ общемъ постановленіи вселенной. Чудесная (prodigieuse) эластичность этой философіи, которая пригодна (se prête) ко всѣмъ возможнымъ приложеніямъ, создавала между насъ самыя причудливыя мечты (imaginations les plus bizarres) относительно нашей роли въ мірѣ, о нашихъ будущихъ судьбахъ; ея фаталистическая логика, которая почти подавляетъ свободную волю, все въ ней устанавливая на свой образецъ, которая повсюду находитъ неумолимую необходимость, должна была, обращаясь на наше прошлое, свести всю нашу исторію на ретроспективную утопію, на высокомѣрную (arrogante) апоѳеозу русскаго народа; ея система вселенскаго примиренія съ помощью совершенно новаго хронологическаго пріема (procédé), занимательнаго (piquant échantillon) образчика нашихъ философскихъ способностей (capacités), приводила насъ къ вѣрѣ, будто, предвосхищая ходъ человѣчества, мы посреди насъ уже осуществили ея честолюбивыя (ambitieuses) теоріи; наконецъ она могла бы, можетъ быть, лишить насъ самаго прекраснаго наслѣдія нашихъ отцевъ, этой стыдливости (pudeur de l'intelligence) разумѣнія, этого воздержанія мысли (tempérance de la pensée): ея культъ съ сильною печатью созерцанія и аскетисма проникъ ихъ бытіе. Судите же сами, были ли для всѣхъ тѣхъ изъ насъ, кто серьезно любитъ свою страну, Вы желаннымъ (le bien venu) въ очагѣ той философіи, вліяніе которой могло стать для насъ столь пагубнымъ (funeste)! И не думайте, что я преувеличиваю это вліяніе! Есть моменты въ жизни народовъ, когда всякая новая доктрина, какова бы она ни была, постоянно окажется облеченною въ необычайное могущество по при-

чинѣ необычайнаго движенія умовъ, характеризующаго эти эпохи. Итакъ, надобно признаться, жаръ, съ которымъ у насъ суетятся (on s'agite) на поверхности общества, чтобы разыскать какую то (je ne sais quelle) потерянную національность,—невѣроятенъ. Шарятъ (on fouille) во всѣхъ уголкахъ исторіи страны; переправляютъ исторію всѣхъ народовъ міра, имъ опредѣляютъ (inflige) происхожденіе, общее съ привиллегированною расою, славянской расою, смотря по ихъ большей или меньшей заслугѣ; сдвигаютъ всю кору съ земного шара, чтобы открыть тамъ права (titres) новаго народа Божія; и пока (tandis que) эта мятежная національность ускользаетъ отъ всего этого тщетнаго труда, выдѣлываютъ (fabrique) новую, которую имѣютъ притязаніе навязать странѣ; она, впрочемъ, совершенно безразлична къ лихорадочному изступленію этой безбородой науки. Но лихорадки распространяются, и если бы ученіе о непосредственномъ явленіи абсолютнаго Духа въ человѣчествѣ вообще и каждомъ изъ его членовъ въ частности—продолжало царить въ Вашей ученой метрополіи, то мы увидѣли бы, я въ томъ увѣренъ, какъ весь нашъ литературный міръ скоро обратился бы къ этой системѣ, courtisan obséquieux человѣческаго разума, очаровательному льстецу (flatteur charmant) всѣхъ его претензій. Вы знаете, въ дѣлѣ философіи мы еще въ началѣ пути (notre point de départ); и важно знать, отдадимся ли мы порядку идей, вызывающему (provoquant) до высшей степени всѣ роды личныхъ пристрастій или, вѣрные той дорогѣ, какой шли до сего дня, мы будемъ продолжать слѣдовать по путямъ того религіознаго смиренія (humilité), той скромности духа, которыя во всѣ времена были отличительною чертою нашего національнаго характера и, наконецъ (en dernier lieu), плодоноснымъ принципомъ нашего особеннаго (singulier) развитія. Продолжайте же, М. Г., торжествовать надъ гордою философіею, которая претендовала вытѣснить Вашу. Вы видите, судьбы великаго народа нѣкоторымъ образомъ зависятъ отъ успѣха Вашей системы. О если бы мы могли нѣкогда увидѣть созрѣвающими посреди

насъ всѣ плоды истинной философіи и быть Вамъ за это обязанными!

Это любопытное письмо Чаадаева къ своему философскому другу и ментору достаточно показываетъ, съ какимъ почтеніемъ относился онъ къ Шеллингу. На его верховный судъ и осужденіе ставитъ онъ новую философію, пустившую корни и въ Россіи въ видѣ „славянофильства", представители котораго, впрочемъ, имѣли много точекъ соприкосновенія и съ ученіемъ Шеллинга. Надобно полагать, что Шеллинга и пристрастіе къ нему Чаадаева имѣлъ въ виду Д. В. Давыдовъ, съ гусарскою рѣзкостью говоря о поведеніи Чаадаева во время исторіи съ „Философическимъ письмомъ": „это просто гадко; но что смѣшно—это *скорбь* его о томъ, что̀ *скажутъ* о признаніи его умалишеннымъ *знаменитые* его друзья и ученые: Ballanche, Lamené (sic), Guizot, и *какіе-то нѣмецкіе шустера* (!!)—*метафизики*"! [1]). Чаадаевъ, видно, не скрывалъ своей боязни потерять уваженіе Шеллинга и прочихъ лично знакомыхъ ему европейскихъ свѣтилъ.

То же письмо является очень важнымъ памятникомъ и въ другомъ отношеніи: какъ матеріалъ для выясненія еще не рѣшеннаго окончательно вопроса объ отношеніяхъ Чаадаева къ славянофильству и его представителямъ. Онъ, повидимому, жестоко ратуетъ *противъ* нихъ; но не было ли у него личныхъ къ нимъ симпатій и даже нѣкоторыхъ *общихъ* мыслей? Въ качествѣ справки мы позволимъ привести здѣсь нѣсколько парал-

---

[1]) Сочиненія, изд. IV—1860 г., ч. III, стр. 142. Приложенія, II. Переписка, 1. Письмо къ А. С. Пушкину (1833—1835 г.) безъ означенія года, 23 ноября, Москва.

лельныхъ мѣстъ изъ двухъ писемъ П. Я. Чаадаева къ князю П. А. Вяземскому, писанныхъ нѣсколько лѣтъ позже.

„Мы искони были люди *смирные* и *умы смиренные*. Такъ воспитала насъ наша церковь. Горе намъ, если мы измѣнимъ ея мудрому ученію: ему обязаны мы своими лучшими народными свойствами, своимъ величіемъ, *своимъ* значеніемъ въ мірѣ. Къ сожалѣнію, новое направленіе *избраннѣйшихъ* умовъ нашихъ именно къ тому клонится,..... Пути наши *не тѣ*, по которымъ идутъ *другіе* народы. Мы, конечно, достигнемъ всего того, изъ чего они бьются, но по сіе время мы столь мало еще содѣйствовали къ общему дѣлу человѣческому, что *безумно намъ величаться предъ старшими* братьями нашими. Они не лучше насъ, но они опытнѣе насъ..... Не повѣрите, до какой степени *личности* людей въ нашемъ краю измѣнились съ тѣхъ поръ, какъ облеклись *этой народной гордынею*, невѣдомой отцамъ нашимъ“ [1]).

Въ другомъ письмѣ къ тому же лицу и тоже по поводу „Переписки Гоголя“ Чаадаевъ замѣчаетъ:

.....„Гордость ему привита его друзьями. Но знаете ли Вы, откуда взялось у насъ въ Москвѣ это безусловное поклоненіе даровитому писателю? Оно произошло отъ того, что *намъ въ Москвѣ* сталъ нуженъ человѣкъ, котораго бы мы могли поставить на ряду съ великанами духа человѣческаго, съ Гомеромъ, Дантомъ, Шекспиромъ и выше всѣхъ прочихъ писателей настоящаго и прошлаго времени.... Этихъ поклонниковъ я знаю коротко; *я ихъ люблю и уважаю*: они люди умные, люди хорошіе; но имъ надобно—во что бы то ни стало —*возвысить нашу скромную, богомольную Русь надъ всѣми странами* въ мірѣ; имъ непремѣнно надобно себя и другихъ

---

[1]) *Н. П. Барсуковъ*, Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. VIII, гл. LXVIII, стр. 588. Письмо писано въ апрѣлѣ 1847 г.

въ томъ увѣрить, что мы призваны быть какими-то *наставниками* народовъ. Вотъ и нашелся на первой случай такой маленькій наставникъ; вотъ они и стали ему про это твердить на разные голоса... а онъ... имъ повѣрилъ"..... [1]).

Когда полиція въ 1852 г., составляя оффиціальный списокъ славянофиловъ (какъ людей, опасныхъ для правительства), внесла туда и Чаадаева, наравнѣ съ Аксаковыми и Кирѣевскими, къ негодованію и смѣху лицъ, понимавшихъ дѣло (какъ, напр., того же кн. Вяземскаго) [2]), то она, конечно, не руководилась какими-либо философскими анализами сходственности ихъ ученій. Но будущій историкъ литературы, несомнѣнно, натолкнется на весьма любопытныя и неожиданныя сближенія.... даже и въ частномъ случаѣ—одинаковыхъ и у Чаадаева, и у славянофиловъ симпатій къ Шеллингу.

---

[1]) Письмо П. Я. Чаадаева къ князю П. А. Вяземскому отъ 29 апрѣля 1848 г.—въ «Русскомъ Архивѣ» за 1866 г., стр. 1084—1085, или стр. 337 въ «Вѣстникѣ Европы» за 1871 г. (VI годъ), т. VI, кн. 11, ноябрь, «Неизданныя рукописи П. Я. Чаадаева». I. Письма (I—XV), письмо IX.

[2]) Н. П. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. XII, стр. 134 —по «Старой записной книжкѣ» Вяземскаго.

II.

Ученики М. Г. Павлова.

Дѣятельность профессора Московскаго университета Михаила Григорьевича Павлова имѣла четыре стороны: Павловъ работалъ и вліялъ, какъ ученый, какъ журналистъ, какъ практикъ-агрономъ, и какъ преподаватель.

Первая сторона его дѣятельности была изображена въ единственной существующей о М. Г. Павловѣ монографіи, вошедшей въ нашу книгу „Философія въ Россіи", т. II, стр. 106—219. Тамъ же мы собрали всѣ имѣющіяся извѣстія о его жизни. Научные его взгляды были нами сопоставлены въ *систематическомъ* видѣ: мысли, разбросанныя въ различныхъ трудахъ и статьяхъ, мы изложили въ порядкѣ логическаго нисхожденія отъ вопросовъ самыхъ общихъ (гносеологическихъ) до спеціальныхъ натурфилософскихъ теорій и гипотезъ.

Вторую—не менѣе важную сторону дѣятельности М. Г. Павлова: литературную, критическую и журнальную—мы предоставляемъ вниманію и трудолюбію нашихъ спеціалистовъ-словесниковъ.

Спеціалистамъ же надлежитъ и составить обозрѣніе агрономической дѣятельности М. Г. Павлова.

Въ настоящемъ этюдѣ, являющемся естественнымъ продолженіемъ и дополненіемъ нашей первой монографіи, мы на-

мѣрены разобрать четвертую сторону дѣятельности М. Г. Павлова—педагогическую.

Павловъ былъ любимый и вліятельный учитель. Его вліяніе простиралось за предѣлы его аудиторіи. Слово его пробуждало къ литературной дѣятельности многихъ,—и всѣ почти виднѣйшіе дѣятели русской цивилизаціи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ сидѣли у ногъ Павлова, внимая его поученію. Мы соберемъ цѣлый рядъ авторитетныхъ свидѣтельствъ его учениковъ о его преподаваніи. Затѣмъ покажемъ, какъ его вліяніе отозвалось въ первыхъ опытахъ двухъ замѣчательныхъ русскихъ литературныхъ дѣятелей, ушедшихъ потомъ очень далеко отъ натурфилософіи своего учителя, но воззванныхъ къ перу, къ самостоятельному изложенію мыслей проповѣдью Павлова.

„*Усиленное стремленіе* московскаго юношества къ *болѣе серьезному образованію* ведетъ свое начало, по моему мнѣнію, съ двадцатыхъ годовъ, *когда проф. М. Г. Павловъ* по возвращеніи изъ заграницы открылъ свои лекціи сельскаго хозяйства и минералогіи. Онъ первый далъ студентамъ понятіе о господствовавшей въ то время философіи *Шеллинга* или точнѣе о примѣненіи этой философіи къ естествовѣдѣнію однимъ изъ его послѣдователей—*Океномъ*. Новизна взглядовъ, *мастерство* ихъ *изложенія* въ логическомъ и стилистическомъ отношеніяхъ сильно дѣйствовали на слушателей и, кромѣ того, привлекали въ университетъ постороннюю любознательную молодежь изъ наиболѣе просвѣщенныхъ семействъ высшаго московскаго общества. Между этими юношами, поступавшими на службу преимущественно въ московскій архивъ иностранныхъ дѣлъ и поэтому прозванными „архивными", особенно, выдавался кн. *В. Ѳ. Одоевскій* своею любовью къ высшему знанію, къ такъ наз. трансцендентальной философіи. Онъ устроилъ у себя въ домѣ философское общество, которое посѣщалось его товарищами по службѣ и по образу мыслей, а въ 1824 г. издавалъ сборникъ „Мнемозину" для ознакомленія читателей *съ философіею Шеллинга*" [1]).

Герой двухъ печальныхъ студенческихъ исторій того

---

[1]) *Галаховъ*, Сороковые годы, стр. 127, гл. I въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1892 г., т. 47, январь, ст. V.

времени „Маловской“ и „Сунгуровской“, *Я. И. Костенецкій* съ особеннымъ уваженіемъ говоритъ о Павловѣ [1]) и ставитъ воспоминаніе о немъ на первомъ планѣ, прежде всѣхъ другихъ своихъ учителей:

„Въ первый годъ, кромѣ лекцій своего факультета (юридическаго), я посѣщалъ постоянно лекціи физики профессора *Павлова*— не по обязанности, а добровольно. Это былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ профессоровъ. Физику онъ читалъ по системѣ Шеллинга. Онъ имѣлъ *удивительный даръ* излагать лекцію *ясно*, въ *высшей степени логично*, *безъ* всякихъ краснорѣчивыхъ или напыщенныхъ *фразъ*, но *просто* и *вразумительно* до невѣроятности. Каждая его лекція *запечатлѣвалась твердо* въ памяти, и ее очень легко можно было повторить всю наизусть,— такъ *послѣдовательно* истекала одна мысль изъ другой. Я слушалъ Павлова *три* года, не пропуская ни *одной* его лекціи, которыя всѣ были у меня записаны, хотя это былъ предметъ математическаго факультета, и *этимъ лекціямъ* я *впервые* былъ *обязанъ* не столько физическими свѣдѣніями, какъ *вообще философскими* идеями, почти *началомъ* моего умственнаго развитія. До поступленія въ университетъ въ гимназіи всѣ науки преподавались намъ чисто механически: мы затверживали только факты, объ идеяхъ и помину не было, и когда я прослушалъ *первую лекцію Павлова*, то я былъ необыкновенно пораженъ: какъ будто какая то *завѣса спала* съ ума моего, и въ головѣ моей *засіялъ* новый свѣтъ. Передо мною открылся новый міръ идей, новый взглядъ на науки..... однимъ словомъ, въ первый разъ пробудилось мое мышленіе, и я увидѣлъ раскрывшуюся передо мною перспективу философскихъ понятій, которая такъ понравилась моему юному уму. Да, я всегда буду обязанъ Павлову за мое умственное пробужденіе“!

---

[1]) *Я. И. Костенецкій*, Воспоминанія изъ моей студенческой жизни. II, стр. 229—230 въ «Русскомъ Архивѣ», г. 25-й, за 1887 г., книга первая, февраль, ст. 4.

„Сельское хозяйство читалъ проф. М. Г. Павловъ. Онъ предпосылалъ своей наукѣ изложеніе гипотезъ объ образованіи міровъ. Эти мысли были совершенно новы для студентовъ и *конечно ихъ очень интересовали.* Затѣмъ онъ переходилъ къ нашей планетѣ, сообщалъ геологическія объясненія и потомъ уже обращался къ изученію почвы въ ея разнообразіи по разнымъ мѣстностямъ, говорилъ о лучшихъ способахъ для удобренія почвы и производительности хлѣбныхъ растеній, осуждая нашу старую трехпольную систему и указывая выгоды отъ системы плодоперемѣнной. Павловъ, *имѣя всестороннія твердыя знанія, обладалъ увлекательнымъ даромъ слова,* и *лекціи его посѣщались студентами съ большою охотой* [1]).

Тотъ же благодарный ученикъ Павлова—*А. Д. Галаховъ* замѣчаетъ еще слѣдующее (по поводу выхода въ свѣтъ сочиненія Н. П. Барсукова „Жизнь и труды Погодина"—въ статьѣ „Михаилъ Петровичъ Погодинъ" въ „Русскомъ Вѣстникѣ" за 1889 г., августъ, т. 203, ст. VII, стр. 128—145):

„Любознательность Погодина, независимо отъ врожденной къ тому наклонности, усиливалась и современными явленіями въ сферахъ научной и литературной. Вступленіе его въ университетъ (1818 г.) небольшимъ промежутвомъ отдѣляется отъ возвращенія изъ Германіи М. Г. Павлова (1820 г.), посланнаго туда университетскимъ начальствомъ для усовершенствованія въ естественной исторіи и сельскомъ хозяйствѣ, и занявшаго каѳедру послѣдняго предмета, а также минералогіи. Онъ первый познакомилъ москвичей съ философіей Шеллинга, или вѣрнѣе, послѣдователя его Окена, приложившаго начала этой философіи къ естествознанію. Лекціи его, отличавшіяся *уди-*

---

[1]) *М. Назимовъ*, Въ провинціи и въ Москвѣ съ 1812 по 1828 годъ, стр. 143—144. «Русскій Вѣстникъ», т. 124, за 1876 г., іюль, ст. 2. О сельско-хозяйственныхъ лекціяхъ Павлова см. у насъ въ книгѣ «Философія въ Россіи», т. II, стр. 109, 114, 119—121, 213

вительною логичностью и блистательнымъ, одушевленнымъ изложеніемъ, привлекали въ аудиторію не только его слушателей, студентовъ математическаго факультета, вмѣстѣ со студентами другихъ факультетовъ, но и многихъ постороннихъ лицъ. Въ каждой лекціи ярко выступала совмѣстная работа ума и воображенія, почему каждая представляла двоякое достоинство: многозначительность содержанія и художественность выраженія. Эти качества особенно отразились въ статьѣ: „О способахъ изслѣдованія природы (умозрительномъ и эмпирическомъ)". Преимущество отдается умозрѣнію, но и опыту предоставляется подобающая честь; совокупное ихъ дѣйствіе считается необходимымъ условіемъ для отысканія истины. При всемъ желаніи, невозможно было молодежи знакомиться съ трансцедентализмомъ Шеллинга" (въ источникѣ; стр. 133—134).

Пользуясь тѣмъ же интереснымъ трудомъ Н. П. Барсукова, мы можемъ до извѣстной степени возстановить картину отношеній къ Павлову Погодина, показывающую, какъ тепло относится къ Павлову нашъ замѣчательный историкъ.

Въ одномъ изъ позднѣйшихъ писемъ къ *М. А. Максимовичу*, своему пріятелю (и тоже вѣрному ученику Павлова), Погодинъ замѣчаетъ о прошлыхъ годахъ:

...„Встаетъ на нашемъ горизонтѣ величавая фигура Павлова, который только что воротился изъ Германіи съ натуральною философіею Шеллинга и Окена, и началъ проповѣдывать новое ученіе о природѣ. Какъ ошеломлены мы были его полюсами, его *непобѣдимыми* силлогизмами! Твои „Размышленіе о природѣ" и диссертація „О системахъ растительнаго царства" вышли плодомъ новаго ученія, которое отозвалось и въ „Основаніи Зоологіи" *Щуровскаго*; мнѣ доставили вы нѣсколько сравненій для „Историческихъ Афоризмовъ" [1]).

---

[1]) Н. П. Барсуковъ, Жизнь и труды Погодина, II т., гл. XV, стр. 96.

Погодинъ уже по окончаніи курса въ университетѣ посѣщалъ лекціи М. Г. Павлова (т. I, стр. 144). Кстати сказать, его же публичные курсы посѣщали *братья Кирѣевскіе* (т. II, стр. 103). Лекціи Павлова, по выраженію Погодина, *гремѣвшія въ университетѣ* (т. II, стр. 69), производили на Погодина большое впечатлѣніе; онъ ведетъ о нихъ бесѣды, напр. съ *Рахмановымъ* (т. I, стр. 149—150, 338—въ „Дневникѣ" подъ 9 марта 1822 г., а 13 декабря 1821 г.—т. I, стр. 146 и 338), предается мечтаніямъ: если бы онъ былъ богатъ, то „открылъ бы—публичные курсы.... Павловъ читалъ бы физику". Увлекаясь Шеллингомъ (благодаря Павлову), Погодинъ хочетъ познакомиться съ Чаадаевымъ (см. выше, стр. 3) и пишетъ „Историческіе афоризмы". Лично же отъ Павлова Погодинъ научился еще одному: „Берегите пуще всего идею университета (гласитъ Павловъ), смотрите, чтобы она не пострадала". (т. II, стр. 153). Хотя между Погодинымъ и Павловымъ потомъ разгорѣлась журнальная вражда (между „Атенеемъ" и „Московскимъ Вѣстникомъ"—Дневникъ отъ 24 апрѣля и 30 сентября 1828 г., т. II, стр. 178, 288 и 416), но Павловъ хлопоталъ о профессурѣ Погодина (т. IV, стр. 133). Въ свою очередь Погодинъ защищалъ Павлова, когда его преслѣдовалъ попечитель князь С. М. Голицинъ (т. IV, стр. 210) и сообщилъ о томъ Уварову (т. IV, стр. 211). Проѣзжая заграницу, Погодинъ въ 1835 г. въ Петербургѣ говорилъ съ Уваровымъ и, восхваляя „*логическую* способность Павлова и *пользу* ея для факультета", однако, „сказалъ, что ему недостаетъ по общему мнѣнію—опытныхъ знаній" [1]) (т. IV, стр. 309). Встрѣтясь заграницею съ Океномъ, Погодинъ сообщилъ ему о Павловѣ, „привезшемъ его ученіе о природѣ въ Московскій университетъ", какъ о распространителѣ его ученія, „который произвелъ тогда *всеобщій восторгъ* между

---

[1]) Ср. «Философія въ Россіи» т. II, стр. 204.

студентами" (т. V, стр. 315). Шевыревъ писалъ Погодину изъ Флоренціи (т. V, стр. 372): „Жаль его! Онъ всетаки намъ сочувствовалъ" По смерти Павлова—3-го апрѣля 1840 г.—Погодинъ неоднократно вспоминаетъ эту утрату, напр., стоя передъ портретомъ покойнаго, висящимъ въ домѣ М. А. Максимовича.... (т. VII, стр. 12 и 13).

Лучшая характеристика значенія Павлова для московскаго университета и московскаго общества сдѣлана его слушателемъ *А. И. Герценомъ.*

„Учились ли мы при всемъ этомъ чему-нибудь, могли ли научиться? Полагаю, что „да". Преподаваніе было скуднѣе, объемъ его меньше, чѣмъ въ сороковыхъ годахъ. Университетъ, впрочемъ, не долженъ оканчивать научное воспитаніе; его дѣло —поставить человѣка à même продолжать на своихъ ногахъ; его дѣло—возбудить вопросы, научить спрашивать. Именно, это то и дѣлали такіе профессора, какъ М. Г. Павловъ [1]).

Германская [2]) философія была привита Московскому университету М. Г. Павловымъ. Каѳедра философіи была закрыта съ 1826 г. Павловъ преподавалъ введеніе къ философіи вмѣсто физики и сельскаго хозяйства. Физикѣ было мудрено научиться на его лекціяхъ, сельскому хозяйству невозможно; но его курсы были чрезвычайно полезны. Павловъ стоялъ въ дверяхъ физико-математическаго отдѣленія и останавливалъ студента вопросомъ: „Ты хочешь знать природу? Но что̀ такое природа? Что такое знать?"

Это чрезвычайно важно; наша молодежь, вступающая въ университетъ, совершенно лишена философскаго приготовленія; одни семинаристы имѣютъ понятіе о философіи, но за то совершенно превратное.

Отвѣтомъ на эти вопросы Павловъ излагалъ ученіе Шел-

---

[1]) Герценъ, Сочиненія, т. VI, стр. 145, «Былое и думы», т. I, ч. I. глава VI.

[2]) Сочиненія, т. VII, «Былое и думы», т. I, ч. IV, глава XXV, стр. 119—120.

линга и Окена съ *такою пластическою ясностью*, которую никогда не имѣлъ ни одинъ натурфилософъ. Если онъ не во всемъ достигнулъ прозрачности, то это не его вина, а вина мутности Шеллингова ученія. Скорѣе Павлова можно обвинить за то, что онъ остановился на этой Магабаратѣ философіи и не прошелъ суровымъ искусомъ Гегелевой логики. Но онъ даже и въ своей наукѣ дальше введенія и общаго понятія не шелъ, или по крайней мѣрѣ, не велъ другихъ. Эта остановка при началѣ, это незавершеніе своего дѣла, эти дома безъ крыши, фундаменты безъ домовъ и пышныя стѣны, ведущія въ скромное жилье, совершенно въ русскомъ народномъ духѣ. Не оттого ли мы довольствуемся сѣнями, что исторія наша еще стучится въ ворота?

Чего не сдѣлалъ Павловъ, сдѣлалъ одинъ изъ его учениковъ—Станкевичъ".

„Главное достоинство Павлова состояло въ необычайной ясности изложенія, ясности, нисколько не терявшей всей глубины нѣмецкаго мышленія" [1]).

Дополненіемъ къ приведеннымъ характеристикамъ могутъ служить воспоминанія другихъ учениковъ Павлова.

„Года за 3—4 до моего поступленія въ университетъ", говоритъ *А. Д. Галаховъ* (*Сто одинъ*) [2]), „онъ обновился свѣжими силами. Кромѣ *Перевощикова* и *Щепкина*, о которыхъ я уже говорилъ, другими представителями этого обновленія были *И. И. Давыдовъ*, проф. латинской словесности, и *М. Г. Павловъ*, проф. сельскаго хозяйства и минералогіи. Двое послѣднихъ въ мое время пользовались такимъ же сочувствіемъ студентовъ, какимъ въ 40-хъ и 50-хъ годахъ пользовались *Грановскій и Кудрявцевъ*. Особенно Павловъ, какъ болѣе даровитый и самостоятельный, привлекалъ на свои лекціи слу-

---

[1]) Тамъ же, стр. 122.

[2]) Ср. выше его же воспоминанія (стр. 20, 22—23).

шателей со всѣхъ факультетовъ. Переполненная аудиторія съ напряженнымъ вниманіемъ и въ тишинѣ слѣдила за изложеніемъ его взглядовъ на природу и способы изслѣдованія, которые предпосылалъ онъ, какъ вступленіе въ курсъ агрономіи. Но *любовь къ нему молодежи равнялась недружелюбію многихъ профессоровъ*, смотрѣвшихъ на него косо, тѣмъ болѣе, что Павловъ, столько же самостоятельный по мнѣніямъ, сколько и по характеру, не ограничивался преподавательскимъ вліяніемъ, но входилъ болѣе и болѣе въ силу при управленіи общими университетскими дѣлами. Онъ хотѣлъ имѣть равноправный голосъ и въ совѣтѣ, и въ факультетѣ, чего и добился, благодаря своея настойчивости. Зная себѣ цѣну, и обладая значительнымъ самолюбіемъ, онъ, разумѣется, не скрывалъ своего пренебреженія ни къ обветшалымъ ученымъ, ни еще болѣе къ тѣмъ, которые и никогда не были учеными [1]).

Пальма первенства по интересу преподаваемаго, безспорно, принадлежала Павлову. Когда онъ занималъ свое мѣсто, полная тишина водворялась въ аудиторіи, несмотря на многочисленность студентовъ, стекавшихся изъ разныхъ факультетовъ, и уже ничѣмъ не нарушалась въ теченіе цѣлаго часа. Каждый съ напряженнымъ любопытствомъ слѣдилъ за мыслями профессора въ прекрасно-научномъ ихъ изложеніи. Но однимъ изложеніемъ, какъ бы оно ни было хорошо, нельзя объяснить ни успѣха лекцій, ни сочувственнаго воспріятія ихъ студентами. Причина того, и другого лежала какъ въ самомъ предметѣ преподаванія, такъ и въ отношеніи къ нему преподавателя. Павловъ... предъ курсомъ сельскаго хозяйства прочелъ нѣсколько лекцій о природѣ, о способахъ ея изслѣдованія и о естествознаніи вообще, какъ наукѣ о природѣ, слѣдуя воз-

---

[1]) Сто-одинъ (А. Д. Галаховъ). Время высшаго образованія. Университетъ (1822—1826). Изъ записокъ человѣка, IV, стр. 191—192 въ «Русскомъ Вѣстникѣ», т. 126-й за 1876 г., ноябрь, ст. V.

зрѣніямъ извѣстнаго натурфилософа Окена, приложившаго философію Шеллинга къ естественной исторіи. Онъ былъ *самый талантливый истолкователь* этого ученія, которое своею новизной и другими качествами не могло не поразить молодые умы и ретивую ихъ любознательность. Оно пришлось намъ по вкусу тѣмъ болѣе, что большинство профессоровъ и нашего, и другихъ факультетовъ держались совершенно противоположнаго направленія, стояли, какъ тогда говорилось, на эмпиріи, сообщая знанія, добытыя наблюденіемъ и опытомъ, но ничѣмъ ихъ не освѣщая: ни общими выводами изъ многоразличныхъ фактовъ, ни идеей, дающею имъ значеніе, ни основнымъ началомъ, отъ котораго поступаетъ въ своихъ трудахъ естествоиспытатель. Лекціи такихъ эмпириковъ тяготили насъ, потому что ничѣмъ не возбуждали умственной способности, не указывали ей ни точки исхода, ни конечныхъ результатовъ. И вдругъ—среди такого затишья, такой вялости и застоя раздается голосъ молодого профессора, зовущій насъ къ другому направленію въ наукѣ—умозрительному, доказывающій его преимущества предъ направленіемъ эмпирическимъ. Кто хочетъ познакомиться съ сущностью его взглядовъ, равно какъ *съ ясностью, точностью и образцовою логичностью его изложенія,* тому совѣтую прочесть двѣ статьи его: „О способахъ изслѣдованія природы“ и „Введеніе въ физику“, опредѣляющее ея мѣсто среди естественныхъ наукъ [1]). Сущность первой статьи была намъ уже объяснена на лекціи.... Насколько Павловъ своими лекціями выигрывалъ въ *расположеніи* къ себѣ *слушателей*, настолько же *товарищи* его относились къ нему съ бо̀льшимъ и бо̀льшимъ нерасположеніемъ, которое объясняется не одною jalousie du métier, но и дру-

---

[1]) См. ихъ изложеніе въ нашемъ трудѣ «Философія въ Россіи», т. II, стр. 138—148, 158—172.

гими причинами, напр., *рѣзкостью сужденій* Павлова и *горделивостью*, происходившею отъ *сознанія* своего *умственнаго превосходства*. Нужно ли говорить, что мы безусловно становились на сторону любимаго профессора,—и всѣхъ недоброжелателей его взглядовъ называли „старичками-младенцами острова Панхаи“ [1]), служителями эмпиризма, который песчинки (т. е. факты) прикладываетъ къ песчинкамъ—безъ основанія, даже безъ связи, могущей скрѣпить ихъ. Увлеченные Океномъ и Шеллингомъ, насколько крупицы ихъ ученія падали со стола профессорскаго, получили отъ товарищей названіе шеллингіанцевъ; несогласные съ ними сторонники Двигубскаго—названіе эмпириковъ. Между ними часто завязывались споры до начала лекцій и въ промежуткахъ между ними. У первыхъ, независимо отъ того, что̀ имъ сообщалось въ стѣнахъ университета, были въ ходу двѣ книги: „Біологическое изслѣдованіе природы въ творящемъ и творимомъ ея качествѣ“ *Велланскаго* и „Исторія философскихъ системъ“ *Галича*. Для непосредственнаго же знакомства съ нѣмецкою философіею тогдашняго періода не имѣлось у насъ средствъ: никто изъ насъ, математиковъ, въ то время не зналъ нѣмецкаго языка.

Теперь при отсутствіи всякихъ юношескихъ увлеченій я могу объективно относиться къ лекціямъ Павлова, указать выгоды и невыгоды ихъ вліянія на молодые умы, выставить результаты, къ которымъ онѣ привели насъ. Начну съ того, что пристрастіе студентовъ къ профессору вытекало изъ ихъ искренней любознательности. А при такомъ добромъ источникѣ, каково безкорыстное стремленіе къ наукѣ, весьма естественно было ожидать и добрыхъ послѣдствій. *Главная невыгода* состояла въ усвоенномъ нами *пренебреженіи факти-*

---

[1]) Терминъ кн. В. Ѳ. Одоевскаго въ его аллегоріи (въ «Мнемозинѣ», ч. I, ст. I. «Старики или островъ Панхаи», стр. 1—12).

ческимъ изученіемъ предмета, съ одной стороны, и *гордомъ довольствѣ началами и выводами*, съ другой,—довольствѣ, не только граничащемъ съ лѣностью, но часто и переходившемъ *въ лѣность*, въ охоту *убѣгать* отъ копотливой работы, отъ чернаго труда. Обобщеніе возможно не иначе, какъ при знаніи частностей. Начала и выводы имѣютъ высокую цѣну, когда они проведены черезъ факты и оправданы фактами; въ противномъ случаѣ они образуютъ нѣчто безсодержательное, способное удовлетворять *поверхностный дилеттантизмъ* или *тѣшить* празднолюбіе любопытнаго сибарита [1]). Едва ли кто повѣритъ мнѣ, что на лекціяхъ минералогіи мы восхищались классификаціей царства ископаемаго, которая образовала изящно-стройную систему, укладывавшую виды и роды въ опредѣленныя мѣста. Мы очень хорошо знали, что минералы дѣлятся на 4 класса — ни больше, ни меньше, такъ какъ каждый классъ образовался подъ преимущественнымъ вліяніемъ одной изъ силъ, дѣйствующихъ въ мірѣ физическомъ, а этихъ силъ 4: свѣтъ съ теплотой, электричество, магнитизмъ и гальванизмъ. На экзаменѣ изъ этого предмета ректоръ съ своей точки зрѣнія пришелъ въ ужасъ: „зачѣмъ это знать имъ (студентамъ)? и кому это извѣстно, кромѣ самого Творца?“ Павловъ былъ не такой человѣкъ, который выслушалъ бы замѣчаніе безъ отвѣта,—а за отвѣтомъ онъ не ходилъ въ карманъ. Послѣднее слово, конечно, осталось за нимъ. А между тѣмъ, дѣйствительно, въ теченіе всего курса мы не посѣщали минералогическаго кабинета и не видали ни одного камня.

Несомнѣнная выгода лекцій Павлова заключалась въ *дисциплинѣ ума*, въ направленіи его къ началамъ науки и основнымъ ея законамъ, истекающимъ изъ этихъ началъ, къ отысканію существеннаго, къ подчиненію частностей общему,

---

[1]) Ср. ниже (у Розанова) стр. 34. Галаховъ излагаетъ слова Павлова невѣрно.

къ *системѣ*, созидаемой на основныхъ признакахъ предмета, къ *ясности*, *точности* и *логической послѣдовательности* въ изложеніи,—короче, ко всему тому, безъ чего нѣтъ и быть не можетъ раціональнаго знанія, науки въ истинномъ смыслѣ этого слова. Вотъ что привлекало насъ на лекціи Павлова, что̀ было нами выслушиваемо *съ жаркимъ любопытствомъ* и многими воспринято на благую потребу въ дальнѣйшемъ самообразованіи. По моему крайнему убѣжденію, при вычетѣ невыгодъ, сколько бы ихъ ни оказалось, изъ этой выгоды—пусть она будетъ единственная—въ результатѣ выходитъ такой цѣнный остатокъ, за который имя Павлова возбуждало и до сихъ поръ возбуждаетъ во мнѣ *живое чувство уваженія и благодарности*. Нечего и говорить, что знаніе какой бы ни было науки—вещь очень хорошая. Но оно, какъ и всякое знаніе, легко забывается или часто не находитъ никакого употребленія. Если я и теперь могу быть порядочнымъ преподавателемъ элементарной математики, то этою возможностью я одолженъ педагогической практикѣ, на которую натолкнула меня необходимость искать средства къ жизни. Но если товарищи мои, находившіеся въ иномъ положеніи, никогда не имѣли надобности рѣшать уравненія даже 1 степени или измѣрять углы и треугольники, то слѣдуетъ ли отсюда, что лекціи алгебры и геометріи пропали для нихъ даромъ, что они напрасно учились этимъ наукамъ? Нѣтъ, при нихъ навсегда осталось то, чѣмъ и забытое легко возобновляется въ памяти, и неизвѣстное удобно узнается. Раціональный методъ въ изложеніи математическихъ истинъ, постепенность въ переходѣ отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, строгая точность доказательствъ ....вотъ тѣ полновѣсныя пріобрѣтенія, которыми нашъ курсъ былъ одолженъ *Перевощикову* и *Щепкину*. Въ концѣ концовъ нельзя не согласиться съ мыслію Павлова, выраженною въ предисловіи къ его „Основаніямъ физики“,—что главная польза наукъ—развитіе, образованіе умственной способности, при помощи котораго не трудно добыть и мно-

гознаніе, тогда какъ однимъ многознаніемъ никогда не добудешь умственной развитости" [1]).

Даже и позднѣе, когда въ аудиторіяхъ Московскаго университета выступали блестящіе ораторы, то ихъ сравнивали ни съ кѣмъ инымъ, кромѣ Павлова:

„Надеждинъ въ продолженіе часа пересказалъ ученіе Канта и Фихте объ изящномъ—такъ ясно и красиво, какъ *одинъ только Павловъ* умѣлъ въ своихъ писанныхъ, округленныхъ лекціяхъ излагать намъ глубокомысленныя, но темнословныя теоріи нѣмецкихъ геніевъ" [2]).

Студитскій въ своихъ воспоминаніяхъ о Павловѣ говорятъ: „Слушателей заинтересовывала *необыкновенная послѣдовательность мысли и чрезвычайная сжатость изложенія. Павловъ не любилъ распространяться, былъ скупъ на слова.* Каждое выраженіе его зато отливалось такъ хорошо, было такъ полно, такъ очевидно вязалось съ другими, что тогда уже мы, первокурсные студенты, удивлялись его логикѣ и не могли надивиться. Этой логикѣ мысли соотвѣтствовалъ внѣшній даръ изложенія. Огонь въ глазахъ, движеніе въ каждой чертѣ лица, непрерывная смѣна неудовольствія и торжества, волненіе рѣчи, иногда спокойной и льющейся, чаще обрывистой, восторженной, патетической,—все это показывало страстную любовь къ предмету, а можетъ быть, и къ своимъ слушателямъ. Отъ первой лекціи до послѣдней—не было ни одной холодной, ни одной сухой или скучной. Одушевленіе не оставляло профессора ни на минуту. И это одушевленіе переходило всегда въ его слушателей. Мысли Павлова, *мало принесшія*

---

[1]) Тамъ же, стр. 195—199. Указанное мнѣніе Павлова заключается не въ предисловіи, а въ VIII главѣ «Введенія» въ «Физику»: оно изложено у насъ въ трудѣ «Философія въ Россіи», т. II, стр. 171—172. Ср. наши замѣчанія на стр. 212—214. Ср. выше, стр. 21—мнѣніе Я. И. Костенецкаго.

[2]) М. Максимовичъ, «Воспоминаніе о Надеждинѣ» (стр. 223—234) въ «учено-литературномъ» журналѣ «Московитянинъ» за 1856, т. I, № 3, іюнь, стр. 226.

намъ пользы въ самой наукѣ, послужили однако же для насъ путеводною нитью въ другихъ отношеніяхъ, развили или, по крайней мѣрѣ, послужили къ развитію какого то особеннаго критическаго взгляда на науку вообще, на ея начала и основанія, на ея развитіе и выполненіе".

То же говоритъ другой ученикъ Павлова, проф. *Линовскій*: „Строгая логическая послѣдовательность мыслей, отчетливое ихъ изложеніе, динамическій взглядъ на природу, философскій характеръ его ученія и, наконецъ, умѣнье возбудить въ слушателяхъ, какого бы званія и образованія они ни были охоту и рвеніе къ мышленію—вотъ его неотъемлемыя заслуги, вотъ чѣмъ снискалъ онъ справедливую признательность и уваженіе всѣхъ своихъ слушателей [1])".

„Случалось, что значительная часть аудиторіи словеснаго отдѣленія спускалась однимъ этажемъ ниже въ скромную залу физико-математическаго и наполняла ее биткомъ. Это было при лекціяхъ М. Г. Павлова, читавшаго сперва физику, потомъ теорію сельскаго хозяйства, и въ обоихъ случаяхъ распространявшаго границы своихъ предметовъ до включенія въ нихъ цѣлаго философскаго созерцанія..... Мы имѣемъ свидѣтельство о сущности его преподаванія, благодаря книгѣ, изданной профессоромъ въ 1833 г., „Основаніе (sic) физики": хотя учебная книга въ обязанность которой вмѣняется сжатость и строгая система, разумѣется, не можетъ передать всѣхъ развитій и поясненій, къ какимъ способно вообще живое слово человѣка" [2]).

---

[1]) *Колюпановъ*, Біографія А. И. Кошелева, т. I, 1, стр. 475—476. Ярославъ Альбертовичъ Линовскій былъ испр. д. экстраордин. проф. сельскаго хозяйства съ 1844—1846 г. въ Московскомъ университетѣ. О немъ см. «Біографическій словарь Импер. Московскаго унив.», т. I, стр. 458—462 и у Ѳ. И. Буслаева, I, «Эпизоды изъ исторіи Московскаго унив.» въ «Починѣ» на 1896 г. стр. 2—5 (не вошло въ отд. изданіе). Линовскій 28-ти лѣтъ былъ убитъ своимъ крѣпостнымъ слугою (по отцу братомъ).

[2]) *Анненковъ*, Н. В. Станкевичъ. Біографія, стр. 35, 36.

Впрочемъ, была и другая сторона модели. Николай Розановъ, ученикъ и горячій поклонникъ шеллинговца Велланскаго, замѣчаетъ о лекціяхъ Павлова:

„Идеи [1]) натуральной школы не столько просвѣщали мало подготовленныхъ молодыхъ людей, сколько сбивали ихъ съ толку. Идеализируя предметы наукъ безъ подготовки въ естествознаніи, молодежь самодовольствовалась мечтами воображенія, думая, что достигла вершины знаній [2])... не имѣя понятія объ естественныхъ наукахъ, бредили нѣмецкою философіей, ко всему прилагая ея положенія и фразерствуя [3])“.....

Ксенофонтъ Полевой, увлеченный отчасти общимъ потокомъ шеллинговства, такъ разсказываетъ исторію Павлова:

„Въ Москвѣ узнали, что есть философія не только французская..... Вотъ какъ произошло это.

Въ числѣ молодыхъ русскихъ ученыхъ, путешествовавшихъ заграницею для усовершенствованія себя въ наукахъ, съ тѣмъ, чтобы потомъ занять профессорскую каѳедру въ Московскомъ университетѣ, былъ нѣкто М. Г. Павловъ, человѣкъ съ *умомъ необыкновеннымъ* (замѣтимъ, что Павловъ былъ конкуррентомъ—по „Атенею“—съ „Московскимъ Телеграфомъ“, полемизировалъ съ Полевыми, и припомнимъ, что Ксенофонтъ Полевой въ общемъ чрезвычайно строгъ въ своихъ отзывахъ о людяхъ и скупъ на похвалы). Онъ готовился быть проф. сельскаго хозяйства, но, кажется, живши заграницею, больше занимался естествознаніемъ, познакомился въ Германіи съ

---

[1]) Розановъ, Воспоминанія о Д. М. Велланскомъ, стр. 125. (Русскій Вѣстникъ, 1867 г. т. 72).

[2]) См. выше—слова А. Д. Галахова, стр. 29—30.

[3]) О Розановѣ см. «Философія въ Россіи», т. II, стр. 244—255.

натуральною философіею Шеллинга и Окена, вывезъ въ Москву нѣсколько ихъ сочиненій, нѣсколько тетрадокъ, гдѣ были записаны ихъ лекціи, и вскорѣ обратилъ на себя любознательное вниманіе молодыхъ людей *и отчаянную ненависть старыхъ ученыхъ* [1]). Извѣстно, что философія Шеллинга даетъ взглядъ на міръ и всѣ отрасли знанія, совершенно противоположный взгляду опытнаго знанія, доведеннаго бездарными людьми до эмпиризма. Тетрадки и книги Павлова не только распространялись между молодежью, но и приняты были ею съ жаромъ, съ восторгомъ, съ увлеченіемъ. Многіе студенты университета принялись изучать Шеллинга, Окена и ихъ послѣдователей. Подъ вліяніемъ этого новаго ученія начали являться статьи даже въ самомъ „Вѣстникѣ Европы“ [2]).

---

[1]) Ср. выше, у Галахова, стр. 27 и 28, а также у самого Павлова («Философія въ Россіи», т. II, стр. 211).

[2]) Записки, ч. I, гл. V, стр. 85, 86. Статьи Давыдова и Надеждина.

Замѣтимъ, что Павловъ не любилъ дѣлиться своею мыслію (въ бесѣдѣ) и сообщалъ ее только въ ученой формѣ лекціи,.... „неохотно отвѣчалъ на пытливые разспросы (Станкевича) и старался скорѣе уклониться отъ нихъ, чѣмъ дать имъ посильное удовлетвореніе; Станкевичъ, какъ и всѣ другіе, долженъ былъ ограничиться его преподаваніемъ и объясненіемъ“ [1]). Анненковъ, біографъ Станкевича, ставитъ это обстоятельство Павлову какъ бы въ вину; на нашъ взглядъ, именно этимъ Павловъ выгодно отличается отъ прочихъ тогдашнихъ (да и теперешнихъ) русскихъ любителей философіи, трактовавшихъ ее въ безконечныхъ разговорахъ, да спорахъ, изъ которыхъ ничего не выходило, кромѣ развѣ личныхъ размолвокъ и недоразумѣній. Павловъ любилъ сообщать философскую истину не въ будничномъ антуражѣ,— но въ подобающемъ мѣстѣ, въ приличное время, при соотвѣтствующей обстановкѣ и возвышенномъ настроеніи. Это и показываетъ, что Павловъ серьезно, почти благоговѣйно смотрѣлъ на философію и, избѣгая ее профанировать въ несистематическихъ разговорахъ, считалъ возможнымъ излагать ее лишь въ строго-научныхъ рамкахъ лекціи, или статьи,—и на этихъ общихъ поприщахъ, болѣе вліятельныхъ и результатныхъ, неутомимо и съ большимъ успѣхомъ трудился на пользу философской пропаганды.

---

[1]) «Философія въ Россіи», т. II, стр. 111.

Здѣсь будетъ умѣстно отмѣтить, что Павлова подчасъ несправедливо ославляютъ метафизикомъ, не имѣвшимъ опытныхъ знаній [1]), и ни во что ихъ не ставившимъ: при этомъ почти всегда считаютъ его *только* перелагателемъ или такъ сказать переводчикомъ Окена. Это не совсѣмъ правда. Павловъ обладалъ очень сильною и самобытною головою, въ которой водилось немало мыслей и собственнаго изобрѣтенія; что же касается Окена, то и къ нему Павловъ относился *критически*: онъ иногда отвергалъ его теоріи, опровергая ихъ именно за то, что онѣ несогласны съ „опытностью". Въ доказательство приведемъ изложеніе одного капитальнаго мѣста изъ его „Физики", посвященнаго опроверженію Океновой теоріи свѣта:

Опроверженіе теоріи Окена.

Теорія свѣта Окена, объемля свой предметъ вполнѣ, и будучи частью полной системы, объемлющей цѣлую природу, превосходитъ въ ученомъ отношеніи всѣ доселѣ извѣстныя теоріи. Это—великое торжество ума. Но одна правильность въ построеніи системы не можетъ быть достаточнымъ ручательствомъ за ея вѣрность. Система можетъ быть истинною только тогда, когда самое начало истинно; а вывести систему можно послѣдовательно изъ каждаго начала. Нѣтъ сомнѣнія, что всему частному началомъ должно быть нѣчто общее. Природа, какъ совокупность частныхъ, должна имѣть свое общее. Въ чемъ же именно состоитъ это общее сѣмя всего частнаго? Въ эѳирѣ, или въ чемъ-либо другомъ? Вотъ распутіе, на которомъ легко ошибиться въ выборѣ. Окенъ принимаетъ эѳиръ. Но это начало можетъ считаться вѣрнымъ только, пока выводимыя изъ него слѣдствія *не противорѣчатъ опытности;* въ про-

---

[1]) См. выше, стр. 24 (слова Погодина) и во II т. «Философія въ Россіи», стр. 193—212 (полемику съ Ленцемъ).

тивномъ случаѣ, и оно само, и основанная на немъ система должны рушиться.

Павловъ признаётъ теорію Окена неудовлетворительною, какъ допускающую противорѣчіе опытности.

Тьма, по Окену, есть ничто,—покой эѳира. Внѣ цвѣтного изображенія за призмою начинается тьма; слѣдовательно, тамъ не должно быть никакого дѣйствія свѣта. А на дѣлѣ замѣчается внѣ цвѣтного изображенія (со стороны луча краснаго) —наибольшая теплота и (со стороны фіолетоваго) наибольшее химическое дѣйствіе. Если свѣтъ есть эѳиръ напряженный, а теплота—эѳиръ движущійся вслѣдствіе напряженія, то теплота должна быть видимымъ спутникомъ свѣта, и наоборотъ, гдѣ нѣтъ свѣта, тамъ не должно быть теплоты. А на опытѣ: свѣтъ, пока не теряетъ линейности, не грѣетъ, т. е. не сопровождается теплотою; переставая же быть свѣтомъ, т. е. причиною видимости, онъ превращается въ теплоту. Итакъ теплота бываетъ и тамъ, гдѣ нѣтъ свѣта. Цвѣтъ, по Окену, есть смѣшеніе тьмы со свѣтомъ. Но тьма вѣдь есть ничто (по его мнѣнію), а свѣтъ—нѣчто: какже ничто, смѣшиваясь съ нѣчто, производитъ что то среднее, т. е. цвѣтъ? Это несообразимо [1]).

Нельзя не пожалѣть, что никто изъ многочисленныхъ учениковъ Павлова не потрудился составить его подробной біографіи. Въ книгѣ „Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго Университета 13 іюня 1840 г.“, М., въ отдѣлѣ „Некрологіи“, стр. 16—20, III —мы находимъ некрологъ М. Г. Павлова, составленный его

[1]) Стр. 211—213 (I-го изданія) или 216—219 (§ 16 II-го изданія).

ученикомъ К. Рулье. На стр. 18 примѣчаніе 6-е гласитъ: „Мы слышали, что одинъ изъ кандидатовъ университета готовитъ *подробный разборъ ученыхъ трудовъ* покойнаго профессора". Но это, повидимому, осталось лишь въ области pia desideria. Некрологъ Рулье вошелъ со вставками, пропусками и передѣлками во II ч. „Біографическаго Словаря профессоровъ и преподавателей Московскаго Университета", М. 1855 (стр. 183—199), гдѣ составляетъ стр. 183—190. Статью Рулье дополняли и передѣлывали ученики же Павлова *Щуровскій* и *Калиновскій*, помѣстившіе тамъ конспекты лекцій Павлова [1]). Статья Рулье изъ „Біографическаго Словаря" (именно стр. 183—191) была перепечатана въ книгѣ *„Русскіе люди.* Жизнеописаніе соотечественниковъ, прославившихся своими дѣяніями на поприщѣ науки, добра и общественной пользы" въ 2 ч. Изд. *М. О. Вольфа.* СПБ и М. 1866, ч. II, стр. 207—214, съ нѣкоторыми дополненіями (напр., 213-я стр. 6 строкъ снизу).

Библіографія сочиненій Павлова еще не приведена въ извѣстность. Опытъ этого рода находится въ моемъ сочиненіи „Философія въ Россіи", т. II, стр. 122—124.

---

[1]) Философія въ Россіи, т. II. стр. 106—107 и 119—122.

Мы намѣрены теперь показать вліяніе Павлова, сказавшееся въ духѣ первоначальной дѣятельности нашихъ двухъ извѣстныхъ филологовъ М. А. Максимовича и А. Д. Галахова; для этой цѣли мы изложимъ относящіеся сюда первые ихъ труды.

Михаилъ Александровичъ *Максимовичъ* (1804—1873), натуралистъ, историкъ и филологъ, „маленькій хохликъ" (по выраженію Погодина, см. Барсуковъ, т. I, стр. 62), племянникъ знаменитаго въ Москвѣ классика-филолога Романа Ѳеодоровича *Тимковскаго,* служилъ въ двухъ университетахъ профессоромъ: сначала въ Москвѣ—по каѳедрѣ ботаники (до 1834 г.), а потомъ по открытіи Кіевскаго университета—въ Кіевѣ,—по каѳедрѣ русской словесности (и до 1835 г. вмѣстѣ съ тѣмъ ректоромъ). Въ 1841 г. онъ бросилъ профессуру вообще (хотя въ 1843—1845 г. опять читалъ лекціи) О немъ см. *Пыпинъ*, Исторія русской этнографіи, т. III, гл. I, стр. 15—37, Юбилей Максимовича, Кіевъ, 1872, и статьи С. Пономарева въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія", т. CLVII за 1871 г., октябрь, отд. 2, стр. 175—249 и въ „Кіевской Старинѣ" за 1882—84 г. Ср., кромѣ того, „Біографическіе словари" профессоровъ Московскаго (т. II, стр. 1—22) и Кіевскаго (стр. 379—397) университетовъ. Статья въ Московскомъ словарѣ—автобіографія, но съ значительными передѣлками С. П. Шевырева [1]).

Статья въ Кіевскомъ Словарѣ принадлежитъ перу А. И. Соболевскаго. Труды Максимовича перечислены въ Московскомъ Словарѣ на стр. 15—21, въ Кіевскомъ на стр. 387—397. Ср. еще у Пыпина на стр. 16 прим. Сочиненія Максимовича въ 3-хъ томахъ изданы въ Кіевѣ 1876—1880 г.

„Въ Москвѣ главнымъ дѣломъ Максимовича было *Естествознаніе,* которому *неотлучною спутницею и вѣрною неизмѣнною помощницей* была *Философія*; а въ Кіевѣ онъ преданъ былъ Словесности, развивавшейся у него подъ господствомъ Исторіи, которая подъ конецъ взяла верхъ" (М. Б. Сл. стр. 21).

[1]) Ср. у С. Пономарева (въ «Журналѣ» стр. 176 прим. 1).

Максимовичъ неоднократно упоминается по различнымъ случаямъ въ трудѣ Барсукова „Жизнь и труды Погодина". *Ксенофонтъ Полевой* такъ характеризуетъ его:

...„Максимовичъ былъ страшный лѣнтяй и всегда казался дремлющимъ; но взамѣнъ всего онъ обладалъ удивительною смѣтливостью, умѣлъ спрашивать, слушать, и такъ сказать, учился изъ разговоровъ. Когда многіе тогдашніе молодые люди читали, изучали нѣмецкихъ философовъ, онъ не читалъ ихъ (да и не могъ читать), *но слушалъ сужденія и объясненія проф. Павлова* и всей фаланги его послѣдователей, съ которыми былъ знакомъ почти со всѣми. Словомъ, онъ вполнѣ воспользовался правиломъ древней мудрости: „Кто говоритъ, тотъ сѣетъ; кто слушаетъ, тотъ собираетъ" [1].... При всемъ наружномъ простодушіи онъ отличался необыкновенною разсудительностью, умомъ проницательнымъ"...

О своихъ отношеніяхъ къ Павлову Максимовичъ разсказываетъ такъ:

„Звѣздою физико-математическаго отдѣленія въ университетѣ заблестѣлъ тогда прибывшій изъ-за границы профессоръ минералогіи и сельскаго хозяйства Павловъ. Его лекціи о природѣ—въ духѣ натуральной философіи, *строго логическія и художественно округленныя, питали новою* жизнію молодые умы студентовъ" [2].

„Былъ тогда обычай, что кончающіе курсъ студенты подавали разсужденія возможно большему числу профессоровъ своего отдѣленія. Максимовичъ подалъ.... профессору *Павлову прежде всѣхъ* сочиненіе о *системѣ* растительнаго царства. Павловъ былъ *вполнѣ доволенъ* сочиненіемъ, какъ „*первымъ* плодомъ *его* ученія о природѣ". Но проф. *Двигубскій* выразилъ неудовольствіе за *излишество философскаго* элемента въ диссертаціи. Ректоръ *Антонскій* былъ того же мнѣнія. Статья

---

[1]) Ксенофонтъ Полевой, Записки, ч. I, гл. VII, стр. 131.

[2]) Біографическій Словарь Императорскаго Московскаго Университета, т. II, стр. 4.

съ нѣкоторыми измѣненіями была тогда же напечатана въ „*Новомъ Магазинѣ*“ въ маѣ 1823 г. [1]).

Максимовичъ взялся написать зоологію по руководству *Океновой* Натуральной исторіи и его же „Эскиза“, изданнаго въ Парижѣ и *подареннаго* ему проф. *Павловымъ*....

„Главныя основанія Зоологіи“ уже были изданы подъ цензурою проф. Павлова въ маѣ 1824 г.“ [2]).

Измѣненія въ статьѣ Максимовича, напечатанной у Двигубскаго въ „Новомъ магазинѣ“ заключались, повидимому, въ томъ, что изъ нея повыкурили „философскій духъ“. Приступаемъ къ изложенію ея. Статья помѣщена въ журналѣ „Новый Магазинъ“ естественной исторіи, физики, химіи и свѣдѣній экономическихъ, издаваемый Иваномъ *Двигубскимъ*, Часть II, № I. Девизъ: Multa fiunt eadem, sed aliter. Москва. 1823 г. Въ Университетской типографіи. Цензурное разрѣшеніе: Москва, Мая 7. 1823 г. Антона Прокоповича-Антонскаго, ст. I, стр. 3—22.

---

[1]) Тамъ же, стр. 5.

[2]) Тамъ же, стр. 6. А. Г-жа Е. Некрасова увѣряетъ, что Максимовичъ написалъ «Зоологію», «которая обратила на себя вниманіе многихъ.... между прочимъ.... и тогдашняго любимаго профессора университета, М. Г. Павлова, проповѣдника философіи Шеллинга, хотя(!) самъ онъ преподавалъ такія науки, какъ физика и сельское хозяйство». (Сѣверный Вѣстникъ, годъ VII, 1892 г., февраль, № 2, отдѣлъ I, ст. IX. «Писатели для народа изъ интеллигенціи. Очеркъ I. Князь В. Ѳ. Одоевскій (стр. 155—182) стр. 162)! Впрочемъ, это, повидимому, есть вольная перефразировка тоже не совсѣмъ точныхъ словъ С. Пономарева («Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», часть CLVII, годъ 1871, октябрь, отд. 2, «Михаилъ Александровичъ Максимовичъ», (стр. 179) о «Зоологіи»: «Это была первая книга Максимовича, доставившая ему вниманіе ученаго міра, *дружбу М. Г. Павлова* и сближеніе съ литературнымъ міромъ». Дружба Павлова и его вниманіе были Максимовичемъ пріоорѣтены, какъ видимъ, гораздо раньше.

О системѣ растительнаго царства.

(Изложеніе статьи М. А. Максимовича).

Произведенія природы столь разнообразны и многочисленны, что познавать ихъ безъ *системы*, безъ „аріадниной нити“ (по выраженію Линнея) значило бы блуждать въ лабиринтѣ. Система укажетъ, гдѣ чего искать, и куда что помѣщать; она бываетъ *искусственная* (когда за основаніе принимается какая-либо одна часть тѣла произвольно) или *естественная*, когда основывается на многихъ частяхъ [1]). Наилучшая изъ искусственныхъ системъ растительнаго царства—Линнеева система *брачная* (s. sexuale), основанная на плодотворныхъ частяхъ. Хотя она послужила къ великимъ открытіямъ, но на ней нельзя останавливаться желающему не одного только поверхностнаго изслѣдованія растеній. Самое усиліе ботаниковъ (*Тунберга*, *Вильденова*, *Лиліенблада*, *Суккова*, *Ришара*, *Траттиника* и др.) доказываетъ ея несовершенство. Искусственныя системы вообще не даютъ существеннаго познанія; онѣ даже отдаляютъ отъ истинной цѣли: въ одинъ классъ въ нихъ совмѣщаются совсѣмъ несходныя растенія, и по разнымъ классамъ размѣщаются растенія одного семейства. Всѣ такія системы основаны на *наружныхъ* частяхъ растеній, и притомъ на *одной* изъ нихъ. Избранная часть можетъ или сильно

---

[1]) Стр. 4.

различествовать, или ея можетъ вовсе не доставать (напр., тычинки). Истинное познаніе получается черезъ *физіологическое* [1]) познаніе каждой части. А по одной наружности предметы представляются односторонними. И Линнеева система могла держаться такъ долго только потому, что она—не чисто искусственная, а благодаря своимъ отступленіямъ отъ принципа—отчасти и натуральная. Линней самъ признавалъ естественную систему—цѣлью ботаники. *Декандоль* правъ, защищая естественную систему, разсматривающую отношенія *всѣхъ* частей.

Естественную систему принимали: *Магноль*, *Бернаръ Жюсье* (Jussieu), *Адансонъ* и *Антонъ Жюсье*. Теперь эта система принята лучшими ботаниками: *Декандолемъ*, *Бачшемъ*, *Броуномъ* и др. Но ихъ системы суть только историческое описаніе растеній: ихъ достоинство только въ томъ, что сходныя растенія будутъ находится вмѣстѣ; но сколько же остается растеній [2]) т. н. incertae sedis—по недостаточному познанію настоящаго сродства между растеніями и семействами!

Обыкновенная естественная система представляетъ—отрывки настоящей [3]). Показать наружное,—положимъ, и внутреннее строеніе растеній—и сходныя изъ нихъ соединить вмѣстѣ—не есть еще конецъ ботаники. Естественная система, представивъ растительное царство, не какъ ряды, но какъ *сферы* (имѣющія центры и радіусы), должна показать отношенія между растеніями и семействами, и какъ всѣ они образовались по одинаковой *аналогіи* (*Фрисъ*, шведскій ботаникъ, первый счастливо *соединилъ умозрѣніе съ опытностію* [4]). Система должна представить *физіологически*, показать значеніе каждой части, изобразить развитіе цѣлаго раст. царства. То-

---

[1]) Стр. 5.

[2]) Максимовичъ пишетъ «растѣнія».

[3]) Стр. 9.

[4]) Стр. 10.

гда система представитъ намъ растительное царство въ такомъ видѣ, въ какомъ оно есть въ самой природѣ: это будетъ finis botanices.

„Таковая система есть дѣло великаго ума и обширныхъ свѣденій; и *Кизеръ* [1]) первый, а болѣе *Окенъ*, сей великій писатель и философъ-натуралистъ, положили уже глубокія ея основанія. Совершится же сія система во всѣхъ ея подробностяхъ еще не скоро,—когда многіе *Фрисы* рѣшатся ее обработывать".

Затѣмъ (стр. 11—22) Максимовичъ переходитъ къ изложенію основныхъ началъ системы и къ ея начертанію.

Анатомія растеній научаетъ насъ, что всѣ части растенія состоятъ либо изъ *клѣтчатки* (tela cellulosa), либо изъ *спиралей* (vasa spiralia); всѣ сосуды, находимые въ составѣ растеній, суть измѣненія тѣхъ или другихъ.

Растеніе въ началѣ есть слизистый пузырекъ, подвергающійся дѣйствію (преимущественно) земли и воздуха; черезъ образованіе и присоединеніе новыхъ пузырьковъ (изъ коихъ пузырьки, наиболѣе подвергающіеся дѣйствію воздуха, растягиваются въ трубочки) растеніе изъ сферической формы превращается въ *линейную*, укрѣпляясь однимъ концомъ въ землю, а другимъ—вверхъ, выходя на поверхность и подвергаясь тамъ дѣйствію свѣта (перпендикулярное направленіе). Соединеніе пузырьковъ составляетъ *клѣтчатку*, которая есть первоначальная и главная основа растеній; въ ней совершаются всѣ органическіе процессы.

Спирали суть волокна или тесьмы (по *Линку* и др.), плотныя (т. е. не наполненныя ни влагою, ни воздухомъ): *подобно* нервамъ въ животныхъ, онѣ производятъ въ растеніяхъ

---

[1]) О Кизерѣ см. «Философія въ Россіи», т. III, стр. 16—19.

движеніе и возбуждаемость органическихъ процессовъ. Спиральная система есть вторичная и происходить отъ дѣйствія свѣта на клѣтчатку. Поэтому спиральная система имѣетъ *высшее* значеніе, нежели клѣтчатая; выше стоятъ и всѣ тѣ части и растенія [1]), гдѣ спиралей болѣе. Корень, скрытый отъ свѣта, состоитъ почти изъ одной клѣтчатки, какъ и цѣлый классъ низшихъ растеній, а тычинки—почти изъ однихъ спиралей; въ листьяхъ послѣднихъ болѣе, чѣмъ въ вѣтвяхъ и стволѣ.

Существенныхъ органовъ въ растеніи только три: *корень*, *стволъ* и *листъ*. *Цвѣтъ* не есть особый органъ, а только представленіе прочихъ въ высшемъ значеніи.

Корень есть пищеварительный органъ въ растеніи и *соотвѣтствуетъ* желудку въ животномъ; онъ превращаетъ окружающую его питательную матерію въ слизь. Это—органъ *земной*: въ землю, какъ въ настоящую среду свою, онъ всегда углубляется.

Стволъ—что̀ сосудистая система животныхъ—органъ питанія: въ немъ совершается процессъ образовательный (движеніе соковъ, образованіе сахарнаго вещества, всасываніе и отдѣленіе и т. д.).

Листъ (какъ легкое у животныхъ) есть органъ дыханія; въ листахъ же совершается окисленіе соковъ, отдѣленіе водотвора и угольной кислоты и т. д.

Цвѣтъ [2]) не есть особый органъ: въ немъ повторились (но въ высшемъ значеніи) тѣ же органы; системы здѣсь содѣлались особенными органами: спиральная—въ цвѣтѣ, а клѣтчатая въ *плодѣ*; *тычинка* представила спираль, а *пестикъ*—

---

[1]) Стр. 13.

[2]) Стр. 14.

клѣтчатку. Цвѣтъ есть какбы особое растеніе, зависящее отъ дѣйствія солнца. *Цвѣтныя оболочки* (perigonium)—въ цвѣтѣ листъ; чашечка (calyx)=прилистникамъ (stipulae) и не есть существенная часть въ цвѣтѣ, какъ и прилистники въ растеніи; *вѣнчикъ* соотвѣтствуетъ листамъ, *коронка* (coronula)=*прицвѣтникамъ* (bracteae) и тоже не существенна.

Зародышъ (germen s. ovarium) есть начало будущаго плода: въ немъ должны повториться стволъ и корень. *Сѣменникъ* (pericarpium) представляетъ стволъ—составомъ (клѣтчатка и спирали) и процессомъ броженія (кислота и сахаръ—продукты). *Сѣмя* изображаетъ корень—составомъ (клѣтчатка одна) и образованіемъ алкалическихъ продуктовъ (мука, масло и т. д.). Сѣмя существуетъ и въ самыхъ нисшихъ растеніяхъ, у которыхъ нѣтъ ни цвѣта, ни другихъ отдѣльныхъ органовъ.

Раздѣленіе и обособленіе системъ достигается въ *тычинкѣ* (развив. изъ цвѣтка) и *пестикѣ* (изъ плода) [1]. Въ тычинкахъ спираль приходитъ въ первоначальную форму произведеніемъ плодотворной пыли (pollen). И пестикъ, клѣтчатый органъ высшаго значенія, имѣетъ слизь на верхушкѣ.

Тычинка и пестикъ суть, такъ сказать, *животные* органы въ растеніи, одинаковаго и высочайшаго, но противоположнаго образованія и значенія. Тычинка—высшаго значенія: она относится къ пестику, какъ цвѣтъ къ плоду, какъ мущина къ женщинѣ, творящее или дѣйствующее къ творимому.

Слѣдствіе этой противоположности есть *оплодотвореніе*, оживленіе еще бездѣйственнаго зародыша. Развитіе его въ плодъ есть отдѣленіе сѣменника отъ сѣмени. Плодъ тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ это отдѣленіе явственнѣе и сложнѣе. Созрѣніемъ сѣмени довершается окончательное развитіе растеній. Сѣменемъ сохраняются породы: здѣсь растенія прихо-

---

[1]) Стр. 16.

дятъ въ первоначальную форму и оттуда же должны опять возникать.

Цѣлое растительное царство надо представить себѣ, какъ развитіе одного особаго (individuum), какъ одно великое совершенное растеніе и постепенное его развитіе. Тогда мы поймемъ, что каждое растеніе есть частное представленіе преимущественнаго образованія и усовершенствованія какой-либо части. Цѣлыя группы выражаютъ постепенное усовершенствованіе органовъ,—и во всѣхъ растеніяхъ всѣ органы равно совершенны.

Послѣ опредѣленія значенія каждой части растенія Максимовичъ переходитъ къ разсмотрѣнію періодовъ ихъ развитія. Таковыхъ три:

1) *Прозябеніе* (germinatio)—первоначальное развитіе сѣмени; еще не образуется органовъ;

2) *Произрастаніе* (propagatio)—развитіе корня, ствола и листа;

3) *Плодотвореніе* (fructificatio)—развитіе цвѣта и плода.

Все растительное царство надобно расположить сообразно этимъ періодамъ развитія [1]).

Прозябеніе представляютъ *грибы* (plantae mycetoideae); въ нихъ еще не образовался ни одинъ органъ.

Второй классъ составляютъ растенія, представляющія собою—*корень*. Они состоятъ изъ одной клѣтчатки; ни ствола, ни листьевъ не образовалось еще.

Растенія *третьяго* класса—*стволовыя*: у нихъ есть корень и стволъ, но листья несовершенныя (съ параллельными, а не съ сѣтчатыми жилками).

---

[1]) Стр. 17.

Далѣе слѣдуютъ растенія: *листовыя, сѣменныя, сѣменниковыя и вѣнчиковыя.*

Плодъ есть соединеніе всѣхъ частей растенія, а потому послѣдній классъ—*плодовыя* растенія, у коихъ плодъ совершеннѣе.

Дальнѣйшее подраздѣленіе на порядки, семейства и пр. должно основываться на этихъ же началахъ, такъ что всегда будетъ 4 раздѣленія: *корневыя, стволовыя, листовыя, цвѣтовыя,* —или въ высшихъ классахъ: *сѣменныя, сѣменниковыя, вѣнчиковыя и плодовыя.*

Таблица на стр. 19 представляетъ отличительные признаки 8 классовъ растеній.

Растительное царство заключаетъ:

1. A. *Грибы.* B. Растенія.

a) Клѣтчатыя. b) Спирально-волокнистыя.

2. *Корневыя.* b.

α) Односѣменодольныя. *β*) Двусѣменодольныя.

3. *Стволовыя.* *β*.

Безлепестныя. Лепестныя.

4. *Листовыя.* (*Цвѣтовыя*).

5. *Сѣменныя.*

6. *Сѣменниковыя.*

7. *Вѣнчиковыя.*

8. *Плодовыя.*

Подробное дѣленіе на порядки излагается на стр. 19—22.

Что касается грибовъ (прим. стр. 19—20), то, хотя и они—прозябаемыя (ибо они прикрѣплены къ землѣ и не имѣютъ произвольнаго движенія), но въ нихъ столько *особеннаго*, что *Нейсъ*, *Окенъ*, *Фрисъ* отдѣляютъ ихъ въ особую статью. Существуя же, какъ растенія, грибы преизобилуютъ азотомъ и ближе всѣхъ растеній подходятъ къ животнымъ; посему ихъ можно назвать (по примѣру *Велланскаго*, стр. 412 „Біолог. описанія природы") *растительно-животными* (Phytozoa), какъ полипы суть—*животнорастенія* (Zoophyta). Впрочемъ, эта часть ботаники кажется Максимовичу еще не совсѣмъ обработанною и требующею дальнѣйшихъ изслѣдованій.

Естественная система (ѳеорію составленія таковой см. въ *превосходныхъ* сочиненіяхъ *Декандоля*, *Фриса* и, *особенно*, *Окена*) должна основываться на этихъ истинныхъ началахъ: по нимъ можно дать надлежащее мѣсто каждому растенію и *основательно* показать, какое растеніе совершеннѣе другого. Съ этой точки зрѣнія, „ботаника не будетъ уже болѣе казаться наукою сухою; ибо—какое наслажденіе видѣть передъ собою развитіе цѣлаго царства, какбы одного растенія—видѣть и удивляться силѣ Всемогущаго! Какое поприще для ума, стремящагося познать причины и значеніе вещей, и законы ихъ дѣйствій!" [1]).

---

[1]) Стр. 20.

Эта статья Максимовича не прошла незамѣченною въ литературѣ и критикѣ. Такъ, напр., на нее указывалъ въ „Сынѣ Отечества“ кн. В. Ѳ. Одоевскій [1]).

Что же касается содержанія ея, то вліяніе Павлова, а черезъ него и Окена (несомнѣнно, что въ первые годы своего преподаванія Павловъ болѣе излагалъ теорію Окена, чѣмъ собственныя) сказывается замѣтно.

Специфическое вліяніе Павлова мы усматриваемъ, напр., въ предпочтеніи Фриса (см. выше, стр. 44, 45, 50), за то, что онъ соединилъ умозрѣніе съ опытомъ. Ср. во II томѣ „Философіи въ

---

[1]) «Сынъ Отечества», историческій, политическій и литературный журналъ, издаваемый Николаемъ Гречемъ (съ девизомъ: Verba animi proferre et vitam impendere vero. Juvenal. IV), часть девяносто пятая, СПБ. Въ типографіи Издателя. 1824, № XXXI (2 августа), III. Современная русская библіографія. Новыя книги. 1824. Естественная исторія. 81. Стр. 227—230. («Главныя Основанія Зоологіи или Науки о животныхъ, изданныя Михаиломъ Максимовичемъ. Книга первая. М. 1824, въ тип. А. Семена, въ б. 12, 72 стр.)». По замѣчанію редакціи это «краткое извѣстіе»—изъ Москвы. Рецензія подписана XI XIV. III XII. XV V, т. е. Кн. Вл. Од. «Молодой Авторъ сей книги уже нѣкоторымъ образомъ извѣстенъ читателямъ»; особенно замѣчательна была его статья въ Новомъ Магазинѣ и т. д. «О системѣ растительнаго царства», въ которой весьма основательно показавъ превосходство Естественной системы надъ Искуственными, онъ излагаетъ свою собственную теорію Фитологіи (Ботаники): должно признаться, что сія статья по своему духу видимо отличается отъ другихъ статей, печатаемыхъ въ семъ Журналѣ» (стр. 227).

Россіи", стр. 147, гдѣ приводится слѣдующее мнѣніе Павлова (изъ „Мнемозины"): „и умозрительное познаніе, и эмпирическое, какъ одностороннее, каждое по отдѣльности—неполно". „Система" же растеній, составленная М. А. Максимовичемъ,— „первый плодъ (выше, стр. 41) ученія Павлова о природѣ"— оказывается простымъ сколкомъ съ ученія Окена, какъ мы можемъ судить по другой книжкѣ того же Максимовича „О системахъ растительнаго царства", гдѣ ученіе Окена изображается на стр. 53—65 (замѣтимъ, кстати, что о своей „системѣ" Максимовичъ въ этой второй исторической работѣ совсѣмъ не упоминаетъ). Главнѣйшія мысли мы всѣ встрѣчаемъ у Окена: „Та самая жизнь, которая развивается въ органы растительные, образуетъ и цѣлыя растенія: каждое растеніе есть не иное что, какъ отдѣльное или особое образованіе одного, либо совмѣстно многихъ органовъ" (стр. 53)... „Какъ органъ есть часть цѣлаго растенія, такъ каждое особое растеніе есть часть цѣлаго царства, которое можно представлять себѣ однимъ великимъ растеніемъ, коего части образовались отдѣльными, особыми тѣлами" (стр. 54)...

„Цѣль системы: показать значеніе растеній въ царствѣ, разрѣшить вопросъ: какими отдѣленіями царства выражается какой органъ".... „Сей способъ воззрѣнія на царство растеній, какъ на единое древо растительной жизни, конечно, составляетъ его (Окена) главную заслугу"...

Въ природѣ виденъ ходъ отъ нисшаго къ высшему, совершеннѣйшему,—отъ единства и простоты къ сложности и многообразію".... Система должна, начавъ съ нисшихъ растеній... и преслѣдуя ихъ, восходить къ высшимъ....

„Общій существенный характеръ (стр. 55) служитъ соединеніемъ растеній въ одно цѣлое; частные характеры сіе цѣлое раздѣляютъ на части и частямъ симъ даютъ опять цѣлость степени второй, третьей и т. д.".

Расписаніе степеней и таблицы на стр. 56—61 показываютъ заимствованіе Максимовича отъ Окена (черезъ Павлова). I степень—ткань: 1) клѣтчатка, 2) междуклѣтники, 3) завитки или спиральные сосуды. Сіи части, соединяясь, образуютъ органы. II степень. Станъ—органы ращенія или питанія: 1) корень—органъ пищеварительный (перевѣсъ клѣтчатки), 2) стволъ—органъ движенія соковъ (перевѣсъ междуклѣтниковъ), и 3) листъ—органъ дыханія (перевѣсъ завитковъ). III степень—цвѣтъ: 1) сѣмя—повтореніе корня, 2) сѣменникъ—повтореніе стебля (сюда принадлежитъ и пестикъ) и 3) вѣнчикъ (съ чашечкою и тычинкою)—повтореніе листа. IV степень—плодъ—соединеніе всѣхъ трехъ частей листа. Классовъ у Окена (стр. 58—59)—не 8, какъ у Максимовича, а 10, но эта разница объясняется тѣмъ, что въ I степени—растеніяхъ тканевыхъ Окенъ считаетъ не одинъ, а три класса грибовъ: 1) клѣтчатковыя, 2) междуклѣтниковыя и 3) завитковыя. II степень—растенія становыя имѣютъ 4 класса: 4) корневыя (у Максимовича 2 кл.), 5) стеблевыя (у Мак-ча—3 кл.), кл. 6) листовыя (у М-ча—кл. 4). III степень—растенія цвѣтовыя: кл. 7) сѣменныя (у М-ча—5 кл.), 8) сѣменниковыя (у М-ча—кл. 6) 9) вѣнчиковыя (у М-ча—кл. 7). IV степень—растенія плодовыя—кл. 10) плодовыя (у М-ча кл. 8).

Такимъ образомъ получается полное соотвѣтствіе классовъ у Окена и Максимовича.

Отсюда видимъ мы, что мнѣніе С. Пономарева (стр. 179): „въ статьѣ („О системѣ“ etc) излагалась *собственная* теорія ботаники (!), основанная на сущности каждаго растенія“ совершенно не основано на фактахъ. Впрочемъ, и это мнѣніе заимствовано изъ отзыва кн. В. Ѳ. Одоевскаго (см. выше, стр. 51, прим.).

Это любопытное сличеніе показываетъ намъ, съ одной стороны, насколько вѣрно и точно излагалъ Окена М. Г. Павловъ, въ первые годы своего преподаванія въ Московскомъ

университетѣ еще не отваживавшійся на критику Окена (какъ онъ дѣлалъ позднѣе по отношенію къ его же физикѣ см. выше, стр. 37 и 38); съ другой стороны, мы видимъ, насколько мѣтко уловилъ и усвоилъ себѣ идеи Окена Максимовичъ, не читавшій самъ нѣмецкихъ натур-философовъ въ подлинникѣ (см. выше, стр. 41), а принужденный знакомиться съ ними лишь въ устной ихъ передачѣ на лекціяхъ Павлова. Позднѣе въ историческомъ своемъ сочиненіи Максимовичъ вторично изложилъ идеи Окена—уже по подлиннику—по журналу „Изидѣ" (стр. 55—56), Naturgeschichte u Esquisse d' Anatomie, de Physiologie et d'Histoire naturelle самого Окена, [1])—и изложилъ уже критически. Но пора намъ сказать нѣсколько словъ и объ этомъ второмъ его трудѣ.

---

[1]) Эти книги были ему подарены самимъ М. Г. Павловымъ (см. выше, стр. 42).

Изложенную статью М. А. Максимовича не слѣдуетъ смѣшивать съ его же позднѣйшимъ сочиненіемъ (магистерскою диссертаціею подъ сходнымъ заглавіемъ) „О системахъ растительнаго царства“, носящемъ строго *историческій* характеръ. Этотъ трудъ показываетъ въ Максимовичѣ хорошаго знатока исторіи своей науки—ботаники. Онъ перечиталъ всѣхъ авторитетовъ въ подлинникахъ и приводитъ ихъ мнѣнія въ обширныхъ латинскихъ цитатахъ (подъ строкою). Въ предисловіи авторъ говоритъ слѣдующее:

„Соединеніе въ одно органическое цѣлое растеній называется *системою растительнаго царства*. Ее различаютъ на *естественную* и *искуственную*, хотя послѣдняя собственно не можетъ называться системою, ибо ея цѣль состоитъ только въ легчайшемъ способѣ опредѣленія растеній.

Основаніемъ *искуственной* системы можетъ служить одинъ какой-либо признакъ [1]), избранный по произволу, отъ котораго (?) зависятъ и произведенія природы; но естественная система созидается на началахъ необходимыхъ, выведенныхъ изъ полнаго познанія растеній.

Система *искуственная* допускаетъ произвольныя измѣненія, и завися отъ назначеннаго признака, можетъ измѣняться сама до безконечности. *Естественная* система не до-

---

[1]) См. выше, стр. 43.

пускаетъ такихъ произвольныхъ измѣненій: ея измѣненіе состоитъ въ полнѣйшемъ только развитіи.

Искуственная система удовлетворяетъ начальной потребности разума; естественная—составляетъ главную и послѣднюю цѣль его изысканій, къ которой онъ такъ постоянно стремится и мало по малу приближается. Но поелику всѣхъ растеній открыть не можно, и разумъ нашъ цѣлой природы обнять не въ состояніи; то и Естественная Наука есть задача безконечная,—системы совершенной и постоянной—не дождемся.

Предметъ сего разсужденія состоитъ въ критико-историческомъ показаніи развитія системы растительнаго царства. Я раздѣляю оное на три періода: къ *первому* отношу начала системы вообще и системы искуственныя, кои ограничиваются познаніемъ только породъ и родовъ; ко *второму*—составленіе родовъ въ естественные порядки или семейства; къ *третьему*—составленіе семействъ въ классы и стремленіе создать цѣлую систему".

Представимъ описаніе книги:

О системахъ растительнаго царства. Разсужденіе для полученія степени Магистра Физико-Математическихъ Наукъ сочиненное *Михаиломъ Максимовичемъ*. Москва. Въ университетской типографіи. 1827. Малая 8°. На обор. тит.—девизъ:

Filum Ariadneum Botanices est Systema, sine quo chaos est regnum vegetabile.—

Ordines Naturales valent de natura plantarum. Artificiales in diagnosi plantarum.—

Methodus Naturalis ultimus est finis Botanices. *Linné*.

Съ дозволенія Университетскаго Совѣта, по одобренію Отдѣленія Физико-Математическихъ Наукъ. Іюня 9 дня 1827 года.

Секретарь Совѣта Орд. Профессоръ и Кавалеръ Павелъ Щепкинъ. Тит.+2 ненум. стр. предисловія (курсивомъ, безъ заглавія)+текста 1—79 стр.+„Положенія“ 2 ненум. (всего положеній 11). Періодъ I-й. Отъ Цизальцина до Линнея. Начало системы. Система искуственная (стр. 1—19); Періодъ II. Отъ Линнея до Жюсье. Изысканіе естественныхъ свойствъ растеній (стр. 20—41). Линней—стр. 21, Жюсье—стр. 28; Періодъ III (стр. 42—79): Пирамъ Декандоль—стр. 44, Система Окена—стр. 53, Кассель—стр. 65, Илія Фрисъ—стр. 71.

Что касается сужденій Максимовича, то всего точнѣе насъ ознакомятъ съ ними нѣкоторыя выдержки.

О Линнеѣ (стр. 22): „Генія, пролагающаго новый путь, не всегда должно судить по тому, что̀ онъ сдѣлалъ: онъ познается и въ намѣреніяхъ, и въ начинаніяхъ“ (стр. 24). „Ботаническіе признаки не для того составлять должно, чтобы составить родъ, классъ, но потому что сіи находятся въ природѣ: сродство предшествуетъ признаку. Потому Линней.... хотѣлъ дать признаки существенные (essentiales), а они и доселѣ еще не познаны у многихъ семействъ!“

Объ свѣтилѣ шеллинговой натурфилософіи въ ея примѣненіи къ естествовѣдѣнію—Окенѣ: „Окенъ не столько старался представить природу въ своей системѣ, сколько хотѣлъ въ природѣ показать свою систему: вотъ и причина, почему въ Ботаникѣ *не имѣло большаго успѣха* его систематическое расположеніе растеній. Умозрѣніе истинное должно согласоваться съ природою; система растеній Окена, какъ и самъ онъ сознается, есть только начальный опытъ; но его воззрѣніе на растительное царство... имѣетъ много истиннаго, придаетъ системѣ новый свѣтъ и можетъ произвести успѣхъ дѣйствительный“... (стр. 64—65). „Въ системѣ животныхъ онъ былъ гораздо удачнѣе“ (стр. 63).

Всего благосклоннѣе сужденіе Максимовича о Фрисѣ (ср. выше. стр. 44 и 51): ...„здѣсь вижу я образецъ систематическаго обозрѣнія, какого еще доселѣ не встрѣчалъ въ Ботаникѣ: раздѣленія у него не случайныя, не на формѣ кажущейся основаны, но необходимыя, выведенныя изъ дѣйствительной сущности самой жизни. Здѣсь, такъ сказать, примиряются всѣ особенные способы воззрѣнія, кои, составляя особенность вышеизложенныхъ системъ, дѣлали ихъ болѣе или менѣе односторонними. Здѣсь видишь изображеніе природы, по которому подумаешь, *что она сама иногда вѣщала устами Фриса*; и духъ, утомленный долгимъ плаваніемъ по морю системъ, гдѣ семейства растеній встрѣчались ему не рѣдко, какъ обнаженныя скалы и невоздѣланные острова, волнами сомнѣній окруженные, здѣсь впервые отдыхаетъ на брегѣ твердой земли, гдѣ начинается только владѣніе Флоры“ (стр. 75) ....„Я совсѣмъ не такъ ослѣпленъ Фрисомъ, чтобы его назвать *свѣтиломъ Ботаники*; но вижу въ немъ только блистательную зарю, выводящую за собою ясный день истинной системы! Ясный ли будетъ день? Справедливы ли мои примѣты? Это покажетъ время“.... (стр. 79).

Изъ русскихъ ученыхъ упоминается лишь (стр. 18): „*Двигубскій* составилъ подобный (какъ *Лестибудоа* для Бельгической и *Дюбоа* для Орлеанской) аналитическій методъ для опредѣленія растеній Московской Флоры, который вскорѣ будетъ отпечатанъ“.

Изъ „положеній“ отмѣтимъ слѣдующія, носящія болѣе или менѣе философскій характеръ:

1) Собственная цѣль Естествознанія состоитъ въ томъ, чтобы частныя, опытныя свѣденія о природѣ привести къ одному всеобщему началу и соединить въ одну систему.

2) Мы знаемъ природу a posteriori.

3) Въ системѣ, кромѣ *сродства* (affinitas), должно еще наблюдать и *сходство* (analogia).

5) Первоначальное раздѣленіе земныхъ тѣлъ не на формѣ основывается, но выводится физіологически.

10) Въ природѣ вездѣ двойство: свѣтъ безъ двойства являться не можетъ.

11) Изъ того, что електричествомъ и свѣтомъ возбуждается магнитизмъ, не слѣдуетъ, что они суть одно и то же.

Обратимся къ другому ученику Павлова—*Алексѣю Дмитріевичу Галахову*, воспоминанія котораго мы уже цитировали въ этой статьѣ не разъ. А. Д. Галаховъ извѣстенъ всей читающей и учащейся Россіи, какъ составитель „Христоматій", „Исторіи русской литературы" (пространной и краткой—класснаго учебника) и т. д. Онъ родился въ 1807 г., по окончаніи курса (1822—1826) въ Московскомъ университетѣ по физико-математическому факультету былъ стипендіатомъ, затѣмъ помощникомъ инспектора студентовъ, преподавателемъ при сиротскомъ институтѣ, съ 1856 г. состоялъ профессоромъ русской словесности при академіи генеральнаго штаба въ Петербургѣ, а съ 1865 г.—78 имѣлъ каѳедру того же предмета въ историко-филологическаго института. Его воспоминанія и автобіографическіе очерки, полные интересныхъ сообщеній, печатались въ разныхъ журналахъ, както: „Отечественныя Записки" за 1847 г., т. 45, отд. I. словесность, стр. 300—312 (посвящено П. Н. Кудрявцеву) и „ьторой отрывокъ" —тамъ же, за 1848 г., т. 57, отд. I, стр, 218—226. Подпись: Сто—одинъ. Эпиграфъ „Человѣкъ онъ былъ" („Гамлетъ") и „Русскій Вѣстникъ" за 1875, ноябрь, т. 120, ст. II. Дѣдъ мой помѣщикъ Сербинъ (изъ записокъ человѣка) Сто одного, стр. 62—82; за 1876 г. т. 123, май, ст. III, стр. 97—118. „Первые годы жизни до поступленія въ школу" (изъ записокъ человѣка)—за подписью „сто—одинъ"; за тотъ же годъ, т. 125, октябрь, ст. VIII, стр. 810—831—„Время школьнаго ученія". Уѣздное училище и гимназія (1816—1822); т. 126, ноябрь, ст. V. Время высшаго образованія, университетъ (1822—1826), г. IV, стр. 182—208; за 1877 г. т. 132., ноябрь, ст. III. Отъ окончанія университетскаго курса до начала педагогическихъ занятій (1826—1832), стр. 74—93; за 1889 г. т. 203, августъ, ст. VII, стр. 133—136 „Михаилъ Петровичъ Погодинъ" (по поводу сочиненія Н. П. Барсукова.

Воспоминанія Галахова печатались также въ „Русской Старинѣ“ и въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ за разные годы. Некрологъ его, составленный. Л. Майковымъ,—въ „Журналѣ Мин. Нар. Просв.“, ч. 284, за 1892 г. декабрь, Совр. лѣтопись, ст. IV, стр. 124—133.

Галаховъ началъ писать очень рано. Еще на актѣ Рязанской гимназіи въ 1822 г. при окончаніи имъ курса раздавали въ печатномъ видѣ прочитанную Галаховымъ рѣчь „Объ истинной славѣ“ [1]). По спеціальнымъ предметамъ онъ помѣщалъ переводныя статьи въ „Новомъ Магазинѣ“ Двигубскаго. Подъ вліяніемъ лекцій Павлова у него тоже развился вкусъ къ философіи, и плодомъ этихъ увлеченій явилась его статья „Четыре возраста естественной исторіи“, повторяющая, правда, много мнѣній учителя, но и показывающая, что А. Д. Галаховъ сумѣлъ хорошо переварить усвоенное и скомбинировать мысли Павлова въ самостоятельномъ примѣненіи ихъ къ исторіи науки. Статью свою Галаховъ пристроилъ въ „Московскій Вѣстникъ“ Погодина, который, какъ мы видѣли (стр. 3 и 24—25 выше), увлекался и Шеллингомъ, и Павловымъ и охотно далъ мѣсто статьѣ, пропагандировавшей то же направленіе. Объ этомъ самъ Галаховъ разсказываетъ такъ:

„Съ такимъ общедоступнымъ человѣкомъ, какъ Погодинъ, я познакомился въ первый годъ издававшагося имъ „Московскаго Вѣстника“ (1827). Я отъявился къ нему съ небольшой статейкой подъ названіемъ „Четыре возраста естественной исторіи“, чуждой содержанія, т. е. научнаго интереса, но написанной недурнымъ стилемъ *подъ вліяніемъ* такъ называвшейся „*павловщины*“, т. е. лекцій *М. Г. Павлова*, любимаго проф. въ физико-математ. факультетѣ“ [2]).

---

[1]) Русскій Вѣстникъ, т. 125, стр. 829.

[2]) Галаховъ, «Сороковые годы», стр. 397 въ «Ист. В.» за 1892 г., т. 47, февраль, ст. V.

Четыре возраста естественной исторіи.

(Изложеніе статьи, которая помѣщена въ журналѣ „Московскій Вѣстникъ". Журналъ, издаваемый М. Погодинымъ. Часть пятая за 1827 г., № XVII, Науки, Естественная Исторія. „Четыре возраста Естественной Исторіи", стр. 40—58, неподписано, но въ оглавленіи подпись: №).

Историческій обзоръ всякой науки, подобно жизни всего человѣчества и каждаго человѣка, можетъ быть представленъ въ извѣстномъ числѣ возрастовъ. Познавательныя стремленія человѣка не сразу разверзали сокровищницу всего познаваемаго. Первыя свѣдѣнія о какомъ-либо предметѣ (во времена отдаленныя) необходимо должны носить на себѣ печать *младенчества.*

Потомъ, когда человѣкъ, утомленный безчисленностью предметовъ, сталъ различать ихъ и пріобрѣтенныя свѣдѣнія распредѣлять на отрасли (науки), тогда успѣхи мышленія стали больше и достигли *юношескаго* возраста: предметъ и цѣль изслѣдованія стали понятнѣе и яснѣе.

Не ограничиваясь только этимъ пріобрѣтеніемъ свѣденій, человѣкъ стремится утвердить всѣ отрасли знанія на одномъ основаніи и представить ихъ въ цѣломъ, систематическомъ видѣ.

На предѣлахъ юношества расцвѣтаетъ сильное, зрѣлое *мужество.* Науки получаютъ самостоятельность и вѣрнымъ путемъ идутъ къ совершенствованію.

Когда человѣкъ, какбы достигнувъ цѣли изслѣдованій, въ нихъ самихъ обрѣтаетъ и высшее наслажденіе, и сладостную награду трудамъ, тогда наступаетъ *старость*.

Въ каждой отрасли знанія всего важнѣе:

1) сущность предмета,

2) цѣль изслѣдованія,

3) способъ для достиженія цѣли. [1])

Всякому наблюдателю при разсматриваніи предмета представляются три вопроса: Что̀ я познаю? Для чего я познаю? Какимъ образомъ долженъ я познавать? Наука имѣетъ твердое и должное основаніе, если разсмотрѣны изъ надлежащей точки зрѣнія эти три вопроса; иначе въ ней не будетъ единства начала и согласія въ частяхъ, не будетъ ничего, кромѣ собранія выводовъ, по большей части, невѣрныхъ. Да и откуда ждать успѣховъ, если мы не знаемъ ни предмета, ни цѣли, ни пользы и важности изслѣдованія?

Поэтому представить историческій ходъ естественной исторіи (какъ и прочихъ наукъ) есть то же, что̀ разрѣшить слѣдующій вопросъ: *на какой степени развитія въ каждомъ возрастѣ находились мнѣнія о предметѣ и цѣли ея изслѣдованій и о способѣ производить сіи изслѣдованія?* [2])

Врожденное побужденіе къ познанію устремляется сначала на предметы, насъ окружающіе и постигаемые чувствами (т. е. нераздѣльные съ физическимъ бытіемъ), на планету, обитаемую человѣкомъ, съ участью которой сопряжена и его участь Дивное смѣшеніе земныхъ существъ и непрерывность явленій природы поразили мысль и возвели ее на первую ступень развитія. Главною цѣлью является схватить какъ можно болѣе

---

[1]) Стр. 41.

[2]) Стр. 42.

различныхъ впечатлѣній: вниманіе не останавливается ни на чемъ преимущественно. „Младенецъ съ радостію беретъ каждую игрушку и мгновенно бросаетъ ее, увидя новую, блестящую“.

Предметъ первой дѣятельности человѣка была *природа*. Все, что блистало красотой и величіемъ, поражая его чувства, сливалось въ одно цѣлое. Юный властелинъ земли довольствовался удивленіемъ. Таковъ періодъ *младенчества*. Понятія человѣка за сіе время равнялись понятіямъ *нашихъ простолюдиновъ*: онъ ограничивался простымъ воззрѣніемъ на все видимое. Науки еще не созданы, различія предметовъ не подмѣчены, свѣденія не раздробляются на отрасли.

Вскорѣ юный и пылкій человѣкъ съ новыми силами устремился наблюдать природу [1]) и увидѣлъ, что, несмотря на удивительное разнообразіе, она сохраняетъ единство и порядокъ, и все сотворенное (отъ полипа до человѣка) смыкается въ неразрывный кругъ. Обширность планеты-земли и разнообразіе тѣлъ, ее составляющихъ, приводятъ къ раздѣленію послѣднихъ на разряды. Тогда то естественная исторія въ первый разъ появилась подъ именемъ науки о трехъ царствахъ природы: минеральномъ, растительномъ и животномъ. *Аристотель* и *Плиній*—представители *юношества* ест. исторіи. Геній Аристотеля былъ выше его вѣка; мы не можемъ оцѣнить его познанія: не всѣ его сочиненія дошли до насъ.

Въ писаніяхъ древнихъ натуралистовъ находимъ много невѣроятностей и басенъ. Цвѣтущее воображеніе приписывало твореніямъ свойства, не имѣющіяся у нихъ, и порождало новыя существа. Тогда обнаружилась наклонность къ чудесному, свойственная пылкому возрасту юношества.

Невозможно опредѣлить цѣли изслѣдованія природы въ

---

[1]) Стр. 44.

этотъ періодъ: было ли то—врачеваніе болѣзней, или удовлетвореніе житейскихъ потребностей? Божественное чувство и стремленіе познавать, неоспоримо, проявляется во всѣхъ вѣкахъ и народахъ, поставляя главною цѣлью—пріобрѣтеніе истины.

При научномъ разсмотрѣніи существъ (въ трехъ царствахъ природы) возникаетъ вопросъ, что̀ важнѣе: „изслѣдованіе ли наружнаго и внутренняго вида существъ, или объясненіе ихъ жизни?“ Свѣдѣнія естественныя были перемѣшаны и разсѣяны въ разныхъ сочиненіяхъ. Надобно было собрать ихъ и подвести подъ общія правила, а роды существъ представить въ системѣ. Предпріятіе трудное; но безсмертный *Линней* имѣлъ и силы, и терпѣніе.

Сей великій мужъ появился на закатѣ юношества ест. исторіи. Онъ началъ съ изслѣдованія признаковъ трехъ царствъ природы и кончилъ раздѣленіемъ ихъ на классы, порядки и т. д. Его система (съ прибавленіями и перемѣнами) еще и теперь (въ 1827 г.) въ большомъ употребленіи [1]).

Направленіе Линнея вызвало много трудовъ. Частыя открытія заставляли систематиковъ производить поправки, отъ чего это стройное зданіе системы искажалось. Нѣкоторые, какъ краснорѣчивый *Бюффонъ*, обладавшій обширнымъ умомъ и пламенною фантазіею, уклонялись отъ общаго теченія и возставали противъ принципа постепенности и „сближенія породъ“: онъ хотѣлъ ограничиться однимъ только изученіемъ разнообразія. Но его мнѣніе, несмотря на заманчивость, не произвело большого впечатлѣнія.

Умъ человѣческій всегда и во всемъ стремится къ единству и старается къ нему привести все многоразличіе видимаго.

Ест. исторія въ юношескомъ возрастѣ была наукою о свойствахъ твореній. Сей же періодъ знаменуется стремленіемъ

---

[1]) Стр. 47.

къ приведенію оныхъ въ систему, чтобы быть въ состояніи всякое неизвѣстное животное или растеніе сразу отнести къ какому-либо классу, порядку и т. д. и дать ему наименованіе.

Натуралисты выставили множество системъ. Каждый систематикъ почелъ себя въ правѣ принимать за основаніе раздѣленія такой признакъ, какой ему заблагоразсудится [1]). Иногда оставляли старыя системы только для того, чтобы создать свои новыя: дробили установленные разряды, выдумывали новыя имена для нихъ. Одинъ и тотъ же видъ получалъ разныя названія. Огромныя классификаціи только затрудняютъ изученіе наукъ естественныхъ [2]).

Способъ разсматриванія трехъ царствъ природы отъ Линнея до нашихъ временъ должно назвать *аналитическимъ*, за основаніе котораго принимается *наблюденіе*. Въ физіологіи растеній и животныхъ поступаютъ такимъ же образомъ: отдѣльно наблюдаютъ явленія ихъ жизни—и объясненія оныхъ стараются привести подъ общія правила, словомъ, создать теорію. Но различіе точекъ зрѣнія приводитъ къ созданію другъ другу противорѣчащихъ системъ, не утвержденныхъ ни на какомъ основаніи.

Почитая настоящій ходъ ест. исторіи неизмѣняемымъ, утверждали, что успѣхи оной возведены до nec plus ultra. Но любитель истины съ огорченіемъ взиралъ на заблужденія, на ничтожность занятій этихъ испытателей природы,—занятій, не дающихъ пищи уму и не возносящихъ духа къ источнику истины. Нужно было направить научныя стремленія къ болѣе возвышенной цѣли „и полное развитіе оной озарить свѣтомъ немерцаемымъ: сей желанный свѣтъ возсіялъ въ исходѣ прошедшаго столѣтія“.

---

[1]) Ср. такой же отзывъ выше у Максимовича, стр. 55. Очевидно, что источникъ обоихъ отзывовъ одинаковъ—лекціи Павлова.

[2]) Стр. 50.

Въ трехъ царствахъ природы мы повсюду встрѣчаемъ единство и постепенность; явленіе жизни представляетъ согласіе и неизмѣняемость: какимъ образомъ появились въ системахъ натуралистовъ—безпорядокъ и смѣшеніе, а въ теоріяхъ физіологическихъ—противорѣчіе? Какъ рѣшить этотъ вопросъ [1])?

Основаніе каждой науки (ср. выше, стр. 63) должно полагать въ строгомъ разборѣ сущности ея предмета, цѣли изслѣдованій и способа производства ихъ; отъ этого разбора зависитъ и совершенство науки. Мнѣнія испытателей природы принимаются за аксіомы. „Но мы возьмемъ смѣлость доказывать противное“: положимъ, что предметъ ест. исторіи еще не разсмотрѣнъ съ надлежащею точностью, что цѣль ея неизвѣстна, и способъ изслѣдованія (т. е. методъ) не открытъ. Каковъ будетъ результатъ нашего предположенія?

Опредѣлить предметъ ест. исторіи значитъ показать его мѣсто въ природѣ. Но часть нельзя постигнуть безъ цѣлаго. Рѣшеніе нашего вопроса нераздѣльно съ общимъ взглядомъ на все доступное умственному созерцанію и чувствамъ. Богъ, природа и человѣкъ—вотъ предметъ познавательныхъ стремленій человѣка [2]). Слѣдовательно, *науки, какъ вѣрные списки познаваемаго*, должны быть троякаго рода. Тѣла, составляющія нашу планету (какъ часть вселенной) двояки: одни (минералы, растенія и животныя) представляютъ въ единствѣ многообразіе, другія—нѣтъ. Итакъ, *естественная исторія* есть *наука о тѣлахъ планеты нашей, въ которыхъ замѣчается многоразличіе* [3]). Теперь можно опредѣлить мѣсто ест. исторіи въ

---

[1]) Ср. такіе же отзывы и мнѣнія самого Павлова: «Философія въ Россіи», т. II, стр. 140 и 141 (въ «Мнемозинѣ»), 131, 134, 158, 167, 211. Наука есть списокъ предмета; предметъ одинъ,—и вѣрный списокъ тоже долженъ быть одинъ.

[2]) Ср. «Философія въ Россіи», т. II, стр. 135 («Общій чертежъ наукъ»). Ср. тамъ же стр. 138 и 159 о «Творцѣ и твореніи» и о двоякомъ значеніи слова «природа».

[3]) Стр. 53. Ср. опредѣленіе «натуральной Исторіи» у Павлова (въ «Физикѣ»): «Философія въ Россіи», т. II, стр. 159.

общемъ ряду человѣческихъ знаній: она не сливается съ другими науками, но замыкается въ точныхъ предѣлахъ.

Послѣ разсмотрѣнія предмета опредѣлимъ цѣль усилій и изслѣдованій. Читая и перечитывая авторовъ по естеств. ист., мы „болѣе всего удивляемся маловажности цѣли", для которой назначаются эти труды. Неужели одно исчисленіе признаковъ растеній или животныхъ можетъ удовлетворить человѣка и ограничить врожденное чувство, которое, подобно яркому пламени, горитъ въ глубинѣ души?

Я выучилъ всѣ названія существъ, знаю, гдѣ живутъ и питаются, чѣмъ отличаются и въ чемъ сходствуютъ растенія и животныя, легко и скоро опредѣляю неизвѣстную породу и т. д. „Но что же изъ сего выходитъ? Что наконецъ узналъ я?" Одно и то же существо названо однимъ натуралистомъ такъ, а другимъ иначе, наружный видъ такой то, а внутренній такой то, прежде оно относилось къ такому то классу, а теперь къ другому—*и больше ничего*. Неужели къ этому должны стремиться всѣ усилія моего ума? Нѣтъ! Онѣ стремятся къ цѣли возвышенной. Но къ какой именно?

Отметать совершенно пользу эмпирическихъ свѣдѣній столь же безразсудно, какъ и признавать ихъ главными, единственными. Зданіе строится по плану архитектора, но для выполненія необходимы особенные работники. „Жаль только, что въ сихъ эмпирическихъ свѣдѣніяхъ полагаютъ начало и конецъ науки". Тѣла нашей планеты (предметъ ест. исторіи) могутъ быть разсматриваемы двоякимъ образомъ: въ состояніи *покоя* или *бытія* и въ состояніи *движенія* или *дѣйствія* [1]). Въ I случаѣ онѣ кажутся мертвыми, не дѣйствующими, во II онѣ—живы, дѣятельны, и измѣняются всегда, и пребываютъ неизмѣнными.

---

[1]) О «бытіи» и «дѣйствіи» ср. «Философія въ Россіи», т. II. стр. 122. Черезъ всю «Физику» Павлова проведено различіе познанія предмета въ его «явленіи» и въ «сущности» (см. тамъ же, стр. 163, 151—157, 168—170).

Что предлежитъ при изслѣдованіи трехъ царствъ природы въ состояніи покоя? Должно *составить систему*, т. е. найти такую точку зрѣнія, изъ которой можно бы обозрѣть сразу и сходства, и различія. Для этого необходимо преслѣдовать постепенное развитіе тѣлъ неорудныхъ и органическихъ, выводя сіе развитіе изъ высшаго, всеобъемлющаго начала. Только такая система будетъ вѣрнымъ спискомъ порядка и единства существъ, ибо начала, на коихъ она утверждается, постоянны и незыблемы [1]).

Разсматривая существа въ состояніи дѣйствія, наблюдатель все многоразличіе явленій жизни ихъ (т. е. минераловъ, растеній и животныхъ) сводитъ на *идеи*; а изъ отдѣльныхъ идей *составляютъ общую физіологическую теорію*, которая должна легко и вѣрно примѣняться къ объясненію жизненныхъ явленій. Съ водвореніемъ истиннаго познанія предмета и цѣли ест. исторіи разсѣялся мракъ заблужденій, доселѣ ее покрывавшій, и наука, получивъ должное направленіе, быстрыми шагами пошла къ совершенству. Увидѣвъ недостатокъ эмпирическихъ свѣдѣній, мы уже не обращаемъ главнаго вниманія на простое описаніе тѣлъ (это *легкое* дѣло взгляда), но стараемся (какъ говоритъ одинъ любитель истины) *постигнуть смыслъ сихъ пламенныхъ буквъ, свидѣтельствующихъ о всемогуществѣ и величіи Творца* [2]).

Что касается способовъ изслѣдованія трехъ царствъ, то лучшимъ будетъ тотъ, который служитъ къ вѣрнѣйшему и скорѣйшему достиженію цѣли. Способъ эмпирическій (аналитическій), состоящій въ наблюденіи, первенствуетъ [3]); но съ принятіемъ его—откроется ли *внутренняя*, *идеальная* сторона

---

[1]) Ср. выше (стр. 44) замѣчанія объ естественной системѣ, какъ системѣ развитія и притомъ на физіологической основѣ.

[2]) Этотъ «любитель истины», повидимому, Павловъ. Ср. «Философія въ Россіи», т. II, стр. 147.

[3]) Стр. 57.

явленій, видна ли станетъ степень развитія, на какой каждое существо находится, извѣстны ли будутъ значеніе и необходимость его въ общемъ составѣ вселенныя? Постигнемъ ли то, что̀ не подлежитъ ни наблюденіямъ, ни опытамъ, что̀ проявляется онымъ составомъ [1])? Конечно, *нѣтъ*! Опыты касаются лишь наружной (чувственной) формы тѣлъ, а не восходятъ къ *началамъ*, которыя служатъ основаніемъ всякаго знанія. Другой же способъ въ противоположность первому называется умозрительнымъ или синтетическимъ:—*превосходство его очевидно*; но не имѣя повѣрки выводамъ, мы блуждали бы въ ихъ лабиринтѣ и сомнѣвались бы въ точности оныхъ: сію повѣрку и доставляютъ эмпирическія свѣдѣнія. Слѣдовательно, ни тотъ, ни другой способъ, взятый отдѣльно, не можетъ удовлетворить вполнѣ требованіямъ ума. Только соединеніе обоихъ (идентитизмъ) доставитъ истинное познаніе предмета [2]).

Таковы результаты *новѣйшихъ* изысканій, глубокихъ и *сладостныхъ*: въ нихъ свѣтлѣютъ успѣхи мыслящей способности. Еще и теперь они находятся въ борьбѣ съ закоренѣлостью сильныхъ и древнихъ предразсудковъ, но справедливость разсѣетъ сіи *порожденія невѣжества*: святая истина возникаетъ на развалинахъ ложныхъ мнѣній! Естественная исторія уже получила твердое основаніе: достаточно разсмотрѣны и цѣль, и способъ изслѣдованія. Остается теперь развить сіи начала еще съ большею строгостію и точностію, производить изслѣдованія съ математическою послѣдовательностію, всѣ результаты сей науки представить въ цѣломъ, систематическомъ видѣ и возложить на нее печать совершен-

---

[1]) Ср. у Павлова (изъ «Мнемозины»): «Философія въ Россіи», т. II, стр. 143—о способѣ аналитическомъ или емпирическомъ, и о томъ, что идеальное не подлежитъ опытамъ.

[2]) Ср. тамъ же, стр. 147.

ства. „Еще нѣтъ совершителя, но мы ждемъ его съ радостію; да грядетъ скорѣе пріять на главу свою вѣнецъ благодарности!“ [1]).

---

[1]) Стр. 58.

Изложенныя статьи Максимовича и Галахова хорошо показываютъ, какъ неотразимо-мощно вліялъ Павловъ на умы своихъ молодыхъ слушателей, какъ произнесенныя имъ съ каѳедры рѣчи внѣдрялись въ душу и сердце вѣрныхъ и благодарныхъ учениковъ и побуждали послѣднихъ, или по крайней мѣрѣ, наиболѣе отзывчивыхъ изъ нихъ давать просторъ дальнѣйшему самобытному развитію тѣхъ же основныхъ идей. Два будущіе извѣстные филолога,—тогда еще естественники, дали этимъ идеямъ Павлова (и пропагандируемаго тогда имъ Окена), которыя они скомбинировали, литературное выраженіе: именно Павловъ первый побудилъ ихъ къ первымъ опытамъ идейнаго творчества.

Указанныя статьи имѣютъ еще одно важное значеніе. Павловъ былъ университетскимъ преподавателемъ около 20 лѣтъ и въ теченіе почти такого же періода времени печаталъ философскія статьи (начиная со статьи „О способахъ изслѣдованія природы"—въ „Мнемозинѣ"—до „Общаго чертежа наукъ" въ „Отечественныхъ запискахъ" за 1839 г.). Несомнѣнно, что многія свои мысли—и притомъ наиболѣе оригинальныя—онъ излагалъ устно на лекціяхъ гораздо ранѣе, чѣмъ въ видѣ статей въ литературной формѣ. Статьи Максимовича (1822 г.) и Галахова (1827 г.), содержа въ себѣ повтореніе тѣхъ или другихъ доктринъ Павлова, даютъ намъ нѣкоторую возможность установить хронологію въ исторіи развитія воззрѣній самого Павлова, позволяютъ констатировать хотя бы

приблизительно, до какого года и какія доктрины излагались на лекціяхъ почтеннаго учителя обоихъ авторовъ.

Такъ въ статьѣ Максимовича мы ощущительно воспринимаемъ вліяніе Окена и нѣкоторыхъ идей Павлова, высказанныхъ имъ самимъ черезъ 2 года въ „Мнемозинѣ“: произвольность признаковъ, на которыхъ основываютъ естествоиспытатели свои системы (выше, стр. 55 и 66) и необходимость при изслѣдованіи природы—соединять умозрѣніе съ опытомъ. Статья Галахова показываетъ отчасти тѣ же воззрѣнія, отчасти же предлагаетъ другія, тоже любимыя идеи Павлова, высказанныя имъ самимъ—въ философской формѣ значительно *позднѣе*, лишь спустя 10—12 лѣтъ (въ „Физикѣ“, въ „Общемъ чертежѣ наукъ“ и—въ посмертномъ конспектѣ по минералогіи): естественныя науки, какъ списки съ природы, бросающееся въ глаза разнообразіе системъ, противоположность ихъ единообразію природы (выше, стр. 67), Богъ, природа и человѣкъ, какъ единственные предметы научнаго познанія (выше стр. 67), различіе вещей въ бытіи и дѣйствіи (выше стр. 68). Мы видимъ изъ этихъ фактовъ, что М. Г. Павловъ (избѣгавшій философскихъ преній и разглагольствованій), какъ безкорыстный сѣятель истины, щедрою рукою разсыпалъ свое добро съ каѳедры, и не только не сердился, но даже радовался, когда его же собственныя мысли находили у другихъ обработку и приносили *плодъ*, какъ это было со статьею М. А. Максимовича (см. выше стр. 41).

Не менѣе (если еще не болѣе) интереса, чѣмъ статьи М. А. Максимовича и А. Д. Галахова, представляетъ статья ученика Павлова, подписанная —*й—нъ* и помѣщенная подъ заглавіемъ „Общій очеркъ природы по теоріи профессора Павлова“ въ журналѣ „Телескопъ“, журналъ современнаго просвѣщенія, издаваемый Николаемъ Надеждинымъ. Часть XXXIV. Nosce te ipsum! Москва, Въ типографіи С. Селивановскаго. 1836 г. Цензурное разрѣшеніе А. Болдырева. 3 августа 1836 г., стр. 63—80. Издатель снабдилъ эту замѣчательную статью слѣдующимъ примѣчаніемъ къ заглавію на стр. 63:

„Помѣщаемъ эту статью, какъ пріятное доказательство, что книги, составляемыя съ мыслію, возбуждаютъ мыслительность и тѣмъ содѣйствуютъ распространенію и укрѣпленію истиннаго просвѣщенія. *Изд.*“

Нашимъ соображеніямъ по поводу ея мы предпошлемъ детальное изложеніе, причемъ мѣста и мысли, заимствованныя у Павлова, поскольку это можно опредѣлить при сличеніи съ подлинными сочиненіями общаго учителя, мы будемъ, какъ и прежде, отмѣчать въ примѣчаніяхъ,—отсылая ко II тому нашего сочиненія „Философія въ Россіи“, гдѣ изложены взгляды Павлова подробно.

Общій очеркъ природы

по теоріи проф. Павлова.

Тѣло есть взаимное ограниченіе міровыхъ силъ: расширительной (*свѣта*) и сжимательной (*тяжести*) въ пространствѣ [1]). Ограниченіе бываетъ троякое: съ преобладаніемъ свѣта, равное, и съ преобладаніемъ тяжести [2]), почему и тѣла—троякаго рода: *твердыя, жидкія и воздухообразныя*. Въ первыхъ преизобилуетъ тяжесть; во вторыхъ свѣтъ и тяжесть въ равновѣсіи; въ третьихъ преобладаетъ свѣтъ. Въ тѣлахъ между этими двумя силами происходитъ безпрестанная борьба съ цѣлью уничтожить другъ-друга! борьба эта есть *жизнь* [3]).

Жизнь состоитъ въ безпрерывномъ разрушеніи и возобновленіи вещественнаго состава съ цѣлію поддержать бытіе организма (какъ согласны всѣ физіологи); но это—однѣ только явленія, коими обнаруживается жизнь; между тѣмъ сущность жизни совершенно неизвѣстна.

Явленія жизни не во всѣхъ тѣлахъ имѣютъ мѣсто: вотъ причина раздѣленія тѣлъ на *живыя* и *мертвыя*. Раздѣленіе это не имѣетъ другого основанія, кромѣ видимости, а наши чувства несовершенны! Что̀ даетъ опредѣленную форму минераламъ, что̀ отливаетъ ихъ всегда одинаковымъ образомъ? Что̀

---

[1]) Ср. у Павлова («Философія въ Россіи т. II) стр. 173 и 180—опредѣленіе вещества (тѣла), стр. 176—о свѣтѣ и тяжести, стр. 178—вещество, какъ соединеніе свѣта и тяжести.

[2]) Ср. у Павлова (тамъ же) стр. 185—о тройственности ограниченія: земля, вода и воздухъ, какъ составныя части планеты нашей.

[3]) Стр. 64.

хранитъ постоянно ихъ химическій составъ? Какъ назвать этого дѣйствователя? Въ минералѣ преизбыточествуетъ матерія, но есть и сила; матерія или тяжесть стремится слить вселенную въ одну точку, сила стремится расширить эту точку и наполнить ею вселенную [1]). Онѣ безпрерывно враждуютъ между собой; и эта вражда даетъ опредѣленный видъ, форму, цвѣтъ и составъ минераламъ: эта борьба есть жизнь минераловъ—*жизнь тѣлъ твердыхъ.*

Что̀ сохраняетъ непреложный и всегда постоянный составъ воды изъ одной части кислорода и двухъ водорода? Отчего зависитъ стремленіе ея возвратиться изъ состоянія твердаго и воздухообразнаго въ капельное? Та же борьба, противодѣйствіе свѣта и тяжести, матеріи и силы—та же *жизнь.* Уменьшеніе температуры даетъ перевѣсъ силѣ сжимательной, и вотъ происходитъ твердое тѣло—ледъ; усиленіе ея заставляетъ свѣтъ выйдти изъ обыкновеннаго ограниченія тяжести, имѣете тѣло воздухообразное—паръ; уничтожьте насильственное угнетеніе матеріи или силы, получите опять прежнюю жидкость.

Что̀ заставляетъ атмосферный воздухъ сохранять свою общую одинаковую пропорцію, несмотря на различные газы и кислоты, стремящіяся разрушить составъ его? Что заставляетъ его стремиться въ безпредѣльность и всегда оставаться близь земли? Та же борьба свѣта и тяжести, та же *жизнь общая, основная* (vita universa fundamentalis), свойственная всѣмъ тѣламъ безъ исключенія [2]).

Какими явленіями обнаруживаетъ себя эта жизнь общая, основная?

---

[1]) Авторъ называетъ въ статьѣ тяжесть—матеріею, а свѣтъ—силою.

[2]) Ср. замѣчанія Павлова (тамъ же), стр. 190, прим. 1—о производимости воздуха.

Земля есть огромнѣйшее изъ плотныхъ тѣлъ (подлежащихъ нашему изслѣдованію: совершенной плотности нѣтъ и быть не можетъ, она только относительная), изъ жидкихъ—вода, изъ воздухообразныхъ—атмосфера. Онѣ поддерживаютъ бытіе или сами собою, или своими произведеніями, и могутъ быть наблюдаемы всегда, вездѣ и всѣми. Поверхность земли измѣняется безпрестанно: горы уменьшаются въ объемѣ и совершенно исчезаютъ, а на мѣсто ихъ являются иногда равнины, иногда пропасти и озера; на моряхъ являются острова, гдѣ ихъ прежде не было. Отчего же происходятъ эти перемѣны? Неужели это игра случая? Нѣтъ—это борьба основныхъ силъ; ихъ бездѣйствіе есть мертвенность. Въ землѣ преобладаетъ тяжесть; свѣтъ, стремясь сбросить съ себя ея оковы, достигаетъ того отчасти: вотъ раскаленная лава хлещетъ изъ отверстій горъ: „огонь есть вещество въ производимости“ [1]). Но по естественному закону, по самой натурѣ силъ, послѣ сильнѣйшаго напряженія дѣлается ослабленіе; сжимательная сила беретъ перевѣсъ надъ расширительною; и вотъ исчезаютъ горы, являются долины, пропасти: это жизнь твердаго тѣла земли. Взглянемъ на воду. Намъ извѣстно, что моря убываютъ въ своемъ объемѣ; на мѣстахъ низкихъ, гдѣ прежде не было, появляется вода; рѣки превращаются въ ручьи, болота исчезаютъ: и это зависитъ также отъ борьбы основныхъ силъ, отъ жизни жидкости. Перемѣны воздушныя или явленія жизни тѣлъ воздухообразныхъ суть вѣтры, частая перемѣна слоя атмосферы надъ землею, безпрестанное колебаніе этого огромнаго тѣла—воздушныя явленія. Еще яснѣе эта борьба основныхъ силъ выражается *магнетизмомъ*, *электричествомъ* и *электромагнетизмомъ*, то-есть *гальванизмомъ* или *химизмомъ*. Земля есть магнитъ огромнѣйшаго размѣра: ма-

---

[1]) См. это опредѣленіе у Павлова, на стр. 178.

гнетизмъ есть проявленіе міровой силы тяжести въ веществѣ, или, выражаясь физіологически, причина *самосохраненія*. Въ водѣ происходитъ безпрерывное созиданіе и разрушеніе подъ вліяніемъ электро-магнетизма, изъ которыхъ первое стремится все разрушить—раствореніе (solutio), второе все соединить—соединеніе (congregatio). Всегдашній соленый вкусъ морской воды, возвышеніе и пониженіе поверхности моря суть слѣдствія электро-магнетизма [1]). Воздухъ, гдѣ сила расширительная преобладаетъ надъ сжимательною, всегда наэлектризованъ; всѣ воздушныя явленія, гдѣ эта сила стремится перейдти въ первообразъ, въ свѣтъ,—бурны, ужасны, огненны, мгновенны, разрушительны; борьба основныхъ силъ—*жизнь воздуха*.

Итакъ наша планета [2]) есть живое тѣло, состоящее изъ началъ, въ коихъ обнаруживается жизнь, есть тѣло, живущее жизнію всеобщею, первоначальною: изъ нея получаетъ начало жизнь вторичная (vita secundaria), родовая и видовая (generalis et specialis). Всѣ тѣла, составляющія планету, живутъ; жизнь ихъ обнаруживается разрушеніемъ и возобновленіемъ состава: это зависитъ отъ борьбы основныхъ силъ; безъ нея имѣлось бы мертвое тѣло (corpus mortuum), какихъ мы не знаемъ [3]).

Въ матеріи находится способность, зависящая отъ ея жизни, принимать извѣстныя формы: эта способность возрастаетъ по мѣрѣ различнаго соединенія разнообразной матеріи. Формы простыя, соединяясь между собой, составляютъ системы; совокупность системъ производитъ органы; соединеніе органовъ—организмы; слѣд. въ матеріи есть способность „*организоваться*“ (facultas organisationis). По несправедливо-

---

[1]) У Павлова стр. 187 и 189.

[2]) У Павлова стр. 190.

[3]) Стр. 69.

му мнѣнію прежнихъ физіологовъ, эта способность принадлежитъ не всякой матеріи, а только избранной, „животворной". Въ тѣлахъ организованныхъ найдено весьма много элементовъ или веществъ первоначальныхъ; немного осталось не найденныхъ; и это безъ сомнѣнія зависитъ отъ недостатка средствъ органической химіи, равно какъ и отъ малаго количества этихъ элементовъ въ организмахъ. Способность организоваться имѣютъ всѣ тѣла, но только не въ равной степени; степень эта сообразна плотности матеріи. Начала твердыя и жидкія, состоящія изъ воздухообразныхъ, составляютъ организмъ. Извѣстно изъ наблюденій, что чѣмъ болѣе въ матеріи плотности, тѣмъ менѣе жизненности, или, что̀ все одно, жизнь обнаруживается не такъ ясно. Такъ мы видимъ въ тѣлахъ плотныхъ вообще—только *самосохраненіе*; въ тѣлахъ плотныхъ организованныхъ—*самосохраненіе*, *питаніе* и *потомственность*; въ тѣлахъ организованныхъ менѣе плотныхъ—*самосохраненіе*, *плототвореніе*, *потомственность* и *чувствительность*: три степени жизни, изъ которыхъ самосохраненіе должно быть названо жизнію *минеральною* (vita vegetabilis), чувствительность собственно *животною* (vita animalis). Плототвореніе есть необходимое условіе самосохраненія въ тѣлахъ организованныхъ. Посмотримъ теперь, чѣмъ обнаруживается каждая степень жизни и какое имѣетъ отношеніе къ электричеству и магнетизму, или къ міровымъ дѣйствователямъ: свѣту и тяжести [1]).

Силы по всемощному слову „да будетъ!" ограничились, произвели вещество и безпрерывною своею борьбою составили жизнь его [2]). Стремленіе слить, удерживаемое напряженіемъ разрушить, дало опредѣленный видъ нашей планетѣ и составляетъ ея самосохраненіе.

---

[1]) Стр. 70.

[2]) У Павлова стр. 179—180.

Въ минералахъ есть вообще одна только способность самосохраненія; по анализамъ—въ нихъ нѣтъ ни матеріи капельной, ни воздухообразной, одна твердая. Отъ различнаго соединенія первоначальной матеріи происходитъ различіе минераловъ; различіе же первоначальной матеріи зависитъ отъ различнаго соединенія въ ней основныхъ силъ. Минералы растутъ; это ращеніе есть накопленіе (aggregatio): частицы матеріи, накладываясь постепенно однѣ на другія, увеличиваютъ первообразъ кристалла; это можетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока будетъ доставать матеріи для его образованія; жизнь минераловъ обнаруживается *ращеніемъ*. Увеличеніе объятности зависитъ отъ силы разширительной—электричества; самосохраненіе и плотность отъ силы сжимательной—магнетизма. Существованіе въ пространствѣ—форма, во времени—плотность; способность принимать опредѣленную форму—начало организаціи; первая степень жизни—ращеніе, самосохраненіе. Раздробите твердый минералъ: вы измѣните его форму, величину,—но самосохраненіе останется; вы не уничтожите его жизни. Разложите воду, вы перемѣните ея форму и объятность, но не уничтожите ея жизни; она останется въ составныхъ элементахъ: кислородѣ и водородѣ; жизнь ея только разъединилась. Форма зависитъ отъ плотности вещества: воздухообразныя ея не имѣютъ; жидкія всѣ имѣютъ, и притомъ капельную; форма твердыхъ тѣлъ многоразлична, по большой части удлиненная, угловатая.

Соединеніе твердой матеріи съ жидкою даетъ смѣси большую способность организоваться: мы видимъ это въ растеніяхъ и животныхъ. Въ растеніяхъ плотныя части количествомъ своимъ превышаютъ жидкія; въ нихъ мы видимъ вліяніе какъ тѣхъ, такъ и другихъ формъ. Форма минераловъ удлиненная, жидкостей—шарообразная, растеній—цилиндрическая [1]).

---

[1]) Стр. 72.

Тяжесть выражается магнетизмомъ, свѣтъ электричествомъ, совокупность ихъ электро-магнетизмомъ, химизмомъ [1]). Жизнь растенія обнаруживается рожденіемъ, самосохраненіемъ и потомственностью. Первоначальное рожденіе должно находиться въ немъ, какъ въ матеріи, соединенной въ организмъ; самосохраненіе—какъ въ матеріи твердой, по причинѣ общей жизни матеріи. Самосохраненіе обнаруживается питаніемъ, сохраненіе вида потомственностью; въ матеріи, организованной съ преобладаніемъ плотности, должно заключаться болѣе магнетизма, нежели въ тѣлахъ организованныхъ, менѣе плотныхъ. Магнетизмъ при химическихъ дѣйствіяхъ есть сила соединительная, электричество—разрушительная. Разширительная сила „свѣтъ", или ограниченіе его въ веществѣ, „электричество", по причинѣ плотности матеріи находится въ растеніяхъ не въ большемъ количествѣ; она стремится разрушить, а разрушеніе не соотвѣтствуетъ возобновленію, пріобрѣтенію: отсюда огромный ростъ растеній и чрезвычайная ихъ производимость. Соки, пріобрѣтаемые растеніемъ, получаютъ ихъ жизненныя свойства, т. е. способность организоваться въ формы этого растенія; по преизбытку въ нихъ силы разширительной они устремляются къ наружи и вверхъ. Одна часть ихъ превращается въ тѣло растеній, другая образуетъ на растеніи какбы совершенно отдѣльное тѣло, „цвѣтъ" [2]), и такимъ образомъ служитъ для сохраненія вида. Но эти соки только при извѣстныхъ внѣшнихъ условіяхъ служатъ къ образованію органовъ производимости растеній; въ противномъ случаѣ они обращаются въ сосудахъ растеній, заключая сами въ себѣ всѣ условія производимости. Вотъ почему растенія могутъ быть распложаемы помощію отпрысковъ или дичковъ, кромѣ распложенія ихъ помощію сѣмянъ. И отсюда видно, что,

---

[1]) Ср. у Павлова стр. 182—184 «Теорія силъ планетныхъ невещественныхъ».

[2]) Ср. выше у Максимовича (стр. 47): «Цвѣтъ есть какбы особое растеніе».

чѣмъ плотнѣе матерія, тѣмъ меньше въ ней жизнедѣятельности, и что увеличиваніе жизненныхъ дѣйствій зависитъ отъ меньшей ея плотности и большей сложности. Также ясно видно, что магнетизмъ и электричество, выраженія основныхъ силъ, дѣйствуютъ въ растеніяхъ, и что взаимное ограниченіе ихъ съ преобладаніемъ перваго выражается рожденіемъ, существованіемъ и потомственностью [1]). Рожденіе первоначальное зависитъ отъ общей жизни матеріи при началѣ организаціи; самосохраненіе—отъ силы сжимательной, тяжести, магнетизма: потомственность—отъ той же силы, въ большемъ ея ограниченіи свѣтомъ, электричествомъ. Въ растеніяхъ находится электричество; имъ нельзя отказать въ чувствительности (иныя ясно показываютъ ее); но фито-анатомикамъ угодно въ своемъ воображеніи пріискивать особые органы, которые, будучи прилагаемы къ привиллегированнымъ растеніямъ, объясняютъ въ нихъ эту способность очень просто. Растеніямъ не приписываютъ чувствительности, потому что способъ выраженія ея не подводится подъ формулы проявленія ея въ животныхъ.

Законъ природы неизмѣненъ. Животныя суть не что иное, какъ соединеніе вещества съ преобладаніемъ жидкихъ частей. Онѣ съ перваго взгляда показываютъ жизнь ясно, а форма проявленія ихъ жизни приспособлена къ растеніямъ. Жизнь животныхъ обнаруживается рожденіемъ, самосохраненіемъ, потомственностью и чувствительностью. Самосохраненіе должно находиться въ нихъ, какъ въ матеріи: рожденіе первоначальное—по причинѣ ограниченія основныхъ силъ и борьбы ихъ въ матеріи организованной; потомственность—какъ въ организмѣ; чувствительность—какъ въ матеріи организованной съ преобладаніемъ электричества.

Форма животныхъ, равно какъ и растеній, зависитъ отъ

---

[1]) Стр. 74.

участія плотной и жидкой матеріи въ ея произведеніи. Здѣсь жидкая матерія имѣетъ перевѣсъ; она силится дать животнымъ свою первообразную форму—шаръ; форма животныхъ вся состоитъ изъ фигуръ, стремящихся перейти въ шаръ [1]). Такъ голова у совершеннѣйшаго животнаго, человѣка,—очень близко подходитъ къ шару; туловище есть тоже фигура, происходящая отъ шара, какъ будто эллипсисъ изъ двухъ различной величины полушарій, сердце—конусообразной формы; фигура легкихъ зависитъ также отъ преизбытка въ нихъ матеріи жидкой; конечности, какъ и у растеній, имѣютъ форму коническую, но съ болѣе сближающимися поверхностями. Форма кровеносныхъ и пасочныхъ сосудовъ, по большей части, коническая; форма сосудовъ, служащихъ для отдѣленія влагъ, по большей части, подходитъ къ шарообразной, или эллиптической болѣе или менѣе правильной: железа клубовидныя, печень, селезенка, почки и т. п. Пріятелища, въ которыхъ заключаются жидкости, представляютъ также родъ шаровъ: глазъ, мочевой пузырь и проч. Форма костей, какъ вещества съ преобладаніемъ плотности, подобна, по большей части, стволамъ растеній, цилиндрическая, даже угловатая. Окончаніе конечностей у птицъ имѣетъ форму угловатую, заостренную; по причинѣ преизбытка въ нихъ твердаго вещества онѣ имѣютъ менѣе жизненности.

По существу самой матеріи въ растеніяхъ должно преобладать свойство, зависящее отъ магнетизма,—въ животныхъ же отъ электричества.

Плототвореніе, какъ отправленіе организма, не зависящее отъ химизма, по причинѣ малаго количества началъ плотныхъ у животныхъ—менѣе, чѣмъ у растеній. Что плототвореніе есть *животно-химическое* дѣйствіе организма, въ томъ никто

---

[1]) Стр. 76.

не сомнѣвается; здѣсь слово „животное“ вмѣшалось потому, что проявленіе этого дѣйствія въ матеріи организованной и менѣе организованной, или какъ говорятъ, неорганизованной, различно. Пріобрѣтаемое организмомъ вещество разносится по всему тѣлу сосудами, и получая въ немъ свойство организоваться въ формы животнаго, обращается въ плоть его; въ животныхъ преизбыточествуетъ матерія жидкая, въ совокупности обѣихъ матерій „свѣтъ“; поэтому вещество здѣсь истребляется скорѣе, нежели у растеній. Вотъ причина того, что человѣкъ и животныя высшей организаціи не могутъ жить долгое время безъ пищи и теряютъ свою самобытность, тогда какъ растенія цѣлую зиму удерживаютъ въ себѣ способность самосохраненія [1]).

Бо́льшая часть пріобрѣтаемой животными матеріи идетъ на возобновленіе безпрестанно разрушающагося организма; чтобы не лишить организмъ способности потомственнаго произвожденія, другая часть, обработанная еще болѣе, отлагается въ особыя пріятелища и, сохраняясь отъ разрушенія, служитъ для потомственности.

Вотъ почему животныя высшей организаціи расположаются только извѣстнымъ образомъ. Каждый органъ имѣетъ особенную жизнь; совокупность жизни органовъ составляетъ жизнь организма. Въ костяхъ преизобилуетъ плотность, электромагнетизмъ съ преобладаніемъ послѣдняго; онѣ получаютъ питаніе плотное; во влагахъ—электро-магнетизмъ съ преобладаніемъ перваго: онѣ получаютъ питаніе жидкое, среднее.

Чувствительность есть сила разрушительная, расширительная. Удалите животное отъ дѣятелей, возбуждающихъ чувствительность, и животное начнетъ тучнѣть и пріобрѣтать

---

[1]) Стр. 78.

матеріи для своего организма больше, нежели сколько ея будетъ истребляться: жизнь его будетъ жизнь растенія.

Итакъ міровыя силы *свѣтъ* и *тяжесть*—въ веществѣ простомъ выражаются *электричествомъ*, *магнетизмомъ и гальванизмомъ*, то-есть *электро-магнетизмомъ*, *химизмомъ*; въ веществѣ организованномъ—*самосохраненіемъ*, *потомственностью и чувствительностью*; низшая степень чувствительности, свойственная всякому органу отдѣльно, есть *возбуждаемость*, отъ которой зависитъ *самодвижимость*. Ограниченіе свѣта и тяжести даетъ веществу форму, борьба ихъ—общую жизнь, соединеніе различной матеріи—способность организоваться. Вещественное проявленіе невещественныхъ силъ въ организмахъ обнаруживается такъ: *магнетизмъ—самосохраненіемъ*, *плодотвореніемъ*; *электро-магнетизмъ—потомственностью*, *электричество—чувствительностью*.

Вотъ три степени проявленія жизни [1]). Посему животное есть не что иное, какъ то же вещество планеты организованное. Постепенность организаціи вполнѣ подтверждаетъ эту теорію. Ясно, что человѣкъ, какъ и всѣ животныя, имѣетъ одну общую съ ними жизнь: это *жизнь животная*. Человѣкъ есть животное совершеннѣйшее; но въ немъ находится жизнь другая, болѣе важная—*жизнь духовная*. Всемогущій, сотворивъ міръ, окончивъ человѣкомъ все созданное на землѣ, хотѣлъ, чтобы на ней находилось существо, могущее постигать и самого себя, и Творца въ твореніи, влилъ въ него дыханіе, и „*бысть человѣкъ въ душу живу*". Вотъ двойственность человѣческой жизни! Духовная сторона человѣка имѣетъ тѣснѣйшую связь съ вещественною, которою она управляетъ въ нормальномъ состояніи помощію нервныхъ нитей, состоящихъ подъ вліяніемъ воли. И наоборотъ, впечатлѣнія, принимаемыя вещественною

---

[1]) Стр. 80.

природою, отражаются въ дѣйствіяхъ стороны духовной. Вотъ причина, по которой замѣтна та же тройственность душевныхъ способностей, которыя суть: *память*, *умъ*, *воображеніе!*

Физика, наука о силахъ природы [1]), какъ мы уже не разъ указывали [2]), не была обработана Павловымъ вполнѣ. Эта наука раздѣляется, по его мысли, на три части, ибо и силы природы—трехъ родовъ [3]): I) силы общія или *міровыя*, II) силы частныя или *планетныя* и III) силы *органическія*. Поэтому соотвѣтствующими частями науки объ нихъ будутъ: I) *физика общая* (о силахъ міровыхъ), II) *физика частная* (о силахъ планетныхъ) и III) *физика органическая*. Вышли въ свѣтъ, какъ извѣстно, лишь двѣ части „Физики" Павлова (I часть въ двухъ изданіяхъ), т. е. физика общая [4]) (теорія двухъ основныхъ силъ—свѣта, тяжести—и вещества) и физика частная (теорія силъ планетныхъ невещественныхъ [5]), т. е. электричества, магнитизма и галванизма, теорія силъ планетныхъ вещественныхъ [6]), т. е. воздуха, земли и воды, и теорія планетнаго процесса [7]).

Излагая теорію силъ планетныхъ вещественныхъ и „досказывая" о планетныхъ же силахъ „невещественныхъ" [8]),

---

[1]) «Философія въ Россіи», т. II, стр. 161.
[2]) Тамъ же, напр., стр. 170 и 187.
[3]) Тамъ же, стр. 167.
[4]) Изложена тамъ же, стр. 173—180.
[5]) См. тамъ же, стр. 182—184.
[6]) См. тамъ же, стр. 185—187.
[7]) Тамъ же, стр. 188—190.
[8]) См. тамъ же, стр. 187.

Павловъ замѣчаетъ, что образованіемъ стихій земныхъ и, преимущественно, земли—потемнѣніе свѣта доведено до крайности. Въ дальнѣйшемъ же развитіи природы видно ея усиліе отвлечься отъ вещества, и первою ступенью такого отвлеченія являются электричество, магнитизмъ и галванизмъ: явленіе ихъ въ составѣ природы знаменуетъ возвратный шагъ природы и ея порывъ изъ глубины паденія проторгнуться къ свѣту.

„*Остальное* о природѣ *отвлекающейся* должна сказать *органическая физика*".

Отъ этой органической физики уцѣлѣлъ лишь ея планъ въ „Общей схемѣ физики" [1]). Третья часть физики должна была трактовать о *силахъ органическихъ*, т. е. о тѣхъ средствахъ дѣйствующей природы, которыми она пользуется въ произведеніи органическихъ явленій: таковы органическіе процессы: 1) растительный, 2) животный и 3) міровый. Вслѣдствіе этого третья часть физики (какъ и двѣ первыя) симметрично троится: I. отдѣленіе органической физики имѣетъ предметомъ растительный процессъ [1) въ явленіи и 2) его теорія], II. отдѣленіе—животный процессъ [1) въ явленіи и 2) теорія жив. процесса] и III. отд.—міровый процессъ [1) міровый процессъ въ явленіи и 2) теорія міроваго процесса].

Эта третья часть физики не вышла въ свѣтъ въ обработанномъ видѣ. Мы не имѣемъ свѣдѣній, не осталась ли она въ бумагахъ покойнаго въ видѣ рукописи. Вѣдь и первыя двѣ части были изданы не въ началѣ литературно-научной карьеры Павлова, а подготовлялись долго и исподволь въ видѣ отдѣльныхъ главъ и статей въ разныхъ журналахъ. Въ цѣломъ же видѣ вышли: I томъ „Физики" въ 1833 г., и II томъ (равно и II изданіе I тома)—въ 1836 г.; а лекціи началъ М. Г. Павловъ читать съ 1820 г. Имѣя въ виду эту осто-

---

[1]) «Философія въ Россіи», т. II, стр. 170.

рожную медлительность работы М. Г. Павлова, можно думать, что онъ сдѣлалъ кое-какіе, по крайней мѣрѣ, черновые наброски самой любопытной части физики, части третьей—объ органическихъ силахъ.

Наши опыты надъ сличеніемъ (см. выше, стр. 51—54 и 72—73) статей Максимовича и Галахова съ сочиненіями самого Павлова доказали то весьма важное обстоятельство, что Павловъ излагалъ свои любимыя идеи задолго раньше того, какъ предавалъ ихъ тисненію,—устно, на лекціяхъ, и что эти идеи, еще не обнародованныя самимъ учителемъ—какъ это случалось и съ Шеллингомъ,—подхватывались, такъ сказать, на лету его бдительными учениками, которые уже отъ себя эти идеи обработывали и пускали въ ходъ.... Такъ какъ (ср. выше, стр. 32) лекціи Павлова были, повидимому, если не всегда, то часто—*писанныя* (т. е. Павловъ считывалъ ихъ съ тетради), то предположеніе о набросках органической физики получаетъ еще болѣе вѣсу. Павловъ же, несомнѣнно, касался, да и долженъ былъ касаться вопросовъ органической физики,—на своихъ лекціяхъ, если не физики, то—сельскаго хозяйства. Такъ, если мы обратимся къ сохранившемуся конспекту этихъ лекцій [1]), то увидимъ, что I часть курса сельскаго хозяйства („начала") трактовала: во II отдѣленіи о *растеніяхъ* и въ III-мъ—о *животныхъ*; сельскимъ же домоводствомъ вообще [2]) именуется искусство размножать полезныя въ общежитіи растенія и животныя, т. е. содѣйствовать въ томъ производящей природѣ, причемъ это содѣйствіе будетъ всего удачнѣе, когда мы знаемъ *законы природы*, по какимъ свершается производство. „Въ первой части слушатель представляется свидѣтелемъ того, *что* и *какъ* производитъ природа" [3]).

---

[1]) «Философія въ Россіи», т. II, стр. 120.

[2]) Тамъ же, стр. 119.

[3]) Тамъ же, стр. 120

Указанный пробѣлъ—неимѣніе третьей части физики (органической) до нѣкоторой степени и восполняется выше изложенной статьею „Общій очеркъ природы по теоріи проф. Павлова". Мы, къ сожалѣнію, не знаемъ имени автора статьи, скрывшаго себя подъ конечными буквами й и ъ. Повидимому, это—не самъ Николай Надеждинъ, подписавшійся *Издателемъ* подъ сдѣланнымъ имъ примѣчаніемъ къ заглавію (см. выше, стр. 74),—примѣчаніемъ, которое тоже почти ничего не уясняетъ. Примѣчаніе какбы указываетъ авторомъ одного изъ читателей „Физики" Павлова, „мыслительность" котораго была пробуждена изученіемъ его книги, и который захотѣлъ продолжать ее отъ себя. Но откуда же могъ бы почерпнуть путь для дальнѣйшаго разсужденія такой читатель, *лично* не знакомый съ Павловымъ, знакомый съ его *теоріею* лишь по первымъ двумъ томамъ „Физики", гдѣ объ органической физикѣ почти еще ничего нѣтъ? Тогда и заглавіе статьи *„по теоріи проф. Павлова"* не имѣло бы смысла; этотъ смыслъ получился бы лишь въ томъ случаѣ, если бы авторъ излагалъ теорію, уже всѣмъ извѣстную, или для всѣхъ доступную, имѣющуюся въ печатной книгѣ.

Такимъ образомъ всего вѣроятнѣе будетъ предположить, что авторъ указанной статьи, будучи слушателемъ и почитателемъ М. Г. Павлова, будучи хорошо знакомъ съ его „Основаніями Физики", и прослушавши ту именно часть его курса (либо физики, либо сельскаго хозяйства), гдѣ профессоръ излагалъ свои теоріи касательно органической жизни, записалъ и обработалъ свои записки, которыя затѣмъ пустилъ въ свѣтъ въ видѣ особой статьи въ „Телескопѣ", какъ это раньше дѣлали съ теоріями своего учителя М. А. Максимовичъ и А. Д. Галаховъ.

Надеждинъ, издатель „Телескопа", былъ благопріятель Павлова, а Павловъ—сотрудникъ „Телескопа", и, разумѣется, безъ вѣдома Павлова ничего не могло появиться въ журналѣ Надеж-

дина такого, что̀ бы его касалось. Если же мы обратимъ вниманіе на языкъ статьи, то мы будемъ поражены замѣчательнымъ сходствомъ стиля ея съ „кованымъ“ языкомъ книгъ самого Павлова. Конечно, авторъ статьи могъ начитаться и наслушаться М. Г. Павлова до такой степени, чтобы усвоить себѣ его манеру писать; но это не могло дойти до такой степени сходства, которой не достигли самые словесники (Максимовичъ и Галаховъ). И это сходство невольно наводитъ на мысль, что самъ Павловъ не былъ непричастенъ этой статьѣ. Намъ кажется очень вѣроятнымъ, что М. Г. Павловъ *проредактировалъ* эту статью самъ —и такъ внимательно, что эта редакція отразилась не только на содержаніи, но и на формѣ, на внѣшности и языкѣ. А если это такъ, то указанная статья можетъ намъ служить какбы конспектомъ недостающей третьей части „Физики“ Павлова.

Что касается содержанія, то, какъ мы видимъ, авторъ вездѣ исходитъ изъ основныхъ понятій „Физики“ Павлова и заботливо относитъ вновь развиваемыя понятія органической физики къ уже извѣстнымъ понятіямъ физики общей и частной (міровой и планетной *физики*). Главнѣйшія понятія органической физики, характеризованныя въ статьѣ, суть: *жизнь*— *общая* или основная (планеты) и *частная* (жизнь твердыхъ, жидкихъ и воздухообразныхъ тѣлъ). Признаки этой жизни суть (стр. 79 выше): *самосохраненіе*, *питаніе*, *потомственность*, *плòтотвореніе*, *чувствительность*. Самосохраненіе есть лишь *минеральная* жизнь, а чувствительность—собственно—животная. Отношеніе основныхъ міровыхъ и вещественныхъ силъ къ невещественнымъ и органическимъ (стр. 85 выше) таково: 1) расширительная сила—свѣтъ—электричество—воздухъ—чувствительность; 2) сжимательная сила—тяжесть—магнитизмъ—земля — самосохраненіе, плототвореніе; 3) взаимное ограниченіе силъ расширительной и сжимательной—вещество (огонь)—галванизмъ (электро-магнетизмъ, химизмъ)—вода—потомственность.

Предъ нами прошло три ученика М. Г. Павлова. Первые два (М. А. Максимовичъ и А. Д. Галаховъ) относились болѣе къ началу учено-преподавательной дѣятельности М. Г. Павлова, а третій—уже къ концу таковой. Литературные труды этихъ учениковъ тѣсно примыкаютъ къ теоріямъ учителя и, строго говоря, являются даже, преимущественно, обработкою того, что̀ было слышано на лекціяхъ. Особенный интересъ получаютъ въ нашихъ глазахъ эти упражненія оттого, что они даютъ намъ возможность констатировать хронологію умственнаго роста самого незабвеннаго учителя М. Г. Павлова, имя котораго навсегда связано съ именемъ Московскаго университета: только со вступленіемъ на каѳедру Павлова Московскій университетъ получаетъ значеніе распространителя философіи и просвѣщенія, какимъ онъ затѣмъ по справедливости и начинаетъ считаться. По работамъ учениковъ мы можемъ точно констатировать, какъ этотъ „первый" учитель" постепенно превращался изъ простого послѣдователя и толкователя Окена въ самобытнаго мыслителя - натурфилософа.

Прибавленіе.

Н. Д. Курляндцевъ.

Говоря объ ученикахъ М. Г. Павлова, бывшаго первымъ проповѣдникомъ ученій Шеллинга и Окена въ московскомъ университетѣ и въ Москвѣ вообще, нельзя не упомянуть еще объ одномъ русскомъ шеллинговцѣ, привлеченномъ къ этому направленію, также, вѣроятно, Павловымъ, а именно о Н. Д. Курляндцевѣ, который заслуживаетъ даже особеннаго вниманія—потому, что онъ занимался переводами твореній нѣмецкихъ натурфилософовъ (както Стеффенса и Шуберта) на русскій языкъ: онъ далъ и первый печатный русскій переводъ главнаго труда главы школы—Шеллинга.

Замѣтимъ еще, что переводами Шеллинга занимались, кромѣ Курляндцева, и другія лица. Такъ ослѣпшій *Д. М. Велланскій* диктовалъ женѣ переводъ „Логики" Шеллинга [1]).

Надеждинъ заявлялъ: „Отъ Духовной Академіи вышелъ переводъ *Бахмановой логики*. Это подаетъ пріятную надежду, что и прочія сочиненія новѣйшихъ Философовъ: *Канта*, *Шеллинга*, *Фихте*, *Якоби*, *Бутервека*, давно уже тамъ переведенныя прекраснымъ, чистымъ и правильнымъ языкомъ, явятся наконецъ въ свѣтъ и распространятъ просвѣщеніе въ любезномъ Отечествѣ нашемъ".

(„Молва", газета модъ и новостей, издаваемая при „Телескопѣ". Часть третья. „Къ чему безплодно спорить съ вѣкомъ? Обычай—деспотъ межъ людей"! Пушкинъ. Москва. Въ типографіи Н. Степанова. 1832. № 20. Вторникъ 8 марта. Стр. 78, столбецъ 2, ст. 2 „Литературныя новости, слухи и надежды" (окончаніе).

То же подтверждаетъ М. П. Погодинъ въ письмѣ къ С. П. Шевыреву въ Римъ.

„Сблизился я съ нашею Троицкою Академіею, въ которой множество людей первоклассныхъ. Вообрази, что тамъ

---

[1]) «Философія въ Россіи» т. II, стр. 83.

переведено почти все изъ новой нѣмецкой философіи, и Шеллингъ извѣстенъ тамъ такъ, какъ и въ голову не попадется какому-нибудь интригану Давыдову" [1]).

Біографическій очеркъ Н. Д. Курляндцева составленъ нами на основаніи показаній его учителя и друга, проф. Снегирева въ „Ученыхъ запискахъ Императорскаго Московскаго университета", годъ третій, часть десятая, 1835, ноябрь, № V, отд. IV. Смѣсь. D. Некрологія (сообщ. отъ профессора Снегирева, стр. 350—354). (Въ оглавленіи опеч. 351). Для сравненія нѣкоторыхъ (числовыхъ) данныхъ служила намъ книжка *І. Михневича*, „Историческій обзоръ сорокалѣтія Ришельевскаго Лицея" (съ 1817—1857 г.) Одесса, 1857, стр. 76—77.

Николай Дмитріевичъ *Курляндцевъ* родился въ Москвѣ въ 1802 г., учился въ тамошней губернской гимназіи и по окончаніи въ ней курса поступилъ въ Московскій же университетъ по физико-математическому отдѣленію [2]). Въ студенческіе годы Курляндцевъ занимался, преимущественно, математикою (чистою и „смѣшенною") и завязалъ сношенія съ Давыдовымъ, Перевощиковымъ и Снегиревымъ. Въ 1823 г. онъ былъ удостоенъ степени кандидата и вскорѣ послѣ того сталъ преподавать ариѳметику въ Императорскомъ Воспитательномъ Домѣ. Черезъ три года онъ перемѣнилъ службу: директоръ Одесскаго Ришельевскаго Лицея *Орлай* приступилъ къ преобразованію этого заведенія и между прочимъ пригласилъ къ себѣ Курляндцева, который и перешелъ 18 октября 1826 г. въ Лицей профессоромъ военныхъ наукъ (18 сентября по Михневичу).

---

[1]) «Русскій Архивъ, за 1882 г. кн. III, № 6, стр. 152, «Письма М. П. Погодина къ С. П. Шевыреву» (изд. Н. П. Барсуковымъ), письмо № XXIII, отъ 10 іюля 1830 г.

[2]) Стр. 350.

Сначала Курляндцевъ въ новомъ кругу людей и на чужбинѣ испытывалъ „душевныя безпокойства". Въ Москвѣ оставались не только друзья, но и старуха-мать съ двумя дочерьми. Николай Дмитріевичъ былъ „почтительный сынъ и кормилецъ, питавшій ее своими трудами, и составлялъ всю отраду ея жизни" (стр. 353). Н. Д. неоднократно задумывалъ промѣнять свою „военную" профессуру на мѣсто гимназическаго учителя въ любезной Москвѣ. Но произошла благопріятная перемѣна обстоятельствъ, черезъ годъ доставившая ему „спокойствіе": Курляндцевъ былъ перемѣщенъ на каѳедру физико-математическихъ наукъ—съ 29 октября 1827 г. [1]).

Кромѣ каѳедры, Курляндцеву поручались еще разныя другія должности: съ 1827—1828 г. онъ исправлялъ должность секретаря по учебной части Правленія Лицея, завѣдывалъ физическимъ кабинетомъ, былъ членомъ Высочайше утвержденной при Лицеѣ временной Комис.; 3 дек. (по М-чу) 1830 г. назначенъ членомъ Правленія по учебной части, испр. д. перваго инспектора Лицея (24 марта 1831 г.—28 янв. 1832 г.), и былъ избираемъ инспекторомъ дважды (по Снегиреву); 12 марта 1832 г. (по Михневичу съ 19 апрѣля 1832 г.) Курляндцевъ былъ утвержденъ цензоромъ при Одесскомъ цензурномъ комитетѣ и состоялъ въ этой должности до 1835 г.: незадолго до смерти онъ испросилъ себѣ увольненіе отъ цензорства, опасаясь, чтобы оно не отвлекало его отъ науки. Въ 1833 г. онъ былъ произведенъ въ надворные совѣтники, а въ 1834 г. удостоенъ денежной награды отъ Комитета Министровъ.

Въ званіи профессора Курляндцевъ, „углубленный въ свою науку, увлекалъ слушателей своихъ силою краснорѣчія яснаго и убѣдительнаго"; „его ученый кабинетъ былъ его міромъ, изъ коего онъ переносилъ свои свѣдѣнія въ классъ.

---

[1]) Стр. 351.

Учебные часы свои онъ почиталъ *лучшими* въ жизни своей". Онъ *съ жадностью* слѣдилъ за новыми открытіями въ области физико-математическихъ наукъ, изыскивалъ всѣ доступныя средства къ своему усовершенствованію, отказывалъ себѣ въ прихотяхъ, чтобы имѣть лучшія по своей части сочиненія, издаваемыя въ Европѣ [1]).

„Вся жизнь его была *непрерывнымъ* напряженіемъ силъ умственныхъ и протекала въ уединеніи среди изнурительныхъ трудовъ". Отъ природы крѣпкое здоровье его разстроилось незамѣтно для него самого; недугъ осилилъ его и свалилъ въ постель. Курляндцевъ не могъ уже заниматься, но не отчаявался въ выздоровленіи, надѣялся собраться съ силами и вернуться къ занятіямъ. Еще за три недѣли до смерти онъ собирался въ Москву повидаться съ матерью и съ сестрами. 13 сент. 1835 г. онъ писалъ Снегиреву: „Если доживу, если не воспрепятствуютъ силы и финансы: то слѣдующею весною отправляюсь къ вамъ, въ Москву" [2]). Но врачебное пособіе и заботы товарищей (особенно его друга, проф. *Архангельскаго*) были тщетны: наканунѣ смерти, чувствуя упадокъ силъ, Курляндцевъ „съ чувствами истиннаго христіанина причастился". Скончался онъ 3 октября 1835 г. 33 лѣтъ отъ роду. Еще за нѣсколько минутъ до смерти онъ просилъ товарища своего *Мурзакевича* написать въ Москву послѣдній поклонъ профессорамъ Давыдову, Перевощикову и Снегиреву. Онъ былъ погребенъ на чужбинѣ безъ родныхъ, чужими. „Сколько можно бы еще ожидать отъ его способностей и трудолюбія!" восклицаетъ Снегиревъ.

Курляндцевъ до смерти оставался вѣрнымъ сыномъ Москвы: отзывался съ глубокимъ удовольствіемъ о своихъ наставникахъ, мѣсто своего образованія „почиталъ, какъ вторую

---

[1]) Стр. 351.

[2]) Стр. 352—353.

родину" и завѣщалъ свою библіотеку Московской гимназіи. Самъ онъ въ Одессѣ воспиталъ нѣсколькихъ „хорошихъ учителей, признательныхъ" ему [1]).

Курляндцевъ былъ сотрудникомъ „Литературныхъ Прибавленій къ Одесскому Вѣстнику" (Михн. 77). Изъ своихъ ученыхъ трудовъ онъ напечаталъ двѣ рѣчи на торжественныхъ собраніяхъ (актахъ) Лицея:

1) О началѣ, постепенномъ развитіи и настоящемъ состояніи Опытной Физики. Одесса, 1832 г.

2) О существенной цѣли и способѣ преподаванія Математики въ учебныхъ заведеніяхъ, имѣющихъ предметомъ образованіе общее. Од. 1833.

Курляндцевъ, несомнѣнно, очень тяготѣлъ къ натурфилософіи, и разумѣется, принадлежалъ къ слушателямъ М. Г. Павлова. „Вмѣстѣ съ Математикой занимала его пытливый умъ *Философія*, особенно, *натуральная*" замѣчаетъ Снегиревъ (стр. 351). „Въ особенности же незабвенны (для слушателей его) вечернія его бесѣды въ 1831 г., имѣвшія предметомъ *умозрительную сторону вѣдѣнія*" [2]). Эти же вкусы сказываются и въ выборѣ книгъ для перевода:

3) Главныя черты Космологіи, сочиненіе *Шуберта*, перев съ нѣм. Од. 1834.

4) Введеніе въ умозрительную Физику, *Шеллинга*. Од. 1834 (пер. *Н. К.*).

5) Физическая картина Европы, соч. *Шува*, пер. съ нѣм. Од. 1834 (см. „Одесскій Вѣстникъ", № 80, 1835 г.) [3]).

6) О постепенномъ развитіи природы, *Стеффенса*. Од. 1835.

(Михневичъ о переводѣ Шеллинга совсѣмъ не упоминаетъ).

---

[1]) Стр. 354.

[2]) Стр. 351.

[3]) Михневичъ цитируетъ «Физическая Географія» Од. 1835.

По отзыву Снегирева „рѣчи замѣчательны содержаніемъ и изложеніемъ“, а переводы „прекрасны“ (стр. 354).

Въ рукописи осталось много сочиненій—переводовъ, приготовленныхъ къ изданію: 7) Механика, 8) Народная Астрономія, 9) Анализъ, соч. *Етлинсгаузена*. Кромѣ того, Курляндцевъ собирался издавать: 10) „Журналъ Естественныхъ Наукъ“, для котораго уже написалъ планъ и готовилъ матеріалы.

Григорьевъ [1]), кажется, допускаетъ—смѣшеніе именъ, сообщая, что „кандидатъ Курляндцевъ посланъ былъ для изученія китайскаго языка въ Пекинъ. Отправился онъ туда въ 1830 г., но пробылъ въ Китаѣ недолго и впослѣдствіи *служилъ въ Одессѣ*“.

---

[1]) Императорскій С.-Петербургскій университетъ въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія. Ссылки, примѣчанія, и дополненія стр. 37, № 208 (къ стр. 105). Въ «Приложеніяхъ», V (Списокъ окончившимъ курсъ) показанъ (стр. LXX) въ 1830 г. по историко-филологическому факультету окончившимъ курсъ кандидатомъ (т. е. въ Петербургскомъ унив.) Курляндцевъ Павелъ. Но служилъ ли и этотъ Курляндцевъ тоже въ Одессѣ, мы не знаемъ.

III.

Іоаннъ Шадъ, его товарищи и преемники по каѳедрѣ.

Во II томѣ нашего труда „Философія въ Россіи“ (стр. 38—54) мы сообщили нѣсколько любопытныхъ данныхъ „Изъ біографіи Іоанна Шада“, перваго профессора философіи въ Харьковскомъ университетѣ. Мы произвели тамъ библіографическое изслѣдованіе о его сочиненіяхъ и изложили важнѣйшіе факты изъ интереснаго документа—его оффиціальной автобіографіи, которою, повидимому, русскіе изслѣдователи еще не пользовались. Здѣсь мы намѣрены привести данныя для біографіи Шада, тоже еще мало извѣстныя—изъ книги: Neuer Nekrolog der Deutschen, XII. Jahrgang—1834; I Theil. Weimar, 1836, № 13, p. 34—47. Это—одинъ изъ самыхъ важныхъ источниковъ для біографіи Іоанна Шада; некрологъ составленъ лицомъ, очень близко знавшимъ его въ старости (послѣ изгнанія изъ Россіи); кромѣ личныхъ разсказовъ Шада, авторъ некролога пользовался сообщеніями многихъ лицъ, знавшихъ Шада еще монахомъ, а также приватъ-доцентомъ въ Іенѣ (послѣ бѣгства изъ монастыря и до переѣзда въ Харьковъ). Мы приводимъ изъ некролога лишь важнѣйшія данныя, менѣе извѣстныя, и не заключающіяся въ

большой печатной автобіографіи Шада. Особенно подробно описано бѣгство изъ монастыря и жизнь въ Іенѣ въ послѣдній періодъ жизни. Вспомнимъ, что Іоаннъ Баптистъ *Шадъ* (патеръ Романъ) родился 30 ноября 1758 г. въ Mörsbach im Jtzgrunde и умеръ въ Іенѣ 13 января 1834 г.

Іоаннъ Шадъ былъ сынъ католическаго мужика, совершенно преданнаго суевѣріямъ своего исповѣданія. И хорошія, и дурныя качества родителей распредѣлились по наслѣдственности между Іоанномъ и другими десятью дѣтьми. І. Шадъ унаслѣдовалъ отъ родителей трудолюбіе, скромный образъ жизни, любовь къ справедливости и къ ученію. Самъ Іоаннъ утверждалъ, что, благодаря мѣрамъ, какія принималъ его бѣдный отецъ, чтобы пробудить въ немъ прилежаніе, и чтобы дать ему образованіе, онъ уже на восьмомъ году зналъ гораздо болѣе, чѣмъ его сверстники, дѣти состоятельныхъ родителей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отмѣчалъ, какъ одностороннее направленіе его отца и слѣпой фанатизмъ его перваго учителя сдѣлали и его фанатикомъ католицизма, проклинающимъ иновѣрныхъ. Путешествіе въ монастырь Банцъ на похороны прелата опредѣлило дальнѣйшую жизнь едва десятилѣтняго мальчика. Его прекрасный голосъ, къ восхищенію отца и его собственному, доставилъ ему мѣсто дисканта въ монастырской капеллѣ. Еще ранѣе пробужденная въ немъ любовь къ музыкѣ получила здѣсь себѣ новую пищу. Когда онъ потомъ находился въ католической гимназіи въ Бамбергѣ, то онъ считалъ себя даже музыкальнымъ виртуозомъ. Мальчикомъ еще видѣлъ онъ много безнравственнаго въ жизни окружавшихъ его монаховъ; но отцовское воспитаніе и чистое сердце, даже и не подозрѣвавшее зла, счастливо избавили его отъ всѣхъ опасностей. Юношей, стремящимся къ одной лишь чистотѣ и свѣту, вернулся онъ изъ Бамберга по окончаніи образованія

и сталъ раздумывать о выборѣ званія: пылкая фантазія звала его въ міръ, мечтательная религіозность—въ монастырскую келью. Онъ обратился за совѣтомъ къ одному капуцину, извѣстному за святого и мудреца; тотъ посовѣтовалъ ему избрать монашество, какъ прямой путь къ святости. Слѣдуя его словамъ и обнадеживаніямъ, Шадъ поступилъ въ 1778 г. послушникомъ въ монастырь *Банцъ*. Ему шелъ 20-й годъ. Его друзья питали самыя лучшія надежды о его способностяхъ и старались отклонить его отъ монастыря, потому что онъ отличился бы, по ихъ мнѣнію, на любомъ поприщѣ. Но жизнь въ монастырѣ оказалась нелегкою. Строгость его „мастера" (Novizenmeister) и собственная добросовѣстность Шада въ пунктуальномъ исполненіи всѣхъ требованій ордена—и важныхъ, и неважныхъ, сдѣлали его жизнь постоянною пыткой. Но ни этотъ тяжелый опытъ, ни возобновленныя просьбы его друзей не удержали его отъ вступленія въ орденъ монахомъ въ 1779 г. Позднѣе всѣ его страданія душевныя и тѣлесныя (онъ страдалъ мучительными болѣзнями) казались ему, какъ часто самъ говаривалъ, игрушками, сравнительно съ монастырскимъ адомъ. Чрезъ 10 лѣтъ строжайшей дисциплины, частью наложенной на себя имъ самимъ, онъ имѣлъ жесточайшую нервную болѣзнь. Онъ даже радовался смерти, ибо въ стѣнахъ монастыря еще не достигъ до той ангельской святости, о какой мечталъ: онъ уповалъ теперь обрѣсти ее за гробомъ. Изъ этого отчаяннаго состоянія вызвали его слова одного старика. Шадъ сталъ думать нѣсколько иначе и началъ безпристрастнѣе относиться къ окружавшему его суевѣрію. Свои чувства онъ сталъ изливать въ поэтическихъ пѣсняхъ, недостатками которыхъ были, впрочемъ, чрезмѣрная длина и расплывчатость выраженія. Его одинокая келья въ минуты вдохновенія казалась ему раемъ. Хотя онъ внѣшнимъ образомъ подчинялся всѣмъ требованіямъ своего сословія, но новый духъ просвѣчивалъ уже черезъ „всѣ швы его Kutte". Онъ ощущалъ уже и силы, и рѣшимость сбросить ее. Но онъ добро-

вольно оставался монахомъ, чтобы удобнѣе указывать путь тѣмъ, кто еще, подобно, какъ онъ прежде, заблуждался. Съ этихъ поръ онъ предался литературной дѣятельности, частью сочиняя самъ, частью переводя или передѣлывая чужія сочиненія.

Переработка легенды объ одномъ святомъ впервые возбудила подозрѣніе въ его отступничествѣ и дала оружіе въ руки его недоброжелателей. Онъ дѣйствительно читалъ теперь все, что только могъ достать,—даже сочиненія и проповѣди протестантскихъ священниковъ. Въ Банцѣ почти все время отнимали безпрестанныя богослуженія. Онъ часто потомъ любилъ съ большимъ самодовольствомъ разсказывать, какъ онъ доставлялъ себѣ возможность размышлять: онъ пріучилъ себя, молясь по псалтыри и молитвеннику, и шевеля губами, умственно повторять и разсматривать какую-либо проповѣдь или положеніе, которое передъ тѣмъ вычиталъ гдѣ-либо. Но это несоотвѣтствіе внутренняго интереса съ внѣшнею дѣйствительностью не могло не сказываться: такимъ образомъ *патеръ Романъ* (орденское имя Шада) скоро получилъ извѣстность, какъ легкомысленный, невнимательный монахъ; онъ подвергался насмѣшкамъ и даже чувствительнымъ наказаніямъ. Жизнь въ монастырѣ становилась ему все несноснѣе. Послѣднее и самое опасное для него сочиненіе (изъ періода его лит. дѣятельности въ монастырѣ) было: „Жизнь и судьбы отца Синцеруса". Онъ самъ не ожидалъ пережить опасности, соединенной съ появленіемъ этого труда: въ немъ ярко выразилась его ненависть къ монашеству, и были собраны всѣ постыдныя стороны этой жизни, все, что подобнаго видѣлъ, слышалъ или читалъ Шадъ.

Надежду на избавленіе сулило ему приглашеніе въ Штутгардтъ на должность придворнаго проповѣдника; но интриги его начальниковъ лишили его возможности получить обѣщанное мѣсто—новый поводъ для неудовольствія Шада. Отъ

второго приглашенія—во Францію онъ самъ отказался, будучи проникнутъ ненавистью къ „беззаконному“ правительству Франціи. Совершенно неосновательною клеветою на Шада является обвиненіе его (послѣ бѣгства изъ монастыря) въ приверженности къ республиканскимъ идеямъ свободы; это обвиненіе сдѣлало его, однако, подозрительнымъ при многихъ дворахъ тогдашнихъ германскихъ государей. Его тяжелое положеніе было на нѣкоторое время облегчено вторженіемъ французовъ во Франконію (Franken) въ 1796 г., вслѣдствіе чего Шаду съ нѣкоторыми другими братьями поручено было перевезти монастырскую казну изъ Банца въ Кульмбахъ. При этомъ случаѣ онъ пріобрѣлъ охоту къ путешествіямъ. Изъ Кульмбаха онъ ѣздилъ въ Лейпцигъ, Халле, Іену и Веймаръ, гдѣ завязалъ немало интересныхъ знакомствъ. Многіе замѣчательные люди совѣтовали ему сбросить съ себя монастырскія оковы. Шадъ началъ склоняться къ мысли оставить монастырь, а чтобы обезпечить свое будущее свѣтское существованіе, рѣшилъ удвоить размѣры литературной дѣятельности. Еще было одно обстоятельство, побуждавшее его снять съ себя постригъ. Онъ познакомился съ сестрою книгопродавца Sinner въ Кобургѣ и влюбился въ нее. Эта дѣвушка получила образованіе отчасти въ домѣ Шиллера. Шадъ, вѣроятно, былъ тогда довольно красивъ (по замѣчанію біографа, знавшаго его лишь въ старости) и признанъ всѣми за талантливаго и ученаго человѣка. Дѣвушка была не прочь выйдти замужъ за молодого монаха, когда онъ покинетъ обитель. Даже въ старости Шадъ съ восторгомъ говорилъ объ этой его первой и единственной любви [1]).

Возвратившись въ монастырь, Шадъ по своему всегдашнему правдолюбію не сталъ болѣе скрывать перемѣнъ въ

---

[1]) Стр. 39.

образѣ мыслей, а поступалъ все опредѣленнѣе и рѣзче—и тѣмъ все болѣе и болѣе озлоблялъ братію; она же и безъ того косилась на него. Хотя и были у него среди монаховъ друзья и приверженцы, но они не осмѣливались высказывать ему свои симпатіи открыто. Шадъ ожесточился, окончательно заперся въ своей кельѣ и не выходилъ даже въ столовую. Но онъ еще не дѣлалъ попытокъ оставить монастырь; въ этомъ виновата была, можетъ быть, его долговременная привычка къ жизни въ обители. Желаніе уйти боролось съ увѣреніями себя въ томъ, что еще не приспѣло время, и все это вызывало новыя бури. Онъ снова расхворался, еще сильнѣе, чѣмъ прежде, но оставался одинъ, безъ всякой помощи со стороны братіи. Позванный имъ врачъ громко высказывалъ свое мнѣніе объ опасности, угрожавшей жизни Шада, и безуспѣшно настаивалъ на томъ, „чтобы монастырь поставилъ кого-либо ходить за больнымъ". Только одинъ молодой монашекъ тайкомъ пробирался къ нему отъ времени до времени, ухаживалъ за нимъ и на мигъ сохранялъ его жизнь точнымъ соблюденіемъ предписаній врача. Но оставалось истощеніе силъ, приводившее медленно ко гробу. Смотря въ лице смерти, и болѣе, чѣмъ когда-либо, расположенный къ мести Шадъ спѣшилъ теперь съ изданіемъ „Синцеруса". Онъ уже болѣе не боялся расширявшагося круга враговъ, потому что считалъ себя въ скоромъ времени въ безопасности отъ земныхъ преслѣдованій. Но вышло иначе. Какъ только I часть книги вышла въ свѣтъ и вспугнула осиное гнѣздо, здоровье Шада стало поправляться [1]). Теперь ему оставалось одно: какъ можно скорѣе бѣжать,—ибо общее мнѣніе признало въ немъ автора „Синцеруса"; его стиль былъ знакомъ уже довольно хорошо, да и было извѣстно, что одинъ лишь Шадъ могъ такъ глубоко проникнуть въ святилище монастыря и

---

[1]) Стр. 39.

разоблачить его тайны. И онъ всетаки еще медлилъ, какбы дожидаясь, чтобы его опасность возросла до крайности. Только тогда, какъ Шадъ узналъ, что составили планъ схватить его и посадить въ Вюрцбургъ на вѣчное заточеніе, онъ рѣшился бросить свой покой. Но и теперь еще онъ писалъ въ пѣсняхъ къ своему другу Wilhelmine Sinner, что онъ де не боится ненависти монаховъ, потому что его Wilhelminchen ihm gut sei. 12 ноября 1798 г. онъ узналъ, что готова надъ нимъ разразиться гроза: его хотѣли взять въ этотъ же день. Но патеръ Романъ все еще питалъ надежду, что осуществленію этого плана помѣшаетъ прибытіе многочисленныхъ гостей, какіе объ эту пору всегда наѣзжали въ монастырь. Онъ хотѣлъ удалиться со всевозможными удобствами, не оставляя ни своей библіотеки (по крайней мѣрѣ, лучшихъ книгъ), ни своей кремонской скрипки; большая связка вещей должна была пойти съ нимъ въ дорогу [1]). Молодой монахъ, ухаживавшій за нимъ въ болѣзни, хотѣлъ помогать ему въ бѣгствѣ. У Шада были монастырскіе ключи, и онъ не ожидалъ большихъ затрудненій. Но послѣ обѣда ключи у него отобрали, а самого его отвели въ больницу, находившуюся посреди сада. И здѣсь еще надежда не покидала его, потому что громоотводъ башни спускался прямо около внѣшней садовой стѣны, и онъ могъ бы спуститься по нему. Но противъ него было пущено въ ходъ болѣе предосторожностей, нежели онъ предполагалъ. Онъ увидѣлъ, какъ въ нижнюю комнату больницы пронесли кровать его злѣйшаго врага, и замѣтилъ, что на дверь больницы нацѣпили висячій замокъ.

Такимъ образомъ, повидимому, ему были отрѣзаны всѣ пути къ бѣгству, и жестокая участь казалась неизбѣжною. Оставалось къ спасенію только окно кельи во второмъ этажѣ.

---

[1]) Стр. 40.

Шадъ снялъ съ себя все свое платье, связалъ его въ узелъ и спустилъ его на сшитыхъ вмѣстѣ полотнищахъ холста. Когда Шадъ все это разсказывалъ, онъ всегда вплеталъ замѣчаніе, что незначительныя случайности очень часто помогаютъ свершаться важнымъ событіямъ. Одна крестьянка хотѣла ему какъ-то подарить нѣсколько вязокъ нитокъ; когда онъ отказался отъ подарка, она очень серьезно увѣщевала его взять нитки, потому де, что онъ теперь не можетъ знать, въ какую нужду онъ ихъ нѣкогда употребитъ. Такъ и случилось. Вѣдь какъ легко, говорилъ онъ, если бы спускать узелъ (Bündel) на связанныхъ (zusammengeknüpften) полотнищахъ, могъ бы распуститься какой-нибудь предательскій узелокъ; паденіе связки разбудило бы его врага и предало бы самого Шада во власть его на вѣки. Но хорошія нитки его благодарной духовной дочери выдержали и не выдали его. Цѣпляясь руками и ногами за промытыя дождемъ въ стѣнѣ скважины, онъ осторожно затѣмъ спустился и самъ. Въ его опасномъ предпріятіи помогало ему то обстоятельство, что еще мальчишкой онъ часто лазилъ и точно такимъ же образомъ однажды слѣзъ съ дома своего отца, какъ теперь. Кто можетъ пережить чувства, съ какими онъ спустился на землю! На колѣняхъ онъ возблагодарилъ Бога за избавленіе. Теперь ему оставалось еще перебраться черезъ садовую стѣну тоже вышиною въ 2 этажа; но здѣсь ему помогъ громоотводъ. Полночь ударила и отдѣлила день страха и ужасовъ отъ перваго утра свободы для Шада. Съ тѣмъ же ударомъ встали и монахи для важнаго въ монастырѣ праздника. Была темнѣйшая ночь, но въ сердцѣ бѣглеца сіяло солнце. Шадъ заблудился въ близъ лежавшихъ лѣсахъ и часто опять выходилъ на дорогу, ведшую къ монастырю; онъ не попалъ, какъ разсчитывалъ, на разсвѣтѣ къ друзьямъ въ Кобургъ. Только въ 4 часа пополудни онъ вошелъ туда черезъ дальнія ворота, противоположныя его прямому пути. Этому

обстоятельству обязанъ Шадъ своимъ вторичнымъ спасеніемъ [1]). На разсвѣтѣ былъ отданъ приказъ во всѣхъ воротахъ Кобурга задержать Шада, какъ онъ только покажется. Именно только до заднихъ воротъ не дошло это распоряженіе. Онъ безпрепятственно прошелъ въ городъ. Но друзья посовѣтовали ему потихоньку удалиться. Онъ отправился въ *Ebersdorf*, гдѣ былъ благосклонно принятъ графомъ v. *Reuss*, принявшимъ его подъ свою защиту. Но и здѣсь ему нельзя было оставаться долго: близость католическихъ странъ очень благопріятствовала кознямъ его враговъ. Шадъ перебрался въ *Готу*, гдѣ перешелъ въ лютеранство. Тамошній генералъ-суперинтендентъ *Löffler* принялъ его безъ предварительнаго обученія, потому что, по мнѣнію его, выраженія Шада доказывали, что онъ уже посвященъ въ новое ученіе. Небольшая сумма денегъ, скопленныхъ въ монастырѣ и хранившихся у книгопродавца *Зиннера*, покрыла первыя издержки на его скудное обзаведеніе въ *Іенѣ*, гдѣ онъ обосновался. Старожилы еще помнятъ, пишетъ авторъ некролога (1836 г.), его первое, удивительное появленіе. Его гардеробъ, собранный въ лоскутномъ ряду, состоялъ изъ темно-коричневаго сюртука, короткихъ штановъ, голубыхъ чулокъ и башмаковъ съ большими пряжками. Im Kopfe своей треугольной шляпы онъ обыкновенно самъ носилъ себѣ съѣстные припасы изъ мясной лавки и съ овощнаго рынка. Обѣдъ себѣ онъ заготовлялъ въ одномъ большомъ горшкѣ сразу на нѣсколько дней [2]). Тогда онъ принялся за свое „Gemeinfassliche Darstellung des Fichteschen Systems“, которымъ обратилъ на себя вниманіе Фихте и нѣсколькихъ другихъ ученыхъ. Фихте далъ ему будто бы удостовѣреніе, что до Шада никто еще въ совершенствѣ не постигалъ его системы.

---

[1]) Стр. 41.

[2]) Стр. 42.

Когда Фихте покинулъ Іену, бо̀льшая часть его слушателей обратилась къ Шаду, назначившему курсъ о системѣ своего предшественника. Вмѣстѣ съ его аудиторіею наполнялся и его кошелекъ, такъ что уже осенью 1799 г. онъ былъ въ состояніи зажить своимъ домкомъ (ein anständig bürgerliches Verhältniss begründen) и обвѣнчаться со своею возлюбленною Вильгельминою.

Кромѣ лекцій, Шадъ издалъ за это время въ свѣтъ нѣсколько сочиненій. Преслѣдованія со стороны ордена и партіи религіозныхъ фанатиковъ, которую онъ покинулъ, однако, продолжались, разрушая его домашній покой и общественное положеніе, мѣшая его дальнѣйшимъ успѣхамъ.

Въ 1804 г. ему открылась блестящая перспектива: приглашеніе въ новоустроенный Харьковскій университетъ профессоромъ теоретической и практической философіи. Шадъ скоро рѣшился принять приглашеніе, тѣмъ болѣе, что этимъ удаленіемъ онъ разсчитывалъ совершенно освободиться изъ сферы вліянія своихъ гонителей. Но жена не раздѣляла его мнѣнія. Она пустила въ ходъ всѣ средства удержать его отъ этого шага. Но весною того же года Шадъ поѣхалъ въ дорогу въ сопровожденіи жены и двоихъ дѣтей, сына и дочери. Еще въ Кіевѣ вѣрная супруга, терзаемая злыми предчувствіями, настаивала и приступала къ мужу съ тѣмъ, чтобы вернуться на родину. Когда она черезъ годъ умирала, ея послѣдняя просьба была, чтобы мужъ съ дѣтьми покинулъ Россію [1]). Но очарованіе возрастающей славы, привлекательность высокаго положенія и сопряженныхъ съ нимъ выгодъ перетягивали сожалѣніе къ нѣжнымъ просьбамъ жены. Онъ оставался и считалъ себя столь прочно сидящимъ на мѣстѣ, что его, какъ громомъ, поразило Высочайшее повелѣніе въ возможно быстромъ времени вывезти его за предѣлы Россіи. *Сплетеніе об-*

---

[1]) Стр. 43.

стоятельствъ, вызвавшихъ это повелѣніе, и *способъ его выполненія позволяли подозрѣвать*, что его *старые* враги нашли себѣ опору и *на сѣверѣ*—къ гибели Шада.

Здѣсь будетъ умѣстно привести подлинный документъ—письмо самого Шада изъ Іены къ Веймарскому посланнику при русскомъ дворѣ, гдѣ онъ объясняетъ со своей точки зрѣнія причины постигшаго его бѣдствія. Это письмо было помѣщено въ альманахѣ „Русская правда" (стр. 93—104), изд. Кулжинскимъ въ Кіевѣ, въ 1860 г. и у *Н. А. Лавровскаго* (стр. 55—57), Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ, 1873, апрѣль—іюнь, книга II, отдѣлъ V, Смѣсь. ст. I. „Эпизодъ изъ исторіи Харьковскаго университета", II. Шадъ (стр. 1—58). Письмо приводится въ русскомъ переводѣ.

„Надѣясь на извѣстное Ваше благочестіе, справедливость и человѣколюбіе", пишетъ Шадъ, „осмѣливаюсь изъ далекой страны прибѣгнуть къ Вамъ съ этимъ письмомъ и просить Вашей помощи. Вамъ извѣстно, что я четыре года тому назадъ, находясь на службѣ въ званіи профессора философіи въ Харьковѣ, былъ обвиненъ тогдашнимъ попечителемъ Харьковскаго университета, графомъ Севериномъ Потоцкимъ и его кліентомъ, Антономъ Дегуровымъ, лишенъ моей должности и высланъ изъ Россійской Имперіи такъ скоро, что мнѣ не дали и двухъ дней для устройства моихъ хозяйственныхъ и семейныхъ дѣлъ. Надобно было оставить все, что̀ было мнѣ дорого, какъ-то: два прекрасные дома, купленные мною, и значительные денежные капиталы, отданные мною въ займы разнымъ людямъ; надо было оставить и любезнѣйшую жену, и дочь,